TOCNOPCZUE UCCNEDOBAHUЯ

Вып. XXXVII

BOSPOROS STUDIES

Vol. XXXVII

Керчь Симферополь

Kerch Simferopol

2018

УДК 94(477.75)082 ББК 63.4-63.3 (0)32 Б85

> Научная подготовка журнала осуществляется Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и Центром археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 3 от 03.10.2018 г.)

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Масленников А.А., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь) Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь) Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 3 от 03.10.2018 г.)

Боспорские исследования. Вып. XXXVII / Отв. ред. В.Н. Зинько. – Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2018. – 336 с. ISBN 978-5-6041418-1-6

В XXXVII выпуске «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и украинских исследователей по проблемным вопросам и результатам исследований античных и раннесредневековых памятников Боспора и Поичерноморской ойкумены.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94(477.75)082 ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра» При поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISSN 2413-1938 ISBN 978-5-6041418-1-6

- © Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018
- © Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2018
- © Авторы, текст, 2018

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА ХРШАНОВСКОГО ТО THE 70-TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR ANDREEVICH KCHRSHANOVSKY

В ноябре 2018 г. отмечает свой 70-летний юбилей Владимир Андреевич Хршановский, один из ведущих специалистов Государственного Музея истории религии, с которым связана вся его трудовая деятельность, начиная с зачисления в аспирантуру музея в ноябре 1970 г. и до выхода на пенсию в марте 2009 г. Почти 50 лет он входит в сообщество исследователей античного Боспора как сотрудник и руководитель археологических экспедиций, автор более 130 научных работ по широкому кругу проблем северопричерноморской истории и археологии, как непременный участник конференций в России и за рубежом, оппонент диссертационных исследований, член редколлегий ряда периодических научных изданий.

Разнообразие исследовательских интересов и неистощимая увлеченность своим делом, незаурядные организаторские способности и яркий педагогический талант, искренняя признательность своим учителям — все эти качества В.А. Хршановского, хорошо известные в сообществе российских антиковедов, снискали ему заслуженный авторитет и всеобщее уважение.

Владимир Андреевич Хршановский родился 10 ноября 1948 г. в г. Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) в семье журналистов. Именно от них он унаследовал незаурядный литературный талант. Мама — Серафима Матвеевна Драбкина (1911 — 1990), закончила в 30-е гг. Коммунистический институт журналистики (КИЖ). Во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде служила корреспондентом газеты «Ленинградская правда».

Отец – Андрей Александрович Хршановский (1915 – 1964), ведет свой род из богатой и большой семьи купцов Пиликиных, живших в Кунгуре почти со времен основания города (1663 г.). В 20-е годы семья переехала в Петроград, где в 1930 году А.А. поступил в ФЗУ завода «Электросила», овладел профессией токаря. С 1934 года учился на рабфаке Лесотехнической академии, затем экстерном сдал экзамены за первые курсы исторического факультета ЛГУ. С 1938 года пробует себя в литературе. Осенью 1939 г. призван в ряды Советской армии. По военной специальности — артиллерист (зенитные и 45-миллиметровые противотанковые орудия). В своей автобиографии он писал: «Наша батарея стояла на границе с Восточной Пруссией и в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года сделала первый залп

по фашистским самолетам». Большую часть войны провел во внутреннем кольце обороны Ленинграда в качестве артиллериста-разведчика гвардейского 509 истребительно-противотанкового полка 42 армии. Участвовал в освобождении Пскова, Эстонии и Латвии. Начал войну курсантом, помощником командира взвода, закончил майором, старшим помощником начальника оперативного отдела штаба артиллерии 3 Прибалтийского фронта. Осенью 1945 года принимал участие в разгроме Японии. Награждён орденами Красной Звезды (1944), Отечественной войны I и II степени (1944), медалями «За отвагу» (1942), «За оборону Ленинграда» (1943), «За победу над Германией» (1946).

После демобилизации в 1946 году Андрей Александрович начинает серьезно заниматься журналистикой. Его статьи публикуются в газетах «Ленинградская правда», «Смена», «Ленинские искры». С 1948 года он становится редактором, а затем главным редактором и директором Ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия». После его ликвидации с середины 50-х годов работал главным редактором Ленинградского отделения издательства «Детгиз». В 1958 году он переходит на работу во всесоюзный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Звезда», заняв должность заведующего отделом прозы. Заочно продолжал учиться на факультете журналистики ЛГУ, который окончил в 1962 году. 6 мая 1964 года скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Детские годы Владимира Андреевича прошли в Ленинграде на Греческом проспекте, где он живет и по сей день. Учился с 1 по 8 класс в школе № 155 Смольнинского района, 9-10 классы заканчивал в школе № 172, где преподавала литературу Ирина Николаевна Вакина, научившая Володю любить и понимать русскую литературу и повлиявшая на развитие литературного таланта. В 1966 г., закончив школу, он поступает в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. После первого курса в 1967 г. отправляется на археологическую практику в станицу Елизаветинскую, открыв счет своих археологических полевых сезонов. После окончания института, недолго поработав в школе учителем истории (сентябрь – декабрь, 1970 г.), а в декабре 1970 г. зачислен в аспирантуру Музея истории религии, с которым связана вся его дальнейшая трудовая деятельность.

Закончив аспирантуру (1974), он остается работать в музее младшим научным сотрудником, успешно защищает кандидатскую диссертацию (1977 г.) и занимает в музее более ответственные должности, включая такие, как заведующий отделом и заместитель директора по научной работе. В ноябре 2002 г. за многолетний и плодотворный труд, за особые заслуги в области сохранения и развития культуры и искусства награжден знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры РФ.

Следующей экспедицией увлеченного археологией аспиранта стал Илурат в 1972 г. В те годы руководителем экспедиции был Михаил Моисеевич Кубланов (1914 – 1998), ученый-религиовед и археолог, ставший учителем и наставником

Владимира. Возможно, именно там Владимир окончательно осознал свое призвание, которому и посвятил дальнейшую жизнь. Археология стала его основной специальностью. С 1984 года он возглавляет сначала отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН, являющийся фактически экспедицией ГМИР, в 1990 г. получает собственный открытый лист на некрополь Китея, а затем с 1994 г. – на некрополь Илурата, бессменно, вплоть до 2009 г., возглавляя археологическую экспедицию Государственного Музея истории религии.

После ухода из музея Владимир Андреевич не бросил свою экспедицию и продолжает руководить ею до настоящего времени, за что ему очень благодарны «птенцы его гнезда». В общей сложности В.А. Хршановский провел на Илурате и Китее около 40 полевых сезонов. Объекты археологической деятельности – некрополи – предопределили особый и специальный интерес ученого к выявлению семантики вещей, символов, животных, связанных с погребально-поминальными обрядами. Сферой его научных интересов также являются проблемы, связанные с архаическими формами сознания и возможностью их реконструкции на основе археологических данных.

Работая в музее, он был соорганизатором и участником нескольких музейных конференций, в числе которых: «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель», 1990; «Вещь в контексте культуры», 1992; «Чужая вещь в культуре», 1994; «Животные и растения в мифоритуальных системах», 1996. Является бессменным председателем оргкомитета и постоянным участником одной из крупнейших международных археологических конференций «Боспорский феномен» (1998 – 2018). Принимает активное участие во многих научных археологических конференциях в России и за рубежом.

Как бы ни складывались карьерные и житейские обстоятельства в биографии Владимира Андреевича, в его отношении к науке главным движущим фактором всегда был и остается интерес к боспорским древностям. И это не только материальновещественные остатки былых времен, но также общественно-политические и правовые учреждения, военные структуры, хозяйственный и бытовой уклады, культовые установления и религиозные взгляды, воплощавшиеся и в повседневных практиках, и высоких шедеврах поэзии и изобразительных искусств. Именно в таком понимании предмета своих изысканий работает В.А. Хршановский и как многоопытный полевой археолог, прекрасный знаток и интерпретатор конкретных артефактов, и как исследователь культурной и социально-экономической истории Боспорского царства, опирающийся на скрупулезный анализ письменных свидетельств и стремящийся к разносторонней реконструкции событий, к постижению сущности исторических процессов. В этом, безусловно, заключается главный фактор и залог его плодотворной многолетней работы в избранной области.

Во всех направлениях деятельности В.А. Хршановским сделано и достигнуто действительно очень многое. Тем не менее, он снова и снова обращается к спорным вопросам боспорской истории и, привлекая новооткрытые материалы, с

завидной энергией продолжает свою педагогическую и исследовательскую работу, выдвигает оригинальные идеи, неустанно оттачивает свою аргументацию в ответ на высказанные точки зрения или на критику своих положений.

Поздравляя Владимира Андреевича с 70-летием, хотелось бы от имени всех его коллег, друзей и учеников пожелать ему достижения новых высот в любимой профессии, интересных открытий, неизменной удачи, сил и здоровья.

Друзья, коллеги.

Библиография работ В.А. Хршановского

- 1. [Рецензия]// Звезда. 1970. № 6. С. 216–218. Рец. на кн.: Утченко С.Л. Древний Рим. События, люди, идеи. М.: Наука, 1969. 320 с.
- 2. Свет и любовь// Звезда. 1971. № 11. С. 214-215. Рец. на кн.: Шереметьева Е.М. С грядущим заодно: Роман. Л.: Сов.писатель. Ленингр.отд-ние, 1970. 342 с., портр. (в соавторстве с С.М. Драбкиной).
- 3. [Рецензия]// Звезда. 1973. № 10. С. 219-220. Рец. на кн.: Западов А.В. В глубине строки: О мастерстве читателя. М.: Сов.писатель, 1972. 279 с.
- 4. Мистицизм как религиозный феномен// Социально-психологические аспекты критики религиозной морали. Вып. 2. Л., 1974. С. 34—48.
- 5. Поклонники дьявола// Звезда. 1974. № 8. С. 177–184.
- 6. Тысяча первый оттенок (критика религиозно-мистической концепции Э. Массона)// Наука и религия. 1974. № 8. С. 70-71.
- 7. [Рецензия]// Звезда. 1976. № 5. С. 216. Рец. на кн.: Калмановский Е.С. Дни и годы (Жизнь Т. Грановского). М.: Сов.писатель, 1975. 200 с.
- 8. Три ипостаси дьявола // Наука и религия. 1976. № 11. С. 84–88.
- 9. Книга друзей// Звезда. 1977. № 1. С. 216.
- 10. Проза требует мыслей// Звезда. 1977. № 7. С. 206–209. Рец. на кн.: Лихоносов В. Элегия: Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1976. 400 с.
- 11. Три ипостаси дьявола// Мир человека. М., 1977. С. 140–146.
- 12. В поисках истины// Звезда. 1978. № 4. С. 220. Рец. на кн.: Васильев Б. Были и небыли: Роман. Кн. 1. 1876. М.: Сов.писатель, 1977. 480 с.
- 13. Неокультомания как проявление кризиса религиозного сознания на Западе// Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 55–70.
- 14. Верность теме// Звезда. 1979. № 10. С.219. Рец. на кн.: Ветемаа Э. О головах: Пьесы/ Пер. с эстонского. Таллин: Ээсти раамат, 1976. 270 с.
- 15. Неокультомания как эмоциональное восполнение и романтическая критика современного капиталистического общества// Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1979. С. 93–106.
- 16. Повесть о Петрашевском// Звезда. 1979. № 3. С. 213-214. Рец. на кн.: Кокин Л. Зову живых: Повесть о Петрашевском. М., 1978. 424 с.
- 17. Гипотеза о Грибоедове// Звезда. 1982. № 1. С. 186-187. Рец. на кн.: Лебедев А. Грибоедов: факты и гипотезы. М.: Искусство, 1980. 303 с.
- 18. К истории католической общины в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- в XVIII начале XX веков (обзор литературы и источников)// Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1982. С. 142–160.
- 19. К оценке Ф. Энгельсом Бруно Бауэра как историка раннего христианства// Проблемы атеизма и критики религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Л., 1983. С. 77–92.
- Опыт использования археологических материалов некрополя Илурата в экспозиции «Религия и свободомыслие древнего мира» ГМИРиА// Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983. С. 88–96.
- 21. Пятнадцать лет спустя// Звезда. 1983. № 9. С. 195-196. Рец. на кн.: Унт М. Осенний бал: Повести и роман. М.: Сов.писатель, 1982. 320 с.
- 22. [Рецензия]// Звезда. 1986. № 12. С. 195-196. Рец. на кн.: Калмановский Е.С. Путник запоздалый: рассказы и разборы. Л.: Сов.писатель ЛО, 1985. 256 с.
- 23. У стен древнего Илурата// Ноосфера. М., 1986. С. 154–165 (в соавторстве с В.А. Горончаровским).
- 24. Афродита Илуратская (о раскопках на некрополе античного города Илурата)// Наука и религия. 1987. № 3. С. 50-51.
- 25. Проблема отношения христианства к античному культурному наследию в русской и советской историографии XIX-XX веков// Проблемы формирования светской культуры в Западной Европе. Л., 1987. С. 106–124.
- 26. Новый погребальный комплекс на некрополе Илурата// Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской конференции. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 28-29.
- 27. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата// Научно-атеистические исследования в музеях: Сборник научных трудов ГМИРиА. Л., 1988. С. 16–27.
- 28. Некрополь Илурата: раскопки 1984—1988 годов// Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989. С. 6–42 (в соавторстве с М.М. Кублановым).
- 29. Тайна Лермонтова// Звезда. 1989. № 10. С. 184–188.
- 30. Рельеф из некрополя Илурата// Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»: тезисы докладов. Л., 1990. С. 96-97.
- 31. Барельеф из некрополя Илурата// Реконструкции древних верований: источники, метод, цель: Сборник научных трудов. СПб., 1991. С. 122–129.
- 32. Памяти Б.Р. Шварцвальда// Там же. С. 219–225.
- 33. Два лика древнего Боспора// Музеи России. 1992. № 1. С. 15–17.
- 34. Новые материалы о хтонических культах на Боспоре в первые века нашей эры// Краткое содержание докладов лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1990-1991. СПб., 1992. С. 43.
- 35. Жизнь без смерти (реконструкция архаических представлений о смерти по материалам античных некрополей Боспора)// Жизнь. Смерть. Бессмертие. СПб., 1993. С. 14–16.
- 36. Жернова на некрополе// Вещь в контексте культуры: материалы научной конференции. СПб., 1994. С. 108-109 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 37. «Многобожие» Лермонтова (о подходе к исследованию религиозных воззрений поэта)// Опыт религиозной жизни и ценности культуры. СПб., 1994. С. 113-114.
- 38. Раскопки верхнего некрополя Илурата// Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994. С. 83-85 (в соавторстве с В.А. Горончаровским).
- 39. Раскопки некрополя Китея // Там же. С. 264-265.
- 40. Семантика «двойной спирали» в знаковой системе античного Боспора// Краткое

- содержание докладов лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1993. СПб., 1994. С. 68-69.
- 41. Время и труд (об археологической экспедиции ГМИР)// Санкт-Петербург. 1995. № 1. С. 12.
- 42. Реликты каменного века на античных некрополях Боспора (по материалам некрополей Илурата и Китея)// Чужая вещь в культуре: материалы научной конференции. Октябрьноябрь, 1995 г. СПб., 1995. С. 45–47 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 43. Тризна в грунтовых некрополях Боспора (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея)// Ритуал и ритуальный предмет: сборник научных трудов. СПб., 1995. С. 32–42.
- 44. Собака в погребальном обряде античного Боспора// Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы научной конференции. Октябрь, 1996. СПб, 1996. С. 36-37.
- 45. Архаические культовые сооружения на античном некрополе// Музей хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества: Материалы V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. Ноябрь 1997 г. СПб., 1997. С. 64-65.
- 46. Боспорское христианство III-IV вв. н.э.// Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования. СПб., 1997. С. 20-21.
- 47. Конь в погребально-поминальной обрядности античного Боспора// Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1994-1995. Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 96–98.
- 48. Семантика «розетки» в погребальной обрядности античного Боспора// Там же. С. 98-100.
- 49. Кремни в погребально-поминальной обрядности античного Боспора// Боспор и античный мир: сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1997. С. 155–166 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 50. Раскопки некрополя Китея и верхнего некрополя Илурата. Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 10997. С. 265.
- 51. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги)// Историк. Археолог. Литератор. К 80-летию Михаила Моисеевича Кубланова: юбилейный сборник. СПб., 1998. С. 102–105.
- 52. Новый памятник гуннской эпохи из некрополя Китея// Ювелирное искусство и материальная культура: тезисы докладов участников пятого коллоквиума. СПб., 1998. С. 80-81.
- 53. Погребения I-II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 77–87.
- 54. «Башни», «круги», «святилища»// Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 52–57.
- 55. Погребальный комплекс с трупосожжением I в. н.э. на некрополе Китея// Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач: тезисы докладов. СПб., 1999. С. 83–85.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- 56. Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея// Там же. С. 78–83 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 57. Француз из Петербурга. К 225-летию Поля Дюбрюкса// Звезда. 1999. № 12. С. 160–172.
- 58. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н.э. IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея)// Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 241–252.
- 59. Истоки// «Истинно, истинно говорю вам...»: Выставка к 2000-летию христианства. СПб., 2000. С. 5–7 (в соавторстве с М.Б. Джигарханян).
- 60. Международная научная конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира» (Санкт-Петербург, 15–17 декабря 1999 г.)// Археологические вести. 2000. № 7. С. 354–356 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).
- 61. Христианская символика в духовном контексте Боспорского царства III-VI вв. (к постановке проблемы о раннем этапе христианизации на Востоке // Христианство на Африканском Роге: материалы конференции (ГМВ, 21-22 марта 2000 г.). М., 2000. С. 28.
- 62. Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвія та античний світ: матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. (19-20 листопада 2001 р.). С. 138–141.
- 63. Двухкамерный склеп римского времени на некрополе Китея// Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 178–186.
- 64. Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 146–154 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 65. Эллинистический склеп на некрополе Китея // 175 лет Керченскому музею древностей: материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 40–43.
- 66. The Burial of Military leader in Necropolis of Kytei // Second international Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Turkey, 2001.
- 67. Вырубной склеп с полуциркульным сводом на некрополе Китея// Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. Ч.1. С. 139–145.
- 68. Отложенный тост (памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001))// Там же. С. 17-18.
- 69. Сакральное пространство некрополя// Там же. С.161–167 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 70. Погребальные комплексы IV в. н.э. на некрополе Китея// // Боспорские исследования. Вып. 2. Керчь, 2002. С. 313–326.
- 71. Погребальный комплекс римского времени на некрополе Илурата// Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 255–258.
- 72. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году// Из истории античного общества: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 162–176.
- 73. Новый склеп с полуциркульным сводом на некрополе Илурата// Археологія. 2003. № 3. С. 21–31.
- 74. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата// Боспорские исследования. Вып. 3. Керчь, 2003. С. 315–328 (в соавторстве с З.В. Ханутиной).

- Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная характеристика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV. Керчь, 2003. С. 270–276.
- 76. Выдающийся памятник погребальной архитектуры некрополя Илурата// Историк. Археолог. Литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова: юбилейный сборник. СПб., 2004. С. 73–85 (в соавторстве с Н.В. Захаренковым и М.Ю. Трейстером).
- 77. Костяная поделка из Илурата боспорский календарь?// Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч.1. С. 171–183 (в соавторстве с Н.В. Молевой и И.А. Тульпе).
- 78. Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н.э. на некрополе Китея//Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 384–390.
- 79. Погребально-поминальная обрядность как религиоведческий источник (по материалам археологических раскопок некрополей малых городов Европейского Боспора)// Труды Государственного Музея истории религии. Вып. 4. СПб., 2004. С. 239–253 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 80. Христианство в духовном контексте Европейского Боспора III–VI вв. н.э. (к постановке проблемы)// Там же. С. 45–60 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 81. Некрополь без акрополя// Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005. С. 343–347.
- 82. Некрополь Илурата: общее и особенное// Боспорский феномен: проблема соотношений письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005. С. 124–130.
- 83. Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2003-2004 гг.// Археологічні дослідження Україні 2003-2004. Киев, 2005. С. 311.
- 84. Краснолаковая столовая посуда как погребальный инвентарь (по материалам раскопок некрополя Илурата)// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006. С. 327–331.
- 85. Грунтовые жертвенные ямы на некрополе Илурата// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: материалы VIII Боспорских чтений. Керчь, 2007. С. 318–328.
- 86. Два лика античного Боспора// История Петербурга. 2007. № 5(39). С. 46–48.
- 87. Некрополи возле акрополя (К 180-летию открытия и начала исследования некрополя Илурата)// Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. Ч.1. С. 150–158.
- 88. Погребение военачальника боспорского царя на некрополе Китея// Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 182–192.
- 89. Предварительные итоги исследования некрополей боспорских городов Илурата и Китея на материале археологических экспедиций ГМИР 1969–2006 гг.// Труды Государственного Музея истории религии. Вып. 6-7. СПб., 2007. С. 88–101.
- 90. Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2005-2006 гг.// Археологічні дослідження Україні 2005-2006. Киев, 2007.
- 91. Археологическая экспедиция ГМИР в 1999–2008 гг.//Боспор и Северное Причерноморье

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- в античную эпоху: Материалы юбилейного Международного «Круглого стола», посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. С. 128–138.
- 92. Позднеримское погребение воина с копьем на некрополе Китея// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria: Материалы IX Боспорских чтений. Керчь, 2008. С. 301–306.
- 93. О принадлежности некоторых боспорских некрополей// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: материалы X Боспорских чтений. Керчь, 2009. С. 489–494.
- 94. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея// Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 58–69 (в соавторстве с 3.В. Ханутиной).
- 95. Каменотесы и камнерезы: от ремесла к искусству// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы XI Боспорских чтений. Керчь, 2010. С. 458–464.
- 96. Катакомба № 360 Китейского некрополя // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 164–177.
- 97. Погребально-поминальные комплексы второй половины I первой половины II вв. н.э. на некрополе Илурата// Древности Боспора. Т. 14. М., 2010. С. 583–609.
- 98. Раскопки некрополей Китея и Илурата в 2009 году//Археологиічні дослідження в Украіні 2009. Киів-Луцьк, 2010.
- 99. Ritual Constructions in the Necropolieis of Small Cimmerian Bosporus Towns of Kytaia and Iluraton// Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. By E.K. Petropoulos and A.Maslennikov. Thessaloniki, 2010. P. 399–416.
- 100. Исследования российских экспедиций в Крыму в 2009–2011 гг. /Бутягин А.М., Соколова О.Ю., Вахтина М.Ю., Хршановский В.А., Винокуров Н.И., Внуков С.Ю., Масленников А.А., Егорова Т.В., Попова Е.А., Зубарев В.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П.// Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. Посвящается 100-летию проведения XV Всероссийского археологического съезда в г. Новгороде. Новосибирск, 2011. С. 304-305.
- 101. Кенотафы на Боспоре: новые открытия (по материалам некрополей Китея и Илурата)// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур: материалы XII Боспорских чтений, посвященных 185-летию Керченского музея. Керчь, 2011. С. 397–402.
- 102. Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато// Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 228–236 (в соавторстве с И.А. Тульпе).
- 103. Склепы I первой половины II вв. н.э. на Илуратском плато// Древности Боспора. Т. 15. М., 2011. С. 370–490.
- 104. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности// Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 526–547.
- 105. Боспорский город в зеркале некрополя: проблемы отражения (по материалам исследования городища Илурат и некрополей на Илуратском плато) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2012. С. 441–446.
- 106. Памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского// Боспорский феномен: греки и варвары на

- Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 809–811.
- 107. Памятники погребальной и сакральной архитектуры на Илуратском плато и перспективы их музеефикации// Таврійські студіі. Історичні науки. № 1(4). Симферополь, 2013. С. 155–162.
- 108. Сакральная топография Илуратского плато// Там же. С. 248–255.
- Элитные эллинистические склепы IV-III вв. до н.э. на юго-западном участке некрополя Китея// Культурный слой. Вып. 2. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2013. С. 182–200.
- 110. Эллинистический склеп на некрополе Китея// Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева /Гл.ред. Ю. Виноградов. СПб., 2013. С. 100–107.
- 111. Перстень с христианской геммой из некрополя Китея (к истории распространения христианства на Боспоре) // Боспорские чтения. Вып. XIV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 491–497.
- 112. Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива)// Погребальная культура Боспорского царства: материалы «Круглого стол», посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914–1998). СПб., 2014. С. 172–182.
- 113. Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато)// Боспорские чтения. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 433–438.
- 114. Боспорские некрополи и географическая среда (по материалам некрополей Китейской равнины и Илуратского плато)// Боспорские чтения. Вып. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015 С. 386-387.
- 115. Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и культурной принадлежности// Таврические студии. Исторические науки. № 7 (2015). Симферополь, 2015. С. 69–74.
- 116. О садике, греческой церкви и татарском семействе. К истории стихотворения «Остановка в пустыне»// Звезда. 2015. № 5. С. 151-155.
- 117. Фрагменты аттического чернофигурного кратера VI в. до н.э. из некрополя Китея// С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П.Толстикова. М., 2015. С. 99–104 (в соавторстве с А.Е. Петраковой и З.В. Ханутиной).
- 118. An Investigation of the Necropolies of Kytaion and Iluraton Plateau (2006–2013)// Hyperboreus. Studia classica. Petropoli. 2015. Vol. 21. Fasc. 1.
- 119. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.)// Культурный слой. Вып. 4. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. С. 108–141.
- 120. Разведки курганных некрополей возле Илурата и Китея// Таврические студии. № 10 (2016). Симферополь, 2016. С. 174–179.
- 121. Раиса Викторовна Шмид. Страницы забытой жизни (1899–1941)// Боспорские чтения. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 535–542.
- 122. Элитный склеп-кенотаф на Илуратском плато// Элита Боспора и Боспорская элитарная

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

- культура: материалы Международного «Круглого стола» (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). С. 130–136.
- 123. Памяти Марианны Казимировны Трофимовой (1926–2016)// Там же. С. 421–428.
- 124. Артефакты «секондхэнд» в погребально-поминальных и сакральных комплексах античного Боспора// Новое прошлое/New Past. (Ростов-на-Дону). 2017. № 4. С. 74–90.
- 125. «Иду своим путем...» К 90-летию Е.С. Калмановского// Звезда. 2017. № 6. С. 232–241.
- 126. Керамические клейма из тризн на юго-западном участке некрополя Китея// Боспорские чтения. XVIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения: материалы международной археологической конференции. Керчь, 2017. С. 385–393 (в соавторстве с Н.А. Павличенко).
- 127. Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н.э. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг. //Боспорские исследования. 2017. № XXXV. С. 208–228.
- 128. Миграционные процессы на Керченском полуострове в IV в. н.э. (по материалам раскопок Илуратского плато и Китейской равнины)// Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». 14–18 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 162–167.
- 129. Старая находка в новом контексте (к возможной интерпретации илуратского барельефа// Артефакты и сакральное в истории Боспора: коллективная монография. Нижний Новгород, 2017. С. 137–142.
- 130. Элитные склепы возле малых боспорских городов Китея и Илурата// The Crimea and Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013. Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг./ eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warsaw, 2017. С. 17–27.
- 131. Admirandus et dingus Adorari (к 70-летию Евгения Александровича Молева)// Профессор Евгений Александрович Молев. Автобиография. Н. Новгород, 2017. С. 16–20.
- 132. Старая находка в новом контексте (к возможной интерпретации илуратского барельефа // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н.Новгород, изд-во ННГУ, 2017. С. 137–142.
- 133. «Свое» и «чужое» в погребально-поминальных комплексах (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины) // XIX Боспорские чтения. Симферополь-Керчь, 2018. С. 534–542.

Редактор, составитель, автор предисловия и пр.

Проблемы формирования и изучения музейных коллекций Государственного Музея истории религии: сборник научных трудов/ МК РСФСР; ГМИР/ ред. В.А. Хршановский. Л., Изд-во ГМИР, 1990. 280 с.

Вещь в контексте культуры: материалы научной конференции. Февраль, 1994/ МК РФ; ГМИР; ИИМК РАН/ ред., сост. Т.Н. Дмитриева; ред., сост. В.А. Хршановский. СПб.: СПбГАУ, 1994. 121 с.

Чужая вещь в культуре: материалы научной конференции. Октябрь—ноябрь 1995/ МК РФ; ГМИР; РЭМ/ ред., сост. Т.Н. Дмитриева; ред., сост. В.А. Хршановский. СПб.: Изд-во ГМИР, 1995. 85 с.

Животные и растения в мифоритуальных системах: материалы научной конференции. Октябрь, 1996/ МК РФ; ГМИР; ИИМК РАН/ ред., сост. Т.Н. Дмитриева; ред., сост. В.А. Хршановский. СПб.: Изд-во ГМИР, 1996. 144 с.

Боспорское царство как историко-культурный феномен: материалы научной конференции. Декабрь 1998/ сост. В.А. Хршановский. СПб., 1998. 117 с.

Историк. Археолог. Литератор. К 80-летию Михаила Моисеевича Кубланова: юбилейный сборник/ науч.ред. и сост. В.А. Хршановский. СПб., Акционер и К°, 2004. 134 с.

Коллекция античных древностей Государственного Музея истории религии/ сост., автор предисл. В.А. Хршановский. СПб., ИПЦ СПбГУТД, 2007. 62 с.

Бранко Рудольфович Шварцвальд (1920–1990). Елена Павловна Шварцвальд-Хмызникова (1924–2006). IN MEMORIAM/ сост.; автор предисл. В.А. Хршановский. СПб., 2007. 112 с.

Андрей Хршановский. Письма жене. Июнь–ноябрь 1945 г./Публикация и примечания В. Хршановского, вступ. заметки Б. Голлера и В. Хршановского// Звезда. 2010. № 10. С. 118–138.

Погребальная культура Боспорского царства: материалы «Круглого стол», посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914–1998)/отв. редакторы-составители В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский; авт.предисл. В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. 242 с.

Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы Международного «Круглого стола» (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) /отв. редакторы В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский. СПб.: Палашю, 2016, 464 с.

Составил Е.А. Молев.

А.А. Хршановский.

Володя.1953 г.

С.М. Драбкина.

1-я экспедиция. 1967 г.

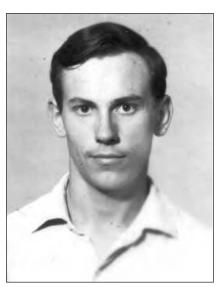

Фото студенческих лет.

К 70-летию Владимира Андреевича Хршановского <u>ыыыыыыыы</u>

С коллегами. Государственный Музей истории религии.

Опять в поле...2015 г.

Сын Андрей и внук Максик.

СТАТЬИ

E.A. MOЛЕВ E.A. MOLEV

APXEAHAКТИДЫ – ТИРАНЫ, ОЛИГАРХИ ИЛИ ДРЕВНИЕ ПРАВИТЕЛИ? ARCHEANAKTIDES – TYRANTS, OLIGARCHY OR ANCIENT RULERS?

В истории Боспора проблема происхождения и характера власти Археанактидов рассматривалась многократно. И если проблема происхождения их из Милета как будто приобрела наибольшее число сторонников1, то проблема характера их власти остается по-прежнему дискуссионной. Основные версии последней были высказаны еще в прошлом веке и наиболее подробно рассмотрены С.А. Жебелевым [Жебелев, 1953, с. 21–28] и В.В. Шкорпилом [Шкорпил, 1918, с. 54–59]. Согласно им Археанактиды были: 1) аристократическим родом, правившим тиранически; 2) аристократическим родом, правившим олигархически; и 3) просто древними правителями. Подчеркнем - нас будет интересовать реальный характер власти этих правителей в глазах античных авторов, а не классификация или типология их титулатуры, поскольку и в самой Элладе этим последним вопросам внимание уделяли лишь немногие ученые-эрудиты (Платон, Аристотель), а тех, кто писал историю (или биографии), интересовало реальное положение дел в этой сфере, и есть все основания думать, что их заключения более соответствовали истине, чем наши попытки подогнать их данные под античные (или современные) политические теории.

Уточним сразу, что Клавдий Элиан отметил всего три тирании в Греции, в которых власть унаследовали не только сыновья, но и внуки. Правда, тут он не совсем точен — у Гелона власть наследовал не сын, а брат, а у Кипселида Периандра власть наследовал племянник. Но это все же были представители одной семьи и, видимо, именно поэтому они были отмечены Элианом как члены династии. Иное дело династия боспорских тиранов Левконидов (Ael.,VI, 13), которые в современной интерпретации именуются Спартокидами. Тут он действительно наиболее прав. И это дает основание думать, что Элиан мог знать (здесь и далее курсив мой Е.М.) и их предшественников — Археанактидов, но не упомянул их только потому, что власть этих последних закончилась на сыне (или брате) предыдущего правителя. И это вполне согласуется с краткостью их правления, отмеченной Диодором.

2 би-хххүп 17

¹ Есть, правда, и в работах последних лет мнение, что «версия митиленского происхождения Археанактидов столь же правомочна, как и милетская». См. Чурекова Н.Б. Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. № 6. Ч. 3. Нижний Новгород, изд-во ННГУ, 2012. С. 148.

В дискуссиях последних лет особенно активно развиваются две идеи: о том, что Археанактиды были олигархическим родом или просто безымянными древними правителями, восстановившими после разрушения скифами эллинскую колонию в Пантикапее. Первая из них существует с XIX века и впервые высказана де-Бозом. В XX веке ее наиболее активно поддержал В.Д. Блаватский [Блаватский, 1954, с. 37; его же, 1964, с. 46; Blavatsky, 1970, s. 33–36; Блаватский, 1985, с. 207–211], а в последнее время – И.Е. Суриков. По мнению последнего, «наличествуют некоторые нюансы, свидетельствующие... что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию... одного знатного рода [Суриков, 2014, с. 84]». К этой точке зрения присоединился позднее и С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, 2013, с. 39], до этого активно отстаивающий тиранический статус правления Археанактидов [Сапрыкин, 2003, с. 19]. Поскольку аргументы других авторов уже не раз приводились [Борисова, 2003, с. 14–23; Завойкин, 2011, с. 291–299; Чурекова, 2012, с. 146–150], рассмотрим нюансы, предложенные И.Е. Суриковым.

Первый нюанс в заявлении автора проистекает из осторожного (данного в примечании, а не в основном тексте) предположения С.А. Жебелева [Жебелев, 1953, с. 176. Прим. 5], что власть Спартокидов – это может быть олигархия одного знатного рода, возможно, похожая на «династию» Аристотеля. При этом сам С.А. Жебелев подчеркивает: «Государственный строй Боспора IV в. напоминает до известной степени крайнюю династию по характеристике ее по Аристотелю, хотя последний, несомненно, не имел в виду Спартокидов». И тем более, добавим от себя, не имел в виду Археанактидов. Это, на мой взгляд, очень важный момент, который показывает, что для того чтобы применять термин «дюнастейя» к последним, надо сначала признать, что характер их власти соответствует характеру власти Спартокидов. Судя по контексту статьи, И.Е. Суриков склоняется к этому признанию, с чем была не согласна в своей критике С.А. Жебелева Т.В. Блаватская [Блаватская, 1959, с. 47–48]. Автор признает эту критику не вполне удачной, хотя именно в данном случае (в том, что власть Левконидов не могла походить на δυναστεία в определении Аристотеля) она, на мой взгляд, вполне корректна.

Далее, исходя из признания Археанактидов олигархическим родом, И.Е. Суриков приводит в пользу этого следующие четыре соображения. Во-первых, то, что Спарток принял власть не у конкретного правителя, а у Археанактидов в целом. По мнению автора, «такой способ выражения является корректным только для случаев, когда происходит смена формы правления — с коллективной на индивидуальную» (с. 87-88). Да, это так, но почему эта коллективная форма правления должна быть именно олигархией, а не аристократией или корпоративной тиранией отца и сына (братьев)?

Согласно второму соображению автора, в греческом мире известен (скажем, пока известен) только один случай смены одной династии тиранов другой. Это переход власти в сицилийской Геле от Пантаридов к Дейноменидам [Высокий, 2004, с. 151-152]. Да, этот случай в античном мире единственный, но он *есть*, и пока у нас нет

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

точных (лучше сказать, вообще никаких) данных о характере событий 438 г. до н.э. на Боспоре, я бы не стал так категорически утверждать, что низложение Археанактидов и утверждение Спартока не имеют никакого (по крайней мере, внешнего) сходства с вышеотмеченным переворотом в Геле. Я думаю, что как раз наоборот. Наличие в боспорской истории эпизода с Сопеем (Isocr., Trapez., 17,3), на мой взгляд, позволяет предполагать, что Спарток вполне мог занимать в государстве Археанактидов такой же пост, как Сопей в государстве Сатира [Молев, 1999, с. 31], или такой же, как Гелон в государстве Гиппократа в Геле.

Третье соображение автора о кратковременности правления Археанактидов [Суриков, 2014, с. 89] также очень относительное. Ведь если факт отсутствия их в списке Элиана признать (что вовсе не исключено) следствием того, что правили только отец и сын (или братья), то время их правления — 42 года не так уж невелико. Наиболее известным примером почти аналогичного времени правления отца и сына является правление отца и сына Писистратидов, которые тоже правили около 40 лет (без перерыва с 546 по 510 г. до н.э., учитывая десятилетнее изгнание Писистрата).

И, наконец, последнее, главное, по мнению автора, соображение — это то, что мы не знаем ни одного конкретного имени тирана из династии Археанактидов. Имя Археанакт, по его мнению, таковым не является, потому что «в античности далеко не всегда получали название от первого правителя» [Суриков, 2014, с. 89]. Согласен! И с примерами из Сицилии тоже согласен. Более того, их можно было бы и не приводить, поскольку и у нас на Боспоре древние греки, в отличие от нас, именовали правителей государства Левконидами, а не Спартокидами. Но ведь есть и другие примеры. Опять же не будем далеко ходить. Всем известные Писистратиды в Афинах происходили от Писистрата, сына Гиппократа, хотя родословная этого героя античной истории возводилась еще к Нелеидам. Почему же мы не можем считать некоего Археанакта (сейчас неважно, были ли это отец и сын или братья, отцом которых являлся Археанакт) основателем династии правителей Боспора его имени?

И.Е. Суриков абсолютно прав, говоря, что такие имена могли быть обозначениями знатных родов или наиболее крупных деятелей рода, но с этим никто и не спорит. Да, это так, но чем это могло помешать Археанактидам (независимо от того, был ли Археанакт древнейшим представителем их рода или узурпатором, захватившим власть и передавшим ее сыну или брату) быть правителями Боспора Киммерийского?

Далее, исходя из приведенных соображений, автор опять отмечает, что в пользу признания режима Археанактидов тиранией аргументов нет, а в пользу признания их олигархией есть – и это вышеприведенные им соображения. Но это не совсем так. И пример с Кромвелем явно некорректен. Тут дело вовсе не в ходе *наших* рассуждений, а в том, что *единственный* наш источник по этому вопросу Диодор называет характер правления Археанактидов *таким же термином*, как и характер правления Спартокидов. Поэтому к Археанактидам *вполне* возможно применение тех (и только тех) потестарных терминов, которые применяли по отношению к Спартокидам

античные авторы (и именно античные). А это, напомним, в нарративных источниках «династ» (Strabo., VII, 4,4; при этом Страбон определяет характер их власти глаголом «μοναρχέω»; XI, 2, 7; 10), «тиран» (Aesch., III, 171; Aen., Tac., Comm. Poliorc. 5,2; Strabo VII, 4, 4; 5; Polyaen., V, 23; Ps. Arist., Oeconom. II, 2,8; Ps., Skymn., 836-839), «архонт (?)» (Demosth. Adv. Lept. XX, 29. 11) и «царь» (Хрисипп в «Географии» Страбона — Strabo., VII, 3,8). В аутентичных боспорских памятниках эпиграфики Спартокиды именуются как «архонт и царь» (КБН № 6,6а, 8, 1037, 1038,1111).

Таким образом, ни сами боспоряне, ни античные авторы, в той или иной мере интересовавшиеся Боспором, никогда не считали Спартокидов родом олигархов. Некую возможность признавать их таковыми дает только фраза Страбона, определяющая Спартокидов как «эллинов, владеющих Боспором» (ХІ, 2,3). Однако и эта фраза, и сравнение их с «самым ярким и наиболее сущностно близким к нашему контексту примером – коринфской олигархией Бакхиадов» [Блаватский, 1964, с. 47 и сл; Суриков, 2014, с. 91] – аргументы недостаточно сильные.

Да, Геродот отмечает, что правление Бакхиадов было олигархическим (ἦν ὁλιγαρχίη – Her., V, 92B, 1), но при этом подчеркивает в той же фразе и то, что правили только они и друг за другом (ἤγοντο ἐξ ἀλλήλων). Более того, в оракуле, данном Бакхиадам, он называет их «ἀνδράσι μουνάρχοισι – мужи-монархи» (V, 92B,2)², что явно свидетельствует о том, что они узурпировали власть и правили фактически как тираны.

Ежегодно они из своей среды выбирали высшего магистрата — притана (Diod., VII, 9, 6; Paus., II, 4, 4). Притан был ограничен в исполнении своих полномочий годом, но в течение этого времени он обладал, по-видимому, неограниченной властью [Жестоканов, 2003, с. 63]. Для Аристотеля наличие в государстве одного высшего магистрата (V, 1, 6, 1301b) — это один из признаков олигархического (подчеркнем, неправильного с его точки зрения) характера власти. А вот не только наш Диодор, но и Николай Дамасский отмечает, что коринфский притан Бакхиад имел положение царя (Diod., VII, 9; FgrHist 90 F 57, 1. 6)³. Причем, что особенно примечательно, Николай Дамасский там же сообщает, что и Кипсела (*тирана*) коринфский демос избрал басилеем. Страбон же прямо называет членов правящего клана *правящими тиранически*: «кαὶ ὁι Βακχιάδαι τυραννήσαντες» (VIII, 6, 20).

Кстати, что касается Спартокидов, то, говоря о тираническом характере их правления в одном месте, Страбон все же отмечает, что «этих правителей называли тиранами, хотя большинство их, начиная с Перисада и Левкона, были достойными правителями. Перисада даже почитали богом - ἐκαλοῦντο δὲ τύραννοι, καίπερ ὁι πλείους ἐπιεικεῖς γεγονότες, ἀρξάμενοι ἀπὸ Παιρισάδου καὶ Λεύκονος. Παιρισάδης δὲ καὶ

² Это отметил и И.Е. Суриков, но он считает, что в архаическую эпоху острота этого противоречия не ощущалась. См. Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза...С. 92.

³ И.Е. Суриков, отмечая этот факт, считает, по-видимому, что это противоречие и в позднеэллинистическую эпоху тоже не очень ощущалось, подчеркивая, что «Диодор употребляет по отношению к Археанактидам то же причастие βασιλεύσαντες, что и к коринфским Бакхиадам – роду, правившему олигархически». Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза...С. 93.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

θεὸς νενόμισθαι» (VII, 4,4). Я думаю, все это потому, что и Диодору, и Страбону и Николаю Дамасскому было абсолютно все равно, к какой группе по своей системе отнес бы правление Бакхиадов великий Аристотель. Для них была важна реальная оценка системы их правления, т.е. такая, какая она есть (или, по крайней мере, такая, какая она была в их представлении). И потому, я не думаю, что Страбон, говоря о тирании Бакхиадов, допускает неточность. Он настолько же прав, насколько прав Аристотель. Просто цели и характер их трудов были разные. А потому, сколько бы мы ни привели примеров олигархий одного рода прямой параллелью, их по отношению к характеру власти Археанактидов можно назвать лишь с очень большой долей условности.

Таким образом, принимая систему Аристотеля, *в принципе* можно было бы и нам отнести правление Археанактидов к типу «олигархии», но в глазах греков это не меняло отношения к ним, как к тиранам. И оценка их политической системы с этой точки зрения как корпоративной тирании, предложенная и наиболее обоснованная А.А. Завойкиным [Завойкин, 2001, с. 153; он же, 2012, с. 288-289], на мой взгляд, выглядит гораздо более убедительно.

Кстати, есть и еще более убедительная оценка понимания «олигархии» как тирании уже современниками. Так, Ксенофонт в «Греческой истории» отмечает, что правление в Афинах «тридцати тиранов» начиналось как «олигархия» (ἐγένετο δὲ αυτη ή ολιγαρχία ωδε... - Xen., Hell. II, 3, 2), но далее устами Крития (лидера этих олигархов, которого в данном случае очень трудно заподозрить в неточности) он говорит своему коллеге Ферамену: «Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для сохранения всякой иной тирании: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела [Ксенофонт, 1935, с. 33. Пер. С.Я. Лурье] - εὶ δὲ, ὅτι τριάκοντά ἐσμεν καὶ οὐχ εἶς, ἦττόν τι ὄιει **ὅσπερ τυραννίδος ταῦτης** τῆς ἀρχής χρῆναι ἐπιμελεῖσθαι, εὐήθης εἶ ... - Xen., Hell. II, 3, 16). С.А. Жебелев [Жебелев, 1940, с. 32] дает несколько иной, более дословный перевод этой фразы – «ты наивен, если думаешь, что мы, так как нас тридцать, а не один, должны не так сильно заботиться об этой (т. е. достигнутой нами) власти как о тирании» и приводит также перевод ее Г. Германом – «мы должны заботиться о сохранении нашей власти так же, как заботится о сохранении своей власти тиран», что в любом случае не меняет смысла фразы. Как видим, для лидера афинских олигархов тиранический характер правления его команды не вызывал сомнения, как, впрочем, и для других афинян (в частности, Аристотель отмечает, что Поликрат, автор обвинительного памфлета против Сократа, первым назвал их тиранами («Rhet.», 24, 1401а, 34) [Жебелев, 1940, с. 27-28].

Таким образом, термин «тираны» для обозначения власти тридцати в Афинах 404-403 гг. до н.э. возник вскоре же после их низвержения и, хотя он не был официальным, реальный характер их власти, особенно после казни Ферамена, был именно таковым (тораvveĩv ἀδεῶς – Xen., Hell.», II, 4,1), что, кстати, отметил и Аристотель (Arist., Aph. Pol., $41 - \delta$ εκάτη δ'ἡ τῶν τριάκοντα καὶ ἡ τῶν δέκα **τοραννίς**, хотя далее

Молев Е.А. Археанактиды – тираны, олигархи... Былылылылы

в соответствии со своей классификацией типов государств называет их правление олигархией (Arist., Aph. Pol., $53 - \dot{\eta} \dot{\epsilon} \pi \dot{\iota} \tau \tilde{\omega} \nu \tau \rho \iota \dot{\alpha} k \circ \nu \tau \alpha \dot{\alpha} \lambda \iota \gamma \alpha \rho \chi \dot{\alpha}$). Последнее обозначение, как совершенно справедливо заметил С.А. Жебелев, «с правовой точки зрения единственно правильное»... но «название «Тридцать тиранов», «тирания Тридцати» ведет свое происхождение из житейского обихода и является олицетворением образа действий Тридцати» [Жебелев, 1940, с. 33].

И, еще раз повторимся, то, что наш единственный источник об Археанактидах Диодор называет их, как и Спартокидов, «царствующими над Боспором Киммерийским», и это означает только одно – для Диодора и его источника характер их власти был аналогичным [Виноградов, 1983, с. 396]. И у нас нет оснований «сомневаться в адекватности этой титулатуры» [Подосинов, 2014, с. 135] и в данном случае. А поскольку тиранический характер власти Спартокидов в отличие от олигархического прямо засвидетельствован источниками, вероятнее всего, на наш взгляд, видеть тиранов и в Археанактидах [Сапрыкин, 2003, с. 19]. Уточним, что характер труда Диодора и методика его работы, по мнению современных исследователей его творчества, свидетельствуют, что он не искажал свидетельств своих предшественников и избегал собственных добавлений и интерпретаций [Илюшечкин, 1988, с. 231; Строгецкий, 1983, с. 186; Строгецкий, 1986, с. 66,81]. Поэтому и в нашем случае он, вероятнее всего, просто списал термин «βασιλεύσαντες» у своего источника эллинистического времени [Каллистов, 1949, с. 158; Струве, 1968, с. 167]. Тем более что практически все исследователи истории Боспора считают, что Диодор ничего не знал об Археанактидах [Шелов-Коведяев, 2014, с. 61; Суриков, 2014, с. 93; Вахтина, 2017, с. 40], кроме того, что они были. Следовательно, и приписывать им незаслуженные ими должности у него не было никакой необходимости.

И еще один косвенный, археологический аргумент в пользу признания власти Археанактидов как тирании — это выявленные в последние годы в Пантикапее 4 полосы разрушений: начала 2-й, 3-й и 4-й четвертей VI в. до н.э. и середины первой четверти V в. до н.э. (в последней четверти VI в. и первой V в. в слое есть и скифские стрелы) [Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, С. 475-476.]. Это свидетельствует о серьезной военной опасности для полиса (не будем пока спорить, от кого она исходила) и, следовательно, необходимости сильной власти, каковой и могла стать тирания Археанактидов.

Таким образом, вслед за И.Е. Суриковым мы можем признать, что «боспорские (пантикапейские) Археанактиды были знатным родом. Название его происходило либо от имени основателя – некоего Археанакта..., либо от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες – «древние владыки»... Возможно, этот род вел свое начало от семьи ойкистов Пантикапея [Суриков, 2014, с. 95]». Что же касается бо́льшей вероятности происхождения названия «Археанактиды» от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες, к которой в какой-то мере склоняется И.Е. Суриков и возможность которой столь скрупулезно обосновал в своих работах Ф.В. Шелов-Коведяев [Шелов-Коведяев, 2014, с. 33–57; Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 452–504], то тут все же есть три сомнения.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Во-первых, при наличии и достаточно широком распространении имени Археанакт в античном мире, что признается всеми исследователями, а также происхождении абсолютного большинства названий родов разных социальных групп (в том числе и тиранов) от конкретных имен (приведем только у одного Геродота — Ахемениды, царский род — I, 125; Бранхиды, жреческий род — I, 158; II, 159; Иамиды, жреческий род — V, 44: IX, 33 Бакхиады, олигархический род — V, 92; Писистратиды, род тиранов — V, 62, 63, 65, 70 и т.д.; Атриды, царский род VII,20; Кипселиды, род тиранов — VI, 128; Теллиады — жреческий род из Элиды — IX,37), происхождение названия «Археанактиды» от имени выглядит все же более предпочтительным.

Во-вторых, в тексте Диодора говорится, что они «именуются» (ὀνομασθέντες) Археанактидами. И если бы речь шла не об имени, а о названии (глагол ὀνομάζω, кстати, имеет и то, и другое значение – А Greek-English Lexicon.., 1996, Стб. 1232-1233) и тем более не конкретного рода, а неких неопределенных «древних правителях», я думаю, что Диодор скорее бы использовал более подходящий в таком случае глагол καλέω (звать, называть). Но, с другой стороны, Геродот для обозначения рода Бакхиадов использует именно причастие от глагола καλέω (καὶ οὖτοι Βακχιάδαι καλεόμενοι – и эти так называемые Бакхиады – Her., V, 92B, 1). Почему такая разница в терминах – судить трудно, ибо мы тогда не жили и древнегреческий не наш родной язык. Но все же форма глагола ὀνομάζω применительно к Археанактидам лично меня больше склоняет к признанию того, что этот термин образован от личного имени Археанакт.

И, в-третьих, Ф.В. Шелов-Коведяев и вслед за ним В.П. Толстиков предполагают, что Археанактиды в представлении Диодора могли быть древними правителями, которые реколонизовали Пантикапей после его разрушения скифами («То есть они явились новыми ктистами полисной организации», – Ф. Ш-К) [Шелов-Коведяев, 2014, с. 62; Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 472, 496]. Но ни один наш нарративный источник не говорит о повторном основании Пантикапея. Да и вероятность полного уничтожения Пантикапея во всех четырех случаях военных столкновений со скифами гипотеза В.П. Толстикова, несмотря на все приведенные следы разрушений, все же не предполагает. А потому и связь дальнейшего развития города с прибытием новой партии эпойков и появлением неких «древних правителей» около 480 г. до н.э. не более чем гипотеза. И как совершенно справедливо отметила М.Ю. Вахтина «не говоря уже о чересчур усложненном подходе к «исправлению ошибок» письменного источника, достаточно трудно, на наш взгляд, представить себе этих «магистратов-восстановителей, в течение почти полувека занимавшихся «восстановлением порядка» (какого?) на Боспоре» [Вахтина, 2017, с. 43].

Само название «древние правители – ἀρχαῖοι ἄνακτες» (если его принимать всерьез) для боспорян, полис которых к 480 г. до н.э. существовал уже больше сотни лет, могло относиться только к тем правителям, которые уже правили в их городе когда-то давным-давно и при их правлении полис, как минимум, жил нормально. Вот это и могло бы стать в условиях суровых военных будней первой

четверти V в. до н.э. причиной передачи им власти их потомкам. Но и в этом случае гораздо более вероятно происхождение термина «Археанактиды» от имени того из них, кто первым прибыл на Боспор и прославился как таковой именно здесь.

Таким образом, сопоставляя различные определения характера власти Археанактидов, мы и сегодня можем с определенной натяжкой допускать их олигархическое правление, но все-таки более предпочтительной, на мой взгляд, остается версия о тираническом характере их власти.

ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

Ксенофонт. Греческая история. ОГИЗ, Соцэгиз – Ленинградское отделение, 1935.

Aristotelis Athenaion Politeia. Edidit M. Chambers. Leipzig: Bibliotheca Teubneriana, 1986.

Diodori Sicili Bibliotheca Historica. Recognovit Fr. Vogel. Vol. I. Lipsiae, 1888.

Herodotus, Histories 3-9. ed. A. D. Godley. Cambridge 1920. // Ancient Greek Texts. An Electronic Library of Full Texts.

Strabo (1924). H.L. Jones, ed. «Strabo, Geography». The Perseus Digital Library. Tufts University. Retrieved 2007-11-03. Books 6–14.

Xenophon. Hellenica. Text by E.C. Marchant. Oxford. At the Clarendon Press. 1906.

Felix Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. (FGrHist) // Teil 2, Zeitgeschichte. A. Universalgeschichte und Hellenika [Nr. 64-105], Weidmann, Berlin, 1926.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 37.

Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 46.

Блаватский В.Д. О происхождении боспорских Археанактидов // Античная археология и история. М., Наука, 1985. С. 207–211.

Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., АН СССР, 1959.

Борисова В.С. Боспорские Археанактиды в отечественной историографии // Из истории античного общества: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Н.Новгород: ННГУ, 2003. С. 14–23.

 $\it Baxmuнa~M.HO.$ Боспорская элита до эпохи Спартокидов // БИ. XXXIV. Керчь, 2017. С. 40.

 $Bиноградов\ Ю.Г.$ Полис в Северном Причерноморье /Античная Греция. Т. І. М., Наука, 1983. С. 366–420.

Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н.э. СПб., 2004. С. 151-152.

Жебелев С.А. О тирании тридцати в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 27–33.

Жебелев С.А. Боспорские Археанактиды // Северное Причерноморье. М-Л., 1953. С. 21–28.

Жебелев С.А. Боспорские этюды. Образование Боспорского царства //Северное Причерноморье. М-Л., AH СССР, 1953. С. 176. Прим. 5.

Жестоканов С.М. Олигархия Бакхиадов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией професора Э.Д. Фролова. Выпуск 2. Санкт-Петербург, 2003.

Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 2001. Т.4. С. 153.

Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства// Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии и истории. М., 2011. С. 291–299.

Завойкин А.А. Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288-289.

Илюшечкин В.Н. Рец. Hornblower J. Hieronimus of Cardia. Oxford Univ. Press. 1981. 301р. // ВДИ. 1988. № 2. С. 231.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

Молев Е.А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. Вып. 10. Саратов 1999. С. 30–35.

Подосинов А.В. Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Подосинов А.В., Габелко О.Л. М., 2014.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11-35.

Сапрыкин С.Ю. Археанактиды и градостроительство // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 21–46.

Строгецкий В.М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 186.

Строгецкий В.М. Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // ВДИ. 1986. № 2. С. 66, 81.

Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V-IV вв. до н.э. (взгляд из Эллады) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В., Габелко О.Л. М., 2014. С. 84.

Чурекова Н.Б. Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. № 6. Ч. 3. Нижний Новгород, изд-во ННГУ, 2012. С. 146–150.

Шелов-Коведяев Ф.В. Кем были Археанактиды? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В., Габелко О.Л. М., 2014. С. 57–63.

Шелов-Коведяев Ф.В., Толстиков В.П. Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. (из истории Пантикапея начала эпохи классики) // Древности Боспора. Т. 18. М., 2014. С. 452–504.

Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК. 1918. № 54. С. 54–59.

Blavatsky V.D. Zur Herkunft der Bosporanischen Archaianaktiden // Klio.. 1970. № 52. S. 33–36.

A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Clarendon Press, Oxford, 1996. Cr6., 1232-1233.

REFERENCES

TEKSTY ISTOCHNIKOV

Ksenofont. Grecheskaya istoriya. Ogiz, socegiz – Leningradskoe otdelenie, 1935.

Aristotelis Athenaion Politeia. Edidit M. Chambers. Leipzig: Bibliotheca Teubneriana, 1986.

Diodori Sicili Bibliotheca Historica. Recognovit Fr. Vogel. Vol. I. Lipsiae, 1888.

Herodotus, Histories 3-9. ed. A. D. Godley. Cambridge 1920. // Ancient Greek Texts. An Electronic Library of Full Texts.

Strabo (1924). H.L. Jones, ed. «Strabo, Geography». The Perseus Digital Library. Tufts University. Retrieved 2007-11-03. Books 6–14.

Xenophon. Hellenica. Text by E.C. Marchant. Oxford. At the Clarendon Press. 1906.

Felix Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. (FGrHist) // Teil 2, Zeitgeschichte. A. Universalgeschichte und Hellenika [Nr. 64-105], Weidmann, Berlin, 1926.

LITERATURA

Blavatskij V.D. Arxaicheskij bospor // mia. № 33. 1954. S. 37.

Blavatskij V.D. Pantikapej. m., 1964. S. 46.

Blavatskij V.D. O proisxozhdenii bosporskix arxeanaktidov // antichnaya arxeologiya i istoriya. m., nauka, 1985. S. 207–211.

Blavatskaya T.V. Ocherki politicheskoj istorii bospora v v-iv vv. do n.e. m., an sssr, 1959.

- Borisova V.S. bosporskie arxneanaktidy v otechestvennoj istoriografii // iz istorii antichnogo obshhestva: mezhvuzovskij sbornik nauchnyx trudov. vyp. 8. n.novgorod: nngu, 2003. S. 14–23.
- Vaxtina M. Yu. Bosporskaya elita do epoxi spartokidov // bi. xxxiv. kerch, 2017. S. 40.
- Vinogradov Yu.G. Polis v severnom prichernomore /antichnaya greciya. t. i. m., nauka, 1983. S. 366-420.
- *Vysokij M.F.* Istoriya sicilii v arxaicheskuyu epoxu: rannyaya grecheskaya tiraniya konca vii serediny v v. do n.e. spb., 2004. S. 151–152.
- Zhebelev S.A. O tiranii tridcati v afinax // vdi. 1940. № 1. S. 27–33.
- Zhebelev S.A. Bosporskie arxeanaktidy // severnoe prichernomore. m-l., 1953. S. 21–28.
- Zhebelev S.A. Bosporskie etyudy. obrazovanie bosporskogo carstva //severnoe prichernomore. m-l., an sssr, 1953. S. 176. prim. 5.
- Zhestokanov S.M. Oligarxiya bakxiadov // Mnemon. issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. pod redakciej profesora e.d. frolova. vypusk 2. sankt-peterburg, 2003.
- Zavojkin A.A. «Bosporskij fenomen» ili psevdo-ellinizm na bospore // Drevnosti Bospora. 2001. t.4. S. 153.
- Zavojkin A.A. Byli li arxeanaktidy «caryami kimmerijskogo bospora» (diod. xii. 31, 1)? k periodizacii stanovleniya bosporskogo gosudarstva// embaterion. sbornik statej po iskusstvovedeniyu, filologii i istorii. m., 2011. S. 291–299.
- Zavojkin A.A. Bosporskaya monarxiya: problemy periodizacii // vostochnaya evvropa v drevnosti i srednevekove. migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza. m., 2012. S. 288-289.
- Ilyushechkin V.N. Rec. Hornblower J. Hieronimus of Cardia. Oxford univ. press. 1981. 301p. // VDI. 1988.
  № 2. S. 231.
- Kallistov D.P. Ocherki po istorii severnogo prichernomorya antichnoj epoxi. 1., 1949.
- Molev E.A. Spartok i pervye spartokidy na bospore // AMA. vyp. 10. saratov 1999. S. 30–35.
- Podosinov A.V. Obrazovanie bosporskogo carstva v svete teorii protoellinizma // drevnejshie gosudarstva vostochnoj evropy. 2012. problemy ellinizma i obrazovaniya bosporskogo carstva / Podosinov A.V., Gabelko O.L. M., 2014.
- Saprykin S.Yu. Bosporskoe carstvo: ot tiranii k ellinisticheskoj monarxii // VDI. 2003. № 1. S. 11–35.
- Saprykin S.Yu. Arxeanaktidy i gradostroitelstvo // Bosporskie issledovaniya. vyp. xxviii. simferopol-kerch, 2013. S. 21–46.
- Strogeckij V.M. Diodor sicilijskij i ego «istoricheskaya biblioteka» v ocenke istoriografii // VDI. 1983. № 4. S. 186.
- Strogeckij V.M. Vvedenie k «istoricheskoj biblioteke» diodora sicilijskogo i ego istoriko-filosofskoe soderzhanie // VDI. 1986. № 2. S. 66, 81.
- Struve V.V. Etyudy po istorii severnogo prichernomorya, kavkaza i srednej azii. l., 1968.
- Surikov I.E. Nekotorye problemy bosporskogo politogeneza v-iv vv. do n.e. (vzglyad iz ellady) // drevnejshie gosudarstva vostochnoj evropy. 2012. problemy ellinizma i obrazovaniya bosporskogo carstva / podosinov a.v.,gabelko o.l. m., 2014. S. 84.
- *Churekova N.B.* Arxeanaktidy na bospore: k probleme proisxozhdeniya // vestnik nngu im. n.i. lobachevskogo. № 6. ch. 3. nizhnij novgorod, izd-vo nngu, 2012. S. 146–150.
- Shelov-kovedyaev F.V. Kem byli «arxeanaktidy»? // Drevnejshie gosudarstva vostochnoj evropy. 2012. problemy ellinizma i obrazovaniya bosporskogo carstva /Podosinov A.V., Gabelko O.L. M., 2014. S. 57–63
- Shelov-kovedyaev F.V., Tolstikov V.P. Bospor v pervoj chetverti v v. do r.x. (iz istorii pantikapeya nachala epoxi klassiki) // Drevnosti Bospora. t. 18. m., 2014. S. 452–504.
- Shkorpil V.V. Arxeanaktidy // ITUAK. 1918. № 54. S. 54–59.

Резюме

В статье рассматриваются новые аргументы в пользу олигархического статуса боспорских Археанактидов и делается вывод, что они недостаточно убедительны и в этих правителях Боспора более вероятно видеть тиранов.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Пантикапей, Археанактиды, олигархи, тираны.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Summary

The article considers new arguments in favor of the oligarchic status of the Bosporan Archeanaktides and concludes that they are not convincing enough and in these rulers of the Bosporus it is more likely to see tyrants.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Panticapaeum, Archaeanactids, oligarchs, tiranas.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молев Евгений Александрович, д.и.н., профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия; профессор. 8-987-753-49-16. molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molev Eugeny Aleksandrovich, DSc, Prof., Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, professor. 8-987-753-49-16. molev.eugeny@yandex.ru

В.Г. ЛАЗАРЕНКО V.G. LAZARENKO

ФЕНОМЕН АХИЛЛОВА ДРОМА THE PHENOMENON OF ACHILLES' DROME

Бытующее сегодня понимание феномена Ахиллова Дрома в Северном Причерноморье, либо как местности, где Ахилл преследовал Ифигению - «Ахиллов бег», либо места воинских упражнений (состязаний) Ахилла с товарищами -«Ахиллово ристалище» давно стало «общим местом». Как же формировалось данное «общее место»? Современные российские и украинские ученые, как правило, ссылаются на известную работу И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте». В связи с этим необходимо привлечь внимание к тому, что этот крупный ученый, по его же словам, работал касательно Ахиллова Дрома в направлении объяснения «двоякого значения слова "δρόμος"», исходя из анализа древних источников. И сразу же констатировал, причем сначала безоговорочно, относительно локализации этого места: «Наименование "Άχιλλήιος δρόμος", которое носили в древности Тендра и коса Джарыл-Агач, конечно, стоит в ближайшей связи с этим культом и им, так или иначе, обусловлено». Затем, еще до краткого рассмотрения древних источников, И.И. Толстой делает весьма примечательное заявление: «Легенда производит впечатление некоторой искусственности; кажется, будто она нарочно придумана с двоякой целью: дать этиологическое объяснение неясному выражению Άγιλλήιος δρόμος и воспользоваться этим объяснением для контаминации двух, славных на Евксине, имен Ахилла и Ифигении» [Толстой, 1918, с. 59-60]. Другими словами, И.И. Толстой не очень доверял древним источникам в понимании Ахиллова Дрома как действительного места преследования Ифигении Ахиллом. Что вполне закономерно, ведь в любом случае этот эпизод предания об Ахилле касается посмертной судьбы обоих персонажей, а не их реальной жизни. Но это, безусловно, не смогло бы помешать формированию представлений об определенном (с «точной» локализацией Ахиллова Дрома на современной Тендре) культовом месте Ахилла, если бы не целый ряд обстоятельств.

Во-первых, к сожалению, И.И. Толстой при рассмотрении самого понятия « δ ро́ ϕ ро φ » ограничился лишь двумя значениями — «для обозначения dействия dействия dега и для обозначения dега утого действия», отослав за примерами к «статье Wachsmuth'as. v. Dromos в Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, V, 1717 sqq.». В старых отечественных словарях понятие «dро́ ϕ ро φ » действительно толкуется только или преимущественно как «dег, dегание» и «место для dега или скачки», «ристалище»

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

[Вейсман, 1899, с. 346; Коссович, 2015, с. 93]. И в относительно современном словаре [Дворецкий, 1958] на первых позициях - всё те же «бег», «место для состязаний» и т.п. и только на последнем месте указано толкование δρόμος как «путь, расстояние» (с примером из Геродота: μέρης δρόμον ἀπέχειν ἀπὸ γῆς). Напротив, словарь Лиддела-Скотта дает очень много значений понятию «δρόμος», но первым обозначено: «a course; instraight course¹ – Soph.Aj. 889» – «путь (направление, курс); прямой (верный) путь – у Софокла в "Аяксе" (889)» [Liddel, Scott, 1901, p. 388]. Из анализа данного фрагмента текста Софокла, сделанного известным английским филологом-классиком, профессором Тринити-колледжа Кембриджского университета Р.К. Джеббом, «δρόμος» здесь следует понимать как «благоприятный путь» [Sophocles, 1907, р. 136-137]. Таким образом, «бро́µоς», прежде всего, означает «путь», а отнюдь не «бег» или тем более не «место для ристаний» (разумеется, это зависит от контекста произведения). Тем более что наверняка никому даже в голову не придет так толковать δρόμος древних погребальных сооружений, где это всегда «путь» в понимании, как минимум, «последнего пути».

Большинство маститых ученых XIX века, как западных, так и отечественных, избегали произвольно широкого перевода словосочетания «Άχιλλήιος δρόμος», прибегая, как правило, только к слову «course». Например, Г. Кёлер, неоднократно упоминая об Ахилловом Дроме [Köehler, 1828], не акцентировал внимания на связи названия этого места с «бегом» или «состязаниями»). В. Томашек при описании ограничился лишь географическими характеристиками Ахиллова Дрома, его размерами, связанными с изменениями здесь уровня моря, и вообще не упоминает о погоне Ахилла за Ифигенией, а также о ристаниях здесь Ахилла с соратниками [Tomaschek, 1893, S. 221]. Но уже в первом издании знаменитого компендиума В.В. Латышева русский перевод словосочетания «Άχιλλήιος δρόμος» постоянно начинает звучать как «Ахиллов бег» [Латышев, 1890,с. 255 и мн. др.]. Осталось это неизменным и во втором издании данного труда 1947-1949 гг. с комментариями С.П. Кондратьева. И безусловный авторитет В.В. Латышева, очевидно, окончательно привел к формированию и сохранению в России (впоследствии - и в Украине) устойчивого стереотипа: Άχιλλήιος δρόμος – это «Ахиллов бег» (иногда – «Ахиллово ристалище»), несмотря на возможность более широкого толкования.

И.И. Толстой кратко и достаточно произвольно изложил лишь данные Ликофрона, схолии к нему Цеца, схолии (Евстафия и анонимного) к Дионисию Периегету. Приведем их здесь, как и практически все другие древние источники, касающиеся Ахиллова Дрома. Геродот, возможно, первым упомянул об Ахилловом Дроме (IV, 55 и 76): что Гилея и Ахиллов Дром находятся справа от места впадения реки Гипакирис в море у города Керкинитиды, а также, что Гилея находится около Ахиллова Дрома

¹ Straight, как известно, может означать также «откровенный, искренний» и даже «чистый», что важно в контексте нашего исследования.

Лазаренко В.Г. Феномен Ахиллова Дрома <u>БББББББББББББББ</u>Б

[Латышев, 1890, с. 24-25, 32]. Примечательно, что Геродот в своей «Истории» нигде не упомянул о самом Ахилле и его культе в Северном Причерноморье (хотя наверняка ему были известны соответствующие тексты Пиндара и Еврипида) и не пытался объяснить смысл названия «Ахиллов Дром». Но Геродотом было, видимо, положено начало «точной» локализации этого места на современной Тендровской косе и понимание данного расположения как якобы единственного. Псевдо-Скимн (821) также лишь описывает Ахиллов Дром в этом месте, не приводя каких-либо объяснений данному названию [Латышев, 1947, № 3, с. 311], как и Страбон (VII, 3, 19) [Страбон, 1994, с. 281], Плиний Старший (NH.IV, 83) [Плиний, 2011, с. 171], Псевдо-Арриан (84) [Латышев, 1948. № 4, с. 236].

Об Ахилловом Дроме в связи с Ифигенией, видимо, впервые намекнул Еврипид в «Ифигении в Тавриде» (435–438): «...в изобилующую птицами землю, на белый берег, прекрасный Дром Ахилла на негостеприимном Понте» [Латышев, 1948, № 1, с. 345]. Заметим сразу, что здесь в оригинальном тексте действительно указано «множество птиц» (πολυόρνιθον), но не сказано, что они «белые», данный цвет в данном фрагменте соотнесен только с «берегом». «Белый берег» упомянут и в другой трагедии Еврипида - «Андромахе» (1260-1262): «Ты увидишь... Ахилла, обитающим в островном доме на Белом берегу внутри Эвксинского моря» [Латышев, 1890, с. 343]. Видно, что в обоих случаях Ахиллов Дром указывается в единственном числе. Тем не менее, в схолии к «Андромахе» (1262) указано: «На белом берегу внутри: разумеется, Белый остров, на котором пребывал Ахилл, посреди Эвксинского Понта; отсюда и Ахилловы Дромы (Άχιλλειοι δρόμοι), о коих сказано в "Ифигении в Тавриде"» [Латышев, 1948, № 1, с. 347]. Характерно, что отечественные переводчики - и В.В. Латышев, и В.П. Кондратьев никак не комментируют здесь множественное число, указывается, как обычно, лишь то, что Ахиллов Дром – «песчаная коса при устье р. Днепр, ныне коса Тендеровская» или тому подобное [Латышев, 1947. № 1, с. 312 прим. 194]. Но, очевидно, с Еврипида и началось толкование названия «Ахиллов Дром» как места преследования Ахиллом Ифигении, не более того.

В одном схолии к Пиндару (Nem.IV, 79) сказано: «... так называемый Белый берег, на Эвксинском Понте... называется также Ахилловым бегом, потому что в то время, как Ахилл сватался за Ифигению и она была привезена ради его в Авлиду, вследствие случившегося безветрия ∂ля плавания эллинам в Илион, захотели принести ее в жертву за благополучное плавание, но Артемида похитила ее и перенесла в Скифскую местность к таврам, а влюбленный Ахилл следовал за нею и сопровождал до этого острова, называемого Белым» [Латышев, 1947, № 1, с. 312]. Ликофрон (Alex. 186–193), упоминая о поисках Ахиллом Ифигении, локализует это в совершенно другом месте — у Истра (Дуная), говоря «искать вкруг моря Салмидесского» [Ликофрон, 2011, с. 226]. Как видно, здесь нет упоминания об Ахилловом Дроме, а лишь о «пути пустынном на берегу морском», названном в честь Ахилла. Локализация его у Истра (Дуная) кажется необычной, а под Салмидесом понималась местность на

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

юго-западном побережье Черного моря. Здесь «искать вкруг моря Салмидесского» означает «искать вокруг всего Черного моря» [Ликофрон, 2011, с. 226 прим. 79], что значительно расширяет круг местностей, где это могло происходить. Значительно позднее И. Цец, пытаясь, видимо, нейтрализовать эти необычные указания Ликофрона и совсем избегая комментариев относительно локализации Ахиллова Дрома, писал (186): «...Длинный пустынный Бег будет назван именем жениха, т. е. Ахилла, в той местности, которую он пробежал бегом. Пустым (ёрпµоς) поэт называет этот Бег потому, что Ахилл понапрасну пробежал его: говорят, что после похищения Ифигении Артемидою Ахилл, услышав, что она находится в Скифии, устремился искать ее и, не нашедши, поселился на Белом острове, который находится на Эвксинском Понте» [Латышев, 1947, № 3, с. 268]. В другом же схолии к Ликофрону (192) И. Цец говорит еще более неконкретно: «В Скифии есть берег, простирающийся в длину на 1000 стадий, который называется Ахилловым бегом, потому что один Ахилл пробежал его бегом» [Латышев, 1947, № 3, с. 268].

В схолии Евстафия Фессалоникийского к Дионисию Периегету (306) сказано: «Бег Ахиллов... представляет собой узкую и длинную косу; по Географу, это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку, песчаный, в два стадия наибольшей ширины. Этот бег пробежал эллинский герой Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон, дал этому месту свое имя» [Латышев, 1948, № 1, с. 246-247]. Здесь Евстафий, ссылаясь на Ликофрона, явно пренебрегает указанием последнего не на Тендеровскую косу, а на устье Дуная, следуя авторитетному Страбону. В анонимном схолии к этому же фрагменту Дионисия Периегета сказано без какоголибо указания на локализацию следующее: «Ахиллов бег получил свое название по следующей причине: когда Ифигению намеревались принести в жертву Артемиде в Авлиде, Артемида похитила ее и послала в Скифию. Тогда влюбился в нее Ахилл и преследовал до некоторого места; и отсюда назван Ахиллов бег» [Латышев, 1948, № 1, с. 259]. Вот, собственно, все древние и раннесредневековые указания на Ахиллов Дром в связи с Ифигенией. Отметим, что их не только крайне мало, но большинство из них, как видно, не дают точной локализации Ахиллова Дрома (часто указывается просто «берег»). При этом Ахилл «ищет» Ифигению, «следует» за ней, «преследует» её, а слово «бежал» («пробежал») применяют только Евстафий Фессалоникийский и И. Цец, жившие в XII веке. Так что ссылка на древние источники, при интерпретации понятия «Άχιλλήιος δρόμος» как «Ахиллового бега» из-за преследования Ифигении, практически безосновательна.

Теперь об «Ахилловом ристалище». В.В. Латышев дал феномену Ахиллова Дрома такое краткое объяснение: «Ахиллу был посвящен... также так называемый Ахиллов бег, узкая коса к югу от Днепровского лимана (ныне Тендра), на которой герой будто бы упражнялся в беге» [Латышев, 1889, с. 163]. При этом никаких древних источников В.В. Латышев не привел, но бросается в глаза отсутствие

популярного мнения, что Ахиллов Дром – это местность, где Ахилл преследовал Ифигению, а также определенный скепсис («будто бы») в плане, видимо, реальности места упражнений Ахилла. И.И. Толстой, рассматривая этот вариант интерпретации, пишет: «До нас дошел отголосок другой легенды, которая понимает выражение "Άχιλλήιος δρόμος" в смысле ристалища Ахилла. Происхождение такого наименования она толкует от воинских упражнений героя. "Paeninsula, adformam gladii intransversum porrecta, exercitatione ciusdem (sc. Achillis) cognominata Dromos Achilleos", говорит Плиний. Аммиан Марцеллин замечает, что этот "gracilelitus" местные жители называют Άχιλλήιος δρόμος в память о тех воинских упражнениях (exertitia), которым здесь некогда предавался знаменитый "фессалийский вождь". К той же категории свидетельств следует отнести и слова схолиаста к Пиндару: "показывают и некие $\partial pomb$, (прозванные так) из-за гимнастических упражнений героя". Слово "быкубою" (показывают) по смыслу совпадает с выражением Аммиана Марцеллина "vocantindigenae, так же, как и греческий термин "γυμνάσια", вполне соответствует слову "exertiis" латинского текста. Чем мотивировала легенда эти воинские упражнения Ахилла, показывает текст Помпония Мелы: после морской битвы в водах Евксинского Понта герой причалил свой победоносный флот к узкому полуострову и здесь вкушал отдых после бранных трудов. Празднуя победу, быстроногий Ахилл утешался играми, состязаясь в беге с товарищами. В память о том и получил полуостров прозвище "δρόμος Αχιλλέως". Итак, легенда рассказывала об играх, заключавшихся в беге взапуски, в состязаниях в беге» [Толстой, 1918, с. 64-65].

Рассмотрим подробнее приведенные И.И. Толстым ссылки на древних авторов. Аммиан Марцеллин на самом деле не писал конкретно об Ахилловом Дроме, а только указал, что «в Таврике посвящен Ахиллу остров Белый» [Латышев, 1949, № 3, с. 288]. В рассмотренном выше схолии к Пиндару (Nem.IV, 79), кроме связи Ахиллова Дрома с Ифигенией, указано также: «Есть на Эвксинском Понте некий остров, называемый Белым, на который, по обычному представлению, перенесено Фетидой тело Ахилла; показывают и некие ровные пространства [Латышев, 1947, № 1, с. 312]², служившие для упражнений (γυμνάσια) героя». У Помпония Мелы (II, 5) говорится: «Далее [в море] выступает длинная полоса земли, соединенная с берегом узкой перемычкой; затем она на большом пространстве постепенно сужается, вытягивая свои длинные бока в виде лезвия. Имеет форму лежащего меча. Там, по преданию, Ахилл, войдя в Понтийское море с боевым флотом, праздновал победу играми и состязаниями и, когда была передышка от битв, он и его спутники упражнялись в беге. Поэтому и имя этому месту – Дромос Ахиллеос» [Помпоний Мела, 2011, с. 53]. Плиний Старший кратко указал (NH, IV, 83): «полуостров... названный Дромом Ахилла вследствие упражнений того же героя» [Латышев, 1949, № 2, с. 280]. К этим, мягко говоря, не-

² В первом издании своего компендиума 1890 г. В.В. Латышев приводит такой перевод – «некие беги», но, очевидно, из-за явной несуразности сочетания этих «бегов» и гимнастики С.П. Кондратьев во втором издании (1947) делает более адекватный перевод.

многочисленным сведениям косвенно присоединился И. Ф. Анненский в переводе «Ифигении в Тавриде» Еврипида. Пренебрегая самим содержанием трагедии, он неожиданно трактует Ахиллов Дром так: «Когда на остров горный от птичьих стай весь белый, ристалищем Ахилла и славный и прекрасный, пустым и лютым морем стремилися они» [Еврипид, 1969, с. 491]. Такой перевод вполне мог быть отражением скептического отношения И.Ф. Анненского, в отличие от других переводчиков, к пониманию Ахиллова Дрома как места преследования Ифигении Ахиллом. Схолия к Пиндару (Nem.IV, 79), как было видно, вообще разделяет понятия «Ахиллов бег» и «Ахиллово ристалище», подразумевая даже их различную локализацию. Заметим, что если мифография Троянской войны сосредоточивает боевые действия Ахилла в Троаде и Ионии, то как-то далековато и даже бессмысленно было уходить для отдыха на Ахиллов Дром (если он располагался на Тендровской косе) за сотни миль от мест сражений. Однако, возможно, это был один из Ахилловых Дромов близ Троады — вспомним упоминание «моря Салмидесского» (под Салмидесом понималась местность на юго-западном побережье Черного моря) у Ликофрона.

Видимо, искусственность обеих трактовок была заметна еще в древности, поскольку апологеты «Ахиллова бега» предприняли ряд усилий, видимо, чтобы теснее связать Ахилла и Ифигению, «населив» Ахиллов Дром таврами и крепче связав Ахилла с культом Артемиды-Ифигении Таврополы. Это Дионисий Периегет: «Тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Дром Ахилла» [Латышев, 1948, № 1, с. 238]; Евстафий Фессалоникийский: «Дром Ахиллов, на котором живет племя тавров» [Латышев, 1948, № 1, с. 246]; анонимная схолия к Дионисию Периегету: «Тавры – в Скифии, в которой находится Ахиллов Дром» [Латышев, 1948, № 1, с. 259]; Присциан в «Землеописании»: «Тавры, занимающие узкий и длинный Дром доблестного Ахилла, вблизи устья Меотиды»[Латышев, 1949, № 4, с. 300]; Никифор Блеммид в «Сокращенной географии»: «Тавры, которые заселяют великий Дром Ахилла» [Латышев, 1948, № 4, с. 239]. И всё это, вопреки Страбону, который, по сути, раздельно указал (VII, 3,19) тавров и Дром: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку *идет* морской путь к мысу Ахиллова бега. Затем Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров» и «залив Каркинитский... Жители побережья называются тафриями» [Страбон, 1994, с. 281]³.

Однако приведенные выше сведения о живших на Ахилловом Дроме таврах не получили археологического подтверждения, как и наличие там других племен в период греческой колонизации и в римское время. В. Томашек, рассматривая «Аχίλλειος δρόμος», не говорит о таврах, живших там в античности (как и не рассматривает вообще сакральное значение Ахиллова Дрома), а пишет, что здесь «в византийские времена были скандинавские $\tilde{P}\tilde{\omega}\varsigma$, изначально $-\Delta \rho o \mu \tilde{\tau} \alpha i$ (= $\tilde{A}\chi i \lambda \lambda \epsilon i o \delta \rho o \mu \tilde{\tau} \alpha i$ Steph. Вуz.), названные так, потому что они начинали свои хищнические набеги по Черному морю от устья Днепра и от Дрома Ахилла» [Тоmaschek, 1893, S. 221]. То есть в

3 би-xxxvii

 $^{^{3}}$ «Ахиллов бег» — здесь в переводе Г.А. Стратановского, с чем мы, конечно, не согласны.

целом В. Томашек единственный автор подобной статьи в Realencyclopädie Pauly-Wissowa - огромном издании, справедливо претендующем на достаточную полноту (по крайней мере, для своего времени), говорит только о насельниках Ахиллова Дрома (очевидно, временных) в византийские времена, следуя, возможно, указанию Евстафия Фессалоникийского: «тавры или росы, живущие около Ахиллова Дрома» [Латышев, 1948, № 1, с. 246], несмотря на слово «около», означающее их не совсем определенную локализацию. Примечательно, что комментарии ко второму изданию компендиума В.В. Латышева 1947—1949 гг. говорят лишь об ошибках древних авторов, размещавших тавров на Ахилловом Дроме. Но для нас гораздо важнее, что Ахиллов Дром, связанный с таврами, у разных авторов имеет различное расположение: от Тендры и до «устья Меотиды» (то есть Керченского пролива). Если же игнорировать недоказанную связь с таврами, то география вероятного Ахиллова Дрома оказывается еще шире – от Дуная до Керченского пролива. В «Ибисе» Овидия и схолии в нему находим указания об «ахилловой земле», расположенной, в контексте ссылки Овидия, в Северном Причерноморье: (329) «Или будь покинут нагим на ахилловой земле» и «Дром Ахилла, который Овидий называет теперь Ахилловой землей, есть остров, который называется Аргименида... Дионисий, тиран гераклийский, убежал на место, которое называют Дромом Ахилла, где, оставленный своими, погиб, будучи лишен всякой помощи» [Латышев, 1949, № 1, с. 244-245]. Сегодня бесполезно искать в справочных материалах сведения об острове под названием Аргименида - они просто отсутствуют, что лишний раз показывает неопределенность локализации Ахиллова Дрома. Хотя Птолемей и указал его конкретные координаты, совпадающие, в принципе, с Тендровской косой [Латышев, 1947, № 4, с. 233], но они способны внести еще больший разлад во мнениях, о чем ниже.

Не только Ликофрон, но и некоторые другие древние авторы указывали на расположение Ахиллова Дрома у Дуная. Например, Псевдо-Арриан (90): «Почти напротив Голого устья Истра, если плыть с северным ветром прямо в открытое море, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, другие – Дромом Ахилла, третьи по цвету – Белым» [Латышев, 1890, с. 286]. Причем он разделяет (84), собственно, Ахиллов Дром (располагая его на Тендре) и этот остров [Латышев, 1890, с. 284]. Гесихий уточняет: «Остров Ахилла, называемый Белым (есть и Ахилловы Дромы около этого острова)» [Латышев, 1948, № 4, с. 268]. Примечательно, что нигде не встретишь комментариев этой множественности, в плане которой весьма показательно сообщение Дионисия Ольвийского, известного, правда, только из схолии к Аполлонию Родосскому (II, 658), что «широкие и низкие берега называются Дромами Ахилла» (τὰς εὐρείας ήόνας λέγεσθαι Άχιλλέως δρόμους) [Латышев, 1890, с. 286]. Находясь, очевидно, в плену стереотипного толкования Ахиллова Дрома как «уникального» места погони Ахилла за Ифигенией, С.Р. Тохтасьев подвергает это сомнению [Тохтасьев, 2010, с. 51], но, на наш взгляд, такое свидетельство (тем более - ольвиополита!), как и другие «нестандартные» указания древних, должно призывать научное сообщество к более глубокому, чем принято, изучению феномена

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Ахиллова Дрома. Намеки на это находим в трудах К. Флейшера и Р. Эйслера – после упоминания о рассмотренном выше указании Дионисия Ольвийского, ими подчеркивается: «Еще сейчас наименование Chilidromia часто встречается на греческих побережьях» [Fleischer, 1884, col. 58; Eisler, 1939, p. 48].

Видимо, учитывая это и хорошо понимая искусственность связи Ахиллового Дрома с конкретными эпизодами мифографии Ахилла, ряд крупных ученых, например Х. Хоммель [1981], А.И. Иванчик [2005, с. 68-82, 85-98] и И.Ю. Шауб [2007, с. 69-75, 182-198], вообще не упоминает его в своих основных трудах, связывая Ахилла с Ифигенией только на Левке. В.П. Яйленко кратко пишет об «Ахиллодроме», анализируя античных авторов, но не рассматривает приведенные выше «популярные» версии трактовки этого названия [Яйленко, 2013, с. 66, 71, 73]. Первые попытки как-то сгладить рассмотренные выше нестыковки были предприняты очень давно. Еше Луций Септимий в «Дневнике Троянской войны» (I, 22) писал: «Ифигению Ахилл и те, которые заведовали жертвоприношением, тайком от всех поручили скифскому царю, присутствовавшему в то время»[Латышев, 1949, № 3, с. 271]. Евстафий Фессалоникийский, рассматривая в схолии к Дионисию Периегету Ахиллов Дром, указал: «...иные же говорят, что это другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время ее преследования, от чего это место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слова Алкея: "Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей"» [Латышев, 1948, № 1, с. 246]. У Льва Диакона находим совсем радикальное: «Ведь Арриан в своем "Перипле" пишет, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка, названного Мирмикион, лежащего у Меотидского озера» [Лев Диакон, 1988,с. 78]. Все эти замечания были вызваны, очевидно, пониманием эфемерности утверждений о преследовании Ифигении Ахиллом героем Троянской войны и, возможно, какими-то несохранившимися до настоящего времени сведениями о местных корнях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Но ряд современных ученых продолжал настаивать на сложившемся стереотипе локализации Ахиллова Дрома. Например, Б. Браво вообще заключил, что под Скифией Алкея подразумеваются Ахиллов Дром и прибрежная полоса Нижнего Побужья - Нижнего Поднепровья с Тендровской и Джагарлычской косами [Bravo, 1974, p. 136-137].

Итак, следует констатировать, что большинство древних и средневековых упоминаний об Ахилловом Дроме не содержит его точной локализации, распространяя её суммарно от устья Дуная до Керченского пролива и нередко говоря только о «береге» (пустынном, длинном, ровном); некоторые авторы указывают на множественность Ахилловых Дромов. При этом объяснения самого названия сильно варьируют, но следует обратить внимание на то, что в определениях часто присутствует понятие «белый берег». Рассмотрим объяснения древних авторов по этому поводу. Сначала — о степени доверия к современным (начиная с XIX века) переводам некоторых древних текстов. В одной схолии к Пиндару (Nem.IV, 79)

находим: «Пиндар металептически (μεταληπτικῶς) назвал Белый остров блестящим: ибо белое представляется блестящим. Белым же остров называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цаплей, ибо такой вид (т. е. белый) представляет он плывущим. Иначе: так называемый Белый берег, на Эвксинском Понте, на котором множество цаплей, виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым Дромом» [Латышев, 1890, с. 332-333]. Здесь перевод в части «птиц» адекватен, поскольку присутствует слово ὄρνίων и речь идет о цаплях; Дром переведен как «бег», что обычно для В.В. Латышева. У Арриана в «Перипле Евксинского Понта»при описании храма Ахилла на Левке (Fr. 32) также находим конкретно птиц (ὄρνιθες): «Много птиц гнездится на острове – чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма» [Латышев, 1890, с. 226]. У Дионисия Периегета есть следующий фрагмент (188), который постоянно используют исследователи культа Ахилла в Северном Причерноморье: «По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым, так как водящиеся здесь птицыбелого цвета» [Латышев, 1948, № 1, с. 238]. Но С.П. Кондратьев, которого невозможно упрекнуть в незнании древних текстов, весьма примечательно комментирует это место перевода В.В. Латышева, чего никогда больше не делал: «Греческий текст дает слово κινώπετα; у всех греческих писателей (Каллимаха, Артемидора, Никандра) оно значит "змеи". Парафраза заменяет это слово словами θηρίαηι όρνεα – животные или птицы» [Латышев, 1948. № 1, с. 238 прим. 69]. Действительно, у В.В. Латышева в параллельном греческом тексте видим κινώπετα λευκά («белые змеи», что весьма важно в контексте нашего исследования), а ὄρνεα («птицы») просто отсутствует [Латышев, 1890, с. 182]. Но, несмотря на это, в переводе В.В. Латышева схолии И. Цеца к данному фрагменту Дионисия Периегета (188) опять видим вольную трактовку: «Белеющийся – Белый остров на Эвксине, т. е. белеющийся от пены волн или, по Дионисию Периегету, потому, что на нем живет много белых птиц, каковы чайки, лебеди и аисты» [Латышев, 1947, № 3, с. 268].

В древних текстах, где присутствует кіνю́ πετα, а не оруга, видимо, отражаются еще более древние представления именно о змеях в их сакральном аспекте. И, конечно, нельзя допускать здесь слишком вольных парафраз, что порой позволяли себе даже самые авторитетные переводчики античных текстов, подчиняя перевод оригинального текста некой «целесообразности», видимо, чтобы сделать содержание более «понятным» или соответствующим общепринятым представлениям. Это вполне соответствует понятию «парафраза» — «пересказ текста своими словами» и иногда допустимо. Но не без потери же сакрального смысла! Хотя в индоевропейских языках видны семантические параллели понятий «змея» и «птица» через образы летающих (крылатых) змей (драконов), необоснованные парафразы заставляют настороженно относиться ко многим переводам и возникает

необходимость постоянно обращаться при работе к собственно древнегреческим и латинским текстам.

Невозможно пренебречь отчетливой связью со змеями образа Ахилла в Нижнем Побужье, что выразилось во многих граффити его святилища на Бейкуше [Русяева, 1971]. Причем эта связь является уникальной, поскольку нигде, не только в Северном Причерноморье, но и во всей Греции, явной связи культа Ахилла со змеями более не зафиксировано [Яйленко, 2013, с. 82]. Между тем, образ змея в древности имел огромное значение. При сравнительном анализе индоевропейских языков обнаруживается следующее [Маковский М.М., 1996, с. 175-179; 2012, с. 49, 126-128, 151; Киндря, 2015, с. 101-106]. Змея выступает как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания и отождествляясь с космогоническими Ночью Вселенной и Днём Вселенной; более того, она считалась первопричиной мироздания, уравниваясь с Бездной, которая также была первопричиной Вселенной, являлась её символом, как и всего сущего в ней. Змея в древности выступала как божество и творец Вселенной, равно как и ее символ. Змея символизирует гармонию и порядок, а также землю и небо; по древним поверьям змея осуществляет разъединение и соединение неба и земли, в частности, змея являлась символом «лестницы в небо», означающей божественное бытие и олицетворяющей абсолютное божественное время. Исходя из последнего, змея - символ вечности. В индоевропейских языках змея уравнивалась с Мировым деревом, осуществляя связь между мирами. В символике Змея, в представлении древних, объединяет мужское и женское начала – огонь и воду. Она выступала, с одной стороны, как символ плодородия, как женское производящее начало, а с другой - как мужское производящее начало. Значение «змея» соотносится со значением «жизнь» и «смерть», одновременно имея фаллическую символику и олицетворяя Божество-творца. Кроме того, в индоевропейских языках отчётливо отмечается единство понятий «змея» и «предок», в частности - «отец» [Маковский, 2014, с. 124-129]. Отметим, что один из эпитетов Ахилл в Ольвийском полисе – Вечный отец [Латышев, 1904, с. 2-4] может являться рудиментом памяти о Змее-первопредке, поскольку áhi в санскрите означает «змей» и явно созвучно с именем Ахилла. Кроме того, как первым отметил В.Н. Топоров, в образе Ахилла отчетливо прослеживается не только неразрывная связь огня и воды, посреднические функции Ахилла между Небом и нижним миром, но и наличие его хтонической ипостаси; в ней видны «...змеиные пережитки этой ипостаси. Все эти черты, разумеется, могут быть реконструированы (или предположены) как глубокие архаизмы, остатки космогонического пред-Ахилла, образующие самый ранний слой в структуре этого образа» [Топоров В.Н., 1990, с. 73-74, 76, 91].

⁴ Большинство исследователей полагает, что процессы сложения и распада индоевропейской языковой общности (вопрос прародины индоевропейцев стоит несколько отдельно) происходили в течение IV-III тысячелетий до н.э. на огромной территории, от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей [см., например: Mallory, 1989; Леман, 1991; Гиндин, 1992], в центре которой – Северное Причерноморье.

Нами показана достаточная распространенность культа змей в Северном Причерноморье начиная с энеолитического Триполья и на протяжении всего бронзового века. Если добавить сюда безусловную связь Фракийского всадника со змеями, то очевидна непрерывность культа змей в Северном Причерноморье с IV по I тыс. до н. э., сначала связанного с балкано-трипольским культом Богини-матери, а затем с культом мужского Верховного божества и Первопредка. Кроме того, нами обосновано, что в древней символике змей отразился процесс формирования в Северном Причерноморье арийского мировоззрения, в основе которого – дуализм всего сущего, состоящего из неких первоэлементов, и трехчастное строение мира. Содержание и датировка граффити Бейкуша, тесная связь их с «варварскими» элементами отправления культа Ахилла, а также сходные краткие граффити из архаических слоев соседних поселений позволили нам: 1) предположить существование единого, причем самого раннего в Северном Причерноморье, культового комплекса Ахилла (Березань – Бейкуш – Большая Черноморка II); 2) выделить в становлении культа Ахилла в Северном Причерноморье самый ранний этап - от конца VII до начала V вв. до н. э., когда основное, Бейкушское, святилище прекратило свое существование [Лазаренко, 2015; 2016а; 20166; 2017]. В краткости этих граффити А, АХ, АХІ, как и точно таких же в Херсонесе [Соломоник, 1978, с. 38-39] и Феодосии [Емец, Петерс, 1993], на хоре античного Боспора [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 19-20, 267; рис. 371, 281; рис. 630, 284; рис. 677, 287; рис. 771], в Мирмекиии на Тамани [Емец, 2005, с. 132-133, табл. XI,5, XLVII,6; XCIV,2; XLVII,5, LIII,4 и СХ,4-5] видится вероятность данных посвящений не Ахиллу – античному герою, но Áhi-Змею – Верховному богу и Первопредку реликтовых ариев Северного Причерноморья. В итоге сегодня очень трудно отрицать преемственность образа Ахилла и догреческого культа змей в Северном Причерноморье.

Теперь о понятии «белый». Представляется несколько поверхностным объяснение И.И. Толстого, что белый цвет (остров Левки) связан только «с одним из наиболее ярких признаков смерти», приводя в пример «белые кости», «белых птиц», «белые тополя» и т.п. [Толстой, 1918, с. 19-20], чему последовало подавляющее большинство современных ученых. Но сакральный смысл белого цвета гораздо глубже, хотя со смертью он, безусловно, соотносится. К сожалению, даже такой выдающийся ученый, как В.П. Яйленко, ограничился при рассмотрении феномена «Белый» в Северном Причерноморье следующим: «По разным причинам (белый песок, меловые выходы, сакральная мифология и пр.) ряд прибрежных местностей в Греции назывался Белым... Полагаем, нижнеднепровский остров Ахилла считался Белым ввиду физиографических особенностей ольвийского побережья, мифологически переосмысленных... по чистоте песка Белым островом названа также Тендра» [Яйленко, 2013, с. 69]. Здесь следует уточнить – берег лимана у Ольвии совершенно не песчаный и не известковый, а светло-коричневый глиняный! И, хотя песок на Тендровской косе действительно очень светлый, такого объяснения сакральности понятия «белый» явно мало.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

В едва ли не первом из сохранившихся сообщений об Ахилле в Причерноморье Пиндар указывает (Nem.IV, 46-48): «...царствует... Ахилл на Евксинском блистательном острове» [Пиндар, 1980, с. 128]. Рассмотрим подробнее в связи с этим уже приведенную выше схолию к Пиндару (Nem.IV, 79): «Пиндар металептически (μεταληπτικῶς) назвал Белый остров блестящим: ибо белое представляется блестящим. Белым же остров называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цаплей, ибо такой вид (т. е. белый) представляет он плывущим. Иначе: так называемый Белый берег, на Эвксинском Понте, на котором множество цаплей, виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым Дромом». Однако следует учитывать, что о Пиндаре еще в древности говорили: «Был он не только поэт, дивно одаренный, но и человек, любезный богам», которому являлись Пан (якобы при свидетелях!) и Деметра – во сне. Кроме того, Пиндар являлся почетным членом Дельфийской жреческой коллегии [Пиндар, 1980, с. 5-6, 393 прим. 5]. Поэтому вряд ли, характеризуя Ахиллов остров как «фаєууау – блестящий (блистательный)», он имел в виду, «в переносном смысле», просто «белый» - как указано в схолии, «ибо белое *представляется* блестящим», тем более из-за птиц. Он сказал как сказал, обладая, видимо, некими сакральными знаниями об этом месте. Цитируя и тем более интерпретируя сообщения древних поэтов, следует помнить указание В.Н. Топорова: «Важнейшая фигура космологического периода (в истории) – поэт с его даром проникновения с помощью воображения в прошлое, во "время творения", что позволяет установить еще один канал коммуникации между сегодняшним днем и днем творения. С поэтом связана функция памяти, видения невидимого – того, что недоступно другим членам коллектива, – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Поэт как носитель обожествленной памяти выступает хранителем традиций всего коллектива» [Топоров. 2010, с. 34-35]. В рассмотренной выше схолии к Пиндару имеется ценное для нас указание, что остров Ахилла можно понимать: «Иначе: так называемый Белый берег... называется также Ахилловым Дромом». Кроме того, если учесть бесспорно верное замечание С.П. Кондратьева о том, что якобы «белые птицы» во фрагменте Дионисия Периегета (188) должны читаться на самом деле как «белые змеи», то всё это в совокупности заставляет смотреть на устоявшиеся стереотипы совершенно иначе. Для этого следует сначала рассмотреть индоевропейские цветовые традиции.

Каждая каста (варна) в Древней Индии ассоциировалась с определенным цветом (várna означает буквально «цвет»), и высшая каста брахманов ассоциировалась с белым цветом; аналогично индийским варнам древнеиранские социальные ранги также соотносились с определенным цветом (ріštra — буквально «цвет», позднее — «ремесло»), у жрецов был белый цвет; у кельтов белый цвет также символизировал жрецов-друидов [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 788 прим. 3, 5]. Излишне напоминать, что жрецы считались приобщенными к высшим, сакральным знаниям. Если же прибегнуть к индоевропейскому языкознанию, то обнаруживается, что белый цвет мыслился в древности как цвет Начала, символ абсолютной тишины, абсолютного

Ничто — предвестника рождения нового, борьбы смерти и жизни [Маковский, 2009, с. 149]. В отношении понятий «блестящий» и «белый» выясняется, что в санскритской литературе всех периодов наблюдается большое количество лексем со значением «блестящий, сверкающий, светящийся»; таких слов насчитывается около 300, и в большинстве случаев данные слова используются для символического описания богов и их деяний. При описании богов также, причем еще в ведическом санскрите, часто применялось цветообозначение «белый» — śvetá [Норманская, 20116, с. 41–43]. Слово λευκός в древнегреческой литературе часто употреблялось не только в значении «белый», но и в значении «светящийся, сверкающий» и также, как другие основные цветообозначения «белого» цвета в индоевропейских языках, — для обозначения прототипических «белых» объектов [Норманская, 2011а, с. 55-56].

Но что особенно важно, белый цвет соотносился с образом Белого бога [Маковский, 2009, с. 151]. У индоевропейцев существовали божества трёх небес, одним из них был добрый «белый» бог дневного неба. Трудно реконструировать индоевропейский пантеон, так как имена богов очень часто менялись. Однако почти установленным является то, что он охватывал два основных класса: *deywó- или собственно боги, которые населяли дневное небо, и жители ночного неба (черные боги), а именно демоны, и также духи мертвых [Haudry, 1988]. Уже в «Ригведе» наблюдается важный момент - слова со значением «блестящий, сверкающий, светящийся» образуют лексическую группу со словами «черный, темный, тусклый, неяркий», так как между ними существовало важное для раннего эпоса семантическое противопоставление, часто подчеркиваемое при описании одного и того же бога [Норманская, 20116, с.41]. Демонический аспект сущности Ахилла известен из двух легенд, сохраненных Филостратом Старшим (Her.XIX, 18-20) [Латышев, 1948, № 2, с. 302-304], где Ахилл или его кони разрывают людей на части. И.Ю. Шауб справедливо полагает, что это подтверждает наличие в образе Ахилла негреческих черт [Шауб, 2007, с. 191-192]. «Черный» аспект Ахилла, соотносящийся, в частности, с известным образом Змея, лежащего у основания Мирового дерева, лишь подтверждает универсальную сущность Ахилла как божества. Верхняя часть Мирового дерева «окрашивалась» в белый цвет ещё в доисторических представлениях [Топоров, 2010, с. 231-232]. Напомню попутно отмеченную в индоевропеистике не только безусловную и теснейшую связь образов Мирового дерева и космического Змея, но и их взаимозаменяемость в представлениях древних. Весьма примечательно, что и в санскрите, и в древнегреческом «белые реки» - это «хорошие реки», связанные с божествами [Норманская, 2005, с. 114]. Принимая же во внимание семантическую связь воды (тем более - реки) со змеей, следует сделать аналогичный вывод и для «белых змей» (κινώπετα λευκά) из рассмотренного выше фрагмента Дионисия Периегета (188), относительно Ахилловых мест в Северном Причерноморье. В.П. Яйленко заметил: «Белобережье - название посвященной Ахиллу ольвийской прибрежной территории с Гилеей и Ахиллодромом, позволяет думать, что местные индоарии почитали тут его в числе божеств змеиной природы, ибо Шеша

белого цвета: "несущий землю змей, белый, словно луна"... Согласно древнеиндийской мифологии, Шеша величайший змей, он частица Вишну, его земное воплощение (аватара)» [Яйленко, 2013, с. 88]. Однако подчеркнем, что об индоариях в Северном Причерноморье можно говорить только относительно III тысячелетия до н.э., когда они массово, но не полностью мигрировали оттуда, а далее лишь об их потомках реликтовых ариях. Кроме того, образ Шеши-змея, на котором основывается весь мир, сложился собственно в Индии, причем гораздо позднее миграций, лишь постепенно утвердившись в вишнуитской традиции индуизма [Маретина, 2005, с. 34], которая оформилась только в поздней древности и раннем средневековье [Бонгард-Левин, 1980, с. 8, 269]. Тем не менее, параллель Ахиллова Дрома и данного образа вполне правомерна в общеиндоевропейском контексте. Выдающийся исследователь ведийской мифологии Ф.Б.Я. Кёйпер подчёркивает: «Хотя в космогонии можно различить разные этапы в сложном процессе творения, кажется, вырисовывается следующая схема: контраст между неделимым единством, которое предшествовало сотворению космоса, – времени, "когда всё было спокойно во рту свернувшейся кольцами водяной змеи", - и творением, которое представлено как развитие на разных этапах дуальной организации космоса. Общая черта этих этапов заключается, однако, в том, что центральным мотивом является оппозиция между верхним и нижним мирами, созданными как целокупность» [Кёйпер, 1986, с. 112-113]. Относительно же белого цвета в «Вишну-пуране» (II, 5) сказано: «(Змей) Шеша... светится как белые горы». Он и изображался с белым ожерельем на шее.

Теперь о реальности нахождения святилища Ахилла на Ахилловом Дроме. Единственное и весьма неопределенное упоминание об этом имеется у Страбона (VII, 3, 17): «... по направлению к восходящему солнцу идет морской путь к мысу Дрома Ахилла – месту, хотя и лишенному растительности, но называемому "рощей", которая посвящена Ахиллу. Затем следует Ахиллов Дром Ахилла – низменный полуостров» [Страбон, 1994, с. 281]. Действительно, «роща» у древних греков могла означать святилище (хотя из текста Страбона это прямо не вытекает), но практически больше никто из античных и средневековых авторов, которые упоминали об Ахилловом Дроме, начиная с Геродота, даже не намекают на наличие здесь святилища Ахилла. За исключением Птолемея, который указал координаты Священного (Ієро̀у) западного мыса Ахиллова Дрома [Латышев, 1890, с. 229], явно следуя сообщению Страбона. А.С. Русяева, указав, что «система взаимоотношений Ольвии со святилищем на острове Тендра (Ахиллов Дром) относится к наименее изученным вопросам» и «всесторонне не рассматривалась», подчеркнула важность выяснения «возникновения названия Άχιλλήιος δρόμος, ставшего общепризнанным топонимом» [Русяева, 2006, с. 98-99]. Но далее А.С. Русяева необоснованно, как показано нами выше, утверждает: «Со времени локализации зафиксированных античными авторами географических названий в Северном Причерноморье Ахиллов Дром единодушно отождествляется с Тендрой, расположенной в открытом море к югу от Днепровского лимана и Кинбурнского полуострова». И сразу же ссылается на

Еврипида, который, как известно, не давал точной локализации Ахиллова Дрома, и ряд других античных авторов. Затем А.С. Русяева признает, что «для выяснения предполагаемого святилища Ахилла на Тендре, для выяснения его функционирования в сугубо гипотетическом аспекте можно привлечь лишь косвенные источники», но отмечает главное: «По-прежнему достоверных письменных свидетельств или каких-то эпиграфических и археологических источников о святилище Ахилла на Тендре не имеется» [Русяева, 2006, с. 99-100, 103, 106]. Тем не менее, уважаемая исследовательница пытается «найти» святилище Ахилла на Ахилловом Дроме. И, как многие, опирается на «наблюдения первооткрывателя Тендры» капитан-лейтенанта Н.Д. Критского, под руководством которого матросы при строительстве маяка раскопали некое «возвышение, в коем в 1824 г. отысканы греческие и римские монеты, камни с изображениями и надписями и другие древности, прежде разрытия имело, как говорят, фигуру опрокинутого чайного блюдечка 11/4 арш. вышиною и около 25 саж. в обмере основания. Оно лежит в северной части Тендры, саженях в 20 от восточного берега [Latyschev, 1916, р. 277] (В.Л. – выделение наше). Сразу бросается в глаза несоответствие указанию Страбона (VII, 3, 17) о нахождении Священного мыса Ахилла на западном берегу Ахиллова Дрома, поскольку он писал: «... по направлению к восходящему солнцу идет морской путь к мысу Дрома Ахилла», где и находилась, по Страбону, посвященная Ахиллу безлесная «роща». А.С. Русяева верно подметила, что «ни один из авторов, кто писал в то время об этих открытиях, не отметил, что в насыпи или поблизости от нее лежали хотя бы единичные кости животных» [Русяева, 2006, с. 108] (Подчеркнем: отсутствие жертвоприношений животных, как известно, весьма нехарактерно для греческих святилищ). Но следующей же фразой А.С. Русяева категорически утверждает: «Опубликованные В.В. Латышевым и И.И. Толстым пять очень плохо сохранившихся (В.Л. – выделение наше) надписей с Тендры не вызывают сомнения в том, что они относятся к посвятительным памятникам Ахиллу, датируемым II в. н.э. (IOSPE I². № 328–332)».

Рассмотрим эти публикации в оригинале. У В.В. Латышева надпись № 328 в части последней строки реконструируется [А]χιλλ[ει], как и вторая строка надписи № 329 — Άχιλλ[ει] и никак не комментируется, хотя в обоих случаях это могли быть фрагменты личных имен. В надписях № 330—332 какие-либо буквенные сочетания, напоминающие имя Ахилла, вообще отсутствуют, и только для надписи № 332 В.В. Латышев допускает (и то со знаком вопроса) [Latyschev, 1916, р. 277—279] реконструкцию [Аχιλλεῖ?]. И.И. Толстой отнюдь не опубликовал эти надписи, а только привел их с весьма характерными оговорками: «можно, кажется, прочитать имя Ахилла», «стояло, по-видимому, имя Ахилла», «находим, может быть, запись о благодарственном приношении Ахиллу» [Толстой, 1918, с. 57-58]. Так что говорить, что данные надписи «не вызывают сомнения в том, что они относятся к посвятительным памятникам Ахиллу» не приходится.

Кроме того, В.Г. Зубарев, анализируя данные Птолемея об Ахилловом Дроме и указывая, что «как показывают палеогеографические исследования, Тендровской

42

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

косы в доримский период не существовало, за исключением несколько видоизмененной северо-западной оконечности», приходит к мысли, что «западный, Священный мыс Ахиллова бега не может быть соотнесен с западной оконечностью Тендровской косы. Расстояние от перешейка Ахиллова бега до этого мыса, равное примерно 61 км, слишком велико. Тогда где же должен быть локализован священный мыс? Указанное расстояние приводит нас в район современной Одесской банки, где в древности существовала песчаная коса, которая по своему строению совершенно аналогична Тендровской» [Зубарев, 2005, с. 189]. М.В. Агбунов по этому поводу пишет: «Примерно в конце II-I вв. до н.э. конфигурация Ахиллова бега претерпела существенные изменения. В результате повышения уровня моря и других геологических процессов западная и восточная оконечности отделились от основного тела косы и превратились в острова. Длина Ахиллова бега, соответственно, уменьшилась: от 189 км, по данным полного перипла Арриана, до 118,5-119,5 км, согласно сведениям Плиния (со ссылкой на Агриппу) и Птолемея. Западная оконечность Ахиллова бега... превратилась в небольшой вытянутый песчаный остров... Он существовал под названием Тендры вплоть до XIX в. Затем остров соединился с Тендровской косой и стал ее современной оконечностью» [Агбунов, 1992, с. 192-193]. При таких катаклизмах трудно представить, как могло сохраниться «святилище Ахилла», даже если допустить, что оно существовало. Страбон мог говорить действительно о пустынном месте, называемом «рощей», но не об оборудованном святилище. Несмотря на всё это, А.С. Русяева в итоге констатировала: «Тем не менее, можно уверенно считать, что зафиксированное античной литературной традицией свидетельство о святилище Ахилла подтверждается хотя и незначительными, но не вызывающими сомнения эпиграфическими, нумизматическими и археологическими находками» [Русяева, 2006, с. 111].

Прекрасным подтверждением наличия «священного места» на Ахилловом Дроме было бы проведение здесь праздников с агонами. Совершенно права А.С. Русяева, полагая, что «нельзя не остановиться на таком важном вопросе, как организация ольвиополитами в этой местности (на Ахилловом Дроме, точнее – на Тендре) панэллинских спортивных и мусических агонов», и, справедливо указав, что «хотя они ни в одном из письменных источников не отмечены и никем из древних авторов не упомянуты», рассматривает следующий тезис: «считается, что празднества с состязаниями в честь Ахилла проводились здесь на протяжении почти всей античной эпохи». И снова приводит уже рассмотренный нами фрагмент из «Ифигении в Тавриде» Еврипида», полагая его «одним из важных литературных свидетельств, которое прямо используется как исторический источник для утверждения о проведении панэллинских игр на Тендре» [Русяева, 2006, с. 113], хотя всякий, кто видел этот отрывок в оригинале, не будет утверждать этого категорически. Ссылки на перевод В.В. Латышева [1947, № 2, с. 291] с анализом всего лишь присутствия, а затем отсутствия в нём знака вопроса и толкование И.И. Толстого усиливают отнюдь не позитивную аргументацию, а напротив – сомнения, поскольку в работе последнего читаем, что на фоне более поздних

сообщений об Ахилловом Дроме «получает особый смысл то выражение, каким Еврипид характеризует Ахиллов Дром на Евксинском Понте: "Ахилловы Дромы" (Άγιλῆος δρόμοι) Еврипид называет "καλλιστάδιοι", т.е. "с прекрасными стадиями", "с прекрасными ристалищами"... понимаемое буквально слово "καλλιστάδιοι" становится совершенно ясным, конечно, при том непременном условии, если во времена Еврипида, да и раньше еще, разумеется, на Дроме, посвященном Ахиллу, действительно проходили обрядовые состязания в беге» [Толстой, 1918, с. 66]. Однако у В.В. Латышева данное выражение Еврипида в «Ифигении в Тавриде» -Αχιλλῆοςδρόμους καλλισταδίους переводится в единственном числе – «прекрасный Дром Ахилла» [Латышев, 1890, с. 345], и только в схолии к «Андромахе» Еврипида упомянуты множественные Ахилловы Дромы - Άχιλλειοι δρόμοι [Латышев, 1890, с. 347]. Кроме того, главным толкованием понятия «στάδιος» в словаре Лиддела-Скотта является «standing» – «постоянный», «положение, статус», «репутация, авторитет» [Liddel, Scott, 1901, р. 1376]. Это в сочетании с кαλλι- даёт «прекрасный статус», что вполне соответствует статусу Ахилла. Очевидно, недаром В.В. Латышев дал перевод именно «прекрасный Дром Ахилла». Но даже если бы И.И. Толстой верно привел фрагмент Еврипида, нельзя не заметить, что множественные Дромы и множественные «прекрасные стадии» вполне соответствуют. И совершенно незачем трактовать их как «прекрасные ристалища», обосновывая гипотетическими агонами, тем более подчеркивая необходимое условие – существование во времена Еврипида и даже ранее «обрядовых состязаний в беге» на Ахилловом Дроме. Ведь это, как признано самой А.С. Русяевой, никем из древних не документировано вообще ни до, ни после Еврипида, включая римское время. Видимо, поэтому, в частности, она достаточно скептически отнеслась к реальности агонов на Тендре [Русяева, 2006, с. 114-123], рассмотрев аргументацию в этом направлении не только И.И. Толстого, но также М.М. Кубланова [1957] и М.В. Скржинской [2004а; 2004в]. Действительно, нельзя безосновательно переносить сведения об агонах в Ольвии (если они действительно проводились) на Ахиллов Дром ввиду того, что проведение их, тем более панэллинских, в условиях буквально песчаной пустыни, продуваемой морскими ветрами, весьма проблематично. Это отмечает и А.С. Русяева: «По современным природным условиям и ландшафту Тендра менее всего подходила для проведения агонов не только конных, но также в беге и стрельбе из лука в цель или на дальность полета стрелы» [Русяева, 2006, с. 119]. Тем более невозможно полностью поддержать утверждение В.В. Латышева: «В Ольвии в честь Ахилла совершалось празднество с конными ристаниями, установленными по совету Дельфийского оракула, а также с состязаниями в беге, прыжках, метании дисков и копий» [Латышев, 1889, с. 157]. Имеется всего два памятника, косвенно подтверждающих наличие агонов в Ольвии, но без какого-либо упоминания Ахиллова Дрома. Это известный договор между Милетом и Ольвией об исополитии 320 гг. до н.э., где указывалось, что каждый милетянин имеет право «принимать участие в состязаниях» (Milet.I, 3, 136), но не уточнялось, в каких и где, а также в декрете Никерата первой половины II в. до н.э.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

(IOSPEI², 34) — бегло упоминались конные агоны: «при... состязании в конских ристаниях, установленном в честь Ахилла по предсказанию Пифии» [Latyschev, 1916, р. 57–61]. Третий же памятник, обычно присоединяемый к этим, — фрагментированная надпись «о победителе в стрельбе из лука» (IOSPEI², 195), датированная IV(?) в. до н.э., не может даже косвенно свидетельствовать об агонах, поскольку всего лишь гласит: «Я свидетельствую, что славный Анаксагор, сын Димагора, пустил стрелу на 282 оргии (В.Л. — 521,6 м), Фильта же...» [Latyschev, 1916, р. 211–213]. На этом надпись обрывается. Вероятно, далее был указан результат Фильты, но в любом случае это явно не свидетельство агонов, организованных государством, но, возможно, дружеского спора на тему «молодецкой удали». Не удивительно, что по признанию А.С. Русяевой, «в памяти ольвиополитов не сохранилось воспоминания о каких-либо спортивных или мусических агонах в честь Ахилла» [Русяева, 2006, с. 121]. Это подтверждается, в частности, отсутствием данных о подобных агонах в известной речи Диона Хрисостома.

Каков же мог быть истинный смысл словосочетания «Ахиллов Дром», непонятного, как заметил ещё И.И. Толстой, если рассматривать его стереотипно, то есть, как мы видели, – весьма произвольно? Даже если понимать «дромос» только как обозначение движения, то весьма полезно сопоставить этот акт с индоевропейскими представлениями. Движение мыслилось как магическая сущность (метафорически соотносясь с понятием «движение огня»), оно также могло соотноситься, с одной стороны, с понятием зла, а с другой – с понятиями правды, истины [Маковский, 2009, с. 141]. Это вполне коррелирует с пониманием «бро́µос» как «верный, правильный путь» (см. выше). Здесь нелишне напомнить и сходство образа Ахилла с фракийским царем Ресом, поскольку уже в индоевропейской древности *rek' в значении «предводитель, царь» выделяется слово *rek', связываемое этимологически с основой в значении «направлять, выправлять, выравнивать» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 751]. Кстати, движение у индоевропейцев в древности мыслилось как священнодействие, направленное вверх к Небу, к божествам, а также направленное вниз, соединяя Небо и Землю, которые когда-то были двуединым целым. Тем самым движение соотносилось с образом Мирового дерева. Понятие движения связывалось также с понятием Числа – символа мироздания и его божественного устройства. Кроме того, в целом ряде случаев значение «движение» соотносилось со значением «язык, речь» [Маковский, 2009, с. 142-143].

Важнейший момент находим в Эпире, относительно почитания Ахилла. По Плутарху (Руггh. 1), Неоптолем, сын Ахилла, придя сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов. Несмотря на то, что при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, с момента завоевания и до времен, по крайней мере, Плутарха, там чтили наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом [Плутарх, 1963, с. 38]. Данное сообщение подтверждается глоссой Гесихия «Аспет» – Hsch. s.u. Ἄσπετος, όλχιλλεὺς ὲν Ἡπέιρφ, ὥς φηισιν Ἀριστοτέλης ὲν Ὀπουντίων πολιτέια

(FHGII: 145, Fr. 121) – «Аспет – Ахилл в Эпире, как говорит Аристотель в Опунтской политии» [Müller, 1841, р. 145]. Здесь отметим следующее. Царский род Неоптолема мог, как и любой другой, захиреть, но как он впал в варварство? Ответ напрашивается один - возможно, они и до того считались «варварами» (учитывая их «местное наречие», подчеркнутое Плутархом), а не «чистыми» греками. Примечательно, что Пиндар (Nem.IV, 46-48, 52) сравнивает Ахилла, царствующего «на Евксинском блистательном острове», в частности, с тем, как царствует его сын «Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире» [Пиндар, 1980, с. 128]. Следует отметить, что Эпир представлялся в древности не просто одной из областей Греции. Вот что сказано по этому поводу в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам... Постепенно это значение сузилось, и слово Эпир стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Хотя Эпир и относится к числу областей Собственной Греции, но племена, населявшие его в историческую пору, считались «варварскими»: это были ветви индоевропейской расы, родственной иллирийцам. Современными учеными поддерживается мнение, что расселение эллинов с севера на юг началось с Эпира, который может быть признан колыбелью греческого народа, впоследствии вытесненного отсюда движением соседних северных племен» [Брокгауз, Ефрон, 1904, с. 919-920] (В.Л. – выделение наше). Так что Эпир имел с древнейших времен весьма важное значение в индоевропейском аспекте и формировании Эллады, причем – в тесной связи с Ахиллом.

Действительно, пожалуй, главное здесь в контексте нашего исследования — это прозвище Ахилла Аспет, нигде больше не упоминаемое в античных источниках, кроме приведенных выше⁵. Определение, показывающее весомость данного эпитета, находим в армянском языке, где Аспет обычно означало «благородный», «знатный всадник», что приравнивалось к европейскому титулу «рыцарь». В древности Аспет был родовым титулом князей Багратуни (имея первоначальное значение — «глава рода»), которые были церемониймейстерами царского двора и являлись аспетами — возлагателями венцов на армянских царей [Манандян, 1981, с. 234–237]. Аспет — «знатный всадник» неизбежно приводит к сравнению с Фракийским всадником как главой рода, который был, однако, не просто знатным воином, хотя бы и царского рода (как, например, гомеровский Рес), но, имея право венчать царей, видится статусно превосходящим их, являясь эманацией легендарного Первопредка. Армянские параллели с особенностями культа Ахилла в континентальной Греции закономерны, поскольку еще к началу III тысячелетия до н.э. (то есть на уровне диалектного рас-

⁵ Правда, Птолемей Гефестион. (Птолемей Хенн) в «Новой истории для многознающих» (Ptol. Heph. I), сохранившейся в «Библиотеке» Фотия (Cod. 190), указывает это прозвище, не выделяя его среди прочих, у Ахилла: «Аристоник из Тарента сообщает, что Ахилл, когда жил среди девушек в доме Ликомеда, носил имя Керкисера, также его звали Исса, Пирра, Аспет и Прометей». Учитывая сам набор эпитетов и явное несоответствие, в частности смысла слова «аспет» и тогдашнего статуса Ахилла (если не пытаться толковать это как пророчество), данное сообщение представляется несколько сомнительным.

<u> ЫБББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

пада индоевропейской общности) восходит тесное соседство праармянского языка с арийским и прагреческим в Северном Причерноморье. При этом по числу исключительной схожести армянского с другими языками греческий стоит на первом месте, а индоиранские - на втором. Специалисты считают, что, возможно, в начале III тыс. до н.э., когда в Северном Причерноморье существовала греко-индоиранская диалектная общность, к ней примыкали праармянские диалекты, весьма близкие к прагреческим. Обилие в армянском языке слов, объединяющих его с греческим, при сравнительной немногочисленности праязыковых параллелей в индоиранских языках делает весьма правдоподобной ту мысль, что во второй половине III тыс. до н.э. прагреки и праармяне, уже обособившись от праиндоиранцев, продолжали контактировать между собой; установлено также, что фригийский язык имеет схожесть и с греческим, и армянским [Гиндин, Цымбурский, 1995, с. 30]. Последнее существенно, так как известны сообщения Геродота (VII, 73) об армянах как переселенцах из страны фригийцев [Геродот, 1972, с. 334], а также Евдокса Книдского (Steph.Byz. s.v. Άρμενία) о том, что армяне в своем языке имеют «много фригийского» (πολλά φρυγίζουσιν) [Стефан Византийский, 2003]. Не вызывает сомнения реконструкция греко-арийско-армянской пространственной общности, располагавшейся, по всей видимости, на обширной территории, охватывающей центрально-восточные области Балканского п-ова и степные районы Северного Причерноморья [Гиндин, 1971, с. 47]. Можно полагать, что ещё в начале ІІІ тыс. до н.э., когда в Северном Причерноморье существовала греко-индоиранская диалектная общность, к ней примыкали весьма близкие к прагреческим праармянские и прафригийские диалекты Гиндин, Цымбурский, 1995, с. 30]. Во второй половине III тыс. до н.э. из Северного Причерноморья началось движение основной массы прагреков вместе с близко родственными на этом уровне племенами прамакедонцев, прафригийцев и пеонцев (протоармян) на юг Балканского п-ва – приблизительно на территорию Эпира и Древней Македонии [Гиндин, 1992, с. 57-58, 60]. Это и объясняет феномен Ахилла Аспета в Эпире, а также параллели понятию «аспет» в армянском языке.

Любопытно, но, насколько нам известно, никто из исследователей глубоко не анализировал образ Ахилла Аспета. Хотя даже в гимназическом словаре А.Д. Вейсмана ἄσπετος трактуется как «несказанный, неизмеримо большой, неизмеримый, бесконечный» [Вейсман, 1899, с. 207]. Словарь Лиддела-Скотта дает еще более широкое толкование значения «аспет»: «unspeakable, unutterable (со ссылкой на Гомера и Гесиода); most lyinsense of unspeakable great (II. 8, 558; 18, 403); morerarely of number countless (Od. 4, 75)» – «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, р. 233]. Это делает невозможным представление об Ахилле только как о герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами.

Снова вернемся к образу змея Шеши, который, как сказано в «Вишну-пуране (II, 5), называется, в частности, Анантой и «несет весь мир как диадему на голове и

является основой, на которой покоятся семь областей Паталы. Его сила, его слава, его форма, его природа не могут быть описаны, он не может быть постигнут даже самими богами... Земля, устойчиво располагаясь на голове этого Властителя Змей, поддерживает, в свою очередь, целую гирлянду сфер вместе с их обитателями людьми, демонами и богами». Ананта-Шеша тесно ассоциируется с Вишну. Само имя Шеша в переводе означает «то, что остаётся», происходя от санскритского корня śiş. Считалось, что после того как Вселенная разрушается в конце каждой калпы, Шеша остаётся неизменным. Ананта-Шешу обычно изображают как гигантского змея, свернувшегося кольцами в космическом пространстве и плавающего в водах вселенского причинного океана. Его кольца выступают как место отдыха для Вишну и его вечной супруги Лакшми. Пришло время сказать, что Ананта на санскрите означает Бесконечный [Маретина, 2005, с. 33]. В «Вишну-Пуране (I, 19, 47) поясняется это понятие через образ самого Вишну: «пребывающего отдельно (от него самого)». Здесь проводятся различия между Вишну, как видимым миром, и Вишну, как высшим духовным началом (т.е. между Вишну, как первичной материей, и Вишну, как Пурушей) [Вишну-Пурана, 1995]. Перенесение эпитета Ананта с Вишну на Шешу и констатация того, что для последнего «его сила, его слава, его форма, его природа не могут быть описаны, он не может быть постигнут даже самими богами» делает возможным предполагать некоторую аналогию понятий «Аспет» и «Ананта».

Таким образом, эпитет Ахилла Ἄσπετος помогает понять истинную сущность Ахилловых Дромов, которые, как правило, характеризовались у древних своей значительной протяженностью. А утеря греками в историческое время понимания их истинной, божественной сущности и привела к примитивным, «очеловеченным» толкованиям феномена Ахиллова Дрома. Нельзя понимать «δρόμος» примитивно — как «бег» или место ристаний, смысл его значительно шире и глубже, тем более если мы говорим о культах богов, в том числе — о культе Ахилла. Очевидно, об Ахилловом Дроме вполне возможно говорить как о «Пути Ахилла» в том же значении, что и китайское «Дао» («Путь» в смысле «Учения о постижении истины»)⁶, речь идёт о вероятном «истинном учении» — мировоззрении ранних индоевропейцев⁷, уже непостижимом для подавляющего большинства исторических греков, что отразилось в эпитете Ахилла Ἄσπετος. Песчаные, пустынные, длинные пляжи, иногда на фоне более высоких темных частей берега вполне могли напоминать античным мореплавателям гигантских белых змей. Возможно, древние упоминания о таких берегах, типа «много белых змей», следует понимать как «большой змей».

 $^{^6}$ Ср. название основополагающего трактата даосизма «Дао дэ цзин» — «Канон пути и благодати», VI в. до н.э.

⁷ Воплощенном, в частности, через образ Орфея и нашедшем отражение у Эпименида, в некоторых аспектах учения Пифагора, но особенно – в натурфилософии Эмпедокла (см.: Доддс, 2000, с. 146–154). Е.Р. Доддс обоснованно утверждает, что это произошло в результате контактов греков «в Скифии и, вероятно, во Фракии», то есть в Северном Причерноморье.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Очевидно, совершенно не случайно и расположение Страбоном (VII, 3, 16) и Плинием Старшим (NH, VI, 82) «змеиного города» – Офиуссы (от от от смея») в низовьях Тираса (Днестра) [Страбон, 1994, с. 280; Плиний, 2011, с. 171]. Стефан Византийский вообще отождествлял Офиуссу с Тирой [Латышев, 1948, № 3, с. 327]. Все эти данные сегодня ни у кого не вызывают сомнения [Зубарев, 2005, с. 149-150].

Видимо, сами Ахилловы Дромы, от устья Дуная до Керченского пролива, без каких-либо культовых объектов на них были объектами почитания, напоминая Змея-Ахилла — Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью. Это проявилось не только в реально огромных размерах, как в случае с Тендровской косой, но и в эпитетах «великий», «пустой», «белый» и т.п. И служили они, очевидно, символами «Пути Ахилла» — реликтовой памятью представлений о пра-Ахилле (АХІ-Змее) как Верховном божестве и Первопредке ранних индоевропейцев Северного Причерноморья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: наука, 1980. 338 с. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. В 86 тт. Т. XLa. СПб.:Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1904. 496 с.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд-е 5-е. СПб., 1899. 1370 с.

Вишну-Пурана / Пер. с санскр. Т.К. Посовой. СПб.: Общество ведической культуры; Санкт-Петербургское отделение Института востоковедения РАН; Прага: Фонд «Человечество будущего», 1995. 88 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историкотипологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1409 с.

Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя // ВЯ. 1971. № 1. С. 44—53.

Гиндин Л.А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // ВЯ. 1992. № 6. С. 54–64.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и «пра-Аххиява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 14—37.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 тт. Т. 1 [А-Л]. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1044 с.

Доддс E.P. Греки и иррациональное. М.; СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурная инициатива, 2000. 318 с.

Еврипид. Ифигения в Тавриде // Еврипид. Трагедии / Пер. с др.-гр. И. Анненского. В 2 тт. Т. І. М.: Художественная литература, 1969. 638 с.

Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити и дипинти античной Феодосии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 207. С. 77–83.

Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Компания Спутник+, 2005. 364 с.

Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.

Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф, 2005. 311 с.

4 би-хххvII 49

- Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской философии. М.: Наука, 1986. 196 с.
- Киндря Н.А., 2015. Названия животных в индоевропейских языках: Лингвоонтология. М.: Ленанд. 200 с. Коссович И.А. Древнегреческо-русский словарь. Изд-е 3-е. М.: Ленанд, 2015. 366 с.
- Кубланов М.М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма /Отв. ред. В. Д. Бонч-Бруевич. 1957. № 1. С. 222–231.
- *Лазаренко В.Г.* Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Т. VII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2015. С. 30–54.
- *Лазаренко В.Г.* Культ змей в Северном Причерноморье IV—I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила» / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Вип. І. Запоріжжя: Дике Поле, 2016а. С. 37—48.
- *Лазаренко В.Г.* Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Т. VIII / Глав.ред. А.Б. Егоров. СПб., 2016б. С. 13–60.
- *Лазаренко В.Г.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Т. IX. / Отв. ред. И.Ю. Шауб. СПб., 2017. С. 97–152.
- Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов. Часть 2. Богослужебные и сценические древности. СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1889. 327 с.
- *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том І. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. 946 с.
- *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России (находки 1901−1903 годов // Известия Императорской археологической комиссии. Т. 10. СПб.,1904. С. 1−91.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3.
- *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.
- *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 3.
- *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4.
- *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 1.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4.
- *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко. М.: Наука, 1988. 239 с.
- Леман В.П. Новое в индоевропеистических исследованиях // ВЯ. 1991. № 4. С. 5–30.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
- *Маковский М.М.* Индоевропейская этимология: Предмет методы практика. М.: Либроком, 2009. 352 с.
- $\it Маковский M.M.$ Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. Изд-е 4-е. М.: Либроком, 2012. 276 с.
- Маковский М.М. Язык как феномен. М.: Ленанд, 2014. 256 с.
- *Манандян Я.* Труды. Т. IV. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1981. 515 с. (на арм. языке).
- Маретина С.А. Змея в индуистской мифологии (по материалам МАЭ). СПб.: МАЭ РАН, 2005. 140 с.
- Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 326 с.
- Норманская Ю.В. Цветообозначения в древнегреческом языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. Изд-е 2-е. М.: Ком Книга, 2011а. С. 54–65.

<u> Быбыбыбыбыбыбыбы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- Норманская Ю.В. Цветообозначения в санскрите // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. Изд-е 2-е. М.: Ком Книга, 2011б. С. 40–53.
- *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград: Типография, Галерная, 1. 1918. 162 с.
- Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подг. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. 503 с.
- *Плиний Стариий.* Естественная история // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. С. 141–382.
- *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3 тт. Т. II. Перевод с др. гр. С.А. Ошерова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 548 с.
- Помпоний Мела. Хорография // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. С. 17–139.
- Русяева А.С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- *Русяева А.С.* Святилище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. № 4. С. 98–123.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Киев: Адеф-Україна, 2007. 320 с.
- Скржинская М.В. Игры на Ахилловом Дроме // BORYSTENICA-2004: Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Николаев, 2004а. С. 144–149.
- Скржинская М.В. Состязания на древнегреческих праздниках в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004б. № 2. С. 30–39.
- Соломоник Е.И. (отв. ред.). Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). К.: Наукова думка 1978, 139 с. 31 табл.
- Стефан Византийский / Пер. с др.гр. М. М. Холода// Клио. 2003. № 2. С. 26–32.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер. с др. гр. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
- *Топоров В.Н.* Об архаичном слое в образе Ахилла (Проблема реконструкции прототекста) // Образсмысл в античной культуре / Науч. ред. Л.И. Акимова. М.: ГМИИ, 1990. С. 64–95.
- *Топоров В.Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. В 2 тт. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
- *Тохтасьев С.Р.* Контакты Борисфена с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // Археологический сборник. Вып. 38 / Науч. ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. С. 50–58.
- Хоммель Х. Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 53-76.
- *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 484 с.
- Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии. M.:Onebook.ru, 2013. 348 с. *Bravo B.* Unlettre sur plomb de Berezan' // Dialogues d'histoire ancienne. V. I. Paris: l'Institut des Sciences
  - ravo B. Unlettre sur plomb de Berezan'// Dialogues d'histoire ancienne. V. I. Paris: l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974. P. 111–187.
- Eisler R. Boghazköj-Studien zu Homer und Hesiod // L'antiquité classique. Vol. VIII. №. 1, 1939. P. 41–69.
- Haudry J. Die Indoeuropäische Tradition als Wurzel unserer Identität // Mut zur Identität. Alternativen zum Prinzip der Gleichheit / Hrsg.: Pierre Krebs. Struckum: Verlag für ganzheitliche Forschung und Kultur, 1988. S. 105–144.
- Fleischer C. Achilleus // Ausführliches der Griechischen und Römischen mythologie / Herausgegeben von W.H. Roscher. Bd. I-1. Leipzig: Teubner. 1884-1886. Col. 11–66.
- Köehler H.K.E. Mémore sur les iles et la course consacrées a Achille dans lé Pont-Euxin // Mémories de l'Academie Imperiale des Scienes. St. Petersbourg, T. X. 1828. P. 531–819.

- Latyschev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE I²). 2nd ed. V. I. Petropoli. 1916. 598 p.
- Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati: American book company, 1901. 1776 p.
- *Mallory J.P.* In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. London: Thames and Hudson, 1989. 298 p.
- Müller K., Müller T. Fragmenta historicorum Graecorum. V. II. Paris, 1841. 632 p.
- Sophocles. The Plays and Fragments. Part VII. The Ajax.Trans. by R.C. Jebb. Cambridge: At the University Press, 1907. 258 p.
- Tomaschek W. Ἀχιλλέως δρόμος // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, commonly called the Pauly-Wissowa. Bd.I, 1. Stuttgart, 1893. Sp. 221.

REFERENCES

- Agbunov M.V. Antichnaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia. Moscow, Nauka Publ., 1992, 240 p.
- Bongard-Levin G.M. *Drevneindiĭskaiā tsīvilizatsīiā. Filosofiiā, nauka, religiiā.* Moscow, Nauka Publ., 1980, 338 p.
- Brokgauz i Efron. *Éntsīklopedicheskiĭ slovar'*. T. XLa. St. Petersburg, Semenovskaia Tipolitografiia (I.A. Efrona), 1904, 496 p.
- Veĭsman A.D. Grechesko-russkiĭ slovar'. Izd-e 5-e. St. Petersburg, 1899, 1370 p.
- Vishnu-Purana. Trans. by T.K. Posova. St. Petersburg, Obshchestvo vedicheskoĭ kul'tury; Sankt-Peterburgskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia RAN; Praga, Fond CHelovechestvo budushchego, 1995, 88 p.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Viach. Vs. *Indoevropešskii iazyk i indoevropeštsy. Rekonstruktstia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury.* Tbilisi. Tbilisskii University Publ., 1984, 1409 p.
- Gindin L.A.K probleme geneticheskoĭ prinadlezhnosti «pelasgskogo» dogrecheskogo sloiā. *Voprosy* iazykoznaniiā. 1971, № 1, pp. 44–53.
- Gindin L.A. Prostranstvenno-khronologicheskie aspekty indoevropeĭskoĭ problemy i «Karta predpolagaemykh prarodin shesti nostraticheskikh iazykov» V.M. Illich-Svitycha. *Voprosy iazykoznaniia*. 1992, № 6, pp. 54–64.
- Gindin L.A., TSymburskiĭ V.L. Troia i «pra-Akhkhiiava». Vestnik drevneĭ istorii, 1995, № 3, pp. 14–37.
- Gerodot. Istoriia v deviati knigakh. Trans. by G.A. Stratanovskii. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 600 p.
- Dvoretškii I.X. *Drevnegrechesko-russkii slovar'*. T. 1 [A-Λ]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natšional'nykh slovareĭ, 1958. 1044 p.
- Dodds E.R. *Greki i irratsional'noe*. Moscow,St. Petersburg, Moskovskiĭ filosofskiĭ fond; Universitetskaiā kniga; Kul'turnaiā initsiativa Publ., 2000. 318 p.
- Evripid. Ifigeniia v Tavride. *Evripid. Tragedii*. Trans. by I. Annenskii. T. I. Moscow, Xudozhestvennaia literatura Publ., 1969, 638 p.
- Emets I.A., Peters B.G. Graffiti i dipinti antichnoĭ Feodosii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*. 1993, 207, pp. 77–83.
- Emets I. A. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Bospora Kimmeriiskogo: Tipologiia i metodika issledovaniia. Moscow, Kompaniia Sputnik, 2005, 364 p.
- Zubarev V.G. *Istoricheskaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoĭ pis'mennoĭ traditsīi*. Moscow, IAzyki slaviānskoĭ kul'turyPubl., 2005, 504 p.
- Ivanchik A.I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII-VII vv. do n.ė. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoriia. Moscow; Berlin, Paleograf Publ., 2005. 311p.
- Këiper F.B.IA. Trudy po vediiskoi filosofii. Moscow, Nauka Publ., 1986. 196 p.
- Kindria N.A. *Nazvaniia zhivotnykh v indoevropeĭskikh iazykakh: Lingvoontologiia*. Moscow, Lenand Publ. 200 p. Kossovich I.A. *Drevnegrechesko-russkiĭ slovar'*. Izd-e 3-e. Moscow, Lenand Publ., 2015. 366 p.
- Kublanov M.M. Legenda o ristalishche Akhilla i ol'viĭskie agonisticheskie prazdnestva. *Bonch-Bruevich V. D.* (Ed.). Ezhegodnik Muzeiā istorii religii i ateizma. 1957, № 1, p. 222–231.

<u> Быбыбыбыбыбыбыбы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- Lazarenko V.G. Obraz Zmeia i arkhaicheskiĭ kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Egorov A.B. (Ed.). Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii.* T. VII. St. Petersburg, 2015, pp. 30–54.
- Lazarenko V.G. Kul't zmeĭ v Severnom Prichernomor'e IV-I tysiācheletiĭ do n.ė. *Mikhaĭlov IĀ.B. (Ed.). Visnik Natsīonal'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'iāna Mogila»* Vip. I. Zaporizhzhiā, Dike Pole Publ., 2016a, pp. 37–48.
- Lazarenko V.G. Ranniĭ period arkhaicheskogo kul'ta Akhilla v Severnom Prichernomor'e *Egorov A.B. (Ed.). Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii.* T. VIII. St. Petersburg, 2016b. pp. 13–60.
- Lazarenko V.G. Kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e i Frakiĭskiĭ vsadnik. *SHaub I.IU. (Ed.). Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii.* T. IX. St. Petersburg, 2017, pp. 97–152.
- Latyshev V.V. Ocherk grecheskikh drevnosteĭ. Posobie dlia gimnazistov starshikh klassov i dlia nachinaiūshchikh filologov. CHast' 2. Bogosluzhebnye i stsenicheskie drevnosti. St. Petersburg, Tipografiia V. Bezobrazova, 1889, 327 p.
- Latyshev V.V. *Izvestiiâ drevnikh pisateleĭ grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*. Tom I. Grecheskie pisateli. St. Petersburg. Tipografiiâ Imperatorskoĭ akademii nauk, 1890, 946 p.
- Latyshev V.V. Ėpigraficheskie novosti iz iūzhnoĭ Rossii (nakhodki 1901–1903 godov. *Izvestiia Imperatorskoĭ arkheologicheskoĭ komissii*. T. 10. St. Petersburg, 1904. pp. 1–91.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1947, № 1.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1947, № 2.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1947, № 3.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1947, № 4.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1948, № 1.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1948, № 3.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1948, № 4.
- Latyshev V.V. Izvestii
â drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1949,
  $\ensuremath{\mathbb{N}}\xspace$ 1.
- Latyshev V.V. Izvestii $\widehat{a}$ drevnikh pisatele $\widecheck{i}$ o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevne\widecheck{i} istorii*, 1949, Nº 2.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevneĭ istorii*, 1949, № 3.
- Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisateleĭ o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevneĭ istorii, 1949, № 4.
- Lev Diakon. Istoriia. Trans. by M.M. Kopylenko. Moscow, Nauka Publ., 1988, 239 p.
- Leman V.P. Novoe v indoevropeisticheskikh issledovaniiākh. V*oprosy iãzykoznaniiâ*, 1991. № 4. pp. 5–30.
- Makovskiĭ M. M. Sravnitel'nyĭ slovar' mifologicheskoĭ simvoliki v indoevropeĭskikh i@zykakh: Obraz mira i mir obrazov. Moscow, Vlados Publ., 1996. 416 p.
- Makovskiĭ M.M. *Indoevropeĭskaiā ėtimologiiā*: *Predmet metody praktika*. Moscow, Librokom Publ., 2009. 352 p.
- Makovskii M.M. Fenomen tabu v traditsiiakh i v iazyke indoevropeitsev: Sushchnost', formy, razvitie. Izd-e 4-e. Moscow, Librokom Publ., 2012. 276 p.
- Makovskii M.M. IAzyk kak fenomen. Moscow, Lenand Publ., 2014. 256 p.
- Manandian IA. Trudy. T. IV. Erevan, AN Arm. SSR Publ., 1981, 515 p. (in armenian).
- Maretina S.A. Zmeiā v induistskoĭ mifologii (po materialam MAĖ). St. Petersburg, MAĖ RAN, 2005, 140 p.
- Normanskaiā IU.V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznacheniĭ v drevnikh indoevropeĭskikh iazykakh.* Moscow, Institut iazykoznaniia RAN, 2005. 326 p.
- Normanskaia IU.V. TSvetooboznacheniia v drevnegrecheskom iazyke. *Vasilevich A.P. (Ed.). Naimenovaniia tsveta v indoevropeĭskikh iazykakh: Sistemnyĭ i istoricheskiĭ analiz.* Izd-e 2-e. Moscow, Kom Kniga Publ., 2011a, pp. 54–65.
- Normanskaiā IU.V. TSvetooboznacheniiā v sanskrite.Vasilevich A.P. (Ed.). *Naimenovaniiā tsveta v indoevropeĭskikh iāzykakh: Sistemnyĭ i istoricheskiĭ analiz*. Izd-e 2-e. Moscow, Kom Kniga Publ., 2011b, pp. 40–53.
- Tolstoĭ I.I. Ostrov Belyĭ i Tavrika na Evksinskom Ponte. Petrograd: Tipografiia, Galernaia, 1. 1918, 162 p.

- Pindar. Vakkhilid. Gasparov M.L. (Ed.). Ody. Fragmenty. Moscow, Nauka Publ., 1980, 503 p.
- Pliniĭ Starshiĭ. Estestvennaia istoriia. Podosinov A.V., Skrzhinskaia M.V. Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponiĭ Mela i Pliniĭ Starshiĭ. Teksty, perevod, kommentariĭ. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 141–382.
- Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisanii*a. T. II. Trans. by S.A. Osherov. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 548 p. Pomponiĭ Mela. Xorografiia. *Podosinov A.V., Skrzhinskaia M.V. Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponiĭ Mela i Pliniĭ Starshiĭ. Teksty, perevod, kommentariĭ.* Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 17–139.
- Rusiaeva A.S. Kul'tovi predmeti z poselennia Beĭkush poblizu o-va Berezan'. *Arkheologiia*, 1971, № 2, pp. 22–29.
- Rusiaeva A.S. Sviatilishche Akhilla na Tendre v kontekste istorii i religii Ol'vii Pontiĭskoĭ. *Vestnik drevneĭ istorii*, 2006, № 4, pp. 98–123.
- Saprykin S.IU., Maslennikov A.A. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora*. Kiev: Adef-Ukraïna Publ., 2007. 320 p.
- Skrzhinskaia M.V. Igry na Akhillovom Drome. KryzhitskiiS.D.(Ed.) BORYSTENICA-2004: Materialy mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii k 100-letiiû nachala issledovaniĭ ostrova Berezan' Ė.R. fon SHternom. Nikolaev, 2004a, pp. 144–149.
- Skrzhinskaiā M.V. Sostiāzaniiā na drevnegrecheskikh prazdnikakh v Severnom Prichernomor'e *Rossiiskaiā* arkheologiiā, 2004b, № 2. pp. 30–39.
- Solomonik E.I. (Ed.). *Graffiti antichnogo Xersonesa (na chernolakovykh sosudakh)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 139 p., 31 tabl.
- Stefan Vizantiĭskiĭ. Trans. by M. M. Xolod. *Klio*, 2003, № 2, pp. 26–32.
- Strabon. Geografia v 17 knigakh. Trans. by G.A. Stratanovsky. Moscow Ladomir Publ., 1994. 944 p.
- Toporov V.N. Ob arkhaichnom sloe v obraze Akhilla (Problema rekonstruktšii prototeksta). *Akimova L.I. (Ed.) Obraz-smysl v antichnoĭ kul'ture* / Nauch. red. Moscow, GMII, 1990, p. 64–95.
- Toporov V.N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy.* T. 1. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevneĭ Rusi Publ., 2010, 448 p.
- Tokhtas'ev S.R. Kontakty Borisfena s Bosporom v arkhaicheskiĭ period v svete ėpigraficheskikh istochnikov. *Alekseev A.IU. (Ed.) Arkheologicheskiĭ sbornik.* 38. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ėrmitazha, 2010, pp. 50–58.
- Xommel' H. Akhill-bog. Vestnik drevneĭ istorii, 1981, № 1, pp. 53–76.
- Shaub I. IU. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. do n.ė.).* St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007, 484 p.
- IAĭlenko V.P. Ocherki ėtnicheskoĭ, politicheskoĭ i kul'turnoĭ istorii Skifii. Moscow, Onebook.ru Publ., 2013. 348 p.
- Bravo B. Unlettre sur plomb de Berezan'. *Dialogues d'histoire ancienne*. V. I. Paris, l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974, pp. 111–187.
- Eisler R. Boghazköj-Studien zu Homer und Hesiod. L'antiquité classique. Vol.VIII, №. 1, 1939, pp. 41–69.
- Haudry J. Die Indoeuropäische Tradition als Wurzel unserer Identität. Mut zur Identität. Alternativen zum Prinzip der Gleichheit. Hrsg.: Pierre Krebs. Struckum: Verlag für ganzheitliche Forschung und Kultur, 1988, S. 105–144.
- Fleischer C. Achilleus. *Ausführliches der Griechischen und Römischen mythologie*. Herausgegeben von W.H. Roscher. Bd. I-1. Leipzig, Teubner, 1884-1886, col. 11–66.
- Köehler H.K.E. Mémore sur les iles et la course consacrées a Achille dans lé Pont-Euxin. *Mémories de l'Academie Imperiale des Scienes*. St. Petersbourg. T. X. 1828, pp. 531–819.
- Latyschev B. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE I²). 2nd ed. V. I. Petropoli, 1916, 598 p.
- Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati, American book company, 1901, 1776 p.
- Mallory J.P. *In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth.* London, Thames and Hudson, 1989, 298 p.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Müller K., Müller T. Fragmenta historicorum Graecorum. V. II. Paris, 1841, 632 p.

Sophocles. *The Plays and Fragments*. Part VII. The Ajax. Trans. by R.C. Jebb. Cambridge, At the University Press, 1907, 258 p.

Tomaschek W. Άχιλλέως δρόμος. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, commonly called the Pauly-Wissowa. Bd.I, 1. Stuttgart, 1893, Sp. 221.

Резюме

Большинство древних упоминаний об Ахилловом Дроме не содержат его точной локализации, распространяя её суммарно от устья Дуная до Керченского пролива. Нередко говорится только о «береге» (пустынном, длинном, ровном), иногда указывается на множественность Ахилловых Дромов. Вероятно, они сами, без каких-либо культовых объектов на них, были объектами почитания. Возможно допустить, что они напоминали образ Змея — Верховного бога индоевропейцев, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью.

Ключевые слова: Ахиллов Дром, змеи, культ, Северное Причерноморье, индоевропейская общность.

Summary

The majority of ancient mentions of Achilles' Drome do not contain its exact localization but spreading it from the Danube mouth to the Kerch Strait. It often refers only to the "shore" (a desolate, long, flat), sometimes it is indicated on the plurality of Achilles' Dromes. Probably the Dromes themselves, without any cult objects, were the objects of great veneration. It is possible to assume that with the main characteristics: greatness, infinite, unknowable, they resembled the Snake – the Supreme God of Indo-Europeans.

Key words: Achilles' Drome, snakes, cult, Northern Black Sea region, Indo-European community.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор. Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова». 426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7. Заведующий кафедрой. lazvgr@yandex.ru. +7 - 912-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution of higher education "Izhevsk' state technical University named after M. T. Kalashnikov". 426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
Head of department. lazvgr@yandex.ru. + 7 - 912-853-0667.

H.B. MOЛЕВА N.V. MOLEVA

ВОДНАЯ СТИХИЯ И МОРЕПЛАВАНИЕ В КУЛЬТЕ АФРОДИТЫ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И НА БОСПОРЕ WATER ELEMENT END NAVIGATION IN THE CULT OF APHRODITE IN ANCIENT GREECE AND THE BOSPORUS

Самая прекрасная богиня Олимпийского Пантеона Афродита, в основном известна как покровительница в любовных делах, устроительница браков, обеспечивающих человеческое плодородие и бессмертие рода. В первичной своей ипостаси Афродита олицетворяла силы природы, в частности ее производительные силы. Как богиня жизни, красоты и цветущей весны, она дарила земле и людям вечное изобилие, являясь основой человеческого бытия и залогом извечного существования [Трофимова, 2005: 17]. Считается, что именно такой культ, где любовь выступает как необходимая составляющая для продолжения жизни, пришел к грекам из Малой Азии в начале І тысячелетия до н.э. Геродот неоднократно обращает внимание на то, что Афродита почиталась в Персии, Палестине, Сирии (Нег. І.105.131.199; ІІ.41.112.181). По своей сути этот древний культ был близок к поклонению Иштар (Ашторет), Астарты и Исиды. Космическая сущность Афродиты, очень популярная в Греции и ее колониях, особенно на Боспоре, выразилась в ее эпиклесе «Урания» (Небесная). Кстати, по мнению некоторых исследователей и в этой своей ипостаси она имела «теснейшую связь с морем» [Русяева, 2001: 19]. Земные же ее прозвища, такие как «Эпитрагия» (на козле), «Энкепойс» (в садах) и некоторые другие, свидетельствуют о том, что издревле эта богиня была покровительницей стад и садов. Для человека, как части живой природы, она была пособницей в любви, браках, свадьбах и деторождениях [Молева, 2002: 96]. Афродита-Пандемос являла собой простонародную форму культа и покровительствовала гетерам и проституции [Лосев, 1980: 133]. Не случайно обычай религиозной проституции был учрежден в храме Афродиты в Пафосе на острове Кипр [Фрезер, 1983: 313,315].

У этой богини имела место и ее хтоническая сущность, происхождение которой не совсем понятно. Она выражалась в ее эпитетах, напоминающих о подземном мире: «Меланида» (черная), «Скотия» (темная), «Эпитимбия» (могильная), упоминаемых Павсанием и Плутархом [Грейвс, 1992: 50; Молева, 2002: 96,105; Шауб, 2007: 331]. Во всяком случае на Боспоре «хтонические черты составляли неотъемлемую часть образа и культа боспорской Афродиты» [Бунин, 2001:130].

Вероятно, одним из проявлений хтоничности Афродиты была и ее связь с морем, а впоследствии и с мореплаванием. Такого качества не было у ее восточных прототипов. Откуда же пришли эти черты?

Вода играла колоссальную роль в античном сознании как всепорождающее лоно [Лосев, 1996: 75]. Считаясь первоэлементом Вселенной (prima materia), она была священной, имела спасительную силу и оказывала омолаживающее действие. Не случайно одним из важнейших элементов языческих культов было возлияние, а в результате сакрального омовения происходило физическое и духовное возрождение [Маковский, 1996: 76,249]. Вместе с тем, стихия воды в представлении древних носила двойственный характер, соответствуя дихотонии «жизнь – смерть». Олицетворяя спасение, силу и здоровье, она могла также нести человеку гибель; в этом проявлялась ее негативная символика. Как исходное состояние всего сущего, вода являлась также эквивалентом хаоса, источником зла, страданий и смерти [Маковский, 1996: 78,251]. При этом она воспринималась как женское начало [Аверинцев, 1980: 240].

Воды, омывающие землю, считались Океаном. В мифологии он сын Урана и Геи (Hes. Theog.133). На крайнем западе Океан омывал границу между мирами жизни и смерти, где была вечная ночь и вход в Аид [Тахо-Годи, 1982: 249; Любкер, 2005: 758]. В отличие от всех вод вообще Океан представлялся как мужское начало, был источником всякого движения, превращенного в деятельность [Лосев, 1996: 764]. Вместе со своей супругой Тефидой он породил 3000 дочерей-Океанид и 3000 сыновей-рек [Тахо-Годи, 1982: 249].

Такое отношение к водам (океану, морям, рекам, источникам) породило в мифологии и религии греков огромное количество богов и божеств, обитателей водных пучин. Их число гораздо больше, чем пантеон обитателей Олимпа и божеств, населяющих леса, горы и сады. Вергилий называл их «влажным народом безмерного моря» (Verg. Georg. IV.431–432). Именно море было необходимо древним грекам для коммуникаций между собой, воинственных набегов и грабежей, торговли и выведения колоний. Но оно же представляло и наибольшую опасность при плавании, грозя смертью и отсутствием погребения в земле отчизны. Поэтому неудивительно, что неизведанный, в отличие от земли, гор, лесов и садов, мир моря был так густо заселен в воображении древних эллинов.

Главными владыками морских пучин были Посейдон, брат Зевса, и его жена Амфитрита – одна из Нереид (Hes. Theog. 240). Сам Посейдон был богом могущественным, грозным, неприветливым и злобным. Он управлял не только морской стихией, но и был «колебателем земли», в чем также проявлялся его буйный нрав. Его культ повсюду связан с бедствиями, сопровождавшими его гнев бурями и наводнениями. Удар трезубца (его фетиш) вызывал все эти губительные явления. Дети его и Амфитриты (к примеру, Полифем) ужасны и чудовищны [Тахо-Годи, 1980: 73; Лосев, 1982: 323–324]. В этом хтоническом боге сосредоточилось все неспокойное и сердитое [Любкер, 2005: 884]. Редкие его положительные эпиклесы «Асфалий» (дающий безопасность) и «Сосиней» (спаситель кораблей) почти не применялись. Однако жертвы, призванные умилостивить этого бога, приносились повсюду. А храмы в его честь возводились в Аттике, на островах, в колониях.

Кроме главных владык морского мира, в морских пучинах обитали древние, доолимпийские боги, более благосклонные к смертным. Это морские богини Фетида и Метида, старец прорицатель и волшебник Нерей, богиня Лефкотея, заботящаяся о спасении утопающих [Алексинский, 2009: 13]. В пеласгическом мифе творения рассказывается об Эвриноме, танцующей над волнами и отложившей в воды мировое яйцо [Грейвс, 1992: 15,42; Алексинский, 2009: 11-15].

В море обитали божества, объединившие антропоморфные и зооморфные черты. Среди них есть те, кто индифферентно относились к людям, но по большей части это были ужасные чудовища, несущие смерть. К первым относятся: Главк, синебородый и синеволосый; Тритон, трубящий в раковину. У обоих снизу имелись рыбьи хвосты. Условно к этой группе можно отнести Гиппокампа с чертами лошади и дракона. К ним же относятся Океаниды и 50 Нереид — прекрасных дев, раскатывающихся по водам на дельфинах, гиппокампах.

Враждебных человеку морских чудовищ также было очень много. Это Граи с одним зубом и одним глазом на троих; Горгоны, в частности, знаменитая Медуза [Грейвс, 1992: 93; Алексинский, 2009: 13]; Ехидна и ее дети Гидра и Химера; многоголовая Скилла, соединяющая черты женщины, собак и змей; Сирены, обитающие на островах посреди моря. В сочетании все они образуют очень мощный сонм хтонических морских сил, творящих зло, пугающих человека и почитаемых им. Остановить продвижение людей по морям они оказались бессильны.

Особое место среди морских божеств занимает Афродита. Вполне вероятно, что море роднит ее с минойской Морской богиней. До нас дошли ее изображения, и хотя их немного, особенности этой богини как Владычицы моря и покровительницы мореплавания в них довольно ярко выражены. Она полностью обнажена, иногда держит в руках якорь. Из Идейской пещеры происходит украшение с изображением этой богини, дующей в раковину Тритона [Грейвс, 1992: 34]. Особенно показательно ее изображение на шитке золотого перстня с острова Мохлос: обнаженная богиня сидит на корабле с высоким изогнутым форштевнем, украшенным головой морского конька (рис. І). Ю.В. Андреев трактует эту сцену как акт первотворения мира из хаоса водной стихии. В этом кольце воплощены мотивы эпифании богини и сотворение ею мира [Андреев, 2002: 281–282; 288–291. Рис. 66]. Несомненна также связь этого культа с почитанием раковин, изображения которых мы видим на многочисленных вазах «морского стиля» середины II тысячелетия до н.э. (рис. II), в сюжете которых часто присутствуют обитатели морских глубин, в частности, осьминоги и каракатицы. Такие же изображения из «жизни моря» представлены на фресках минойских дворцов (рис. III,1). При раскопках дворцов в Кноссе, Фесте и Маллии были обнаружены и сами раковины, а также их модели, выполненные из глины, бронзы или золота [Сапрыкин, 2009: 196]. Насыщенность критского искусства такими культовыми символами придает минойской религии оттенок фетишизма, присущий ей в большой степени [Андреев, 2002: 239-240]. Все «морские» изображения и предметы являются сакральными по своему характеру.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Отметим, что впоследствии, вплоть до первых веков н.э., раковины являлись непременным атрибутом морской Афродиты. Их ассортимент невелик — это мурекс (использовался для получения пурпура), сердцевидка, гребешок, каури и так называемая «раковина Тритона» (рис. III, 1—7). Их часто находят на территории святилищ, в частности на Боспоре (Пантикапей, Нимфей, Китей). Раковины использовались как обереги, талисманы, украшения или вместилища для хранения румян и притираний [Горская, 2009: 39-40]. Так, в Китейских святилищах, в которых отправлялся культ Афродиты, были сделаны две замечательные находки: белая раковина гребешка с румянами внутри на центральном святилище и ожерелье из разноцветных раковин гребешка в районе святилища у восточной крепостной стены [Молев, 1992: 19], датированное I в. до н.э. — I в. н.э. (рис. III,4).

С раковинами также связано использование жемчуга в уборе Афродиты, в частности в ее знаменитом поясе. Плиний Старший упоминает о том, что Цезарь украсил доспехи, посвященные им Венере Прародительнице, британским жемчугом (Plin. NH. IX.116), а также о серьгах на статуе Венеры, сделанных из знаменитой распиленной пополам жемчужины Клеопатры (Plin. NH. IX.121). Поэтому вполне вероятной будет гипотеза о том, что почитание Афродиты в ее морской ипостаси с сопутствующими ей раковинами, жемчугом, дельфинами, начала проникать в греческий мир со второй половины II тысячелетия до н.э., а ее прототипом была минойская Морская богиня. Ведь контакты греков с Критом и Эгейскими островами были давними, непосредственными и осуществлялись по морю.

Рассуждая о многочисленных и слишком разнообразных функциях Афродиты, следует иметь в виду, что очень сложный образ этой богини сформировался из сакральных представлений разных регионов древнего мира. Что же касается морских особенностей Афродиты, то они, видимо, зарождались в минойской культуре, а во второй половине ІІ тысячелетия до н.э. уже имел место образ обнаженной богини, окруженной птицами (голубями), представленный на тонких золотых пластинах из погребений [Зайцев, 2004: 161]. Кроме голубей, появляется еще один символ этой богини — заяц на пластине из Тель-Атчаны [Андреев, 2002: 460. Рис. 128]. На этой пластине, кстати, изображены и голуби, и зайцы.

В религиозных представлениях греков Афродита изначально связана с морем обстоятельствами своего рождения. Гомер считал ее дочерью Зевса и морской нимфы Дионы, чьим отцом, в свою очередь, был Океан (II., X.370). Однако в Греции был более популярен миф об оскоплении Урана Кроносом, бросившим его окровавленные гениталии в море. Из крови и семени Урана образовалась морская пена (ἀφρός), из которой появилась на поверхности моря обнаженная Афродита Афрогенейя (пенорожденная) или Анадиомена (выныривающая из воды) (рис. IV, 2-3). Она добралась на раковине (!) сначала до острова Кифера, затем – до Кипра (Нев. Theog.189-206). Там, в городе Пафос, находился ее главный храм, жрицы которого, каждую весну омываясь в море, выходили из него девственными и обновленными [Грейвс, 1992: 34]. Кстати, на Кипре же искупавшаяся в морских волнах

Афродита вернула себе девственность после скандала из-за измены мужу (Od. VIII. 266-367) и стала возлюбленной Посейдона, родив от него двух сыновей. Связь с морской стихией в мифологии Афродиты, таким образом, несомненна. На Кипре сразу же после рождения Афродиты были обретены и ее традиционные золотые украшения, преподнесенные Горами: диадема, серьги и ожерелье [Алексинский, 2009: 16].

Большую известность в Греции получил культ Афродиты Понтии (морской). Он был распространен в греческих городах, а если они находились за пределами материковой Греции, то только в среде греческого населения [Сапрыкин, 2009: 194.202]. И места почитания этой богини, и ее атрибуты (раковины), и животные-спутники (дельфины, каракатицы и, может быть, осьминоги) неразрывно связаны с морем (рис. V, 1-3). Эту связь и морские особенности культа отмечал в свое время Фарнелл [Farnell, 1896: Vol. I]. Афродита Понтия считалась покровительницей мореплавания, и ее культ имел место в Северном Причерноморье, в частности в Ольвии, что зафиксировано находками и надписью. Он был заимствован ольвиополитами у своей метрополии Милета, где на холме у моря существовало ее святилище [Русяева, 2004: 21], и распространен среди определенного круга граждан морских профессий [Русяева, 1992:104—105]. Надпись III в. до н.э. повествует о том, что жрец ее культа посвятил алтарть Афродите Понтии и золотой венец для ее статуи [Надписи Ольвии. № 68].

Считается, что дельфин, существо благожелательное к людям и спасительное (Plin. NH. IX.24), был спутником Афродиты Понтии и Эрота. Их изображения на дельфине и с дельфином часто встречаются в греческом искусстве, начиная с IV в. до н.э. (рис. IV,1).

Афродита Лимения, или Лимнесия (рис. V,1,3) считалась покровительницей гаваней. Ее культ утвердился, прежде всего, на островах и побережьях. Особенно много храмов в ее честь было воздвигнуто у гаваней и на морских берегах [Любкер, 2005: 147]. Павсаний пишет о том, что ее храмы и статуи размещались «около самой пристани, где обыкновенно останавливаются корабли (Paus. II, 29.6; 34.11; 37,2). Считалось, что Афродита Лимения доводит корабли до гаваней. Близки ей по своим функциям были Афродита Эвплойя (счастливо плавающая) и Афродита Геленая (спокойная), усмиряющая бурные морские волны [Любкер, 2005: 147]. В этих своих ипостасях богиня почиталась мореплавателями как обеспечивающая удачу в морских предприятиях. В Палатинской анталогии Афродите Лимении, Эвплойе, Геленае посвящены такие строки:

Это владенье Киприды. Отсюда приятно богине Видеть всегда пред собой моря зеркальную гладь; Ибо она благосклонна к пловцам, и окрестное море Волны смиряют свои, статую видя ее.

(ІХ. 144. Пер. Л.В. Блуменау).

Расцвет таких морских культов по всему античному миру приходится на эллинистический период [Русяева, 1992: 105–106].

Но самой популярной богиней среди судостроителей, судовладельцев, судоначальников и моряков вообще была Афродита Навархида (судоначальница). Нередко она изображалась с веслом (рис. VI). Распространение этого ее культа, вероятно, также относится к эллинистическому времени, а в первых веках н.э. он получил свое дальнейшее развитие [Харко, 1946: 137]. Эта богиня, хоть и морская по своей сути, прежде всего покровительствовала широкому кругу людей, связанных не только с торговым мореплаванием, но и с военными операциями на море, а также — строителям судов. Так, в Пантикапее известно надгробие Сиса, кораблестроителя (КБН 513). Весьма часто такие граждане в крупных городах объединялись в фиасы и синоды, которые были не только религиозными союзами, посвященными богине, но и профессиональными.

В связи с этим культом хочется остановиться на боспорских памятниках, имеющих прямое отношение к Афродите Навархиде. Несмотря на то, что в целом на Боспоре с VI в. до н.э. доминировал и был очень популярен культ Афродиты Урании и Афродиты Апатуры (15 посвящений, десятки граффити, святилища и храмы в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии, Китее, Кепах, Фанагории, Горгиппии, Гермонассе), богиня в ее морских ипостасях тоже активно почиталась [Бунин, 2004:107]. Связь ее культа с морем фиксируется терракотами, фигурными сосудами [Шауб, 2007: 326], находками раковин и их изображений (рис. III,2-7). Особенно показательными в этом плане являются эпиграфические памятники.

Самой ранней надписью, упоминающей Афродиту Навархиду, было посвящение из Пантикапея, сделанное на мраморном постаменте для парной статуи и относящееся к середине – второй половине I в. до н.э.

В царствование царя царей великого Асандра, друга римлян, спасителя, и царицы Динамии наварх Панталеонт (посвятил) Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде.

(КБН.30).

Эта надпись выполнена по заказу наварха (командира корабля), который посвятил парную статую упомянутых богов в храм. Любопытно, что это единственный факт совместного почитания Посейдона и Афродиты. Обычно Посейдон фигурирует в надписях и изображениях вместе с Амфитритой [Тахо-Годи, 1980: 73]. В представленной надписи Посейдон, от которого выводили свою родословную боспорские цари (КБН.53), предстает в очень редком качестве «спасителя кораблей», в то время как Афродита выступает в роли судоначальницы. Несомненно, что обстоятельства установки такой статуи с надписью связаны со счастливым окончанием какого-то военно-морского предприятия государственного характера.

Вторая надпись, выполненная на мраморной плите, происходит из Горгиппии и относится к 110 г. н.э.

В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга Цезаря и друга римлян, благочестивого, Фарнакион, сын Пофа, наместник

Молева Н.В. Водная стихия и мореплавание ... 55555555555555

Горгиппии, воздвиг, согласно своему обету, на собственные средства храм богине Афродите Навархиде в 407 году месяце Даисии.

(КБН.1115).

Культ Афродиты Судоначальницы, согласно этой надписи, бесспорен, так же как и возведение храма в ее честь. Такое дорогое предприятие, да еще «на собственные средства», было обеспечено не просто очень богатым человеком, но и представителем высшего ранга государственной власти. Кстати, при раскопках Горгиппии были обнаружены изображения Афродиты в глине, мраморе, бронзе и золоте [Алексеева, 1997: 220-223].

Кроме того, нам известно, что в Горгиппии проживало большое количество навклеров (судовладельцев), патроном которых считался Посейдон. Одна из надписей повествует о том, что во второй половине ІІ в. н.э. фиас навклеров воздвиг статуи и восстановил от основания ранее существующий храм (КБН. 1134). С.А. Жебелев считает этот фиас, насчитывающий 45 членов, объединением вокруг божества, связанного с морской стихией. Однако носило оно профессиональный характер и преследовало практические цели, в том числе и взаимопомощь [Жебелев, 1934: 54]. Во главе этого объединения стояли высшие государственные чиновники, в том числе наместник Горгиппии, а вклад в этот фиас и предприятие по возобновлению строительства храма был внесен от имени боспорского царя Савромата II [Алексеева, 1997: 213; Скржинская, 2009: 192].

I-II вв. н.э. не случайно отличаются довольно большим количеством надписей, восхваляющих победы на суше (над скифами) и на море, вероятно, над пиратами. Так, одна из частично сохранившихся надписей на мраморной плите из Танаиса повествует о человеке, который в 193 г. н.э. «сделал море свободным для мореплавателей в Понте и Вифинии» (КБН.1237).

Еще один памятник, совершенно уникальный и отражающий морские ипостаси Афродиты, был открыт в Нимфее. Это раннеэллинистическое (конец IV – первая половина III вв. до н.э.) святилище, расположенное на террасах склона, спускающихся к морю, раскопанное в 1977–1983 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н.Л. Грач. В нем присутствуют рустованная кладка, канелированные колонны, профилированные карнизы, широкие лестницы [Грач, 1989: 68]. Главной находкой, имеющей огромное значение для истории Боспора, являются составляющиеся фрагменты упавшей штукатурки (12 х 15 м), поверхность которой занята изображениями кораблей, коней и многочисленными текстами, глубоко процарапанными по цветной штукатурке, выполненной в технике энкаустики (рис. VII,1). Среди последних обращают на себя внимание надписи, сообщающие о датах выхода кораблей в открытое море. Особое значение в них имеют имена Афродиты и Аполлона. Эти боги на фоне корабельной тематики в изображениях и содержаниях многих текстов выступают в роли покровителей мореплавания [Яйленко, 1995: 232]. И если на Боспоре до этой находки фрагментарных изображений кораблей разного времени было известно всего не более 30 [Петерс, 1982: 133-144. Табл. І и приложения к

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

ней], то на нимфейской штукатурке их гораздо больше. Особенно обращает на себя внимание изображение одного корабля, выполненное в технике сграффито уверенной рукой, с подробной передачей деталей. Это триера длиной 1,2 м под названием «Исида» [Грач, 1984: 82]. Время постройки корабля датируется 290–258 гг. до н.э. [Basch, 1985: 140; Грач, 1989: 77]. Над большим кораблем, несомненно побывавшим в нимфейской гавани и произведшим неизгладимое впечатление на нимфейского рисовальщика, имеется четкое изображение гигантской морской чайки и трезубца Посейдона – сакральных символов морских богов (рис. VII,2). Отметим, что кости крыльев такой чайки (определение А. Пантелеев, ЗИН РАН) были найдены в Китее, вблизи алтаря в святилище, где с середины IV в. до н.э. отправлялся культ Афродиты [Молева, 2002: 100]. Почти все корабли, изображенные на штукатурке из Нимфея, парусные, а многочисленные надписи, не подсчитанные и не изданные до сего времени полностью, повествуют о приношениях в святилище, о выходе кораблей в море, о жрецах и жрицах, которых В.П. Яйленко считает представителями царского дома Спартокидова [Яйленко, 1995: 236 –237]. Среди надписей есть образцы стихотворного творчества нимфейцев и характеристики жителей этого города весьма непристойного характера. В посвящениях богам первое место занимает Афродита, к которой жители города обращались запросто: «Άφροδείτη χαίρε – Αфродита, привет» [Яйленко, 1995: 231]. Есть в надписях также упоминания Аполлона и Посейдона [Грач, 1984: 82].

Все вышеизложенное позволило Н.Л. Грач интерпретировать это святилище как морское и связать его с культом Афродиты [Грач, 1989: 68]. Вполне вероятно, что большое количество кораблей, процарапанных нимфейцами стилосом по штукатурке на уровне от плеча до пояса во время церемоний в сочетании с упомянутыми посвящениями, изображениями чайки и трезубца, могут свидетельствовать о принадлежности этого святилища Афродите Навархиде. В любом случае — это самый ранний сакральный памятник, связанный с почитанием Афродиты в ее морских ипостасях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. Т. І. М., 1980. С. 240.

Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1979. 560 с.

Алексинский Д. П. Насельники пучин // Море и мореходство в античной культуре. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 5–17.

Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002. 862 с.

Бунин Д. С. К вопросу о хтонических элементах в культе Афродиты на Боспоре // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. С. 127–131.

Бунин Д. С. К вопросу об обстоятельствах формирования культа Афродиты Урании на Боспоре // Боспорский феномен. Проблемы датировки и хронологии памятников. СПб., 2004. С. 106–111.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., Изд-во «Художественная литература», 1971 г.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: 1972. 600 с.

Гесиод. Теогония. Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963.

Горская О. В. Украшения из морских глубин // Море и мореходство в античной культуре. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 36–40.

- Грач Н. Л. Новый исторический источник из Нимфея // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.
- *Грач Н. Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Государственный Эрмитаж. Л., 1989. С. 61–79.
- *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. П. Лукьяненко. Ред. и послесл. А. А. Тахо-Годи. М., Прогресс, 1992. 620 с.
- Евзлин М. Космогония и ритуал. М., Радикс, 1993. 337 с.
- Жебелев С. А. Фиас навклеров в Горгиппии // Из истории Боспора. М-Л., 1934. С. 45–56.
- Зайцев А. И. Греческая религия и мифология: курс лекций. Ред. Л. Я. Жмудь. СПб., 2004. 208 с.

Корпус боспорских надписей. Отв. ред. В.В. Струве. М-Л., 1965. 952 с.

- *Лосев А. Ф.* Афродита // Мифы народов мира. Т. І. М., 1980. С. 132–136.
- *Лосев А. Ф.* Посейдон // Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. С. 323–324.
- Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М., Эксмо, 2005. 1344 с.
- *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., Владос, 1996. 416 с.
- Молев Е. А. Отчет о работах Китейской экспедиции в сезоне 1992 г. // Архив ИА НАНУ. № 179/125.
- *Молева Н. В.* О культе Афродиты в Китейском святилище // Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 95–107.
- Надписи Ольвии (1917–1965). Под редакцией Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. Л., Наука, 1968. 132 с. 65 таблиц иллюстраций.
- *Петерс Ю. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., Наука, 1982. 211 с.
- Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, Наукова Думка, 1992. 253 с.
- Русяева А. С. Афродита Урания патронесса милетско-понтийской колонизации // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. С. 17–21.
- *Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва-Тула, Гриф и K, 2009. 430 с.
- Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009. 366 с. Словарь античности. Пер. с немецкого. Отв. ред. В.И. Кузищин. М., Прогресс, 1989. 704 с.
- Тахо-Годи А. А. Амфитрита // Мифы народов мира. Т. І. М., 1980. С. 73.
- *Тахо-Годи А.А.* Нереиды // Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. С. 212–213.
- *Трофимова А. А.* Мифы о любви в древнегреческом искусстве // Любовь и Эрос в античной культуре. Ред. Д.В. Журавлев. М., Художник и книга, 2006. С.11–18.
- *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. Вып. XIII. М., 1946. С. 137–142. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1983. 704 с.
- Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204–272.
- *Basch L.* The ISIS of Ptolemay II Philadelphus // The Mariner's Mirror. 1985. Vol. 71. May. № 2. P. 129–152. *Farnell L.R.* The Cults of the Greek States. Vol. I. Oxford, 1986. 510 p.

REFERENCES

- Averintsev S. S. Voda // Miphy narodov mira. T. I. M., 1980. P. 240.
- Alekseeva E.M. Antichnyi gorod Gorgippia. M., 1979. 560 p.
- *Aleksdinski D. P.* Naselniki morskih puchin // More I morehodstvo v antichnoi culture. Katalog vystavki. SPb., 2009. P. 5–7.
- Andreev Yu. V. Ot Evrazii k Evrope. Krit i Aegeiski nir v aepohu bronzy I rannego zheleza. SPb., 2002. 862 p.
- Bunin D. S. K voprosu o htonicheskih aelementah v kulte Aphrodity na Bospore // Bosporski phenomaen. Kolonizatija regiona. Phormirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva. SPb., 2001. P. 127–131.
- Bunin D. S. K voprosu ob obstojatelstvah phormirovanija kulta Aphrodity Ouranii na Bospore // Bosporski phenomaen. Problemy datirovki I hronologii pamjatnikov. SPb., 2004. P. 106–111.
- Vergilij. Bukoliki. Georgiki. EHneida. M., Izd-vo «Hudozhestvennaya literatura», 1971 g.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Gerodot. Istoriya v devyati knigah. Per. i prim. G.A. Stratanovskogo. L.: 1972. 600 s.

Gesiod. Teogoniya. EHllinskie poehty v perevodah V. V. Veresaeva. M., 1963.

Gorskaja O. V. Oukrashenija morskih glubin // More I morehodstvo v antichnoi culture. Katalog vystavki. SPb., 2009. P. 36–40.

Grach N. L. Novyi istoricheskii istochnik iz Nimpheja // VDI. 1984. № 1. P. 81–88.

Grach N. L. Nimpheiskaja arheologicheskaja aekspeditsija (osnovnye itogi issledovanii za 1973-1987 gg.) // Itogi arheologicheskih aekspeditsii. Gosudarstvennyi Aermitazh. L., 1989. P. 61-79.

Greivs R. Miphy Drevnei Grecii. Per. S angl. K.P. Lukjanenko. Red. I poslesl. A.A. Taho-Godi. M., Progress, 1992. 620 p.

Evzlin M. Kosmogonija I ritual. M., Radiks, 1993. 337 p.

Zhebelev S. A. Phias navklerov v Gorgippii // Iz istorii Bospora. M-L., 1934. P. 45–56.

Zaitsev A. I. Grecheskaja relegeja I miphologija: kurs lektsii. Red. L. Ja. Zhmud. SPb., 2004. 208 p.

Korpus bosporskih nsdpisei. Otv. Red. V.V. Struve. M-L., 1965. 952 p.

Losev A.F. Aphrodita // Miphy narodov mira. T. I. M., 1980. P. 132–136.

Losev A.F. Poseidon // Miphy narodov mira. T. II. M., 1982. P. 323-324.

Lubker F. Illustrirovannyi slovar antichnosti. M., Aeksmo, 2005. 1344 p.

Makovski M. M. Sravnitelnyi slovar miphologicheskoi simvoliki v indoevropeiskih jazykah. Obrazy mira I miry obrazov. M., Vlados, 1996. 416 p.

Molev E. A. Otchot o rabotah Kiteiskoi aekspeditsii v sezone 1992 g. // Arhiv IA NANU. № 179/125.

Moleva N. V. O kulte Aphrodity v Kiteiskom svjatilishche // Moleva N. V. Ocherki sakralnji zhizni Bospora. N. Novgorod, 2002. P. 95–107.

Nadpisi Olvii (1917–1965)/ Pod redaktsiei T.N. Knipovich I E.I. Levi. L., Nauka, 1968. 132 p. 65 tablits illustratsii.

Peters B. G. Morskoe delo v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomorja. M., Nauka, 1982. 211 p.

Rusjaeva A. S. Religija I kulty antichnoi Olvii. Kiev, Naukova Dumka, 1992. 253 p.

Rusjaeva A. S. Aphrodita Ouranija – patronessa miletsko-pontiiskoi kolonizatii // Bosporskii phenomen. Kolonizatija regiona. Phormirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva. SPb., 2001. P. 17–21.

Saprykin S. Yu. Religija I kulty Ponta aellinisticheskogo I rimskogo vremeni. Moskva-Tula, Griph I K? 2009. 430 p.

Skrzhinskaja M. V. Drevnegrecheskie prazdniki v Aellade I Severnom Prichernomorje. Kiev, 2009. 366 p.

Slovar antichnosti. Per, s nemetskogo. Otv. Red. V. I. Kuzishchin. M., Progress, 1989. 704 p.

Taho-Godi A. A. Amphgitrita /// Miphy narodov mira. T. I. M., 1980. P. 73.

Taho-Godi A. A. Nereidy // Miphy narodov mira. T. II. M., 1982. P. 212–213.

Trophimova A. A. Miphy o lubvi v drevnegrecheskom iskusstve // Lubov I Aeros v antichnoi culture. Red. D.V. Zhuravlev. M., Hudozhnik I kniga, 2006. P. 11–18.

Harko L.P. Kult Aphrodity na Bospore Kimmeriiskom // KSIIMK. Vyp. XIII. M., 1946. P. 137–142.

Frezer D. D. Zolotaja vetv. M., 1983. 704 p.

Jailenko V. P. Zhenshchiny, Aphrodita I zheitsa Spartokidov v novyh bosporskih nadpisjah // Zhenshchina v antichnom mire. M., 1995. P. 204–272.

Basch L. The ISIS of Ptolemay II Philadelphus // The Mariner's Mirror. 1985. Vol. 71. May. № 2. P. 129–152.

Farnell L.R. The Cults of the Greek States. Vol. I. Oxford, 1986. 510 p.

Резюме

Статья посвящена морскому аспекту в культе Афродиты. Рассмотрено происхождение богини и связь ее со стихией воды, а также покровительство Афродиты мореплаванию. Особый акцент сделан на соответствующих находках в боспорских городах.

 $\mathit{Ключевые\ c.noвa}$: Афродита, ипостаси Афродиты, культ Афродиты, морские божества, Океан.

5 би-хххуп 65

Молева Н.В. Водная стихия и мореплавание ... <u>БББББББББББББ</u>

Summary

The article is devoted to the sea aspect in the cult of Aphrodite. The origin of the goddess and its relation to the elements of water, as well as the patronage of Aphrodite for navigation, are considered. A special emphasis is placed on the corresponding finds in the Bosporan cities.

Keywords: Aphrodite, the incarnation of Aphrodite, the cult of Aphrodite, the sea gods, Ocean.

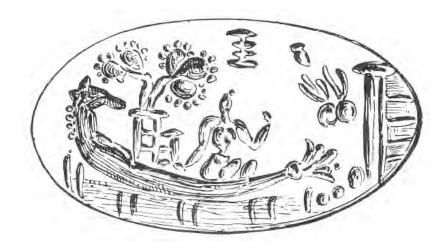
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молева Наталья Владимировна, к.и.н., Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия; 8-987-753-49-16. molev.eugeny@yandex.ru

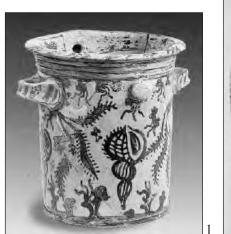
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moleva Natalia Vladimirovna, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky», Nizhny Novgorod, Russia; 8-987-753-49-16. molev.eugeny@yandex.ru

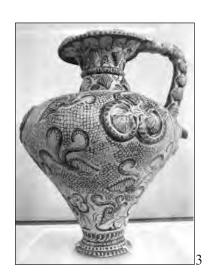
<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. I. Богиня на корабле. Кольцо с острова Мохлос.

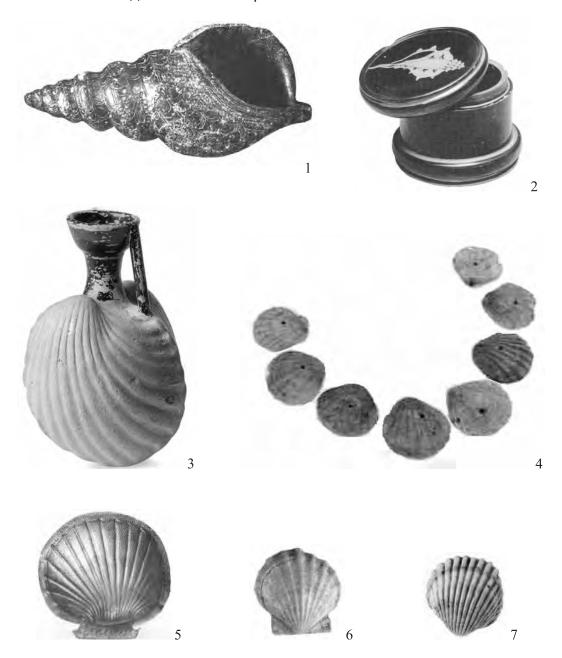

Рис. II. Вазы «морского стиля». Минойская культура. Сер. II тысячелетия до н.э.

Молева Н.В. Водная стихия и мореплавание ... <u>55555555555555</u>

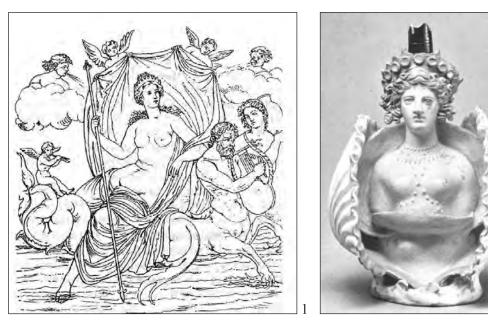
Рис. III. Раковины в культе Афродиты

1. Раковина Тритона. Бронза. Минойская культура. 2. Пиксида с изображением раковины из Нимфея. IV в. до н.э. 3. Лекиф в виде раковины сердцевидки. Пантикапей. V в. до н.э. 4. Ожерелье из раковин гребешков. Китей. I в. до н.э. – I в. н.э. 5. Золотая заколка в виде раковины гребешка. Некрополь Пантикапея. I в. н.э. 6. Раковина гребешка из Нимфея. V-IV вв. до н.э.

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

1. Эрот на дельфине. Боспор. I в. до н.э. – I в. н.э. 2. Афродита Анадиомена. Пантикапей. I в. до н.э. 3. Афродита Анадиомена. Китей. II в. до н.э.

Рис. V. Афродита Морская.

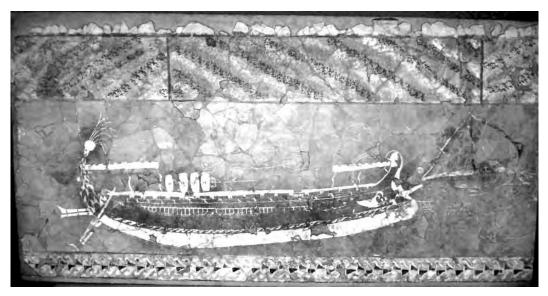
1. Афродита Лимения. ІІ-І вв. до н.э. 2. Афродита в раковине. Фанагория. Кон. Vв. до н.э.

Молева Н.В. Водная стихия и мореплавание ... <u>БББББББББББББББ</u>

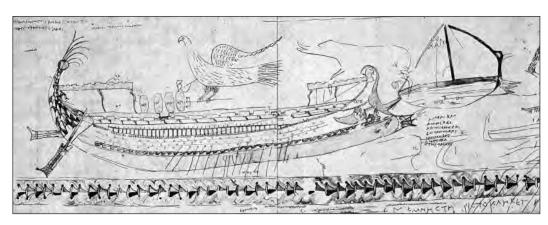

Рис. VI. Афродита Навархида. Римская работа I в. н.э. по эллинистическому образцу – II в. до н.э.

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

1

2

Рис. VII. Штукатурка из храма Афродиты в Нимфее. Кон. IV — пер. пол. III вв. до н.э. 1. Корабль «Исида». Фото. 2. Прорисовка корабля «Исида».

M.B. СКРЖИНСКАЯ M.V. SKRZHINSKAIA

БОСПОРЯНЕ И ДРУГИЕ ИНОСТРАНЦЫ В ХЕРСОНЕСЕ (IV-I вв. до н.э.)

BOSPORUS CITIZENS AND OTHER FORIGNERS IN CHERSONESUS (IV–I cc. BC)

Античный Херсонес был одним из крупнейших древнегреческих портов в Северном Причерноморье. Как и в другие портовые города, приезжие прибывали сюда главным образом на кораблях, поэтому наибольшее количество иностранцев можно было встретить в гавани. Здесь с ними могли общаться херсонеситы разных сословий; они приходили сюда по делам и для того, чтобы узнать новости от прибывших мореходов. Между ними не существовало языкового барьера, так как почти все иностранные суда приходили из причерноморских и средиземноморских греческих городов. Команды этих кораблей и их пассажиры не были гражданами Херсонеса, и с этой точки зрения они являлись иностранцами.

Встречи с иностранцами в порту не были постоянными в течение всего года. Активная жизнь здесь длилась на протяжении благоприятного периода для судоходства, то есть между началом апреля и серединой сентября. Позже в Херсонес прибывали лишь отдельные корабли, а зимой они и вовсе переставали ходить.

Значительная часть иностранцев в Херсонесе так или иначе была связана с торговлей. Археологические находки свидетельствуют об импорте разнообразных товаров, в первую очередь оливкового масла, вина, керамических изделий, предметов роскоши и др. Однако эти артефакты не могут дать ответ, какие из них привозили местные купцы на своих кораблях, а что доставляли иностранцы. О последних можно определенно судить лишь по двум источникам: это почетные декреты (проксении) в честь приезжих купцов и находки привозимых ими монет. Первых сохранилось немного, и большинство относится к римскому времени. На ряде фрагментов надписей этниконы не уцелели, так что нельзя узнать, из какого города происходил награжденный иностранец.

Старшая по времени и лучше прочих сохранившаяся херсонесская проксения относится к III в. до н.э. (IOSPE I². 340). Почетный декрет с перечислением льгот, дарованных гражданину Родоса Тимагору, издан от имени народа херсонеситов и по предложению двух местных граждан Теотима и Антигона. Они стали инициаторами награждения Тимагора и его родственников правами гражданства и возможностью беспрепятственного въезда и выезда из города в мирное и военное время. Кроме этой надписи о пребывании родосцев в Херсонесе в эллинистический период,

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

свидетельствуют также находки родосских монет и многочисленные фрагменты амфор с родосскими клеймами [Гилевич, 1968. С. 29].

Примерно в то же время, как и Тимагор, ольвиополит Евтий получил права гражданства в Херсонесе (IOSPE I². 345), а еще один ольвиополит, имя которого утрачено, также удостоился наград херсонеситов, но за что, сейчас не известно (HO. 109). Два десятка ольвийских монет эллинистического времени надежно указывают на посещение Херсонеса его восточными соседями. Некоторые из них пользовались особым уважением, о чем известно из ольвийского декрета в честь Никерата, погибшего в стычке с варварами в первой половине II в. до н.э. (IOSPE I². 34). Среди его заслуг упомянута успешная деятельность в качестве третейского судьи в Херсонесе. Приглашение Никерата для разрешения гражданских неурядиц показывает, что херсонеситы его хорошо знали и что он до этого неоднократно посещал город. В благодарность за заслуги этого ольвиополита в Херсонесе были поставлены его статуя и бюст. На их постаментах, вероятно, был высечен текст почетного декрета с решением наградить ольвиополита скульптурами и, наверное, проксенией. Ведь в эллинистический период проксению давали за разные заслуги, и это было полезно многим гражданам, которые наряду с общественной деятельностью занимались торговлей.

Фрагмент почетного декрета в честь Менофила, гражданина Синопы, датируется II в. до н. э.; из уцелевшей части надписи известно, что его, как и Никерата, ценили за дела, полезные для народа (IOSPE I^2 . 351). Эта надпись в сочетании с находками керамики из городов южного побережья Понта свидетельствует, что представители этих полисов постоянно посещали Херсонес.

Среди немногочисленных херсонесских эпиграфических свидетельств о боспорянах есть редкое свидетельство о посольстве. Деятельность посла Аминия, присланного в конце I в. до н. э. боспорской царицей Динамией, была столь успешной, что херсонеситы издали в его честь почетный декрет (IOSPE I². 354). После уточненного прочтения этой плохо сохранившейся надписи И.А. Макаров высказал обоснованное предположение о том, что послу удалось заключить устраивавший обе стороны договор о военном союзе Боспора и Херсонеса [Макаров, 2005. С. 92]. В утраченной части надписи, наверное, говорилось о даровании Аминию проксении, которая в то время была частой наградой послам. В уцелевшей заключительной фразе текста сказано о решении написать декрет на мраморной стеле и установить на акрополе Херсонеса.

Вообще боспоряне по разным поводам постоянно посещали Херсонес; недаром более половины иногородних монет, найденных в Херсонесе, отчеканены на Боспоре [Гилевич, 1968. С. 11]. По литературным и эпиграфическим источникам известно о постоянных тесных политических контактах Боспора и Херсонеса, его ближайшего соседа в Северном Причерноморье. Недаром в декрете III в. до н. э. в честь херсонесского историка Сириска особо подчеркнуто, что он правдиво описал историю связей своей родины с Боспором (IOSPE I². 344).

Кроме декрета Аминия, упоминание о боспорских послах в Херсонесе содержит-

Скржинская М.В. Боспоряне и другие иностранцы ... <u>ББББББББББББ</u>Б

ся в предании о героине Гикии, жившей в I в. до н. э. Содержание местной исторической новеллы известно из последней главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». Там рассказано о том, как боспорский царь Асандр дважды направлял своих послов в Херсонес с предложением заключить брак между его сыном и Гикией, дочерью видного херсонесского политического деятеля Ламаха. Херсонеситы не сразу приняли это предложение, а затем согласились, оговорив свои условия: муж Гикии будет жить с ней в Херсонесе и не станет никогда ездить на родину. Видимо, в записи давно существовавшего устного рассказа оказались забыты реальные основы договора, так как не херсонеситы, а боспоряне были заинтересованы в том, чтобы сын их царя жил именно в Херсонесе. Вместе с другими боспорянами он намеревался свергнуть херсонесское правительство и возвратить это государство под протекторат Боспора. Решительные действия его жены Гикии помешали исполнению коварного плана, и попытка Боспора вернуть Херсонес в свое подчинение в двадцатые годы I в. до н. э. потерпела неудачу [Скржинская, 2014. С. 163–170].

По надписям известно, что в эллинистический период Херсонес регулярно посещали феоры, послы, которые приглашали принять участие в панэллинских праздниках и объявляли перемирие на достаточно продолжительный срок, чтобы все могли беспрепятственно прибыть на торжества.

Наиболее известными из них были Олимпийские игры в Элиде, Пифийские в Дельфах, Истмийские в Коринфе, Немейские в Арголиде, а также праздники Аполлона на Делосе, Панафинеи и Великие Дионисии в Афинах. Даты начала этих и других менее крупных праздников каждый раз заново определялись по лунному календарю. Так, по современному летосчислению Олимпийские игры приходились то на конец июня, то на начало июля, так как главный день праздника должен был совпасть с полнолунием в священном месяце, который начинался с новолуния, ближайшего к летнему солнцестоянию. Кроме того, греческие государства имели разные календари, в частности летосчисление Херсонеса отличалось от того, каким пользовались в Тире, Ольвии, на Боспоре и во многих других греческих полисах [Скржинская, 2010. С. 377—398]. С помощью феоров херсонеситы определяли время, когда следует прибыть на празднество, и решали, в каких видах мусических, атлетических и конных агонов они смогут выступить.

О посещении феорами Херсонеса известно по нескольким надписям эллинистического времени. В одной дельфийской надписи о даровании проксений ряду иностранцев записаны имена херсонесита Сокрита, ольвиополита Дионисия и боспорянина Никия, которым предоставлялись различные льготы в Дельфах и почетное право принимать феоров у себя на родине (МИС. 12). В другой надписи сказано, что дельфийские феоры Аминт и Хариксен сообщили, как их радушно встретили в Херсонесе, постоянно о них заботились и избавляли от всех расходов; там же говорится, что херсонесские послы Гераклид и Формион получили в Дельфах разные льготы за щедрый прием феоров и богатое пожертвование на праздник (МИС. 13). О феорах, приглашавших херсонеситов на другие панэллинские

празднества, сохранились лишь косвенные свидетельства. К ним относятся надписи о присутствии граждан Херсонеса на грандиозном празднике Аполлона на Делосе (МИС. 21–27).

Гераклея Понтийская была метрополией Херсонеса, который поддерживал с ней постоянные связи. Безусловно, гераклеоты и их послы постоянно посещали свою колонию, но определенные сведения о таких послах в эллинистический период сохранились лишь в сочинении Мемнона (Меmn. XLII, 1, 2). Во время Третьей Митридатовой войны (73–63 г. до н. э.) гераклеоты отправили посольство в свою колонию Херсонес с просьбой за деньги прислать им продукты питания; по-видимому, такая помощь была оказана [Сапрыкин, 1986. С. 236–240].

В конце II в. до н. э. понтийский царь Митридат VI Евпатор планировал создать большое могущественное государство. Одним из направлений его внешней политики было стремление подчинить своей власти Ольвию, Херсонес и Боспор. Чтобы склонить эти государства к такому решению, царь обещал военную помощь в борьбе с усиливающимся давлением варваров. С такой целью царь отправил в Херсонес своего посла, уроженца Амиса, одной из столиц его царства. Посол заключил взаимовыгодные соглашения, за что херсонеситы издали в его честь почетный декрет (НЭПХ. 110). В нем говорилось, что Совет и Народ решили похвалить деятельность посла, дать ему и его потомкам проксению, права гражданства и выделить деньги для того, чтобы вырезать на мраморной стеле текст постановления. После этого в Херсонесе были расквартированы понтийские гарнизоны [Сапрыкин, 1986. С. 213].

Однако своего ополчения и понтийских отрядов оказалось недостаточно для сопротивления большому войску скифов, сумевшему подступить к стенам Херсонеса. Поэтому херсонеситы обратились за помощью к Митридату, и царь прислал армию во главе с полководцем Диофантом, уроженцем Синопы. В 110–109 гг. до н.э. он дважды разгромил скифские войска и освободил государство от угроз варваров [Сапрыкин, 1986. С. 211–213]. Из почетного декрета в честь Диофанта (IOSPE I². 352) мы узнаем, что во время Парфений, главного государственного праздника, полководца венчали золотым венком в присутствии множества херсонеситов и воинов понтийского войска. Глашатай читал декрет Совета и Народа, в котором подробно описывались заслуги Диофанта, а в конце говорилось, что за государственный счет будет сделана его бронзовая статуя в полном вооружении и ее поставят на самом почетном месте на акрополе около алтарей главных богов Девы и Херсонаса. К настоящему времени уцелел мраморный постамент этой статуи, на котором высечен текст декрета.

В конце II и в первой половине I вв. до н. э. воины Митридата составляли многочисленную группу постоянно проживавших в городе иностранцев. Среди них были не только уроженцы Понтийского царства, но также наемники из других государств, в частности армянские лучники и фракийцы. Надпись на мраморной вставке в надгробие указывает, что командир отряда лучников из Малой Армении погиб в сражении со скифами, нападавшими на Херсонес [Сапрыкин, 1986. С. 210]. Позднее

Херсонес обращался за помощью к римлянам, и в первые века нашей эры в городе и в его округе постоянно размещались римские легионеры.

В заключение обзора эпиграфических свидетельств об иностранцах упомянем надгробия врачей IV-III вв. до н.э. Это было время наивысшего экономического расцвета Херсонеса. Тогда государство, как и в других областях греческой ойкумены, нанимало для граждан врачей за общественный счет. Они имели высшее образование и обладали знаниями во многих областях медицины. Сейчас по эпитафиям известны имена врачей Дионисия, Эвклеса и Лесханорида, практиковавших в Херсонесе в конце IV-III вв. до н.э. Двое последних были уроженцами острова Теос, славившегося своей медицинской школой. На двух надгробных стелах врачей нарисованы медицинские инструменты: хирургические щипцы, кровососная банка, пинцет и спатола, лопаточка для нанесения мазей и термоприжиганий; желтая краска на этих изображениях, наверное, передает цвет бронзы, из которой изготовляли инструменты, а их назначение показывает, что врачи пользовались терапевтическими и хирургическими методами лечения [Соломоник, Антонова, 1974. С. 94–105; Соломоник, 1983. С. 52–54].

По косвенным данным можно заключить, что в Херсонесе достаточно продолжительное время жили иностранные архитекторы, скульпторы и другие мастера, приглашенные выполнить заказы государства или частных лиц. Только очень богатые полисы могли постоянно обеспечивать работой разных высокообразованных специалистов. Например, древнегреческие государства обычно не имели постоянной межевой службы [Блаватская, 1983. С. 293], но в случае надобности приглашали опытных землемеров. Они в IV в. до н.э., руководствуясь предложенным им регулярным планом города, разбили городскую площадь Херсонеса на земельные участки разного назначения и воплотили в Таврике теоретические и практические принципы городской планировки, созданные градостроительной школой Гипподама Милетского Буйских, 2005. С. 312, рис. 46, 171]. Херсонеситы неоднократно приглашали землемеров размежевать земли на Маячном и Гераклейском полуостровах; они наметили там участки, разделив их транспортными и межевыми дорогами, внутри же участков поставили каменные ограды, делящие их на квадраты, включавшие поля разной площади. Землемеры провели эту работу так же, как и в других районах античного мира [Херсонес Таврический, 2005. С. 129–131, рис. 62, 63]. Для размежевания различных территорий государство поручало какому-нибудь уважаемому гражданину нанять землемеров и следить за их работой. В начале III в. до н. э. с таким заданием успешно справился Агасикл, организовавший разграничение виноградников (IOSPE I². 418).

В Херсонес часто приглашали опытных архитекторов. Их труд был необходим для постройки и ремонта храмов, оборонительных сооружений, театра, гимнасия и других общественных зданий, а также для строительства кораблей. Хороший античный архитектор обладал широкими знаниями, включающими мастерство зодчего и инженера. Только очень богатые города могли постоянно содержать одного или несколько архитекторов и все время обеспечивать их работой. В большинстве

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

греческих государств архитекторов приглашали по мере надобности строительства или ремонта того или иного сооружения. Работы могли продолжаться несколько месяцев, а иногда и лет, и архитектор был обязан постоянно наблюдать за всеми этапами строительства. Поэтому иностранные зодчие и помогавшие им опытные мастера могли жить в Херсонесе продолжительное время, общаться со многими местными жителями и обучать их своему мастерству.

Архитекторы представляли заказчикам свои проекты и модели зданий, а также денежную смету; после рассмотрения этих материалов выбирали того, кто обещал построить дешевле, лучше или скорее [Блаватская, 1983. С. 244]. Зодчий составлял письменную программу строительства, в которой подробно описывались все этапы необходимых работ, перечислялись нужные материалы и их стоимость. Надпись с копией подробного текста о постройке арсенала в Пирее в первой трети IV в. до н. э. (Syll. № 969) дает хорошее представление о документах, которые архитекторы приносили для утверждения властями государства [Блаватская, 1983. С. 247–251].

К сожалению, имена работавших в Херсонесе архитекторов и их помощников не сохранились. В строительных надписях обычно называли тех, кто вложил деньги в постройку или по поручению государства организовывал строительство. Выше упомянутый Агасикл следил и, возможно, финансировал возведение оборонительных стен (IOSPE I². 418). В первые века нашей эры Теаген на собственные деньги обустроил рыбный рынок, Деметрий соорудил термы для горожан, а другие херсонеситы выделили средства для постройки или ремонта оборонительных стен (IOSPE I². 355, НЭПХ. 25, 26, 129, 133, 134).

По строительным остаткам и элементам декора установлено, что начиная с архаического периода приглашенные ионийские архитекторы строили храмы Аполлона, возглавлявшего пантеон Ольвии и Пантикапея [Крыжицкий, 1993. С. 48–49, 66–73]. Вероятно, Херсонес не был в этом отношении исключением, и автором его главного храма, посвященного Артемиде Партенос, был хороший иностранный архитектор. О существовании этого храма и его жрецах сейчас известно лишь по надписям эллинистического времени (IOSPE I². 344, 352, 410, 412) и упоминанию в «Географии» Страбона (VII, 4, 2); от других святилищ рассматриваемого периода сохранились разрозненные архитектурные детали [Буйских, 2005. С. 319].

Раскопки археологов показывают, что строительство стен и башен вокруг Херсонеса началось на рубеже V- IV вв. до н.э., и этим должны были заниматься приглашенные архитекторы. В последующие века херсонеситы возводили новые укрепления и ремонтировали обветшавшие постройки, защищавшие город и его окрестности [Буйских, 2005. С. 312–317]. Вероятно, в эллинистический период на этих сооружениях наряду с приглашенными зодчими из метрополии трудились обучившиеся у этих специалистов местные мастера.

Гимнасии строились в каждом более или менее крупном греческом городе. Обязательные занятия в гимнасии входили в круг среднего образования сыновей граждан любого греческого государства. У взрослых привычка посещать гимнасий

становилась одной из излюбленных форм проведения досуга. Почти все граждане приходили в гимнасий посмотреть на тренировки атлетов или на устраивавшиеся там праздничные соревнования. В комплекс построек гимнасия архитектор непременно включал беговую дорожку, портик, окружавший открытый двор, где тренировались борцы, кулачные бойцы и другие атлеты, кроме того, комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий. В эллинистический период к этим обязательным компонентам архитектору следовало добавить помещение общедоступной библиотеки и зал, где посетители слушали выступления местных и приезжих поэтов и ораторов, а философы проводили беседы со своими учениками [Блаватская, 1983. С. 67, 308–310].

О наличии в Херсонесе здания гимнасия известно по надписям начиная с III в. до н.э. Тогда Агасикл исполнял должность гимнасиарха (IOSPE I². 418). В обязанности этого магистрата входили наблюдения за строительством или ремонтом здания, а также забота о найме тренеров, о приобретении различного оборудования и о других нуждах этого учреждения. Обнаруженные археологами архитектурные остатки херсонесского гимнасия относятся к римскому времени. Здание с бассейном и банными помещениями находилось между главной улицей и оборонительной стеной; в декоре гимнасия присутствовали мраморные детали [Кадеев, 1996. С. 34, 35].

Как и гимнасий, театр входил в число необходимых городских построек. Там справляли праздники Диониса, проводили музыкальные и драматические состязания, собирались на народные собрания, слушали выступления местных и приезжих ораторов [Скржинская, 2014. С. 98-99]. В Северном Причерноморье только в Херсонесе обнаружены остатки античного театра, и они красноречиво говорят об архитекторах, его строивших и перестраивавших. Каменный театр появился в городе в III в. до н. э.; архитектор ориентировал его так, что солнце освещало проскений в любое время дня. Само здание соответствовало хорошим образцам своего времени, о чем свидетельствуют рустованные квадры, прекрасно пригнанные один к другому, и каменные скамьи с изящным профилем. Театр украшал мраморный фриз, от которого сохранился небольшой фрагмент с изображением богини Гармонии спутницы Муз и Харит, покровительниц музыкального и драматического искусств [Соломоник, 1988. С. 46]. Фасад проскения был выполнен в дорическом ордере; по размерам орхестры и проскения здание мало отличалось от театров Эллады, но значительно уступало многим по количеству мест для зрителей, что объясняется небольшим населением города [Домбровский, 1960. С. 30-36; Крыжицкий, 1993. С. 146. Рис. 99, 100].

Театр существовал до IV в. н.э., и архитекторы четырежды его капитально перестраивали. Согласно реконструкции О.И. Домбровского, во II в. н.э. херсонесский театр вмещал около 3000 человек. Тогда наряду с драматическими представлениями в театре стали проводить гладиаторские бои. Для этого пригласили архитектора, который расширил проскений и выдвинул его вперед к зрителям; полукруглая площадка орхестры могла превращаться в арену до 30 м в диаметре, а вместо первого

<u> ББББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

ряда зрительских мест сооружался высокий барьер, вероятно, с металлической решеткой [Домбровский, 1960. С. 30–32].

Труд архитектора был необходим для постройки кораблей и оборудования порта с его причалами, складскими помещениями, а в крупных портах также находились верфи, где строились и ремонтировались корабли. В больших гаванях греки устраивали отдельные порты для военных и торговых судов. Вероятно, так было в Херсонесе. Торговые суда строились главным образом на средства частных лиц, а военные заказывало государство. Военный флот был необходим не только во время войн. Его использовали для борьбы с пиратами и для сопровождения торговых и транспортных судов на опасных отрезках морских путей.

Изображения военных кораблей на местных граффити и монетах свидетельствуют о наличии таких судов в Херсонесе и дают представление, какие суда здесь строили архитекторы. Рисунок на обломке краснофигурного кратера выполнен острым предметом в IV в. до н. э. На нем изображен военный корабль с одним подводным и двумя надводными таранами; первым пробивали брешь на корабле противника, чтобы он потонул, а с помощью двух других ломали весла неприятельского судна и убивали его команду [Петерс,1982. С. 44-45, рис. 5]. В конце II — начале I вв. до н.э. в Херсонесе чеканили монеты с изображением носовой части военного корабля с тараном и поднятым вверх акропостолем [Петерс, 1982. С. 64, рис. 14].

В Херсонес приезжали скульпторы, выполнявшие заказы государства и частных лиц. Постановка статуи была одной из форм высшей награды от государства. Сложная работа при выполнении бронзовой и особенно конной статуи была по силам далеко не всякому скульптору. После того как издавался почетный декрет с решением поставить статую гражданину, оказавшему особо важные услуги Херсонесу, власти приглашали для выполнения скульптур опытных мастеров. Наиболее почетной и редкой наградой была конная статуя. Сейчас мы располагаем единственным свидетельством о подобной скульптуре в Херсонесе; сохранился лишь ее мраморный постамент с надписью рубежа IV – III вв. до н. э. и следами крепления ног спокойно стоящей лошади, на которой восседал всадник (IOSPE I². 418). На лицевой стороне пьедестала вырезана надпись «Народ увенчивает Агасикла, сына Ктесия». Передняя и одна боковая грани мраморного постамента украшены рельефными изображениями двух плющевых и шести лавровых венков, внутри которых записаны заслуги гражданина. Вероятно, эти венки имели не только декоративную функцию, но также напоминали о наградах золотым венком. На боковой грани перечислены ординарные магистратуры, исполнявшиеся Агасиклом: он занимал должности стратега, агоранома, жреца, гимнасиарха, а также обустроил городской рынок. На лицевой грани в трех венках записаны, наверное, особо ценимые херсонеситами экстраординарные миссии Агасикла: он организовал размежевание земли под виноградники, выстроил на границе оборонительные стены и позаботился о боеспособном гарнизоне [Виноградов, Щеглов, 1990. С. 350–358, рис. на с. 355]. Следующей по значимости после конной была государственная награда статуей во весь рост. Выше уже упоми-

Скржинская М.В. Боспоряне и другие иностранцы ... 55555555555

налось о бронзовой статуе полководца Диофанта (IOSPE I^2 . 352) и о статуе и бюсте ольвиополита Никерата (IOSPE I^2 . 34).

По согласованию с городскими властями состоятельные граждане на свои средства устанавливали статуи на видных местах в городе. Среди них выдающееся место занимала большая статуя Афины Спасительницы. В IV в. до н. э. ее сделал афинянин Поликрат по заказу херсонесита, от имени которого уцелело лишь его отца Герода (IOSPE I². 406). Судя по отсутствию следов опор на мраморном пьедестале, фигура богини была бронзовой. Она стояла на площади и замыкала перспективу главной продольной улицы северо-восточного района [Золотарев, Буйских, 1994. С. 95-96].

Постамент этой статуи с частично уцелевшей надписью и углублением для ног дает представление о размерах скульптуры. Длина стопы имела размер около 49 см. По «Канону» Поликлета, знаменитого скульптора V в. до н. э., ступня должна составлять 1/6 идеальной фигуры человека. Поэтому высота статуи определяется в 3-3,5 м, а вместе с массивным постаментом и высоким шлемом, обычно венчавшим голову Афины, весь памятник достигал 5 м.

Фигура богини была обращена лицом не к площади, а к морю, надпись же вырезана на задней стороне пьедестала, к которому приближались с улицы. Сейчас можно прочесть частично имя заказчика, имя и эпиклезу изображенной богини и подпись скульптора Поликрата. Это единственное уцелевшее имя скульптора, работавшего в эллинистическое время в Херсонесе. Вероятно, это был афинский ваятель Поликрат, упомянутый Плинием, или его сын, носивший то же имя. Скорее всего, скульптор делал статую на месте, а не привез такую большую и хрупкую фигуру из метрополии. Сначала Поликрат обсудил с заказчиком размеры и облик статуи, ее стоимость, потом представил, как было принято, небольшую фигуру, получил для нее необходимое количество бронзы, организовал отливку и установку статуи на постамент. Например, мы знаем, что так работал афинянин Фидий в Олимпии, где найдены остатки его мастерской.

Афина стояла, опираясь на одну ногу, отставив назад другую, слегка согнутую в колене. Два небольших углубления на постаменте показывают, что левой рукой она держала щит и копье, а на ладони правой, по-видимому, находилась фигурка Ники. Статуя служила своеобразным маяком для прибывавших в Херсонес кораблей. Ведь площадь, на краю которой возвышалась статуя, примыкала к обрывистому мысу у входа в гавань, и Афина как бы приветствовала всех входящих в херсонесский порт [Соломоник, 1984. С. 7–14].

О некоторых других статуях богов в Херсонесе сейчас известно по их изображениям на монетах. Скульптурная композиция, представляющая Артемиду в традиционном для всех греков образе охотницы, была выполнена в период раннего эллинизма. Незаурядный мастер представил богиню в стремительном движении: одетая в короткий хитон Артемида поражает копьем лань. Это отражает ее эпитет λ с (убивающая оленя) из песни хора в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (стих 1113). Монеты, воспроизводившие эту скульптуру, чеканили с

III в. до н.э. вплоть до поздних выпусков римского времени; сама же скульптура, по мнению В.А. Анохина, появилась в Херсонесе в последних десятилетиях IV в. до н.э. [Анохин, 1977. С. 26, № 77–81; 88–93; 133–137; 191, 200, 201, 258–260, 270–272, 280–282, 285, 292, 293]. Другая статуя олицетворяла Артемиду Деву как покровительницу и защитницу города. Во II в. до н. э. эту скульптуру выполнил опытный мастер пергамской школы. Он представил богиню стоящей в длинном одеянии с башенной короной на голове, в одной руке она держала копье, а в другой – лук, свой постоянный атрибут. Сначала на монетах появился только профиль Девы в башенной короне, а в римское время стали воспроизводить всю статую целиком [Зограф, 1922. С. 354. Табл. 31, 8; Анохин, 1977. № 199, 247, 304–307].

Кроме статуй, херсонеситы заказывали иностранным скульпторам и другие изваяния. Таков большой украшенный рельефами мраморный алтарь, сделанный на рубеже IV – III вв. до н. э. на средства весьма состоятельного гражданина Пасиада, сына Артемидора (IOSPE I². 414). Исполнив обязанности жреца верховной богини Херсонеса, Пасиад по распространенному у эллинов обычаю решил поднести дар богине, которой служил. Такие приношения в виде алтарей и статуй известны по надписям Херсонеса, Боспора и Ольвии. Однако другие найденные в Северном Причерноморье алтари классического и эллинистического времени с посвятительными надписями от жрецов и жриц (НЭПХ. 125; НО. 68) значительно уступают по размерам алтарю Пасиада.

На рубеже IV — III вв. до н.э. в Херсонесе вряд ли были хорошие мастера, умевшие работать с дорогим привозным мрамором. Поэтому вполне вероятно, что Пасиад пригласил иностранного скульптора, который украсил алтарь букраниями и соединяющими их гирляндами из плюща. По убедительному предположению И.Р. Пичикяна [1984. С. 206–207], к ордерному обрамлению алтаря относятся несколько скульптурных мраморных деталей от небольшого портика; среди них две головки кариатид, стоявших на частично уцелевшем постаменте.

В начале IV в. до н. э. Херсонес начал выпуск собственных монет, и для этого были приглашены мастера из метрополии Гераклеи Понтийской. На это указывают общность монетной типологии этих полисов и применение единой весовой системы для чеканки монет [Анохин, 1977. С. 47]. В 20-х годах IV в. до н. э. на херсонесском монетном дворе появился новый иностранный мастер, который организовал иную технику литья для заготовок монет, распространенную во многих городах Сицилии. Такая технология обеспечивала более экономное использование металла и сокращала время обработки монетных заготовок перед чеканкой [Анохин, 1974. С. 13–16]. Этот мастер вырезал штемпель для монет с изображением квадриги, а затем сделал штемпель с грифоном на одной стороне и вооруженной луком и стрелой Девой – на другой [Рогов, 2001. С. 72]. Мастера, вырезавшие штемпеля, были ювелирами. Они легко могли организовать свою мастерскую в любом городе, так как орудия их труда не занимали много места и всегда находились под рукой златокузнеца.

Ювелир, делавший монетные штемпеля, изготовил по индивидуальному заказу

6 би-хххуп 81

Скржинская М.В. Боспоряне и другие иностранцы ... <u>ББББББББББББ</u>Б

богатого херсонесита пару золотых изумительно тонко выполненных серег так называемого «роскошного стиля». Их носили гречанки в конце IV—начале III вв. до н. э. Помимо деталей, характерных для подобных украшений (диск, лунница и подвески на цепочках), мастер представил миниатюрную сцену над лунницей, поместив там крошечную фигурку богини Ники, едущей на колеснице [Саверкина, 2000. С. 12–18; Рогов, 2001. С. 68–72]. Надо полагать, что это было не единственное украшение, которое этот ювелир сделал для убора состоятельных жительниц Херсонеса. Он также работал по заказам боспорян, так как ему принадлежит авторство самых известных серег роскошного стиля, найденных в Феодосии [Рогов, 2001. С. 70].

Мы располагаем несколькими свидетельствами о том, что и позже в Херсонес приезжали ювелиры. Мастер из Южной Италии делал монетные штемпеля в конце III в. до н. э. [Анохин, 1977. С. 5], а в конце эллинистического периода иностранные ювелиры изготовляли ожерелья с подвеской, изображающей бабочку или мотылька; их украшали драгоценными камнями, цветными стеклами и эмалями [Трейстер, 1993. С. 91]. Греки называли этих насекомых словом ψυχή, которое одновременно имело значение «душа», поэтому такие подвески имели символическое значение.

Как и серьги роскошного стиля, этот тип украшения получил особое распространение в городах Северного Причерноморья; недаром за его пределами найдено лишь одно подобное изделие из 9 уцелевших [Скржинская, 1994. С. 18]. Два ожерелья с бабочками обнаружены в херсонесских погребениях. Одно из них по сравнению с другими включает самое большое количество разнообразных драгоценных камней: изумруд, альмандин, аметист и жемчуг. Оба ожерелья носят следы долгого употребления, из-за чего они подвергались неумелому кустарному ремонту [Калашник, 2004, с. 99–101], поэтому изготовление украшений относится к гораздо более раннему времени, чем погребения I в. н. э., в которых они найдены. По моему мнению, мастер из восточных областей Эллады делал в Херсонесе такие украшения на рубеже II—I вв. до н. э. [Скржинская, 1994. С. 23].

На примере этих ожерелий видно, как ювелиры исполняли заказы людей разного достатка; это касалось и материалов украшения, и сложности работы, выполненной златокузнецом. Одно ожерелье включает много драгоценных камней, а другое, повторяющее почти все элементы первого, имеет только гранаты и цветные стекла; на второе изделие потрачено меньше золота, а на бабочке высококачественная мелкая зернь заменена имитацией из рубчатой проволоки [Калашник, 2004. С. 104]. Вероятно, в Херсонесе искусные ювелиры находились не постоянно, поэтому дорогие украшения ремонтировали местные умельцы, не обладавшие высокой квалификацией.

Уцелевшие сведения об иностранцах дают далеко не полную картину их деятельности в Херсонесе. Сейчас нам известно в основном о греках, приезжавших из городов Эллады и ее колоний. Одни из эллинов появлялись здесь по собственной инициативе, других приглашали власти государства и частные лица. Важно отметить, что между ними и местным населением отсутствовал языковой барьер. По-иному

складывались отношения с представителями местных племен, которые, конечно, посещали Херсонес, но об этом мы не располагаем почти никакими сведениями.

По собственной инициативе Херсонес посещали послы, купцы, команды иностранных кораблей, ремесленники, искавшие заработок на чужбине. Многих иностранцев приглашали по решению Совета и Народа и оплачивали их труд из государственной казны. В их числе были архитекторы, строившие общественные здания, оборонительные сооружения и военные корабли; скульпторы создавали статуи, служившие признанием заслуг местных и иностранных граждан. Кроме того, к этой группе относились землемеры, размежевавшие земли в городе и его окрестностях, врачи, заботившиеся о здоровье граждан, ювелиры, изготовлявшие штемпеля для местных монет. Иногда власти звали авторитетного иностранца для решения гражданских споров. С конца II в. до н. э. в Херсонесе постоянно находились иностранные войска, помогавшие защищать город от варваров.

Состоятельные херсонеситы приглашали архитекторов, скульпторов и ювелиров для исполнения частных заказов. Таковы были огромная посвятительная бронзовая статуя Афины, выполненная афинским скульптором Поликратом, большой мраморный алтарь, посвященный Пасиадом Артемиде, драгоценные золотые серьги, сделанные ювелиром высочайшего класса, прибывшим из Южной Италии.

Анализ собранных вместе разнообразных свидетельств показывает, что приезжие эллины играли значительную роль в политической, экономической и культурной жизни государства в классический и эллинистический периоды истории Херсонеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе // Нумизматика и сфрагистика. № 5. Киев, 1974. С. 13–16.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977.

Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М. 1983.

Буйских А.В. Градостроительство и архитектура //Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Киев. 2005. С. 307–344.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371.

Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. № 3. 1968. С. 3–61.

Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе //Сообщения Херсонесского музея. № 1. 1960. С. 29–36.

Зограф А.Н. Статуарные изображения Девы по данным нумизматики // ИРАИМК, № 2. 1922. С. 337–360. *Золотарев М.И., Буйских А.В.* Теменос Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции// ВДИ. № 3. 1994. С. 78–101.

Калашник Ю.П. Два ожерелья из Херсонеса // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб. 2004. С. 97–109.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. 1993. Киев.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков. 1996.

Макаров И.А. Первая элевтерия Херсонеса Таврического в эпиграфических источниках // ВДИ. № 2. 2005. С. 82–93.

Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1982.

Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. М. 1984.

Рогов Е.Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля в IV в. до н.э. // Боспорский феномен. 2001. С. 66–73.

Рогов Е.Я. Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен. 2002. С. 26–42.

Саверкина И.И. Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб. 2000. С. 7–23.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М. 1986.

Скржинская М.В. Из истории античных ювелирных украшений // Российская археология. № 1. 1994. С. 18–25.

Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб. 1998.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб. 2010.

Скржинская М.В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев. 2014

Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей в Херсонесе// ВДИ. № 1. 1974, с. 94–105.

Соломоник Э.И. О культе Афины в Херсонесе в IV–III вв. до н. э. // Античная и средневековая идеология. Свердловск. 1984. С. 7–14.

Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев. 1988.

Трейстер М.Ю. Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н. э. из Северного Причерноморья // Петербургский археологический вестник. № 4. 1993. С. 87–94.

REFERENCES

Anokhin V.A. Sitsiliiskaia tekhnika lit'ia monetnykh zagotovok v Khersonese. *Numizmatika i sfragistika*. № 5. Kiev,1974. pp. 13–16.

Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa. Kiev, 1977.

Blavatskaia T.V. Iz istorii grecheskoi intelligentsia ellinisticheskogo vremeni. M., 1983.

Buiskikh A.V. Gradostroitel'stvo I arkhitektura. *Khersones Tavricheskii v tret'ei chetverti VI – seredine I v. do n.e.* Киев, 2005. pp. 307–344.

Dombrovskii O.I. Antichnyi teatr v Khersonese. *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia*. № 1. 1960. pp. 29–36. Gilevich A.M. Antichnye inogorodnie monety iz raskopok Khersonesa. *Numizmatika i sfragistika*. № 3. 1968. pp. 3–61.

Kalashnik Iu.P. Dva ozherel'ia iz Khersonesa. *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe*. SPb., 2004. pp. 97–109.

Kryzhitskii S.D. Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia. Kiev, 1993.

Kadeev V.I. Khersones Tavricheskii. Byt i kul'tura. Khar'kov. 1996.

Makarov I.A. Pervaia elevteriia Khersonesa Tavricheskogo v epigraficheskikh istochnikakh. *VDI*. № 2. 2005. pp. 82–93.

Peters B.G. Morskoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia. M., 1982.

Pichikian I.R. Malaia Aziia - Severnoe Prichernomor'e. M., 1984.

Rogov E.Ia. O meste proizvodstva feodosiiskikh I khersnesskikh sereg roskoshnog stilia v IV v.do n.e. *Bosporskii fenomen.* 2001. pp. 66–73.

Rogov E.Ia. Podstennyi sklep 1012 v Khersonese Tavricheskom. Bosporskii fenomen. 2002. pp. 26-42.

Saverkina I.I. Roskoshnye ser'gi v Ermitazhe i drugikh muzeiakh. *Antichnoe Prichernmor'e*. SPb., 2000. pp. 7–23.

Saprykin S.Iu. Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii. M., 1986.

Skrzhinskaia M.V. Iz istorii antichnykh iuvelirnykh ukrashenii. *Rossiiskaia arkheologiia.* № 1.1994. pp. 18–25. Skrzhinskaia M.V. *Skifiia glazami ellinov.* SPb., 1998.

Skrzhinskaia M.V. Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i v Severnom Prichernomor'e. SPb., 2010.

Skrzhinskaia M.V. *Obrazovanie i dosug v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, 2014. Solomonik E.I., Antonova I.A. Nadgrobiia vrachei v Khersonese. *VDI*. № 1. 1974. pp. 94–105.

Solomonik E.I. O kul'te Afiny v Khersonesev IV – III vv.do n.e. *Antichnaia i srednevekovaia ideologiia*. Sverdlovsk. 1984. pp. 7–14.

<u> ББББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Solomonik E.I. Drevnie nadpisi Kryma. Kiev. 1988.

Treister M.Iu. Eshcho raz ob ozherel'iakh s pidveskami v vide babochek I v.n.e. iz Severnogo Prichernoor'ia. *Peterburgskii vestnik.* № 4. 1993. pp. 87–94.

Vinogradov Iu.G., Shcheglov AN. Obrazovanie erritorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva. *Ellinizm. Eknomika, poitika, kul'tura.* M.,1990. pp. 310–371.

Zograf A.N. Stauarnye izibrazheniia Devy po dannym numizmatiki. IRAIMK. № 2. 1922. pp. 337–360.

Zolotarev M.I., Buiskikh A.V. emenos Khersonesa Opyt arkhitekturnoi rekonstruktsii. *VDI*. № 3. 1994. pp. 78–101.

Резюме

В статье впервые собраны сравнительно немногочисленные свидетельства об иностранцах в Херсонесе. Автор анализирует сведения из литературных и эпиграфических источников, а также привлекает ряд археологических находок. Они дают далеко не полную картину деятельности иностранцев в Херсонесе. Сейчас нам известно в основном о греках, приезжавших из городов Эллады и ее колоний. По собственной инициативе Херсонес посещали послы, купцы, команды иностранных кораблей, ремесленники, искавшие заработок на чужбине. Многих иностранцев приглашали по решению Совета и Народа и оплачивали их труд из государственной казны. В их числе были архитекторы, строившие общественные здания, оборонительные сооружения и военные корабли; скульпторы создавали статуи, служившие признанием заслуг местных и иностранных граждан. К этой группе иностранцев относились землемеры, размежевавшие земли в городе и его окрестностях, врачи, заботившиеся о здоровье граждан, ювелиры, изготовлявшие штемпеля для местных монет. Иногда власти звали авторитетного иностранца для решения гражданских споров, о чем сейчас известно из ольвийского декрета Никерата. С конца II в. до н. э. в Херсонесе постоянно находились иностранные войска, помогавшие защищать город от варваров.

Анализ собранных вместе разнообразных свидетельств показывает, что приезжие эллины играли значительную роль в политической, экономической и культурной жизни государства в классический и эллинистический периоды истории Херсонеса.

Ключевые слова: античное Северное Причерноморье, дипломатия, торговля, архитектура, искусство.

Summary

The article contains for the first time comparatively few evidence of foreigners in Chersonesus. The author analyzes information from literary and epigraphic sources and attracts a number of archaeological finds. They give a far from complete picture of the activities of foreigners in Chersonesus. Now we know mainly about the Greeks who came from the cities of Hellas and its colonies. On their own initiative, ambassadors, merchants, crews of foreign ships, artisans, who sought earnings in a foreign land visited Chersonesus. The Council and the People invited many foreigners and paid for their work from the state treasury. Among them were architects who built public buildings, defensive structures and warships; sculptors created statues, which served as the recognition of the merits of local and foreign citizens. This group of foreigners included land surveyors who separated the land in the city and its environs, doctors who cared for the health of citizens, and jewelers who made stamps for local coins. Sometimes the authorities called an authoritative foreigner to resolve civil disputes, as is now known from the Olbian decree of Niceratus. Since the end of the II century BC, there were always foreign troops in Chersonesus, who helped to protect the city from the barbarians.

Скржинская М.В. Боспоряне и другие иностранцы ... <u>БББББББББББББ</u>Б

The analysis of the diverse evidence gathered together shows that the visiting Hellenoi played a significant role in the political, economic and cultural life of the state in the classical and Hellenistic periods of the history of Chersonesus.

Key words: ancient Northern Black Sea coast, diplomacy, trade, architecture, art.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ Скржинская Марина Владимировна, д.и.н. Киев, Украина. kij@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR Skrzhinskaia Marina Vladimirovna, DSc kij@bk.ru

Э.А. ТЕРЕХИН, Т.Н. СМЕКАЛОВА E.A. TEREKHIN, T.N. SMEKALOVA

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ СИСТЕМЫ РАЗМЕЖЕВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ XEPCOHECA ТАВРИЧЕСКОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ДАННЫХ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ¹ TAURIAN CHERSONESOS STUDY OF ANCIENT LAND BOUNDARIES USING REMOTE SENSING DATA

Город Херсонес Таврический и его ближняя сельскохозяйственная территория (хора) на Гераклейском п-ве в Крыму являются единственным примером хорошо сохранившегося античного культурного ландшафта в средиземноморско-причерноморском регионе. Его первая картографическая фиксация относится еще к 1786 г. В связи с мировой научной значимостью в 2013 г. объект «Древний город Херсонес Таврический и его хора» вошли в список памятников культурного наследия, охраняемых ЮНЕСКО.

В мире известен только один античный кадастр, подобный херсонесскому, но гораздо худшей сохранности. Он был открыт Г. Шмидтом и Р. Шевалье в 1950-е гг. с помощью аэрофотографии в районе древнего города Метапонта в Южной Италии [Schmiedt, 1959; Schmiedt, Chevallier, 1960]. С 1974 г. культурно-исторический ландшафт Метапонта активно исследовался американскими учеными из Техасского университета под руководством Дж. К. Картера [Carter, 2001; 2006].

Первоначально, во второй половине IV в. до н.э., рядом с Херсонесом была размежевана территория небольшого Маячного полуострова [Кац, 1972]. Вскоре вся территория (более 85 кв. км) Гераклейского полуострова, на которой находился и сам Херсонес, была разделена на равные прямоугольные участки – гражданские наделы херсонеситов, и построены несколько сотен сельскохозяйственных усадеб. Так была создана ближняя хора Херсонеса. Почти одновременно и по тому же принципу были выведены херсонесские усадьбы и виноградники в Северо-Западный Крым, которые в современной науке получили название «дальней» хоры [Smekalova, et. al.]. Ближняя и дальняя сельские территории составили хозяйственную основу аграрного, по своей сути, античного государства.

Межевая система ближней хоры Херсонеса Таврического длительное время была объектом изучения различных исследователей, в результате работ которых сформировано подробное описание многих блоков античных наделов [Стржелецкий, 1962,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проектов РФФИ, отдела гуманитарных и общественных наук, № 17-01-18016-е «Организация экспедиции по детализации пространственной структуры ближней хоры Херсонеса Таврического» и № 18-09-00161 «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

Кругликова, 1981; Николаенко, 1999, 2001], выполнена характеристика располагающихся в них усадеб и составлен ряд схем, описывающих пространственное расположение земледельческих наделов. Ввиду большого мирового значения сохранившегося античного кадастра на хоре Херсонеса проводили исследования и иностранные ученые. Основным результатом археологических работ с участием американских ученых под руководством Дж. К. Картера на Гераклейском п-ве стала обобщающая статья в American Journal of Archaeology [Carter, Crawford, Lehman, Nikolaenko, Trelogan, 2000, р. 707-741]. Однако подробной археологической карты Гераклейского полуострова Крыма на крупномасштабной топооснове не существует до сих пор.

Актуальность исследования определяет и тот фактор, что с начала 1970-х гг. из-за интенсивного роста площади города Севастополя значительные участки хоры навсегда оказались скрыты жилой застройкой, вследствие чего сохранение еще не застроенных наделов и усадьб может представлять научный интерес. А для этого необходимо современное картографирование и выявление сохранившихся участков хоры. Материалы разновременной аэрокосмической съемки, интегрированные в геоинформационной среде, могут выступать наиболее объективным источником для решения данной задачи. Одно из главных преимуществ данных дистанционного зондирования (ДДЗ) заключается в том, что они позволяют выявлять контуры древних земледельческих форм (ДЗФ), плохо различимые при непосредственном осмотре на местности, что связано с их фрагментарностью и частичным скрытием почвенным слоем или растительным покровом.

Исследования по изучению возможностей различных типов спутниковых сенсоров для анализа археологических объектов активно проводятся с начала 1980-х гг. [Ebert, 1980; Custer, 1986; Altaweel, 2005]. С позиций изучения объектов археологии, включая древние системы земледелия, значительный прогресс в развитии съемочных систем был достигнут в конце 1990-х гг. с появлением коммерческих спутников с возможностью получения снимков метрового разрешения. Появление таких многозональных спутниковых данных открыло новые возможности для изучения объектов археологии [Garrison, 2008; Lasaponara, 2014]. С другой стороны, расширение доступности архивной панхроматической спутниковой съемки аналогичного разрешения 1960–70-х гг. позволило использовать разновременные детальные спутниковые снимки для изучения состояния местности с достаточно большим временным интервалом.

В связи с повышением доступности как современных, так и архивных данных многозональной космической съемки в последнее десятилетие намечается тенденция совместного применения данных различного пространственного разрешения для изучения древних археологических форм [Menze, 2006; Alexakis, 2009; Traviglia, 2011]. Необходимо отметить расширяющееся применение снимков сверхвысокого пространственного разрешения, таких как IKONOS и Quick Bird [De Laet, 2007; Masini, 2007], составляющих, в частности, основу различных веб-сервисов, включающих мозаики спутниковых изображений.

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Использование материалов дистанционного зондирования к настоящему времени уже позволило провести анализ и реконструкцию систем земледелия в различных частях Крымского полуострова [Смекалова, Кутайсов, 2017; Кутайсов, 2013; Смекалова, 2015; Смекалова, 2016б], включая объекты дальней хоры Херсонесского государства [Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov, 2016]. Особенностью Гераклейского полуострова является то, что на его территории в отдельных местах достаточно хорошо сохранились следы древнего земледелия, достоверно относящиеся к периоду освоения древними греками.

Цель исследования, таким образом, заключалась в оценке сохранности контуров системы древнегреческого межевания на Гераклейском полуострове по состоянию на середину 1960-х годов и настоящее время, геоинформационной визуализации и интерпретации полученных результатов, в создании базы данных, характеризующей степень сохранности границ блоков античных наделов.

В настоящей статье для воссоздания основных кардинальных линий Херсонесского размежевания был использован детальный географически привязанный космический снимок 1966 года. Картографирование системы наделов, выполненное на геоинформационной основе (что позволит интегрировать данные исследований за разные годы) с возможностью наполнения базы данных, характеризующей контуры и ячейки межевой системы, является первостепенной задачей на первом этапе реконструкции Херсонесской хоры.

Материалы, методика и объекты исследования

Методика исследования включала этап подбора и геоинформационной обработки спутниковой информации и этап полевых исследований. Оценка сохранности системы межевания в пределах хоры Херсонеса Таврического была выполнена на основе дешифрирования разновременных спутниковых данных (пространственное разрешение 0,5-1 м/пиксель), полученных в 1966 и 2013 годах, и материалов полевых обследований. Снимок 1966 года был сделан системой CORONA и получен с ресурса Национальной геологической службы USGS (http://earthexplorer.usgs.gov/). Мозаика снимков, характеризующая современное состояние территории, была получена с ресурса ArcGIS World Imagery. Для снимков была проведена географическая привязка в системе координат WGS 84, позволившая в дальнейшем с использованием возможностей геоинформационных систем произвести достаточно точное совмещение одних и тех же участков и провести на их основе анализ степени сохранности контуров межевания. На каждый анализируемый временной срез был подготовлен векторный слой, характеризующий контуры блоков античных участков (наделов) и степень их сохранности, что позволило создать картограмму изменения сохранности их границ за последние полстолетия. Индивидуально для каждого блока античных наделов последовательно на основе космического снимка 1966 г. и мозаики космических снимков 2013 г. была сделана оценка сохранности их границ. Сохранность границ блоков оценивалась в процентах. Геоинформационный анализ и

картографирование системы межевания были выполнены в программе ArcGIS 10.1. Дешифрирование сохранившихся валов межевания удалось выполнить благодаря их диагностическим признакам, проявляющимся на спутниковых данных. К ним относится наличие сохранившихся межевых валов высотой около 0,5 м либо их признаков, которые даже после уничтожения вала сохраняются определенное время и могут быть выявлены на спутниковых данных при условии, что территория не скрыта более поздними угодьями. Сохранность признаков межевых валов обусловлена их строением, включающим наличие большого количества камней, и особенностями почвенного покрова и материнской породы Гераклейского полуострова. После проведения ГИС-картографирования блоков античных наделов была выполнена оценка их геометрических форм и размеров и проведено сопоставление результатов с систематизированными данными подобных полевых обследований межевых систем, изложенных в работах Николаенко Г.М. [1999, 2001]. На финальном этапе в геоинформационной среде выполняли подготовку картограмм степени сохранности на каждый анализируемый временной срез, оценку пространственно-временных изменений в сохранности границ блоков античных наделов.

Этап полевых работ, выполненных летом 2016 года, заключался в изучении современного состояния сохранившихся блоков античных участков, в оценке сохранности межевых валов их размеров, исследовании почвенно-растительного покрова.

Результаты и их обсуждение

Древнегреческие системы межевания (IV в. до н.э.) имеют в большинстве случаев правильную геометрическую форму и сохраняются вследствие особенностей строения и состава (валы, каменные кладки) длительные промежутки времени [Смекалова, 2013]. В случае, если на территории не происходило формирование современной городской застройки или транспортной инфраструктуры, признаки древнегреческих форм земледелия могут сохраняться на местности многие сотни лет (рис. 1). Оценка реального состояния валов системы межевания и их подробная полевая оценка были проведены в период 2016 года на тестовых участках, прежде всего на сохранившихся к настоящему времени наделах. Полевые обследования древнегреческих наделов заключались в анализе современной сохранности контуров блоков наделов, уточнении геометрических размеров.

Особенностью древнегреческого межевания хоры Херсонеса Таврического является то, что греки располагали обрабатываемые участки даже в местах отсутствия плодородных почв. Такие угодья в значительной степени состояли из виноградников. Межевание проводилось путем формирования системы земляных валов или каменных кладок, а также путем снятия верхнего слоя известняка до глинистой прослойки, в которой высаживались виноградные кусты. При этом в системе наделов располагались усадьбы (также сохранившиеся на некоторых наделах). Подобный подход обусловил длительную сохранность земледельческих форм, которой в значительной степени способствовало размещение угодий на малоплодородных, каме-

нистых участках, не пригодных для возделывания зерновых культур, но подходящих для выращивания винограда. Т.е. для последующих земледельцев, занимавшихся в первую очередь выращиванием культур, требующих более плодородных почв, такие участки не представляли интереса. Поэтому на Гераклейском полуострове признаки подобных систем сохранялись до периода активной застройки, являющейся следствием расширения территории города Севастополя.

Применение геоинформационного подхода обеспечило высокую точность сопоставления разновременных спутниковых данных и позволило восстановить структуру межевания на анализируемые временные срезы, оценить площадь каждого выявленного блока наделов. Анализ спутниковых данных на середину 1960-х гг. показал, что на это время значительная часть хоры еще не была застроена, что дало возможность объективно оценить структуру межевой системы. На основе снимка 1966 года была подготовлена картосхема всех блоков античных наделов (рис. 2), которые удалось распознать путем его дешифрирования.

Для обозначения блоков античных наделов использовали схему их нумерации, представленной в работе Николаенко, 1999. В общей сложности удалось провести дешифрирование границ блоков наделов на площади 5890 га. Тем не менее, вследствие застройки и наличия иных типов угодий на значительной части хоры (примерно 4800 га) распознать контуры системы межевания не удалось. Такие участки охватывают преимущественно восточную и южную часть хоры. С другой стороны и на ряде незастроенных участков в южной части хоры в 1966 и 2015 гг. нам не удалось распознать границы блоков наделов. Можно сделать вывод, что к этому времени даже на детальных (0,5-1 м/пиксель) спутниковых данных их признаки уже не распознавались либо 50 лет назад их сохранность была крайне низкой.

Следует отметить, что ряд предыдущих исследователей (Н.М. Янышев, С.Ф. Стржелецкий, К.В. Шишкин), в том числе использующих аэрофотоснимки, структуру межевания в этой части хоры показывает приблизительно. Так, в схеме межевания, реконструированной С.Ф. Стржелецким [1961], границы значительной части блоков показаны приблизительно. На подготовленной им картосхеме число блоков наделов с примерным указанием границ постепенно увеличивается к югу, начиная с блока № 186. В схеме, составленной в 1970-е годы К.В. Шишкиным по материалам аэрофотосъемки [Николаенко, 1999], контуры межевания блоков наделов южной части хоры также не приводятся.

Характеризуя схему на рисунке 1, необходимо отметить, что степень сохранности межевых контуров по состоянию на середину 1960-х годов постепенно снижается с севера на юг. Для самых южных выявленных блоков наделов сохранились лишь фрагменты валов либо только их следы, выявляемые на снимке по текстуре почвенного покрова. Тем не менее, и такие признаки в значительной степени благодаря относительной правильности контуров позволили на их основе дешифрировать ряд блоков античных участков. Благодаря хорошей визуализации межевых контуров на спутниковых данных удалось для каждого блока оценить степень сохранности его

внешних контуров в процентах. Применение геоинформационного подхода дало возможность достоверно совместить подготовленную схему межевания с современным космическим снимком и оценить сохранность блоков античных наделов в настоящее время (рис. 3).

Необходимо отметить, что небольшие участки межевых блоков, расположенных в южной части хоры, нам удалось выявить на снимке, но по причине их фрагментарности отнести, восстановить схему межевания на их основе оказалось затруднительно. На рисунке 2 такие участки не отражены. Таким образом, по состоянию на середину 1960-х гг. границы примерно 149 блоков античных наделов распознать на снимке не удалось.

Анализ полученной картограммы показал, что блоки наделов, для которых к настоящему времени сохранились границы, крайне немногочисленны (табл. 1). В таблице приведен анализ степени сохранности блоков, границы которых полностью или частично удалось распознать на основе снимка 1966 года (всего 231 блок), т.е. не все существовавшие блоки хоры. Необходимо отметить, что в ней не отражена степень сохранности внутреннего межевания наделов, которое требует отдельного рассмотрения.

Из таблицы 1 и рисунка 3 видно, что по состоянию на середину 1960-х гг. из общего количества изученных блоков не сохранились контуры блока № 14, который на это время уже был застроен, но благодаря его примыканию к береговой линии и распознаванию контуров соседних участков его границы были примерно установлены. Около половины блоков (из 231, которые удалось дешифрировать на снимке) на это время характеризовалось достаточно высокой сохранностью границ (межевых валов), а контуры 47-ми блоков сохранились практически полностью.

Tаблица 1. Динамика сохранности границ блоков античных участков в 1966—2013 гг.

Сохранность, %	1966		2013	
	Количество	Площадь, га	Количество	Площадь, га
0	-	-	100	2557,9
1-10	24	634,4	80	2172,8
11-25	18	494,6	29	661,5
26-50	36	958,3	17	401,1
50-95	105	2678,4	4	103,1
96-100	47	1114,2	0	0

По состоянию на 2013–2016 годы блоков с такой степенью сохранности уже не осталось. 100 блоков античных наделов оказались полностью скрыты городской застройкой и иными современными угодьями. Таким образом, из общего числа всех

блоков хоры наилучшим образом (степень сохранности 50–95%) межевые валы сохранились только для 4-х.

Использование географически привязанных архивных космических снимков вместе с данными полевых обследований позволило оценить геометрические размеры и особенности некоторых сохранившихся наделов (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что вычисленные размеры блоков участков, которые должны быть одинаковой формы (80, 175, 176, 220, 226), по выполненным измерениям немного отличаются. С другой стороны, это может быть вызвано неточностью вычисления. Тем не менее, точность вычисленных размеров в сопоставлении с данными Николаенко, 2001, составила порядка 98,5%. Таким образом, полученные данные подтверждают эффективность применения геоинформационного подхода не только для определения степени сохранности наделов, но и для оценки точности их положения и размеров при условии применения снимков соответствующего пространственного разрешения.

 $\it Tаблица~2.$ Размеры блоков участков, вычисленные в ГИС на основе спутниковых снимков

№ блока	Длина/ширина, м	
175	634×430	
176	636×428	
220	638×425	
226	630×426	
223	636×213×166×629	
196	634×275×655×213	
80	631×423	

Необходимо отметить, что площадь наиболее распространенного блока межевания (примерно 638×423 м) составила около 27 га. Многие блоки внутри были также размежеваны на участки примерно квадратной формы, вычисленная площадь которых (на примере участка №175 и подобных ему) составила 0,3 га с размером 55×55 м.

Достоверность полученных результатов обеспечена применением разновременных данных сохранности их внутреннего межевания. Высота сохранившихся валов на них достигает 50–60 см (рис. 4). Особенности почвенного покрова, характеризующегося небольшой толщиной гумусового слоя либо его отсутствием и разреженным растительным покровом, четко проявляются при осмотре подобных межевых валов на местности.

Следует отметить, что анализ материалов полевых исследований и спутниковых

Терехин Э.А.,Смекалова Т.Н. Изучение античной ... 55555555555

данных показал, что сохранившиеся к настоящему времени межевые валы характеризуются прямолинейностью форм, что, видимо, обусловлено особенностями их строения и слабым (до 1970-х гг.) использованием территории на протяжении последующих исторических эпох из-за малоплодородных почв. Системы межевания располагались практически на каменистой основе. Даже с учетом последующей возможной деградации почвенного покрова можно сделать вывод о его изначально малопродуктивных свойствах. Для древних греков, занимавшихся, в частности, формированием плантажных систем и выращиванием виноградников, такие невысокие качества почвы не являлись препятствием в аграрном освоении территории. При этом этот фактор способствовал длительной сохранности подобных земледельческих форм.

Выводы

За период с 1960-х годов по настоящее время сохранность блоков античных участков ближней хоры Херсонеса Таврического уменьшилась многократно. На основе совместного анализа снимков 1966 и 2015 годов и материалов полевых исследований (2016 г.) установлено, что число блоков с практически полной сохранностью внешних контуров (96-100% сохранности) снизилось с 47 до 0, а со значительной степенью сохранности (50-95%) со 104 до 4. По состоянию на 2015 год в наибольшей степени сохранились контуры (валы) блоков № 62, 131, 224, 240 и 265 (в соответствии с нумерацией Николаенко, 2001). Совместное использование разновременных спутниковых данных и геоинформационного подхода обеспечило высокую точность оценки форм и размеров выявленных участков межевания. Подготовлена геоинформационная база данных, включающая пространственный (межевые контуры) и атрибутивный компонент, характеризующий для каждого выявленного блока его номер, площадь, изменение степени сохранности за последние полстолетия. Полученные результаты могут быть использованы для планирования мероприятий по сохранению еще не утраченных участков межевания, подготовке будущих полевых археологических работ.

Задачей будущих исследований является детальная реконструкция Херсонесского земельного кадастра на ближней хоре с использованием всех имеющихся данных исторической картографии, результатов предыдущих археолого-топографических исследований, дешифровки геореферированных архивных аэрофото- и современных космических снимков. Использование разных источников, дополняющих друг друга, позволит провести комплексную реконструкцию в единой геоинформационной системе на новейшей и наиболее детальной топографической основе. Впервые за более чем двухвековой период со времени создания плана Габлица-Пепелева (1786) будет составлена отсутствующая до сих пор в современной науке детальная археологическая карта античного земельного кадастра Гераклейского полуострова Юго-Западного Крыма с точной географической привязкой объектов.

Боспорские исследования, вып. XXXVII

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- *Кац В.И.* О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове // Античный мир и археология. 1972. Вып. 1. Саратов. С. 28–37.
- *Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонесситов на Гераклейском полуострове // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 168. С. 9–16.
- Кутайсов В.А. История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. № XVII. С. 30–63.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса // Материалы к археологической карте Крыма. 2013. Выпуск XI. Ч. 2. С. 136–240.
- Hиколаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. I. Севастополь: Изд-во Национального заповедника «Херсонес Таврический». 1999. 83 с.
- Hиколаенко Γ .M. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь: Изд-во Национального заповедника «Херсонес Таврический». 2001.-164 с.
- Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат в Северо-Западном Крыму // Вестник древней истории. 2013. №2. С. 127–147.
- Смекалова Т.Н., Кецко Р.С., Гарипов А.С., Пасуманский А.Е. Загородная усадьба как экономическая и социальная единица Дальней Херсонесской хоры // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. -2016. -№ 1 (82). C. 42–60.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. Материалы к археологической карте Крыма. вып. 18. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя». 2017. 448 с.
- Смекалова Т.Н., Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Чудин А.В., Гарипов А.С. Изучение пространственной организации древнего землепользования в Северо-Западном Крыму геоархеологическими методами // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 150—160.
- Смекалова Т.Н., Яцишина Е.Б., Лисецкий Ф.Н., Чудин А.В., Гарипов А.С., Пасуманский А.Е., Кецко Р.С. Высокие технологии в археологии на примере Крыма // Боспорские исследования. -2016. № 23. С. 445-502.
- *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 1961. Вып. 6. 247 с.
- Alexakis A., Sams A., Astaras T., Albanakis K. Detection of Neolithic settlements in Thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery // Sensors. – 2009. – No. 9. – P. 1167–1187.
- Altaweel M. The use of ASTER satellite imagery in archaeological contexts // Archaeological Prospection. 2005. No. 12. P. 151–166.
- Bevan B.W., Smekalova T. N., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard. // Archaeological Prospection. 2016. No. 23. Issue 1 P. 15–26.
- Carter J. C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Cheronesos in Crimea, Ukraine // American Journal of Archaeology. 2000. Vol. 104. No. 4. P. 707–741.
- Carter J. C. La Chora di Metaponto. Risultati degli ultimi 25 anni di ricerca archeological // Atti Taranto. 2001. Vol. 40. P. 771–779.
- Carter J. C. Discovering the Greek Countryside at Metaponto. Ann Arbor. 2006. 331 p.
- Custer J.F., Eveleigh T., Klemas V., Wells I. Application of LANDSAT data and synoptic remote sensing to predictive models for prehistoric archaeological sites: An example from the Delaware coastal plain // American Antiquity. 1986 No. 51. P. 572–588.
- Ebert J.I., Lyons, T.R. Remote sensing in archaeology, cultural resources treatment and anthropology: The United States of America in 1979 // Aerial Arch. 1980. No. 5. P. 1–19.
- Garrison G.T., Houston D.S., Golden C., Inomata T., Nelson Z., Munson J. Evaluating the use of IKONOS satellite imagery in lowland Maya settlement archaeology // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 35. No. 10. P. 2770–2777.
- $Lasaponara\ R.,\ Leucci\ G.,\ Masini\ N.,\ Persico\ R.\ Investigating\ archaeological\ looting\ using\ satellite\ images\ and\ archaeological\ looting\ using\ satellite\ images\ archaeological\ looting\ using\ satellite\ looting\ u$

Терехин Э.А.,Смекалова Т.Н. Изучение античной ... 55555555555

- GEORADAR: the experience in Lambayeque in north Peru // Journal of Archaeological Science. 2014. No. 42. P. 216–230.
- Masini N., Lasaponara R. Investigating the spectral capability of Quickbird data to detect archaeological remains buried under vegetated and not vegetated areas // J. Cult. Herit. 2007. No. 8. P. 53–60.
- Menze B.H., Sherratt A.G. Detection of Ancient Settlement Mounds: Archaeological Survey Based on the SRTM Terrain Model // Photogramm. Eng. Remote Sens. 2006. Vol. 72. P. 321–327.
- Schmiedt G., Chevallier R. Caulonia e Metaponto: Applicazioni della fotografia aerea in ricerche di topografiaantica nella Magna Grecia. Firenze. 1959. 63 p.
- Schmiedt G., Chevallier R. Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande-Grèce: Caulonia Metaponte // Revue archéologique. 1960. No. 1. P. 1–31.
- Smekalova T.N., Bevan B.W., Chudin A.V., Garipov A.S. The Discovery of an Ancient Greek Vineyard // Archaeological Prospection. 2016. No. 23. P. 15–26.
- Traviglia A., Cottica D. Remote sensing applications and archaeological research in the northern lagoon of Venice: the case of the lost settlement of Constanciacus // Journal of Archaeological Science. – 2011. – Vol. 38 (9). – P. 2040–2050.

REFERENCES

- Alexakis, D., Sarris, A., Astaras, T. and Albanakis, K. (2009). Detection of Neolithic Settlements in Thessaly (Greece) Through Multispectral and Hyperspectral Satellite Imagery. Sensors, 9(2).
- Altaweel, M. (2005). The use of ASTER satellite imagery in archaeological contexts. Archaeological Prospection, 12(3), pp. 151–166.
- Carter, J.C. (2001). La Chora di Metaponto. Risultati degli ultimi 25 anni di ricerca archeological. Atti Taranto, 40, pp. 771–779.
- Carter, J.C. (2006). Discovering the Greek Countryside at Metaponto. Ann Arbor.
- Carter, J.C., Crawford, M., Lehman, P., Nikolaenko, G. and Trelogan, J. (2000). The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine. American Journal of Archaeology, 104(4), pp. 707–741.
- Custer, J.F., Eveleigh, T., Klemas, V. and Wells, I. (1986). Application of LANDSAT Data and Synoptic Remote Sensing to Predictive Models for Prehistoric Archaeological Sites: An Example from the Delaware Coastal Plain. American Antiquity, 51(3), pp. 572–588.
- Ebert, J.I. and Lyons, T.R. (1980). Remote sensing in archaeology, cultural resources treatment and anthropology: the United States of America in 1979. Aerial Archaeology, 5, pp. 1–19.
- Garrison, T.G., Houston, S.D., Golden, C., Inomata, T., Nelson, Z. and Munson, J. (2008). Evaluating the use of IKONOS satellite imagery in lowland Maya settlement archaeology. *Journal of Archaeological Science*, 35(10), pp. 2770–2777.
- Kats V.I. (1972) O vremeni vozniknoveniia sel'skokhoziaistvennykh usadeb na Gerakleiskom poluostrove, Antichnyi mir i arkheologiia, Vyp. 1, Saratov, pp. 28–37.
- Kruglikova, I.T. (1981). Zemel'nye nadely khersonessitov na Gerakleiskom poluostrove. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii, 168, pp. 9–16.
- Kutaisov, V.A. (2011). Istoriya issledovaniya antichnykh pamyatnikov Severo-zapadnogo Kryma. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, XVI, pp. 30–63.
- Kutaisov, V.A. and Smekalova, T.N. (2013). Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'nei khore Khersonesa. Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma, XI, Ch.2, pp. 136–240.
- Lasaponara, R., Leucci, G., Masini, N. and Persico, R. (2014). Investigating archaeological looting using satellite images and GEORADAR: the experience in Lambayeque in North Peru. Journal of Archaeological Science, 42, pp. 216–230.
- Masini, N. and Lasaponara, R. (2007). Investigating the spectral capability of QuickBird data to detect archaeological remains buried under vegetated and not vegetated areas. *Journal of Cultural Heritage*, 8(1), pp. 53–60.
- Menze, B.H., Ur, J.A. and Sherratt, A.G. (2006). Detection of ancient settlement mounds Archaeological

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

- survey based on the SRTM terrain model. *Photgrammetric Engineering & Remote Sensing*, 3, pp. 321–327.
- Nikolaenko, G.M. (1999). Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV-III vv. do n.e. Ch. I. Sevastopol': Izd-vo Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii».
- Nikolaenko, G.M. (2001). Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV-III vv. do n.e. Ch. 2. Sevastopol': Izd-vo Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii».
- Schmiedt, G. and Chevallier, R. (1959). Caulonia e Metaponto: Applicazioni della fotografia aerea in ricerche di topografiaantica nella Magna Grecia. Firenze.
- Schmiedt, G. and Chevallier, R. (1960). Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande-Grèce: Caulonia Metaponte. Revue archéologique, 1960, pp. 1–31.
- Smekalova, T.N. (2013). Eshche raz ob antichnom nadele u mysa Oirat v Severo-zapadnom Krymu. Vestnik drevnei istorii, 2, pp. 127–147.
- Smekalova, T.N. and Kutaisov, V.A. (2017). Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnii bronzovyi vek. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'. Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Aleteiya».
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Chudin, A.V. and Garipov, A.S. (2016). The Discovery of an Ancient Greek Vineyard. Archaeological Prospection, 23(1), pp. 15–26.
- Smekalova, T.N., Ketsko, R.S., Garipov, A.S. and Pasumanskii, A.E. (2016). Zagorodnaya usad'ba kak ekonomicheskaya i sotsial'naya edinitsa Dal'nei Khersonesskoi khory. Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda, 1(82), pp. 42–60.
- Smekalova, T.N., Yatsishina, E.B., Lisetskii, F.N., Chudin, A.V., Garipov, A.S., Pasumanskii, A.E. and Ketsko, R.S. (2016). Vysokie tekhnologii v arkheologii na primere Kryma. Bosporskie issledovaniya, 23, pp. 445–502.
- Smeklova T.N., Lisetskii, F.N., Marinina, O.A., Chudin, A.V. and Garipov, A.S. (2015). Izuchenie prostranstvennoi organizatsii drevnego zemlepol'zovaniya v Severo-zapadnom Krymu geoarkheologicheskimi metodami. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 1(28), pp. 150–160.
- Strzheletskii, S.F. (1961). Klery Khersonesa Tavricheskogo.
- Traviglia, A. and Cottica, D. (2011). Remote sensing applications and archaeological research in the Northern Lagoon of Venice: the case of the lost settlement of Constanciacus. Satellite remote sensing in archaeology: past, present and future perspectives, 38(9), pp. 2040–2050.

Резюме

В статье изложены результаты исследования ближней хоры Херсонеса Таврического на основе разновременных спутниковых данных и материалов наземных обследований. С применением геоинформационных технологий и методов дешифрирования спутниковых изображений выполнена реконструкция контуров межевания, сохранившихся на анализируемые даты. Достоверная реконструкция контуров проведена для 231 блока. Установлено, что за 50 лет подавляющее большинство блоков застроено либо оказалось занято различными типами угодий. В 1960-х годах значительная часть хоры еще не подверглась современному хозяйственному освоению, что позволило для многих блоков наделов выполнить дешифрирование их контуров, которое было проведено на географически привязанной основе. За прошедшие полстолетия подавляющая часть хоры была застроена промышленными предприятиями, жилыми домами, дачными участками. Они скрыли под собой значительную часть системы межевания. Подготовлена картограмма, характеризующая изменение степени сохранности наделов за анализируемый период и их сохранность на текущее время. К настоящему времени (2016 год) в наибольшей степени сохранились границы блоков № 62, 131, 224, 240 и 265.

Ключевые слова: Херсонес, хора, система межевания, геоинформативные технологии.

7 би-хххvіі 97

Терехин Э.А.,Смекалова Т.Н. Изучение античной ... 🗀 🗀 🗀 🗀 🗀 🗀 🗀

Summary

This paper presents the results of an investigation of the near chora (agricultural land) of Taurian Chersonesos using multiyear remotely sensed data and field surveys. The contours of the surviving land plots were studied with GIS technology and an analysis of satellite images. Reliable reconstruction of the borders has been done for 231 plots. During the last 50 years most of the ancient land plots were destroyed by modern buildings or were hidden by other land use. However, in the 1960s, a significant part of the chora was still preserved. Changes in preservation with time were studied with the aid of satellite images that were made in 1966 and 2015. During that period, it was found that the number of land plots with almost complete preservation decreased from 47 to 0. Those land plots whose preservation was 50-95% dropped from 104 to 4. A temporal map that shows this decline in preservation has been prepared. The five land plots that now have the best preservation are plot numbers 62, 131, 224, 240 and 265. It was found that the areas of land plots could be determined accurately with satellite images; compared to field surveys, its accuracy was about 99%.

Keywords: Hersonessos, chora, surveying system, geoinformativnye technology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Терехин Эдгар Аркадьевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Федеральнорегионального центра аэрокосмического и наземного мониторинга объектов и природных ресурсов НИУ «БелГУ», terekhin@bsu.edu.ru

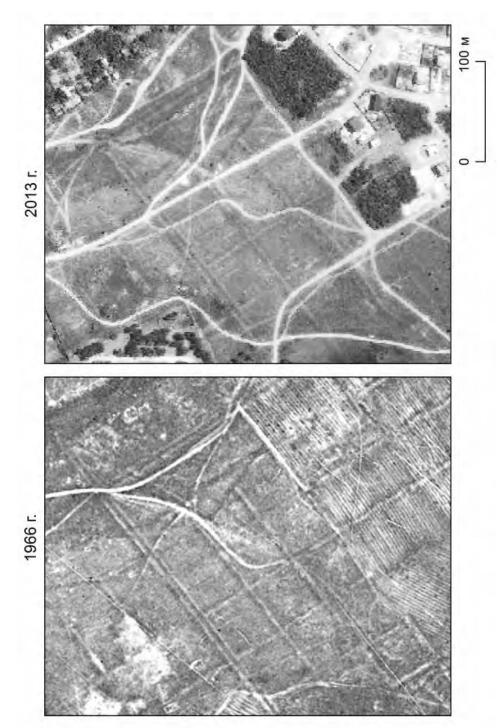
Смекалова Т.Н., доктор исторических наук, зав. отделом естественнонаучных методов в археологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 295007, Россия; tnsmek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

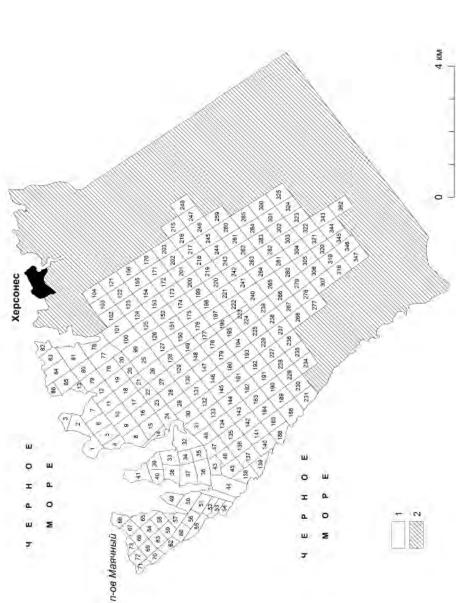
Edgar A. Terekhin, PhD in geography, Senior Researcher, Belgorod State National Research University, Russia. terekhin@bsu.edu.ru

Tatiana N. Smekalova,
Doctor of Historical Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadskogo
Avenue 4, Simferopol, 295007, Russia;
tnsmek@mail.ru

<u>ыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 1. Сохранившиеся следы древнетреческого межевания (IV в. до н.э.) на разновременных снимках, полученных с интервалом около 50 лет. **Fig. 1.** Preserved traces of Ancient Greek land division (4th century BC) on photos of different periods divided by the interval of 50 years.

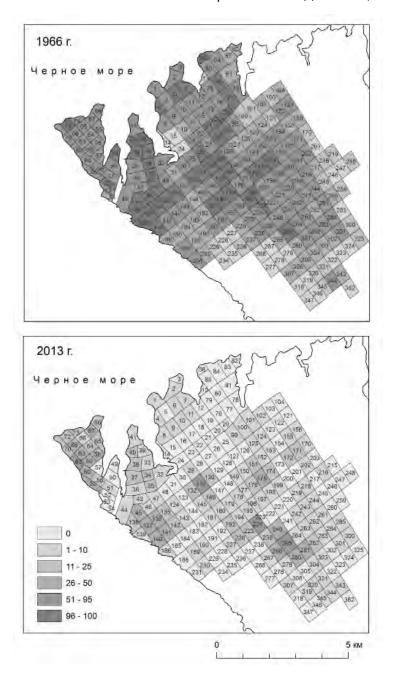

1 – выявленные блоки с указанием номеров, 2 – примерная территория части хоры, на которой не удалось достоверно распознать границы участков межевания. Fig. 2. Areas with the contours successfully deciphered through the photo of 1966: Рис. 2. Блоки античных участков, контуры которых удалось дешифрировать на основе снимка 1966 г.

1 - identified areas with their numbers specified, 2 - the approximate territory of the choir, on which it was not possible to reliably recognize the boundaries of the sections.

ниявм во-п

<u>ыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 3. Изменение степени сохранности (%) границ блоков наделов за период 1966–2013 гг., установленное на основе дешифрирования спутниковых снимков.

Fig. 3. The change of the state of preservation (percent) of the borders of land-plots during the period of 1966–2016 estimated through deciphering of satellite photographs.

Puc. 4. Примеры сохранившихся границ межевания. **Fig. 4.** Examples of preserved borders of land division.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ IU.A. VINOGRADOV

ИЛУРАТ СВЯЩЕННЫЙ¹ SACRAL ILURATON

Поздравляя В. А. Хршановского с 70-летием и желая ему здоровья и много новых свершений на благо науки, хочу обратить внимание на один аспект его деятельности, который в последние годы приобретает всё большее и большее значение. Имеется в виду изучение района, который он называет Илуратским плато [Хршановский, 2013; 2014; 2018]. Сосредоточение большого числа разновременных погребальных и культовых памятников на этой сравнительно небольшой территории действительно представляется чем-то экстраординарным. Городище Илурат в этой структуре пока представляется не очень органичным. Во всяком случае, на основании имеющихся материалов его трудно признать крупным религиозным центром, хотя религия в жизни илуратцев, безусловно, имела очень большое значение [см.: Горончаровский, 2010, с. 496-497]. В этом отношении стоит повнимательней присмотреться к организации, так сказать, сакрального пространства города-крепости.

В этом пространстве, как представляется, очень важное значение имели так называемые жертвенные ямы, которые были открыты во время раскопок на различных участках городища. Жертвенные ямы отличаются от прочих своим содержанием, – в них обычно находится несколько скелетов животных или их крупных фрагментов, черепа животных и т.д., а также целые или «археологически целые» керамические сосуды. К сожалению, археологи не часто обращают на них внимание [см.: Винокуров, 2018, с. 89], во всяком случае, не выделяют из череды других ям.

Одна из таких жертвенных ям была обнаружена В. Ф. Гайдукевичем в помещении с каменным алтарём; в ней были найдены скелеты свиньи и козы, а под ними – скелет собаки. Исследователь признавал связь помещения с культом, но о назначении этой ямы определённого заключения не сделал [Гайдукевич, 1958, с. 65]. К сожалению, материалы из других подобных илуратских комплексов до сих пор не систематизированы. Между тем, их изучение способствовало бы лучшему пониманию религиозных представлений жителей Илурата и шире – всего Боспорского царства в римскую эпоху.

¹ Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Виноградов Ю. А. Илурат священный <u>ыыыыыыыыыыыыы</u>

По понятным причинам внимание исследователей в первую очередь привлекают святилища Илурата, которых было открыто два. Первым назову святилище в одном из домов центрального района Илурата [Шургая, 1975, с. 105–107]. Здесь в центре крупного помещения была обнаружена куча золы, посредине которой установлен алтарь в виде каменного ящика. Зола была насыпана на глинобитную площадку, под которой были найдены три скелетика – козленка, поросёнка и щенка². При расчистке золы обнаружены две любопытнейшие терракотовые статуэтки. Они были вылеплены очень грубо – руки и ноги едва намечены, нос обозначен в виде защипа, по бокам от которого маленькими шариками глины изображены глаза. Несмотря на грубость исполнения, вполне очевидно, что одна из статуэток изображала мужскую фигуру, другая – женскую. Ещё одна очень небольшая по размерам женская фигурка была найдена в углу помещения. Рядом с алтарём находился также уникальный лепной сосудик в виде ванночки или колыбельки, покрытый гипсом и окрашенный охрой. Связь этого комплекса с культом плодородия не может вызывать ни малейшего сомнения. И. Г. Шургая на основании этих и других находок считал, что аграрный культ в Илурате нашёл своё выражение «в его наиболее ранней, первобытной форме» [Шургая, 1986, с. 222], и это заключение невозможно оспорить.

Грубые терракотовые статуэтки, которые очень близки илуратским, были обнаружены при раскопках сельского поселения первых веков н.э. около деревни Семёновка в Восточном Крыму. И. Т. Кругликова связывала эти находки с культом верхового женского божества — «богини плодородия, домашнего очага, покровительницы земледелия, а вероятно, всего животного и растительного мира» [Кругликова, 1970, с. 110]. С этим мнением можно согласиться, но с одной оговоркой — вряд ли следует считать, что власть Великой богини не распространялась на человека и человеческое общество. Её образ хорошо выражают находки терракотовых статуэток, исполненных как в греческом, так и в варварском стиле (о последних частично было сказано выше), которые были найдены при раскопках городища. Известна также головка небольшой мраморной скульптуры, которую признают изображением Афродиты [Гайдукевич, 1981, с. 135, рис. 55; Горончаровский, 2010, с. 496].

Культ Великой богини, однако, был сложней и многогранней, и вряд ли его следует связывать только с находками подобного рода. С этой гранью культа, на мой взгляд, следует связывать святилище, обнаруженное около оборонительной стены Илурата [Гайдукевич, 1953, с. 197–200; 1958, с. 41, 43–46]. В углу помещения на вымостке находилась примитивная конструкция, сложенная из каменных плит. На ней сверху лежал человеческий череп, лицевой стороной обращённый на восток. Под ним сохранились четыре шейных позвонка, причём нижний из них имел ровный срез; это позволило сделать вывод, что голова была отрублена. Внутри конструкции

 $^{^2}$ И.Г. Шургая в своей публикации не упомянул об этом обстоятельстве [Шургая, 1975], но в 1972 г. мне было поручено исследование этого «зольника», так что наличие скелетов животных я могу подтвердить с полной уверенностью.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

был обнаружен скелет курицы. Нет сомнения, что каменная конструкция служила жертвенником, а лежавшая на нём человеческая голова, по выражению В.Ф. Гайдукевича, «подтверждает существование какого-то кровавого ритуала» [Гайдукевич, 1958, с. 45]. По выражению А.Д. Грача, в Илурате был зафиксирован «несомненный случай человеческого жертвоприношения, представляющий собой совершенно оригинальный вариант этого варварского обряда» [Грач, 1949, с. 82]. С мнением этого исследователя вполне можно согласиться, но здесь необходимо сделать небольшое отступление. Связано оно с почитанием человеческих голов в культовых обрядах различных народов Северного Причерноморья.

Письменные источники и, прежде всего, Геродот сообщают о подобных обрядах у скифов (Herod. IV. 64-65) и тавров (Herod. IV. 103; Amm. Marc. XXII. 34). В научной литературе указания на эти источники стали почти банальными, но о том же самом свидетельствуют памятники изобразительного искусства: золотой колпачок из кургана Курджипс представляет две пары воинов, один из которых за волосы держит отрубленную человеческую голову [Галанина, 1980, с. 93, кат. 51; Анфимов, 2011, с. 143, 176]; таманский рельеф со сценой сражения, на котором представлены отрубленные человеческие головы, подвешенные к шее коня [Кнауэр, 2001]. Особо следует отметить изображение обезглавленных человеческих тел под ногами всадников на большом серебряном ритоне из Карагодеуашха [см.: Придик, 1912, с. 170, табл. І; Ростовцев, 1913, табл. І, І; Артамонов, 1966, с. 77, рис. ХХІІ; Виноградов, 1993; Анфимов, 2011, с. 141]. Почти нет сомнения, что в этой среде отрубленные головы посвящались Великой богине [Виноградов, 1993, с. 69-70; Шауб, 2007, с. 95, 114–115], поскольку на золотых бляшках с классическим изображением змееногой богини, наиболее известная из которых происходит из Куль-Обы, можно видеть, что в руках она держит мужские бородатые (сатирообразные) головы [Артамонов, 1966, с. 65, табл. 230-231; Шауб, 2007, с. 94-99, 114-115; Анфимов, 2011, с. 135; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, p. 92, pl. 2031.

Наконец, следует указать на самые близкие археологические параллели. При раскопках скифского Елизаветовского городища в дельте Дона в заполнении одной из землянок было обнаружено несколько десятков человеческих черепов вместе с маленькими вотивными тарелочками [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 244—246, табл. 56, рис. 96, 1]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в заполнение землянки они попали из какого-то варварского святилища. Ещё более близкие илуратскому комплексу параллели (и территориально, и хронологически) были недавно открыты при раскопках античного поселения Артющенко 1 на Таманском полуострове. На дне одной из ям, относящейся ко II—III вв. н.э., были обнаружены четыре человеческие черепа, уложенные крестом по сторонам света [Виноградов, 2017, с. 329–330, рис. 6]. Этот жуткий для нас обычай, связанный с человеческими жертвоприношениями, как видим, на Боспоре практиковался, особенно в римское время [Винокуров, 2018, с. 89].

Возвращаясь непосредственно к Илурату, следует обратить внимание на его оборонительные стены. Есть основания считать, что эти фортификационные

Виноградов Ю. А. Илурат священный <u>ыыыыыыыыыыыыы</u>

сооружения имели не только практическое, но и сакральное значение. Любопытно отметить в этом отношении, что в кладке стены илуратской юго-восточной башни были зафиксированы пять антропоморфных надгробий эллинистического периода [Кубланов, 1971, с. 85]. Эллинистических поселений и некрополей в окрестностях Илурата пока не обнаружено, поэтому есть основания полагать, что эти надгробия были доставлены сюда не по причине недостатка строительного материала, а с другой, вполне определённой целью. Антропоморфные изваяния, так сказать, придавали оборонительной системе города особую прочность, связанную с сакральным миром. Н.В. Молева даже допускает, что при сооружении крепостных стен и башен они могли символизировать человеческие жертвоприношения хтоническим богам [Молева, 2012, с. 69].

С юга, юго-запада и юго-востока городище окружено цепью зольников, образующих почти непрерывную валообразную насыпь. Зольники настолько высоки. что П. Дюбрюкс, как известно, признал их остатками фортификационной системы поселения, примыкавшего к акрополю, каковым он посчитал собственно Илурат [Дюрюкс, 2010, с. 309–310]. Ошибочность этой точки зрения стала очевидной сразу после начала систематического археологического изучения памятника [Гайдукевич, 1950, с. 188; 1958, с. 10, прим. 1]. Что касается боспорских зольников, то о них на страницах научных изданий продолжается дискуссия. Некоторые исследователи видят в них обычные мусорные свалки [см.: Бутягин, 2002; 2005], другие же настаивают на том, что эти зольные кучи имели некую сакральную коннотацию [см.: Гайдукевич, 1965; Виноградов, 1992, с. 110-113; Молева, 2002, с. 16-23; Носова, 2007]. Важно подчеркнуть при этом, что почитание зольников было характерной особенностью культур местного земледельческого населения Северного Причерноморья и Прикубанья в скифскую эпоху [см.: Русанова, 1998, с. 160], а значит, можно полагать, что в этом явлении имеется элемент варварского влияния на греческую культуру. Не менее любопытно, что означенная традиция сохранилась на Боспоре в постскифское время, и зольник Илурата в этом отношении представляет наиболее показательный пример. К сожалению, он раскапывался всего один раз в 1985 г. [Горончаровский, 1987, с. 320]. Тогда было выяснено, что его высота достигает 4,5 м; в напластованиях обнаружено несколько любопытных предметов, в том числе примитивная статуэтка, изготовленная из мраморного обломка, а также небольшая терракотовая фигурка, аналогичная обнаруженным в описанном выше святилище. Во время раскопок здесь было открыто также несколько костяков собак. Ясно, что они попали сюда отнюдь не случайно. Имеются веские основания считать, что собаки в Древней Греции считались обитателями пограничья между двумя мирами - живых и мёртвых [Молева, 2002, с. 107-113]. Их погребения, как представляется, оберегали людей от вторжения зловредных демонов. При таком понимании весь илуратский зольник представляется некой линией защиты города, которую можно назвать сакральной [Горончаровский, 2010, с. 497]. Странным образом «Отец боспорской археологии», определивший это сооружение как оборонительную стену

Илурата, не совершил принципиальной ошибки. Жителями города-крепости эта линия зольников действительно могла рассматриваться как защитное сооружение, но весьма специфического типа.

В заключение несколько слов, так сказать, о «магии места». Мне почему-то кажется, что каждый человек, который когда-либо посетил городище Илурат, непременно ощутил необычное чувство – некую лёгкость, отрыв от реалий земной жизни, тягу к возвышенному, трансцендентальному. Невольно ловишь себя на мысли, что на Илуратском плато ты оказываешься ближе к Богу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 2011.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград, 1966.

Бутягин А.М. Новые исследования раннего мирмекийского зольника // БФ: Погребальные памятники и святилища. Т. І. СПб, 2002. С. 90–94.

Бутягин А.М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельство Павсания и боспорская культовая практика) // БФ: Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб, 2005. С. 101−107.

Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99-120.

Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуашх // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 66–71.

Виноградов Ю.А. Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артющенко 1 (Таманский полуостров) // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб, 2017. С. 322–333.

Винокуров Н.И. Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в крымском Приазовье // БЧ. XIX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 89–99.

Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII. С. 173–204.

Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 58. С. 9–148.

Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 28–37.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 1981. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.

Горончаровский В.А. Исследование городища и некрополя Илурата // АО за 1985 г. М., 1987. С. 320–321. Горончаровский В.А. Археологическое изучение Илурата // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. І. Тексты. СПб, 2010. С. 486–500.

Грач А.Д. Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства // Природа. 1949. № 9. С. 81–82.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. І. Текст. СПб.

Кнауэр Э.Р. О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Таманский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб, 2001. С. 200–215.

Кругликова И.Т. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–11. М. С. 100–111.

Кубланов М.М. Исследования некрополя Илурата // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 78-85.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.

Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород, 2012.

Виноградов Ю. А. Илурат священный <u>ББББББББББББББББББ</u>

- *Носова Л.В.* Об античных зольниках или «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб, 2007. С. 69−79.
- $\mathit{Придик}$ Е. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа // ЗООИД. 1912. Т. 30. С. 167–178.
- Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. С. 1–62, 133–140.
- Русанова И.П. Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. 1998. Т. б. С. 160-172.
- *Хршановский В.А.* Сакральная топография Илуратского плато // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрёстке. СПб, 2013. С. 248–255.
- *Хршановский В.А.* Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива) // Погребальная культура Боспорского государства. Материалы «Круглого стола», посвящённого 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова. СПб, 2014. С. 172–182.
- *Хримановский В.А.* «Своё» и «чужое» в погребально-поминальных комплексах (по материалам некрополей Илуратского плато Китейской равнины) // БЧ. XIX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 534–542.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб, 2007.
- Шургая И.Г. Центральный район Илурата // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 102–108.
- Шургая И.Г. Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 211–222.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd Century BC. Leningrad, 1986.

REFERENCES

- Anfimov N.V. Drevnee zoloto Kubani. Krasnodar, 2011.
- Artamonov M.I. Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. Prague, Leningrad, 1966.
- Butiagin A.M. Novye issledovaniia rannego mirmekiiskogo zol'nika // Bosporskii fenomen: Pogrebal'nye pamiatniki I sviatilishcha. T. I. St. Petersburg, 2002, pp. 90–94.
- Butiagin A.M. K interpretatsii zol'nikov Mirmekiia (svidetel'stvo Pavsaniia i bosporskaia kul'tovaia praktuka) // Bosporskii fenomen: Problemy sootnosheniia pis'mennykh I arkheologicheskikh istochnikov. St. Petersburg, 2005, pp. 101–107.
- Gaidukevich V.F. Bosporskii gorod Ilurat // SA. 1950. XIII, pp. 173–204.
- Gaidukevich V.F. Ilurat. Itogi arkheologicheskikh issledovanii 1948–1953 gg. // MIA. 1958. № 85, pp. 9-148.
- Gaidukevich V.F. Mirmekiiskir zol'niki eschary // KSIA. 1965. Vyp. 103, pp. 28–37.
- Gaidukevich V.F. Bosporskie goroda. Ustupchatye sklepy. Ellinisticheskaia usab'ba. Ilurat. Leningrad, 1981. Galanina L.K. Kurdzhipskii kurgan. Leningrad, 1980.
- *Goroncharovskii V.A.* Issledovanie gorodishcha i nekropolia Ilurara // *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda.* Moscow, 1987, pp. 320–321.
- Goroncharovskii V.A. Arkheologicheskoe izuchenie Ilurata // Diubriux P. Sobranie sochinenii. T. I. Teksty. St. Petersburg, 2010, pp. 486–500.
- Grach A.D. Chelovecheskoe zhertvoprinoshenie v epokhu raspada Bosporskogo Tsarstva. *Priroda*. 1949. № 9, pp. 81–82.
- Diubriux P. Sobranie sochinenii. T. I. Teksty. St. Petersburg, 2010.

108

- *Khrshanovskii V.A.* Sakral'naia topografia Iluratskogo plato // *BF: Greki i varvary na evraziiskom perekiodtke.* St. Petersburg, 2013, pp. 248–255.
- Khrshanovskii V.A. Arkheologicheskie issledovaniia Iluratskogo plato (retrospektiva i perspektiva) // Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo gosudarstva. Materialy Kruglogo stola, posviashchionnogo 100-letiiusp dnia rozhdeniia. St. Petersburg, 2014, pp. 172–182.
- Khrshanovskii V.A. "Svoio" i "chuzhoe" v pogrebal'no-pominal'nykh (po nekropolei Iluratskogo plato

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- i Kiteiskoi ravniny) // Bosporskie chteniia. XIX. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii. Kerch, 2018, pp. 534–542.
- Knauer E.R. O "varvarskom" obychae podveshivaniia otrublennykh golov protivnika k shee konia // Tamanskii rel'ef so stsenoi sraxheniia (Amazonomakhiia?). Moscow, St. Petersburg, 2001, pp. 200–2015.
- Kruglikova I.T. Terrakoty iz sel'skikh poselenii evrpoeiskoi chasti Bosporskogo gosudarstva. Terrakoty Secernogo Prichernomor'ia. SAI. Vyp. G1–11. M., pp. 100–111.
- Kublanov M.M. Issledovaniia nekropolia Ilurata. KSIA. 1971. Vyp. 128, pp. 102–108.
- Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P. Elizavetovskoe gorodishche na Donu. Moscow, 2000.
- Moleva N.V. Ocherki sakral'noi zhizni Bospora. Nizhnii Novgorod, 2002.
- Moleva N.V. Bosporskie antropomorfnye izvaianiia. Kross-kulturnye i mezhetnicheskie kommunikatsii vo vremeni i prostranstve. Nizhnii Novgorod, 2012.
- Nosova L.V. Ob antichnykh zolnikakh, ili, "primeniaia atticheskuiu terminologiiu, doshedshuiu k nam cherez Pavsaniia", eskharakh Severnogo Prichernomoria. *BF: sakralnyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok.* Vol. II. St. Petersburg, 2007, pp. 69–79.
- *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd Century BC. Leningrad, 1986.
- Pridik E. Dva sererianykh ritona iz kollektsii Imperatorskogo Ermiyazha // Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorrii I Drevnostei. 1912.T. 30, pp. 167–178.
- Rostovtsev M.I. Predstavlenie o monarkhicheskoi vlasti v Skifii i na Bospore // Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii. 1913. 9, pp. 1–62, 133–140.
- Rusanova I.P. Kul'tovye zol'niki skifskogo vremeni // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki. 1998. T. 6, pp. 160–172.
- Shaub I.Iu. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. Do n.e.). St. Petersburg, 2007.
- Shurgaia I.G. Tsentralnyi raion Ilurata. KSIA. 1975. Vyp. 143, pp. 102–108.
- Shurgaia I.G. Agrarnaia magiia v Ilurate, Problemy antichnoi kul'tury. Moscow, 1986, pp. 211–222.
- Vinogradov Iu.A. Mirmekii // Ocherki arkheologii I istorii Bospora. Moscow, 1992, pp. 99–120.
- Vinogradov Iu.A. O ritonakh iz kurgana Karagodeuashch. Skify, sarmaty, slaviane, Rus'. PAV. 1993. № 6, pp. 66–71.
- Vinogradov Iu.A. Molotil'nyi tok ili sviatilishche? K interptrtatsii ob'ekta, otkrytogo na poselenii Artiushchenko–1 (Tamanskii poluostrov). Ex Ungue Leonem. Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina. Sankt-Petersburg, 2017, pp. 322–333.
- Vinokuriv N.I. Traditsii i innovatsii v bvukh antichnykh zhertvennykh kompleksakh gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e // Bosporskie chteniia. 19. Bospor Kimmeriiskii v period antichnosti i srednevekov'e. Traditsii i innivatsii. Kerch, 2018, pp. 89–99.

Резюме

Статья посвящена рассмотрению культовых памятников, обнаруженных при раскопках городища Илурат. В их числе – святилища (одно из них с человеческим жертвоприношением) и жертвенные ямы. Сакральное значение имели оборонительные стены Илурата. Наконец, важной линией сакрального пространства были зольники, цепь которых окружает город-крепость с юга, юго-запада и юго-востока.

Ключевые слова: Илуратское плато, крепость Илурат, культовые памятники, зольник, жертвенная яма.

Summary

The article is devoted to the study of religious monuments discovered during the excavations of the Illurates settlement. Among them there are sanctuaries (one of them with a human sacrifice), and

Виноградов Ю. А. Илурат священный <u>ББББББББББББББББ</u>Б

sacrificial holes. The defensive walls of Illurates were of sacred significance. Finally, an important line of sacral space was the chain of cinder heaps, which surrounds the fortified city from the south, south-west and southeast.

Key words: Illurates plateau, Illurates fortress, cult monuments, cinder heap, sacrificial pit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, + 7 (812)-764-85-71. vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iuri Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Position: Leading researcher of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, + 7 (812) -764-85-71. vincat2008@yandex.ru

A.M. КОРЖЕНКОВ, А.С. ЛАРЬКОВ, A.H. ОВСЮЧЕНКО, О.Ю. СОКОЛОВА A.M. KORZHENKOV, A.S. LAR'KOV, A.N. OVSYUCHENKO, O.YU. SOKOLOVA

СЛЕДЫ СИЛЬНЫХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В РУИНАХ БОСПОРСКОГО ГОРОДА НИМФЕЯ¹ TRACES OF STRONG EARTHQUAKES IN RUINS OF THE BOSPORUS CITY OF NYMPHAEUM

1. Введение. Археологическая и историческая изученность

Городище Нимфей (рис. 1) расположено на небольшом скалистом мысу на берегу Керченского пролива. Плодородие окружающих земель и наличие в городе хорошей гавани служили основой благосостояния его жителей и обеспечили Нимфею положение важного торгового центра, одного из ведущих экспортеров боспорского хлеба. Земледелие и хлебная торговля оказали влияние и на характер культов, получивших распространение в среде горожан. В Нимфее открыто одно из самых ранних в Причерноморье святилищ покровительницы земледельцев Деметры. Первые жертвоприношения происходили около расселины скалы, а первое здание святилища построено около середины VI в. до н.э. [Худяк, 1952, с. 258; 1962, с. 42]. В конце того же века святилище сгорело, а на его месте возведено новое. В середине V в. до н.э. святилище предположительно погибло от обвала нависающей над ним скалы; на этом же участке произошел другой обвал, сопровождавшийся разрывом скальной гряды, в котором после была выстроена стена – ограда нового святилища [Худяк, 1952, с. 262; 1962, с. 48]. В V в. до н.э. в городе ведётся большое строительство, перестраиваются «святилище кабиров» и «святилище Афродиты» [Худяк, 1962, с. 19, 25-26, 30]. В первой половине IV в. до н.э. происходит присоединение Нимфея к Боспору. Согласно Эсхину, это произошло в результате измены Гилона, сдавшего город Боспору, за что он получил в награду местечко Кепы [Aesh. III, 171–172]. Следовательно, данное событие должно было произойти мирным путем. Но в разных районах города прослеживаются следы пожаров и разрушений, которые датируются первой половиной IV в. до н.э. [Соколова, 1999, с.]. К этому же времени относится разрушение святилища Деметры [Худяк, 1952, с. 270; 1962, с. 53]. Однако вскоре город был восстановлен. Архитектурные остатки этого времени свидетельствуют об интенсивном строительстве. Во второй половине IV в. до н.э. Нимфей окружен крепостной стеной [Худяк, 1962, с. 33-35; Чистов, 1999].

Святилище Деметры и ряд других сооружений прекратили существование в III в. до н.э. В это же время подвергся разрушению архитектурный комплекс

 $^{^{1}}$ Сбор полевых материалов и написание этой статьи стало возможным при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-05-06197.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... 55555555

на южном склоне нимфейского плато (святилище Афродиты Навархиды), возведенный в IV в. до н.э. Рустованный цоколь этого сооружения позднее был включен в оборонительную систему города [Соколова, 1999, с. 68–71]. Разрушения дворцового ансамбля горы Митридат в Пантикапее на рубеже первой и второй четвертей III в. до н.э., как и разрушения святилищ в Нимфее, интерпретируются как последствия катастрофического землетрясения [Соколова, 1999, с. 68–71; Толстиков, 1999, с. 72–75].

К концу III в. до н.э. происходят изменения в экономической жизни города, возрастает роль виноградарства и виноделия, что позволило говорить о товарном характере производства вина в Нимфее [Соколова, 1999, с. 68–71]. Весьма процветавшие сельские местности вокруг Нимфея, как и в других районах Боспора, вероятно, пали в результате набега скифов и сарматов во второй половине II — начала I вв. до н.э. [Зинько, 2003, с. 184].

Период I — первой половины II вв. н.э. в Нимфее, как и в других боспорских городах — эпоха второго расцвета. Здесь проводятся большие работы по перепланировке города с сохранением, однако, основных принципов застройки предшествующих периодов. В центральной части города возводится ряд домов, разделённых небольшими улочками [АГСП, 1984, с. 65]. Первой половиной II в. датируются разрушения в центральной части Нимфея [Соколова, 1999, с. 68–71]. Однако следов новых укреплений или восстановления старых оборонительных стен вокруг города нет. Незначительные постройки II—III вв. н.э. свидетельствуют о том, что центральная часть города в это время была почти не заселена.

В III в. н.э. Боспор, а вместе с ним и Нимфей приходят в упадок [Гайдукевич, 1949, с. 179]. Кризис экономики и финансов, сокращение внешней торговли, невозможность поддерживать обороноспособность приводят к сокращению территории города и запустению. Культурные слои и строительные остатки конца III — начала IV вв. н.э. на городище отсутствуют, однако случайные находки монет в гумусовом слое почвы и группы могил этого времени служат свидетельством того, что жизнь здесь в начале IV в. н.э. ещё продолжалась [Грач, 1999, с. 181].

В VIII–X вв. на территории некрополя существует поселение, о чём свидетельствуют остатки хозяйственных ям и находки керамики салтовомаяцкого типа [Грач, 1999, с. 181].

Таким образом, намеченные к настоящему времени основные вехи истории Нимфея говорят о тесном сплетении политического и торгово-экономического факторов в судьбе этого античного города. В археологических исследованиях редко встречаются материалы, посвященные воздействию природных факторов на развитие человеческих сообществ. В особенности это касается конкретных свидетельств природных катастроф. Данная статья посвящена выявлению разрушений и повреждений в строительных конструкциях древнего Нимфея, выделению и параметризации в них деформаций, произведенных сильными сейсмическими колебаниями.

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

2. Археосейсмологические исследования в древнем Нимфее

2.1. Сейсмические деформации в строительных конструкциях

О сейсмических катастрофах вполне определённо свидетельствуют выявленные нами в 2015–2016 гг. следы специфических разрушений и деформаций городских стен, хозяйственно-жилых и культовых сооружений (рис. 2).

Мы использовали старинную идею, превращенную древними китайскими монахами в простой, но надежный сейсмический инструмент. Древний китайский сейсмоскоп был спроектирован ими как сосуд с системой маятниковых противовесов внутри, а также с восемью драконами, закрепленными на его боках и обращенными в восемь различных сторон света: север, СВ, восток, ЮВ, юг, ЮЗ, запад, СЗ. Каждый дракон держал в пасти шарик. Вслед за землетрясением монах инспектировал драконов и проверял, какой из драконов уронил шарик в открытый рот лягушки внизу. Пара – дракон и лягушка, обменявшиеся шариком, – указывала направление на эпицентр землетрясения.

Этот замечательный сейсмограф использует простой критерий, обычно применяемый для интерпретации особенностей сейсмических разрушений. Современные обрушения, образовавшиеся при сильных современных землетрясениях, регистрируемых современной инструментальной сетью сейсмических станций, еще и еще раз убедительно подтверждают верность принципа сейсмоскопа.

2.2. Наклоны стен

Известно, что систематически направленные наклоны и обрушения стен, колонн, а также горизонтальное смещение верхних частей строительных конструкций являются результатом сильных землетрясений. В таких случаях нижняя часть строительной конструкции сместилась вместе с грунтом в направлении соответствующих сейсмических подвижек, в то время как верхние части остаются на месте вследствие инерции [Korzhenkov, Mazor, 1999]. Важно отметить, что пока археологические памятники находятся под перекрывающим их грунтом, никакие внешние воздействия, такие как войны или землетрясения, не могут приводить к деформациям строительных конструкций – нет свободы для действия сил инерции.

Стены широтного простирания на раскопе "Г" сильно наклонились и выдвинулись на север (рис. 3), перпендикулярные же стены наклонились и выдвинулись на восток. Эти стены были построены в I в. до н.э. Возможно, что они были разрушены и повреждены при известном землетрясении 63 г. до н.э. Сейсмические колебания пришли из очага, располагавшегося, по-видимому, к СВ от Нимфея. Оборонительная стена СВ простирания, расположенная вдоль южного склона плато и функционировавшая на протяжении I — первой половины II вв. н.э., была повреждена (рис. 4) уже другим сильным землетрясением, сейсмические колебания от которого, по всей вероятности, пришли с ЮВ.

2.3. Изгибы стен в плане

Горизонтальное изгибание в плане прямых изначально стен возникает при сейсмических движениях, действующих перпендикулярно простиранию стены,

8 би-хххуп 113

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... 55555555

центральная часть которой имеет максимальную свободу для колебаний. Нами были обнаружены подобные деформации каменной кладки водоотводного канала (рис. 5), проложенного в IV в. до н.э. Этот канал прекращает свое существование, вероятно, около середины III в. до н.э. Подобные деформации были описаны в Рамле (Палестина) при раскопках Умаядского акведука [Gorzalczany, 2011].

Каменный водоотводной канал был построен в IV в. до н.э. Горизонтальный изгиб в плане к югу и смещение в том же направлении верхнего ряда каменных блоков водоотводного лотка свидетельствуют о сильном сейсмическом воздействии на эту конструкцию с ЮЮВ. Эта деформация имела место при сильном землетрясении в III в. до н.э.

2.4. Деформации устьев колодцев

Сплющивание устьев древних колодцев, изначально округлых, может служить аналогом эллипсоида деформации, используемого в структурной геологии. Если одна ось образовавшегося эллипса короче перпендикулярной, то именно короткая ось соответствует направлению распространения максимальных сейсмических колебаний – распространения волны сжатия. Подобная систематическая деформация устьев колодцев V в. до н.э. была обнаружена нами на раскопе «В» (рис. 6). Здесь короткая ось имеет ССВ-ЮЮЗ простирание. Таким образом, и максимальные сейсмические колебания, образовавшиеся при сильном землетрясении, произошедшем после V в. до н.э., распространялись вдоль этой оси.

Деформированное устье прямоугольной формы одного из колодцев было отмечено нами на верхней площадке раскопа "Г" в Нимфее (рис. 7). Западная стена колодца (аз. прост. -170°) наклонилась к востоку под углом 80° , что говорит о воздействии сильных сейсмических колебаний с востока же. Возраст этой строительной конструкции – IV в. до н.э.

2.5. Деформации лестничных маршей

Похожие деформации в связи с горизонтальным сжатием часто возникают при сильных землетрясениях влестничных пролетах. Еслистены, обрамляющие лестничные марши, испытывают горизонтальное воздействие, направленное перпендикулярно к простиранию стен, то они давят на смежные ступени и деформируют их. Такие деформации были встречены нами в лестничных маршах IV в. до н.э. в Нимфее (рис. 8). Широтно ориентированные ступени верхнего меридионального лестничного марша испытали торошение, т.е. они подверглись субширотному сжатию. В нижнем — широтном марше отдельные каменные лестничные блоки меридионального простирания развернулись по часовой стрелке. «Суммирование» зафиксированных деформаций говорит о сильном сейсмическом воздействии к обоим лестничным маршам (а они были построены одновременно) вдоль оси 3С3-ВЮВ.

2.6. Деформации каменных плит вымостки

Некоторые исследователи полагают, что сильные деформации каменных плит вымостки, выявленные на площадях и во дворах древних городов, являются свидетельством сильного горизонтального сейсмического воздействия [Giner-

Robles et al., 2009, p. 17–20; Silva et al., 2009, p. 93–121; Rodríguez-Pascua et al., 2011, p. 20–30]. Подобные деформации были обнаружены нами на вымостке двора святилища Афродиты Навархиты в Нимфее, которое было построено в IV в. до н.э. и прекратило свое существование около середины III в. до н.э. [Грач, 1984; Skythika].

2.7. Развороты стен вокруг вертикальной оси

Развороты строительных конструкций (рис. 9). Вращения отдельных каменных блоков или частей стен вокруг вертикальной оси по часовой или против часовой стрелки являются обычным результатом землетрясения. Они вызываются сейсмическими движениями, действующими под углом (в плане) к стене соответствующего направления. Вращения строительных элементов вокруг горизонтальной оси также могут наблюдаться в поврежденных зданиях. Они могут быть вызваны высвобождением неравномерных напряжений, накопившихся в стенах [Korzhenkov, Mazor, 1999, р. 62–72].

Простирание нижнего ряда камней, оставшегося in situ -85° , повернувшийся фрагмент стены имеет простирание 90° . Эти замеры говорят о том, что сейсмические колебания распространялись под некоторым углом к первоначальному простиранию стены, т.е. вдоль оси ВСВ-ЗЮЗ.

2.8. Разбитые каменные обклады дверных и оконных проемов

Разрыв и смещение строительных элементов. Трещины (иногда со смещением) в дверных порогах, подоконниках, а также в дверных и оконных перекрытиях вызываются сейсмическими движениями, действующими параллельно упомянутым строительным элементам [Korzhenkov, Mazor, 1999, р. 62–72]. Так, нами наблюдался разрыв (правый сдвиг) и смещение на 15 см ряда каменной кладки, выполнявшей роль ступени в одном из помещений IV в. до н.э. (рис. 10). Простирание ступени 75°. Оказались разбитыми и надвходовые участки скалы над катакомбами нимфейского некрополя (рис. 11).

Исследования нимфейского грунтового некрополя проводились в 1973—1978 гг. Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н.Л. Грач [Грач, 1999]. Выявленные погребения датируются временем от середины VI в. до н.э. до первой трети IV в. н.э. Разбитые пороги и надвходовые части каменных склепов свидетельствуют о субширотном направлении сейсмических колебаний, распространявшихся параллельно деформированным строительным конструкциям.

2.9. Сквозные трещины, секущие несколько строительных блоков насквозь

Трещины, пробивающие насквозь несколько соседних строительных блоков или даже целую стену (joints), свидетельствуют о сильном землетрясении. Конечно, подобные трещины образуются также при взрывах и воздействии таранов, но никогда со временем при статической нагрузке [Korzhenkov, Mazor, 1999, р. 62–72]. В массовом порядке такие трещины образуются в стенах, простирающихся параллельно оси распространения максимальных сейсмических колебаний [Корженков и Мазор, 2013, с. 59–73]. Стены, расположенные перпендикулярно оси сейсмических колебаний, испытывают обрушения, наклоны и выдвижения своих частей.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... БББББББББ

Так, нами была обнаружена сквозная трещина через 4 блока в подпорной стене террасы субширотного простирания (рис. 12). Она приурочена к шарниру разворота западной части этой стены по часовой стрелке (см.: рис. 2.7.2). Аналогичные сквозные трещины через несколько строительных блоков имеются в одной из лестниц (рис. 13), возведенной в IV в. до н.э. Интересен пример сквозной трещины, которая образовалась в подпорной стене террасы, ниже деревянной балки (рис. 14). Она пробила два каменных блока насквозь, но не пробилась вверх через деревянный брус.

Наличие сквозных трещин только в широтных стенах Нимфея, построенных в IV в. до н.э., однозначно свидетельствует о распространении сильных сейсмических колебаний вдоль субширотной оси.

2.10. Вторичное использование каменных блоков

Вторичное использование каменных блоков, особенно недешевых – из дорогих материалов, с искусной резьбой, может служить косвенным признаком произошедшего сильного землетрясения. В Нимфее необходимо отметить активное вторичное использование строительных остатков ранних сооружений для строительства более поздних [Грач, 1989, с. 77]. В частности, рустованный цоколь святилища Афродиты Навархиды после его разрушения органично влился в крепостные стены, функционировавшие до митридатовского времени.

2.11. Значительные фрагменты сохранившейся штукатурки

Свидетельством сильного землетрясения могут служить многочисленные фрагменты штукатурки, найденные внутри помещения вместе с фрагментами черепицы и архитектурными деталями. Их расположение в одном культурном слое может говорить об одномоментном обрушении штукатурки, а не постепенном обрушении кусочков с течением времени [Korjenkov et al., 2003, р. 241–261]. В Нимфее в 1982 г. в слое глинистого грунта была обнаружена полихромная штукатурка, состоящая из множества фрагментов, но компактно обвалившаяся со стены в одном из помещений святилища Афродиты Навархиды. Площадь сохранившегося фрагмента оштукатуренной стены составляет около 15 м². Важно отметить, что штукатурка упала на рухнувшую прежде нее черепичную кровлю [Грач, 1984, с. 81–82].

3. Обсуждение полученных данных и заключение

Хотя сильные землетрясения в Восточном Крыму по инструментальным данным пока неизвестны (рис. 15), имеются палеосейсмологические, археосейсмологические и исторические данные о сейсмических катастрофах, имевших место как в голоцене, так и позднем плейстоцене. Следы этих землетрясений зафиксированы в рельефе, скальных и рыхлых отложениях [Геология..., 1992; Никонов, 1994; Борисенко и др., 1999; Овсюченко и др., 2015; 2017а, 2017б и др.], а также археологических [Винокуров, 1998, 2002; Винокуров и др., 2015; Корженков и др., 2016а, 2016б; Масленников и др., 2017 и др.] и исторических памятниках [Белик и др., 2016, Корженков и др., 2017а, 2017б и др.] (рис. 16).

Анализ исследованных в Нимфее деформаций однозначно подтверждает сейсмо-

генную причину их образования. Так, например, очень серьезно пострадали – были полностью или частично разрушены – сооружения Нимфея, построенные в V–IV вв. до н.э. Причиной их разрушения послужило, по-видимому, сильное землетрясение, произошедшее в Крыму в III в. до н.э. Его следы были выявлены и в других древних городах Керченского полуострова, в особенности в Пантикапее [Толстиков, 1999; Винокуров и др., 2015; Корженков и др., 2016; Масленников и др., 2017 и др.].

Однако пока не удалось прийти к заключению о местоположении эпицентра этого землетрясения, используя кинематические индикаторы – типы сейсмических деформаций, выявленные при наших археосейсмологических исследованиях в Нимфее. Разные типы дают разные направления сейсмических колебаний. Подобная картина может быть следствием четырех различных причин:

- Эпицентр землетрясения III в. до н.э. находился под или в непосредственной близости от Нимфея. В данном случае должно наблюдаться проявление различных видов деформации, но нет их систематической приуроченности к стенам определенных ориентировок [Korzhenkov and Mazor, 1999, р. 62–74].
- Наблюдается так называемый местный эффект (топография, различные по составу подстилающие грунты, их структурные особенности), в связи с которым различные районы города по-разному реагируют на распространение сейсмических колебаний.
  - Недостаточное статистически число замеров.
- Неправильное возрастное определение строительных элементов, использовавшихся для анализа.

На площадке раскопа "Г" было выявлено систематическое наклонение и выдвижение меридиональных стен на восток, а широтных — на север в стенах, датирующихся I в. до н.э., что однозначно указывает на СВ–ЮЗ простирание оси суммарных максимальных сейсмических воздействий. Возможно, что наблюдавшиеся повреждения возникли в Нимфее при известном землетрясении 63 г. до н.э.

Наклон и обрушения мощных городских стен Нимфея, функционировавших в I – первой половине II вв. н.э., имели место во время сильного сейсмического события, по-видимому, после середины II в. н.э.

Таким образом, точный возраст землетрясений предстоит еще определить. Однако совершенно ясно, что местная сейсмическая интенсивность была (VIII) $\leq$ **Io** $\leq$ **IX** баллов.

Подобные сильные землетрясения обычно приводят к дезорганизации всех видов общественной жизни на площади в тысячи квадратных километров — территории целых государств. Соседние кочевые народы, видя подобные разрушения и ослабление государственной власти, устремляются на грабеж и захват парализованного политического образования. На какое-то время меняется жизненный уклад населения, прекращаются или изменяются традиционные торговые пути. Доставка товаров теперь контролируется другими региональными лидерами, меняются межгосударственные отношения и сферы политического влияния.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>ББББББББББ</u>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белик Ю.Л., Корженков А.М., Куликов А.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Овсюченко А.Н., Рогожин Е.А. Сейсмогенные деформации в стенах позднесредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму // Вопросы инженерной сейсмологии. 2016. Т. 43, № 2. С. 17–35.
- Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: Агентство BPK, 1998. 152 с.
- Винокуров Н.И. Антропогенные и природные факторы системного кризиса Боспорской государственности во второй половине III в. н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 24–32.
- Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42, № 2. С. 51–66.
- Борисенко Л.С., Пустовойтенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Клюкин А.А., Ена А.В., Китин М.А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь, 1999. С. 101–132.
- Геология и геодинамика района Крымской АЭС / Отв. ред. Н.М. Гавриленко, А.В. Чекунов. К.: Наукова думка, 1992. 188 с.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. 624 с.
- *Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // Вестник древней истории. 1984. № 1. С. 81–88.
- *Грач Н.Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 61–79.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.
- Зинько В.Н. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. Вып. IV. Симферополь-Керчь, 2003. 320 с.
- Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Молев Е.А., Овсюченко А.Н., Рогожин Е.А., Хршановский В.А. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного «Круглого стола». 22–25 ноября 2016 г. Санкт-Петербург, 2016. С. 272–281.
- Корженков А.М., Ломакин Д.А., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. О следах сильных позднесредневековых землетрясений в комплексе медресе мечеть Узбека (г. Старый Крым) // Геофизические процессы и биосфера. 2017. Т. 16, № 3. С. 5–28.
- Корженков А.М., Мазор Э. Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Негев // Геотектоника. 2013. № 1. С. 59–73.
- Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате // Природа. 2016. № 10. С. 30–38.
- Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Археосейсмологическое исследование древних исторических и археологических памятников в Феодосии, Крым // VII Международный симпозиум «Проблемы геодинамики и геоэкологии внутриконтинентальных орогенов». 19–24 июня 2017, г. Бишкек. Тезисы докладов. Бишкек, изд-во НС РАН, 2017. С. 26–29.
- Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков, А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом // Древности Боспора. Т. 21. С. 265–294.
- *Никонов А.А.* Признаки молодой тектонической активности в зонах Южно-Азовского и Керченского разломов // Геотектоника. 1994. № 5. С. 16–28.
- Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42, № 3. С. 33–54.
- Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова // Доклады академии наук. 2017а. Т. 472, № 1. С. 89–92.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Рогожин Е.А., Мараханов А.В. Оценка сейсмической опасности низкоактивных областей на примере Керченско-Таманского региона // Наука и технологические разработки. 2017б. Т. 96, № 1. С. 15–28.
- *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В.* Землетрясения Крымско-Черноморского региона. Киев: Наукова думка, 1989. 190 с.
- Соколова О.Ю. Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1998) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб., 1999. С. 68–71.
- *Толстиков В.П.* К проблеме землетрясения III в. до н. э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб., 1999. С. 72–75.
- *Худяк М.М.* Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № XVI. C. 232–281.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея. VI-III вв. до н. э. Л., 1962. С. 65 с.: 25 л. ил.
- *Чистов Д.Е.* Оборонительные сооружения Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. ТД. СПб., изд. ГЭ, 1999. С. 87–89.
- Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P.G., Bardají T., Grützner C. and Reicherter K. Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain). Field Training Course Notebook. 2009. 130 p.
- Gorzalczany A. The Umayyad Aqueduct to Ramla and Other Finds near Kibbutz Na'an // Atiqot. 2011. Vol. 68. 28 p.
- Korjenkov A.M., Baypakov K.M., Chang C., Peshkov Yu., Savelieva T. Traces of ancient earthquakes in Medieval cities along the Great Silk Route, northern Tien Shan and Dzhungaria // Turkish Journal of Earth Sciences. 2003. Vol. 12. P. 241–261.
- Korjenkov A.M., Mazor E. Archeoseimology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins // Archaeologischer Anzeiger. 2003. No. 2. P. 51–82.
- Korzhenkov A.M., Mazor E. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. 1999. No. 1. P. 62–74.
- Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures // Quaternary International. 2011. Vol. 242. P. 20–30.
- Shebalin N.V., Leydecker G. Earthquake Catalogue for the Former Soviet Union and Borders up to 1988. European Commission, Report No. EUR 17245 EN, Nuclear Science and Technology Series. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 1997. 135 p.
- Silva P.G., Reicherter Klaus, Grützner Christoph, Bardají Teresa, Lario Javier, Goy Jose L., Zazo Cari and Becker-Heidmann Peter. Surface and subsurface palaeoseismic records at the ancient Roman city of Baelo Claudia and the Bolonia Bay area, Ca´diz (south Spain). From: Reicherter, K., Michetti, A.M. & Silva, P. G. (eds.) Palaeoseismology: Historical and Prehistorical Records of Earthquake Ground Effects for Seismic Hazard Assessment. The Geological Society. London. Special Publications. 2009. Vol. 316. P. 93–121.
- Scythika Grac N. Das Neul en tdeckes Fresce aus Hellenististicher zeit in Nymphaeum on dei Kertsch // Scythika. Munchen, 1987. S. 46–65.

REFERENCES

- Belik Yu.L., Korzhenkov A.M., Kulikov A.V., Larkov A.S., Marahanov A.N., Ovsyuchenko A.N., Rogozhin E.A. Seysmogennyie deformatsii v stenah pozdnesrednevekovoy kreposti Eni-Kale v Vostochnom Kryimu // Voprosyi inzhenernoy seysmologii. 2016. T. 43, № 2. S. 17–35.
- Vinokurov N.I. Arheologicheskie pamyatniki urochischa Artezian v Kryimskom Priazove. M.: Agentstvo VRK, 1998. 152 s.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... 55555555

- Vinokurov N.I. Antropogennyie i prirodnyie faktoryi sistemnogo krizisa Bosporskoy gosudarstvennosti vo vtoroy polovine III v. n.e. // Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya: Materialyi III Bosporskiy chteniy. Kerch, 2002. S. 24–32.
- Vinokurov N.I., Korzhenkov A.M., Rodkin M.V. K otsenke seysmicheskoy opasnosti rayona Kerchenskogo proliva po dannyim arheoseysmologii // Voprosyi inzhenernoy seysmologii. 2015. T. 42, № 2. S. 51–66.
- Borisenko L.S., Pustovoytenko B.G., Dublyanskiy V.N., Vahrushev B.A., Klyukin A.A., Ena A.V., Kitin M.A. Seysmodislokatsii i paleoseysmichnost Kryima // Seysmologicheskiy byulleten Ukrainyi za 1997 god. Simferopol, 1999. S. 101–132.
- Geologiya i geodinamika rayona Kryimskoy AES / Otv. red. N.M. Gavrilenko, A.V. Chekunov. K.: Naukova dumka, 1992. 188 s.
- Gaydukevich V.F. Bosporskoe tsarstvo. M.-L., 1949. 624 s.
- Grach N.L. Otkryitie novogo istoricheskogo istochnika v Nimfee // Vestnik drevney istorii. 1984. № 1. S. 81–88.
- *Grach N.L.* Nimfeyskaya arheologicheskaya ekspeditsiya (osnovnyie itogi issledovaniy za 1973–1987 gg.) // Itogi arheologicheskih ekspeditsiy. Sbornik nauchnyih trudov. L., 1989. S. 61–79.
- Grach N.L. Nekropol Nimfeya. SPb., 1999. 328 s.
- Zinko V.N. Hora Bosporskogo goroda Nimfeya // Bosporskie issledovaniya. Vyip. IV. Simferopol-Kerch, 2003. 320 s.
- Korzhenkov A.M., Larkov A.S., Marahanov A.V., Molev E.A., Ovsyuchenko A.N., Rogozhin E.A., Hrshanovskiy V.A. Sledyi silnyih zemletryaseniy v krepostnyih stenah antichnogo goroda Kitey, Kerchenskiy poluostrov // Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kultura. Materialyi mezhdunarodnogo kruglogo stola. 22-25 noyabrya 2016 g. Sankt-Peterburg, 2016. S. 272–281.
- Korzhenkov A.M., Lomakin D.A., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Marahanov A.V., Rogozhin E.A. O sledah silnyih pozdnesrednevekovyih zemletryaseniy v komplekse medrese mechet Uzbeka (g. Staryiy Kryim) // Geofizicheskie protsessyi i biosfera. 2017. T. 16, № 3. S. 5–28.
- Korzhenkov A.M., Mazor E. Priznaki seysmicheskih povrezhdeniy v ruinah drevnih gorodov v pustyine Negev // Geotektonika. 2013. № 1. S. 59–73.
- Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Seysmicheskie deformatsii v drevnem gorode Ilurate // Priroda. 2016. № 10. S. 30–38.
- Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Marahanov A.V., Rogozhin E.A. Arheoseysmologicheskoe issledovanie drevnih istoricheskih i arheologicheskih pamyatnikov v Feodosii, Kryim // VII Mezhdunarodnyiy simpozium «Problemyi geodinamiki i geoekologii vnutrikontinentalnyih orogenov». 19-24 iyunya 2017 g. Bishkek. Tezisyi dokladov. Bishkek: izd-vo NS RAN, 2017. S. 26–29.
- Maslennikov A.A., Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov, A.M., Larkov A.S., Marahanov A.V. Sledyi silnyih drevnih zemletryaseniy na gorodische Polyanka i Yuzhno-Azovskiy aktivnyiy razlom // Drevnosti Bospora. T. 21. S. 265–294.
- Nikonov A.A. Priznaki molodoy tektonicheskoy aktivnosti v zonah Yuzhno-Azovskogo i Kerchenskogo razlomov // Geotektonika. 1994. № 5. S. 16–28.
- Ovsyuchenko A.N., Shvarev S.V., Larkov A.S., Marahanov A.V. Sledyi silnyih zemletryaseniy Kerchensko-Tamanskogo regiona po geologicheskim dannyim // Voprosyi inzhenernoy seysmologii. 2015. T. 42, № 3. S. 33–54.
- Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Larkov A.S., Marahanov A.V., Rogozhin E.A. Novyie svedeniya ob ochagah silnyih zemletryaseniy v rayone Kerchenskogo poluostrova // Dokladyi akademii nauk. 2017a. T. 472, № 1. S. 89–92.
- Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Larkov A.S., Rogozhin E.A., Marahanov A.V. Otsenka seysmicheskoy opasnosti nizkoaktivnyih oblastey na primere Kerchensko-Tamanskogo regiona // Nauka i tehnologicheskie razrabotki. 2017b. T. 96, № 1. S. 15–28.
- Pustovitenko B.G., Kulchitskiy V.E., Goryachun A.V. Zemletryaseniya Kryimsko-Chernomorskogo regiona. Kiev: Naukova dumka, 1989. 190 s.

- Sokolova O.Yu. Osnovnyie itogi raskopok Nimfeya (1939 1998) // Bosporskiy gorod Nimfey: novyie issledovaniya i materialyi i voprosyi izucheniya antichnyih gorodov Severnogo Prichernomorya. SPb., 1999. S. 68–71.
- *Tolstikov V.P.* K probleme zemletryaseniya III v. do n. e. na Bospore (po materialam raskopok Pantikapeya i Nimfeya) // Bosporskiy gorod Nimfey: novyie issledovaniya i materialyi i voprosyi izucheniya antichnyih gorodov Severnogo Prichernomorya. SPb., 1999. S. 72–75.
- Hudyak M.M. Raskopki svyatilischa Nimfeya // SA. 1952. № XVI. S. 232–281.
- Hudyak M.M. Iz istorii Nimfeya. VI-III vv. do n. e. L., 1962. S. 65 s.: 25 l. il.
- Chistov D.E. Oboronitelnyie sooruzheniya Nimfeya // Bosporskiy gorod Nimfey: novyie issledovaniya i materialyi i voprosyi izucheniya antichnyih gorodov Severnogo Prichernomorya. TD. SPb., izd. Gosudarstvennogo Ermitaga, 1999. S. 87–89.
- Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P.G., Bardají T., Grützner C. and Reicherter K. Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain) Field Training Course Notebook. 2009. 130 p.
- Gorzalczany A. The Umayyad Aqueduct to Ramla and Other Finds near Kibbutz Na'an // Atiqot. 2011. Vol. 68. 28 p.
- Korjenkov A.M., Baypakov K.M., Chang C., Peshkov Yu., Savelieva T. Traces of ancient earthquakes in Medieval cities along the Great Silk Route, northern Tien Shan and Dzhungaria // Turkish Journal of Earth Sciences. 2003. Vol. 12. P. 241–261.
- Korjenkov A.M., Mazor E. Archeoseimology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins // Archaeologischer Anzeiger. 2003. No. 2. P. 51–82.
- Korzhenkov A.M., Mazor E. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. 1999. No. 1. P. 62–74.
- Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures // Quaternary International. 2011. Vol. 242. P. 20–30.
- Shebalin N.V., Leydecker G. Earthquake Catalogue for the Former Soviet Union and Borders up to 1988. European Commission, Report No. EUR 17245 EN, Nuclear Science and Technology Series. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 1997. 135 p.
- Silva P.G., Reicherter Klaus, Grützner Christoph, Bardají Teresa, Lario Javier, Goy Jose L., Zazo Cari and Becker-Heidmann Peter. Surface and subsurface palaeoseismic records at the ancient Roman city of Baelo Claudia and the Bolonia Bay area, Ca´diz (south Spain). From: Reicherter, K., Michetti, A.M. & Silva, P. G. (eds.) Palaeoseismology: Historical and Prehistorical Records of Earthquake Ground Effects for Seismic Hazard Assessment. The Geological Society. London. Special Publications. 2009. Vol. 316. P. 93–121.
- Scythika Grac N. Das Neul en tdeckes Fresce aus Hellenististicher zeit in Nymphaeum on dei Kertsch // Scythika. Munchen, 1987. S. 46–65.

Резюме

Сильные землетрясения в Восточном Крыму по инструментальным данным неизвестны. Нами были проведены археосейсмологические исследования в древнем городе Нимфей. Анализ исследованных на археологическом памятнике деформаций однозначно подтверждает сейсмогенную причину их образования. Так, например, очень серьезно пострадали – были полностью или частично разрушены – сооружения Нимфея, построенные в V–IV вв. до н.э. Причиной их разрушения послужило, по-видимому, сильное землетрясение, произошедшее в Крыму в III в. до н.э. Однако по Нимфейским данным пока не удалось прийти к заключению о местоположении эпицентра этого землетрясения. На раскопе "Г" было выявлено систематическое наклонение и выдвижение меридиональных стен на восток, а широтных – на север в стенах, датирующихся I в. до н.э., что однозначно указывает на СВ–ЮЗ простирание оси

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... 55555555

суммарных максимальных сейсмических воздействий. Возможно, что наблюдавшиеся повреждения возникли в Нимфее при известном землетрясении 63 г. до н.э. Наклон и обрушения мощных городских стен Нимфея, функционировавших в I — первой половине II вв. н.э., имели место во время сильного сейсмического события после середины II в. н.э. Таким образом, точный возраст землетрясений предстоит еще определить. Однако совершенно ясно, что местная сейсмическая интенсивность была (VIII) $\leq Io \leq IX$ баллов. Подобные сильные землетрясения обычно приводят к дезорганизации всех видов общественной жизни на площади в тысячи квадратных километров — территории целых государств. Соседние кочевые народы, видя подобные разрушения и ослабление государственной власти, устремляются на грабеж и захват парализованного политического образования. На какое-то время меняется жизненный уклад населения, прекращаются или изменяются традиционные торговые пути. Доставка товаров теперь контролируется другими региональными лидерами, меняются межгосударственные отношения и сферы политического влияния.

Ключевые слова: сейсмические деформации, руины, кинематические индикаторы, древние землетрясения, Нимфей, Боспор Киммерийский, Керченский полуостров, Крым.

Summary

Strong earthquakes in the eastern Crimea are not known. We have conducted archeoseismological study in ancient Nymphaeum city. Analysis of investigated deformations in the archeological monument has undoubtedly confirmed a seismogenic origin of their formation. Thus for example constructions of Nymphaeum built in V-IVth centuries BC were severely damaged - they were completely or partly demolished. A reason of their destruction was apparently a strong earthquake occurred in Crimea in IIIrd century BC. However we could not come to a conclusion on location of this earthquake epicenter using Nymphaeum data. In "T" excavation site we have revealed a systematic tilts and shifts of longitudinal walls eastward, and latitudinal walls - northwards. These walls are of Ist century BC. This fact undoubtedly mean NE-SW strike of maximal seismic oscillation. Perhaps that observed damages have occurred in Nymphaeum during known earthquake of 63 BC. Tilts and collapses of strong city walls of Nymphaeum built in mid II century AD occurred during strong seismic event after their erection. Thus an exact age of the earthquakes has to be determined in the future. However it is clear that local seismic intensity was $(VIII) \le Io \le IX$. Such strong earthquakes lead usually to disorganization of all types of civil life in a square of thousands kilometers – territory of whole countries. Neighboring nomad peoples, seeing such destructions and weakening of the power, rush to robbery and occupation of paralyzed political formation. For some period of time life state of people is changing, traditional trade routes are stopping or changing. Goods delivery is controlling by other regional leaders, states relations and spheres of political influence are changing.

Keywords: seismic deformations and destructions, Ruins, kinematic indicators, ancient earthquakes, Nymphaeum, Cimmerian Bosporus, Kerch' peninsula, Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ Корженков Андрей Михайлович, доктор геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, 123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10. korzhenkov@inz.ru +7-499-2549950.

Ларьков Александр Сергеевич, научный сотрудник, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, 123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10 las119@yandex.ru +7 903 2484499.

Овсюченко Александр Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, зав. лабораторией, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, 123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10 ovs@ifz.ru +7 926 3662063.

Соколова Ольга Юрьевна, старший научный сотрудник ОАМ, Государственный Эрмитаж, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34, oyusokol@mail.ru 7(812)71095914, 7(812)7109654.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korzhenkov Andrey Mikhaylovich, Dr. Sci. in Geology, head of Laboratory Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS, Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123242, Russia korzhenkov@inz.ru +7-499-2549950.

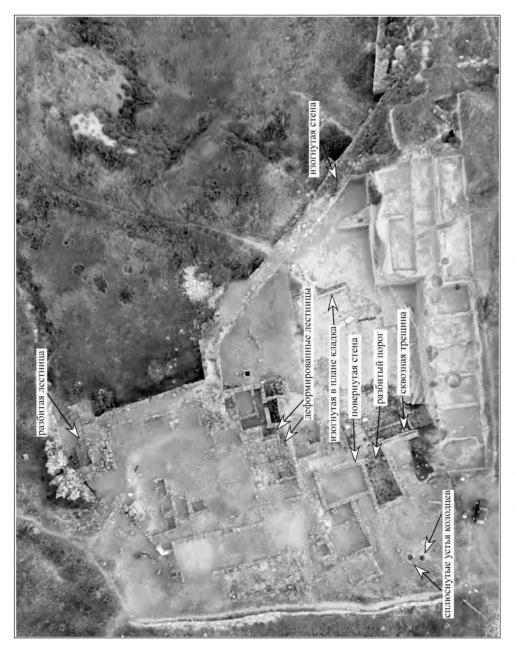
Lar'kov Aleksandr Sergeevich, Scientific researcher Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS, Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123995, Russia, las119@yandex.ru +7 903 2484499.

Ovsyuchenko Aleksandr Nikolaevich, C.Sci. in Geology, Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS, Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123995, Russia, head of Laboratory ovs@ifz.ru +7 926 3662063.

Sokolova Ol'ga Yur'evna, The State Hermitage Museum, 190000, Russia, St.-Petersburg, 34, Dvortsovaya emb., Senior Researcher, oyusokol@mail.ru 7(812)7109591, 7(812)710965.

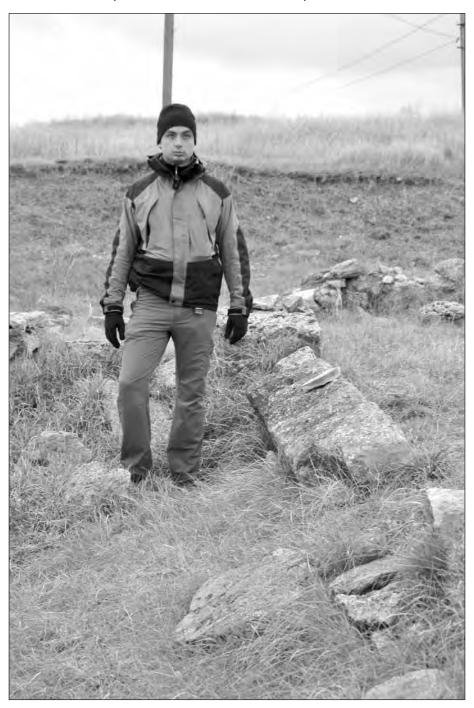

Рис. 1. Топографический план городища Нимфей с указанием раскопанных участков. Составлен А.П. Пигиным, 2014 г.

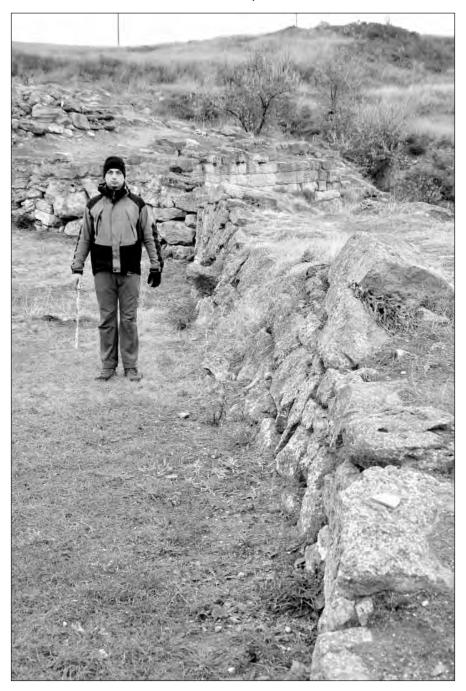
Рис. 2. Нимфей. Участок «М» на южном склоне нимфейского плато с нанесенным местоположением сейсмических деформаций (https://yandex.ru/video/search?filmId).

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>ББББББББББ</u>

Рис. 3. Нимфей. Участок « Γ ». Наклоны субширотных стен на север. Их возраст – I в. до н.э.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 4. Нимфей. Участок «М». Городская стена Нимфея с азимутом простирания 45–50° наклонилась на ЮВ под углом до 45° в верхней своей части, вид на СВ. Третья куртина оборонительной стены I – середины II вв. н.э.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>БББББББББ</u>

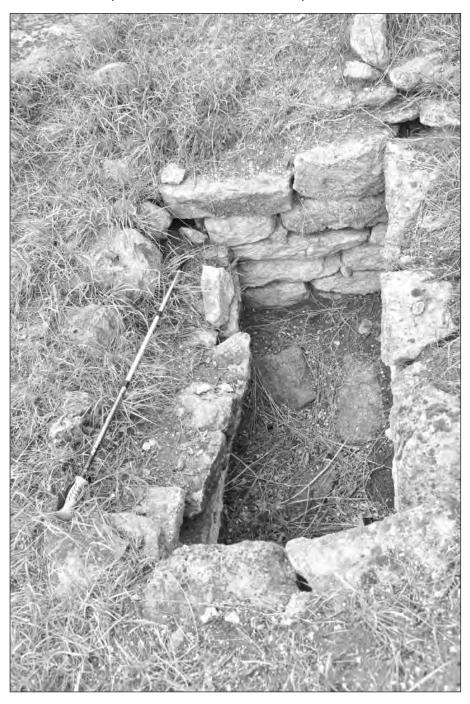
Рис. 5. Горизонтальный изгиб в плане, а также значительный наклон и смещение верхнего ряда каменных блоков (оформление пропилей) над водоотводным лотком к ЮЮВ. Нижний ряд кладки водостока, вкопанный в грунт, почти не поврежден.

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 6. Нимфей. Участок «В». Сплющивание устья одного колодца V в. до. н.э. (короткая ось, ССВ-ЮЮЗ).

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>与与与与与与与与</u>

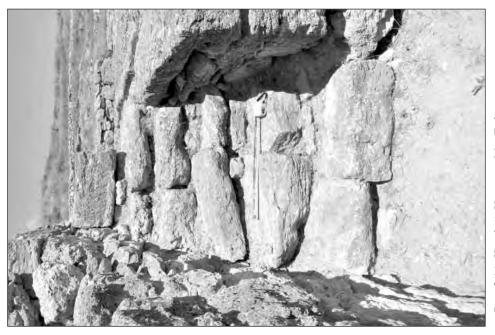

Рис. 7. Нимфей. Участок «Г». Деформированное устье одного из колодцев IV в. до н.э. Западная стена колодца (аз. прост. 170°) наклонилась к востоку под углом 80° .

<u>ыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 8 (б). Нимфей. Участок «М». Систематический разворот каменных блоков по часовой стренке.

Рис. 8 (а). Нимфей. Участок «М». Деформации сжатия в верхних частях лестничных пролетов, построенных в IV в. до н.э.: торошение каменного блока ступени.

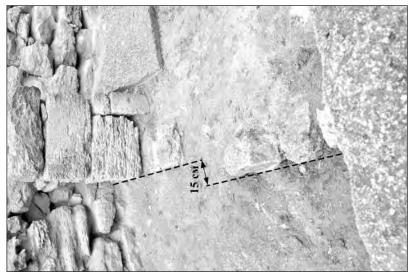
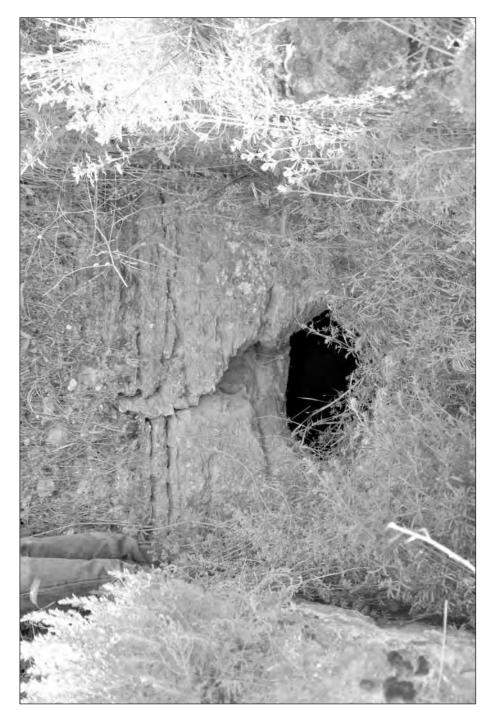

Рис. 10. Нимфей. Участок «М». Разрыв (правый сдвиг) и смещение на 15 см ряда каменной кладки, выполнявшей роль порога в одном из помещений IV в. до н.э. Простирание ступени 75°. По-видимому, направление сейсмических колебаний было под некоторым углом к простиранию порога.

Рис. 9. Нимфей. Участок «М». Поворот верхней части стены IV в. до н.э. по часовой стрелке. Западная часть повернутой стены сместилась на север на расстояние 30 см.

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

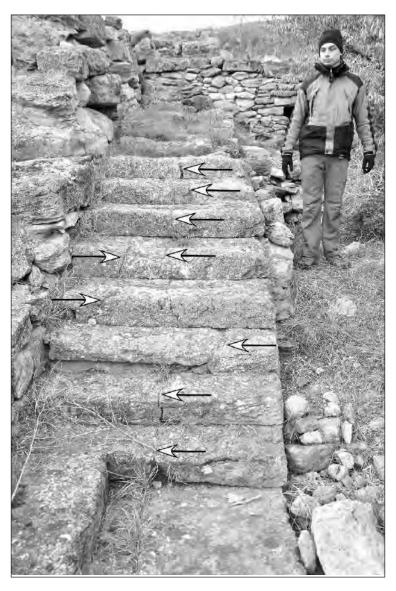
Рис. 11. Нимфей. Некрополь. «Аллея склепов». Деформация над входовой частью одной из катакомб.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>ыыыыыы</u>

Рис. 12. Нимфей. Участок «М». Сквозная трещина через 4 каменных блока в месте шарнира (излома) повернутой части подпорной стены террасы IV в. до н.э. (см. рис. 9).

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 13. Нимфей. Участок «М». Сквозные трещины через несколько строительных блоков в одной из лестниц IV в. до н.э.

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... <u>与与与与与与与</u>

Рис. 14. Нимфей. Участок «М». Сквозная трещина, пробивающая два каменных блока подряд в подпорной стене террасы IV в. до н.э., образовалась под горизонтальной деревянной балкой – лежнем (в настоящее время отсутствует), специально уложенным в стену для уменьшения возможного сейсмического воздействия. Выше балки трещина не пошла.

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 15. Эпицентры землетрясений за последние 200 лет [Пустовитенко и др., 1989; Shebalin, Leydecker, 1997; ЕГС РАН].

Корженков А.М. и др. Следы сильных землетрясений... Былылылы

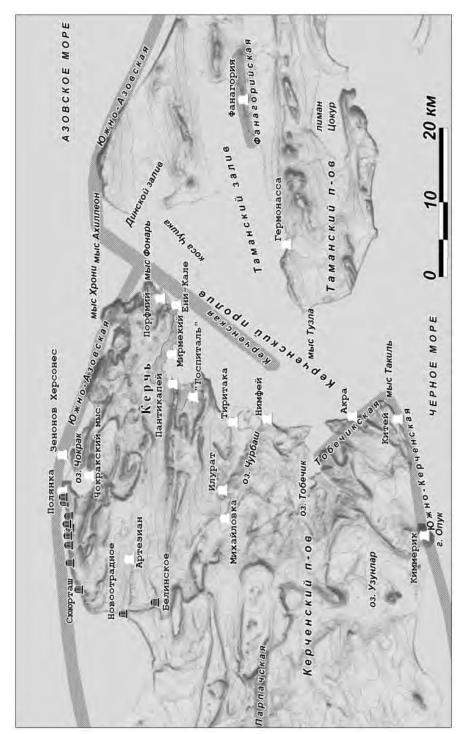

Рис. 16. Древние городища и сейсмогенерирующие структуры (заштрихованные области) в районе Керченского пролива. Белыми значками показаны древние города, исследованные нами, черными – те древние памятники, которые нам еще предстоит изучить.

E.B. CYXAHOB E.V. SUKHANOV

СТАНДАРТЫ ОБЪЕМА СРЕДНЕВЕКОВЫХ «ПРИЧЕРНОМОРСКИХ» АМФОР И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ ПО ФРАГМЕНТИРОВАННОМУ МАТЕРИАЛУ CAPACITY STANDARDS OF MEDIEVAL «PONTIC» AMPHORAE. THE POSSIBILITIES OF CAPACITY STANDARDS STUDY THROUGH CERAMIC FRAGMENTS

Амфорная тара является одним из основных источников для изучения экономической истории эпохи античности и раннего средневековья. Для полноценных исследований торгово-обменных операций по амфорному материалу очень полезен учет разных стандартов объема керамической тары [Брашинский, 1984, с. 56, 62-63]. Опыт работ в этом направлении накоплен на материале античных и позднеримских амфор [Grace, 1949; Брашинский, 1976, 1984; Монахов, 1980, 1989, 1992, 2003; Внуков, 2003]. Появляются также работы, посвященные изучению размерных параметров византийской амфорной тары [van Doorninck, 2015; van Alphen, 2015].

При этом совершенно неисследованной с точки зрения метрологии остается представительная группа средневековых амфор, распространенная на памятниках VIII—X вв. Северного Причерноморья и некоторых сопредельных территорий. Такие сосуды изготавливались в гончарных центрах Таврики и по ареалу производства получили название «причерноморских» [Паршина и др., 2001]. Основной поток экспорта продукции в этих амфорах был направлен в Восточное Причерноморье, Приазовье, Подонье, реже они попадали в Поднепровье и Поволжье. Находки похожих сосудов известны и на других памятниках восточносредиземноморского мира, однако пока не вполне ясно, можно ли отождествлять эти амфоры с «причерноморскими» [Arthur, 1989, fig. 5, 7; Hayes, 1992, fig. 25. 1-9, 12-15, 23. 2-6, 8-12; Sagui et al, 1997, fig. 6, 2-3; Vroom, 2005, p. 60-61].

«Причерноморские» амфоры являются, пожалуй, одним из важнейших источников, отражающих торгово-экономические связи в Северном Причерноморье и сопредельных территориях в VIII—X веках. Поэтому актуальность изучения объема этих сосудов и выделение разных объемных стандартов несомненны. Однако, как и многие другие группы керамики, «причерноморские» амфоры представлены на поселенческих памятниках в основном в виде обломков. В этой связи возникает задача восстановления реальных объемов этих сосудов по обломкам.

Таким образом, целью данной работы является анализ объемов емкости «причерноморских» амфор и разработка методики их определения по фрагментам. Для этого необходимо решить две основные задачи:

1) Провести изучение объемов емкости целых амфор и попытаться выделить определенные стандарты;

2) Выяснить характер связи между объемом амфор и их линейными размерами, возможность использования этих данных для определения объема сосудов по фрагментированному материалу.

Для изучения объема амфор использовался метод трехмерного моделирования (компьютерная программа Autodesk 3Ds Max). Этот метод характеризуется простотой, проверяемостью результатов, возможностью определять объем сосудов по графическим изображениям и фотографиям. Правила определения объема сосудов в программе Autodesk 3Ds Max довольно подробно изложены в ряде статей [Загваздин, Турова, 2011; Суханов, 2017]. В качестве источников исследования в данной работе использованы 184 целые амфоры с разных памятников северопричерноморского региона, а также фрагменты от 296 разных амфор, обнаруженных на бытовых памятниках салтово-маяцкой культуры в Среднем и Нижнем Подонье.

Проблемы и результаты изучения реального объема целых амфор и выделения объемных стандартов

Прежде всего нужно отметить, что более чем у половины использованных в работе изображений амфор не была известна толщина стенки, что препятствует определению внутреннего («реального») объема сосудов. В связи с этим в первую очередь были изучены археологически целые сосуды, толщина стенок которых известна.

С помощью указанной компьютерной программы были рассчитаны объемы этих амфор по внешнему и внутреннему контурам. Разница этих двух показателей позволила установить долю «объема», занимаемого стенками. Как выяснилось, эта величина составляет от 8 до 32 %, в среднем – около 18 %. Важно подчеркнуть, что данное значение получается как при учете объема амфор до горла, так и всего сосуда¹.

Теперь необходимо выяснить, зависит ли величина объема, занимаемого стенками, от объема всего сосуда. Данные о зависимости объема стенок сосуда от его общего объема приведены на графике (рис. 1). На нем заметно множество сосудов – левое и правое. Левое множество связано с амфорами объемом 5–15 л, правое – с амфорами вместимостью более 15 л. Почти у 90% сосудов левого множества объем стенок составляет 12–24 % общего объема сосуда, т.е в среднем около 18 %. Правое множество, включающее сосуды объемом свыше 15 л, выглядит более разреженным. Здесь большинство амфор имеют долю объема стенок в пределах 11–19 %, в среднем около 15 %.

Таким образом, установлено, что доля объема стенок сосуда, во-первых, зависит от его размера, во-вторых, эта доля чем ниже, тем больше размер самого сосуда.

Попробуем использовать выявленную закономерность для изучения внутреннего объема амфор по изображениям, где отсутствуют данные о толщине стенок сосуда.

¹ Мы придерживаемся точки зрения о том, что физическая емкость тарного сосуда должна превышать заключенный в него стандарт объема [Брашинский, 1976, с. 95; 1984, с. 75; Монахов, 1989, с. 37]. Поэтому далее в тексте приводятся значения объемов амфор при условии их наполнения до уровня устья горла.

<u> ББББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

В том случае, если внешний объем амфор составляет менее 15 л, их внутренний объем будет равен $V_{\text{внешн}}$ - 18% $V_{\text{внешн}}$, а если внешний объем амфор больше 15 л, то их внутренний объем будет равен $V_{\text{внешн}}$ - 15 % $V_{\text{внешн}}$. Полученные результаты были сопоставлены с данными измерений, полученных по внутреннему контуру сосудов путем деления меньшего объема на больший: коэффициент сходства $KC = V_{\text{мин}} / V_{\text{макс}}$. В результате выяснилось, что степень сходства тех и других результатов очень высокая. В частности, было установлено, что доля сосудов, у которых КС двух сравниваемых значений равен 0,95 и более, составляет 77,5 %.

Таким образом, определение внутреннего объема амфор, по которым отсутствуют данные о толщине стенок, вполне возможно путем вычитания доли объема стенок из «внешнего» объема сосуда.

Полученные данные были использованы для расчета объема всех остальных целых «причерноморских» амфор. Оказалось, что общий диапазон объема всех амфор находится в интервале 3.38-41.57 л. Наиболее часто встречаются амфоры объемом примерно 5-9 л, а вся совокупность сосудов делится на два легко различимых скопления — амфоры объемом до 10-11 л и более 12 л (рис. 2). Среди амфор объемом до 10-11 литров (рис. 3. I) выделяется несколько скоплений с заметными пиками на участках 5-6.5 л, 6.5-7.7 л, 7.8-8.9 л, 9.2-11 л. Похожая ситуация наблюдается и для более крупных по объему амфор (рис. 3. II). Здесь выделяются группы 12-17 л, 19-27 л, причем внутри последней группы заметны два пика на отметках примерно 20 и 26 л.

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что все изученные амфоры распадаются по своему объему на несколько групп. Попробуем выяснить, соответствуют ли эти группы разным стандартам объема?

Прежде всего, необходимо определить, какие конкретно древние меры объема могли быть использованы при создании тарных сосудов в раннесредневековой Таврике. Известно, что в этом регионе в VIII—X вв. были развиты виноградарство и виноделие [Веймарн, 1960, с. 113–116; Якобсон, 1970, с. 153; Даниленко, 1994, с. 133–140]. В этой связи допустимо считать, что крымское амфорное производство могло обеспечивать интересы прежде всего именно местных виноделен. Поэтому если объемы «причерноморских» амфор регламентировались какимито стандартами, то они должны были соответствовать византийским мерам измерения объема вина.

Исследования Э. Шильбаха [Schilbach, 1970, р. 112-113] показали, что к перечню византийских единиц измерения объема вина и воды относились анонный метрон/ Αννονικὸς μέτρον (6,83 л), монастырский метрон / Μοναστηριακὸν μέτρον (8,2 л) и морской метрон / θαλάσσιον μέτρον) (10,25 л). Все три меры являются взаимно конвертируемыми. Например, 1 морской метрон представляет собой 1,5 анонного метрона. В связи с этим нельзя исключать использование этих единиц измерения в виде полумер, что было подтверждено исследованием Э. Гарвер, изучавшей объемы хронологически более поздних византийских амфор [Garver, 1993].

При сопоставлении объема наиболее массовых групп амфор с византийскими стандартами объема вина выясняется их значительное сходство:

- Стандарт в 0,5 монастырского метрона (т.е. 4,1 л) может приблизительно соответствовать группе объемом до 5 литров (рис. 3);
  - 0,5 морского метрона (5,13 л) группе 5-6,5 л;
  - 1 анонный метрон (6,83 л) группе 6,5-7,7 л;
  - 1 монастырский метрон (8,2 л) группе 7,8-8,9 л;
  - 1 морской метрон (10,25 л) группе 9,2-11 л;
  - 1,5 морского метрона (15,38 л) группе 12-17 л;
  - 2 морских метрона (20,5 л) и 2,5 морских метрона (25,6 л) группе 19-27 л.

Разумеется, сам факт такого совпадения еще не доказывает, что при изготовлении рассматриваемых амфор гончары действительно использовали приведенные выше стандарты объема. Группировка сосудов на графиках, прослеживаемая при выделении разных стандартов объема амфор, может носить случайный характер [Монахов, 1989, с. 37]. Сомнения могут быть связаны еще с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, хорошо известно, что при ручном труде невозможно сделать совершенно одинаковые сосуды. Степень их отличия у одного мастера зависит от уровня развития функций гончарного круга [Цетлин, 2016]. Во-вторых, сосуды, изготовленные из разных видов глин в результате сушки и обжига, подвергаются усадке, т.е. их размер уменьшается. Степень усадки разных глин колеблется в интервале от 5 до 15 % [Августиник, 1975], что также может привести к отступлению объема сосуда от необходимого стандарта. В-третьих, в группе амфор малого объема (до 10 л) различия между стандартами объема не очень значительны. Например, между 0,5 морского и 1 анонным метроном разница составляет всего лишь 1,7 л, между 1 анонным и 1 монастырским метроном — 1,37 л. Такие различия могут находиться в пределах случайных колебаний объема сосудов, обусловленных двумя первыми обстоятельствами.

В связи с этим для более доказательного выделения предложенных стандартов объема «причерноморских» амфор автором были проведены специальные эксперименты, выполненные в 2016 и 2017 гг. в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства².

Цель первого эксперимента заключалась в выяснении максимально возможной величины случайных колебаний объема емкости амфор одного «стандарта», изготовленных мастером-непрофессионалом. В ходе этого эксперимента было сделано 10 сосудов, представляющих собой уменьшенные копии «причерноморской» амфоры, 8 из которых после обжига оказались пригодными для измерения объема.

² Пользуясь случаем, выражаю большую благодарность участникам Самарских экспедиций 2016-2017 гг., оказавшим мне помощь на разных этапах проведенных экспериментов, а также персонально Ю.Б. Цетлину и Е.В. Волковой за многочисленные полезные советы и замечания.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Перед экспериментом была поставлена задача изготовить серию сосудов одинакового объема. В ходе изготовления форм соблюдались одинаковые размеры по тем линейным параметрам, контроль которых со стороны гончара наиболее прост — максимальный диаметр и высота емкости. Остальные морфологические особенности сосуда воспроизводились как подражание контурам реальных амфор. Сосуды изготовлялись по единой технологии — из одинаковой формовочной массы, приемами скульптурной лепки, по емкостно-донной программе, спиральножгутовым налепом.

В ходе этого эксперимента было изготовлено 10 сосудов, представляющих собой уменьшенные копии «причерноморской» амфоры, 8 из которых после обжига оказались пригодными для измерения объема.

Внешний объем экспериментальных сосудов был изучен с помощью той же компьютерной программы. Разброс величины объема в серии экспериментальных сосудов оказался равен 0,811 (КС = 2,226/2,744=0,811). Это позволило рассчитать интервал случайных колебаний этого показателя: (1,0-0,811)/2=0,0945 или $\pm 9,45\%$.

Таким образом, была установлена наиболее вероятная величина отклонений от стандартных мер, которую можно считать несущественной. Этот разброс следует рассматривать именно как *наиболее вероятный*, поскольку, с одной стороны, для сосудов, изготовленных профессиональными гончарами, степень случайного разброса будет, безусловно, меньше, а с другой — сомнительно, что византийские гончары при производстве массовой продукции изделий систематически пользовались специальным контролем линейных размеров изделий.

Теперь попробуем выяснить, насколько точно отделяются друг от друга выделенные емкостные стандарты «причерноморских» амфор в свете новых экспериментальных данных (табл. I). Судя по результатам анализа величины разброса объемов в каждой из выделенных по гистограмме групп, в большинстве случаев они укладываются в рамки случайных колебаний. Только в двух случаях, 11,6 % и 11,8%, они немного превышают данную величину и лишь в одном случае — по наиболее крупной размерной группе 19-27 л — зафиксировано более существенное превышение максимально возможной величины случайных колебаний (14,8%). Это, вероятно, подтверждает, что в данной группе присутствуют два разных стандарта объема, соответствующих двум пикам на отметках около 20 и 26 л (рис. 3. II). Таким образом, можно сделать вывод о достаточно высокой достоверности выделенных по стандартам объема групп «причерноморских» амфор. Это является аргументом в пользу действительного существования у гончаров таких стандартов объема амфор.

Второй эксперимент, проведенный в Самарской экспедиции в 2017 г., преследовал цель выяснить, сохраняется ли постоянной величина случайных колебаний объема при изготовлении амфор разных стандартов объема. Для этого было изготовлено несколько серий амфор, соответствующих четырем стандартам, два из которых относились к группе малых объемов (до 10-11 л) и два – к группе больших объемов (свыше 12 л):

- 1. 0,5 морского метрона $(5,13 \text{ л})^3$,
- 2. 1 анонный метрон (6,83 л),
- 3. 1,5 морского метрона (15,83 л),
- 4. 2 морских метрона (20,5 л).

Поскольку эксперимент проводился в экспедиционных условиях и в ограниченное время, выбранные стандарты объема были пропорционально «уменьшены» в 6 раз. В итоге воспроизводились сосуды объемом 0,86, 1,14, 2,64 и 3,42 л. Было сделано по три сосуда каждого из стандартов (рис. 4). Все сосуды делались из одинаковой формовочной массы по единой технологической схеме (емкостно-донная программа, спирально-жгутовый налеп). Измерение объема опять проводилось с помощью той же компьютерной программы, но на этот раз по внутреннему контуру. Это оказалось возможным, поскольку все экспериментальные сосуды после обжига были расколоты вдоль вертикальной оси, что позволило строго зафиксировать толщину стенок по всей длине профиля через каждые 2 см.

В итоге были получены следующие результаты:

- 1) Интервал колебаний объема в рамках каждой из четырех серий сосудов оказался в пределах **4 8,9** %, т.е. не превышал среднюю величину случайных колебаний, установленную в предыдущем эксперименте (рис. 5). Интересно, что не наблюдается прямой зависимости между размерами сосудов и точностью следования стандартам объема: наиболее высокий разброс значений фиксировался как в самой малой, так и в самой большой по объему сериях.
- 2) Обнаружена хорошая различимость объема сосудов, соответствующих двум малым стандартам (рис. 6). На графике они не «перекрывают» друг друга, даже несмотря на несущественные различия линейных размеров сосудов этих двух стандартов (по максимальному диаметру тулова и высоте составляла всего лишь 1 см).

Таким образом, экспериментальные исследования дали пласт важной информации по вопросу о *надежности* выделения стандартов объема «причерноморских» амфор. Было выяснено конкретное содержание качественного понятия «соответствие стандарту объема», часто используемого в исследованиях, посвященных анализу керамической тары. Установлено, что данные стандарты могут колебаться в интервале 9-10 % отклонений от заданного объема емкости и такие колебания можно рассматривать как несущественные. Во-вторых, была доказана принципиальная возможность придавать сосудам при изготовлении требуемый «стандарт объема» и отличать их от сосудов другого «стандарта», даже в тех случаях, когда фактическая разница между ними довольно невелика.

Таким образом, учитывая соответствие популярных значений объема «причерноморских» амфор византийским мерам измерения объема вина, полученные экспериментальные данные подтверждают реальность существования системы стандартных мер объема емкости, использовавшейся в амфорном производстве на территории Таврики в VIII–X вв. (табл. II).

 $^{^{3}}$ Порядковый номер стандарта в этом списке соответствует обозначениям, приведенным на рис. 4-6.

Анализ взаимосвязи объемов емкости и линейных размеров амфор

Вторая часть исследования посвящена анализу взаимосвязи объема емкости и разных линейных размеров «причерноморских» амфор. Рассматривались параметры, во-первых, характеризующие расстояние между наиболее «характерными» точками контура сосуда, во-вторых, наиболее доступные для фиксации по фрагментам сосудов. В этот перечень вошли (рис. 7):

- 1) общая высота сосуда (h1),
- 2) высота сосуда от нижней точки формы до места максимального диаметра (нижняя часть емкости) (h2),
- 3) высота сосуда от места максимального диаметра до основания горла (верхняя часть емкости) (h3),
- 4) высота сосуда от нижней точки формы до основания горла (высота емкости) (h4),
  - 5) высота горла (h5),
  - 6) высота ручек (*h*6),
  - 7) максимальный диаметр сосуда (d1),
  - 8) диаметр основания горла (d2),
  - 9) диаметр венчика (d3),
  - 10) диаметр горла в месте крепления ручек (d4),
  - 11) диаметр формы в месте крепления ручек к плечу (d5),
  - 12) диаметр формы в месте перехода основания тулова в тулово (d6),
  - 13) расстояние от оси сосуда до наиболее удаленной точки на ручке) (b1).

Линейные размеры амфор фиксировались по масштабированным изображениям с помощью компьютерной программы CorelDraw. 65 амфор были измерены лично автором в фондах музеев и в камеральных лабораториях.

Перечисленные линейные параметры, как выяснилось, по-разному связаны с объемом емкости «причерноморских» амфор. Некоторые из них плавно увеличивают свое значение по мере возрастания объема емкости. На графике (рис. $8.\ I$), по горизонтальной оси которого отложены значения объемов, а по вертикальной — максимального диаметра сосудов, это имеет вид плавно возрастающей зоны значений, обозначающих конкретные сосуды. Максимальный диаметр тулова (dI) демонстрирует эту зависимость наиболее ярко, поэтому приводится на графике в качестве примера. Менее отчетливо она прослеживается для d5, d6, h1, h4, b1.

Вторая форма зависимости характеризуется наличием на графиках двух визуально различимых скоплений точек. Одно из них — левое, связанное с амфорами объемом до 10-11 л, во всех подобных случаях является более компактным и обладает более короткими диапазонами значений того или иного линейного параметра. Второе, правое, связано с амфорами объемом свыше 15 литров. Во всех случаях оно является более разреженным в силу более широких диапазонов значений линейных параметров. Здесь линейная зависимость, как правило, также заметна, однако она не столь выражена, как в первой группе

10 би-хххvіі 145

Суханов Е.В. Стандарты объема средневековых... Бъльтый Бъль

размерных параметров. Сюда относятся линейные размеры h2, h3, h5, h6, d2, d3 и d4 (рис. 8. II).

Полученные данные дополнены результатами расчетов коэффициентов линейной корреляции, выполненных в компьютерной программе StatSoft Statistica 12. На графике коэффициентов корреляции линейных размеров с объемом амфорной тары также проявились два скопления (рис. 9). Правое («верхнее») связано с линейными параметрами, показывающими высокую степень связи, т.е. зависимости изменения объема сосуда от размера (k равно более 0,79): d1, h1, h4, d6, b1, d5, d2. Левое («нижнее») — это размеры со средней и низкой степенью связи (k равно менее 0,7). К их числу относятся d4, h3, h2, d3, h5, h6.

Таким образом, полученные данные довольно отчетливо показывают, что связь разных линейных параметров с объемами «причерноморских» амфор не одинакова.

На основании рассмотренных сведений можно выделить три группы линейных параметров, проявляющих разную степень зависимости от объемов «причерноморских» амфор.

К *первой* группе относятся те параметры, которые проявляют слабую связь с теми или иными стандартами объема. Поэтому они малоинформативны для определений объемов сосудов по фрагментам, несущим информацию о следующих линейных размерах: высота нижней и верхней частей емкости (h2 и h3), высота горла (h5), высота ручек (h6), диаметр венчика (d3).

Ко *второй*, более информативной группе относятся параметры, которые показывают заметную связь либо с сосудами малых стандартов (до 10-11 литров), либо с сосудами больших стандартов (более 12-15 литров). К их числу относятся диаметр основания горла (d2) и диаметр в месте крепления ручек к горлу (d4).

К *третьей* группе относятся параметры, проявляющие наиболее тесную связь с объемами амфорной тары и являющиеся наиболее информативными для восстановления стандарта объема. К их числу относятся максимальный диаметр сосуда (d1), диаметр в точке перехода основания тулова в тулово (d6), ширина ручек (b1), диаметр сосуда в месте крепления к тулову ручек (d5), высота сосуда (h1), высота емкости (высота сосуда до горла) (h4).

Восстановление объемов «причерноморских» амфор по их фрагментам

Теперь попробуем восстановить объемы «причерноморских» амфор по их фрагментам, опираясь на изложенные выше методические приемы. Вся процедура такого восстановления включает два этапа.

Подготовительный этап состоит из следующих операций:

- 1. Во время работы с коллекциями отбираются те части амфор, по которым можно зафиксировать как минимум один из рассмотренных выше линейных параметров. Как правило, это фрагменты горла, плечиков, ручек, крупные части тулова.
- 2. Затем по каждому фрагменту фиксируются доступные для учета линейные параметры. Для фиксации диаметров могут быть использованы стандартные 146

круговые шаблоны, распечатанные на пластиковой прозрачной основе. Диаметр можно определять по формуле: d = a2/h + h, где a - длина половины хорды, доступной для измерения, h - высота дуги от центра хорды до стенки амфоры.

3. Для достижения большей точности следует делать прорисовки профиля анализируемых фрагментов сосудов и выполнять перепроверку результатов замеров с помощью компьютерных графических редакторов, например, CorelDraw.

Основной этап заключается в непосредственном определении соответствия фрагмента сосуда тому или иному стандарту объема.

- 1. Сначала создается таблица, где в строках располагаются номера сосудов, а в столбцах используемые линейные параметры (табл. III). В нее вносятся результаты произведенных измерений и расчетов.
- 2. На основании данных, изложенных в предыдущем разделе статьи, обобщенных в виде специальных графиков (рис. 10–22), выполняется определение вероятного стандарта объема. В зависимости от конкретной части сосуда и ее репрезентативности определение может производиться с разной степенью точности. Наличие на одном фрагменте амфоры нескольких линейных размеров повышает степень точности при определении возможного стандарта.

По завершению описанных действий для удобства можно сделать отдельную таблицу, в которой по каждому фрагменту, несущему несколько линейных параметров, уточняется стандарт объема амфоры (табл. IV).

Результаты применения предложенной методики

Анализ конкретных данных по результатам восстановления объема амфор из салтово-маяцких памятников показал, что в большинстве случаев (77 %) определение объема удалось произвести с точностью от двух до четырех стандартов (рис. 23). Наиболее высокая степень точности в 1 стандарт наблюдается только у 7 % сосудов. Самая низкая степень точности, охватывающая 4–6 стандартов, отмечена в 15 % случаев. Почти все амфоры, когда объем емкости определяется с точностью в 3-4 стандарта, связаны с принадлежностью сосуда к одной из двух размерных групп – малых (до 10 л) или больших (свыше 12–15 л) стандартов.

Таким образом, практическое применение предложенной методики в большинстве случаев позволяет получить достаточно точные данные о стандартах объема сосудов даже при отсутствии в материалах памятника целых форм.

В заключение статьи хотелось бы привести один пример, иллюстрирующий целесообразность проведения данных процедур в ходе камеральной обработки материалов. Из литературных данных известно, что доля амфор в керамическом комплексе Маяцкого городища и селища довольно невелика, особенно по сравнению с другими салтово-маяцкими бытовыми памятниками [Плетнева, 1967, с. 129; Афанасьев и др., 1999, с. 112, 116, 120]. Как удалось выяснить, малая доля обломков амфор среди других групп керамики совершенно не отражает объем ввозившейся на поселение продукции. При анализе метрологии амфор Маяцкого селища и городища (22 сосу-

Суханов Е.В. Стандарты объема средневековых... 5555555555

да, по шести линейным параметрам) установлено доминирование на памятнике тары больших объемов емкости (12–30 литров) и практически полное отсутствие амфор объемом менее $10 \, \text{л}$ (рис. 24)⁴.

Таким образом, предложенная методика вполне успешно может использоваться для анализа объемов поступлений продукции в «причерноморских» амфорах на памятники, в материалах которых отсутствуют целые формы этих сосудов. Ее применение к анализу массового амфорного материала позволит получить пласт принципиально новой информации, важной для воссоздания целостной картины экономической истории населения Северного Причерноморья в VIII–X веках. В то же время следует признать, что пока сделаны лишь первые шаги в этом направлении, а предложенная методика нуждается в последующей доработке и уточнениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Августиник А.И. Керамика. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Л.: Стройиздат (Ленинградское отделение), 1975. 592 с.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. 1999. № 2. С. 106–123.
- *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. 248 с.
- *Брашинский И.Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА. 1976. № 3. С. 87–102.
- Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. 1960. Том 10. С. 109–117.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры І в. до н.э. ІІ в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.
- *Даниленко В.Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 131–139.
- Загваздин Е.П., Турова Н.П. О вычислении ёмкостных характеристик археологической керамики в трехмерном редакторе Autodesk 3DsMax// IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (IV БАСК): Материалы конференции. Сибай: ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2011. С. 62–67.
- *Монахов С.Ю.* Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1980. № 4. С. 161–179.
- Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. 177 с.
- Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Тематический научный сборник. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С.163–204.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммерида, 2003. 350 с.
- *Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сборник научных статей. К.: Наукова думка, 2001. С. 52–81.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 209 с.

⁴ Данные о результатах сравнительного анализа объемов емкости амфор из разных салтово-маяцких поселенческих памятников еще не опубликованы и в ближайшем будущем будут рассматриваться в рамках отдельной статьи.

- Суханов Е.В. Использование трехмерного моделирования при изучении объемов средневековых «причерноморских» амфор // Археология и геоинформатика. Вып. 8. [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН, 2017. CD-ROM.
- *Цетлин Ю.Б.* О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // КСИА. 2016. № 245-II. С. 265–274.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 64–114.
- Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // Recherches sur la Céramique Byzantine. BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989. P. 79–93.
- Garver E. Byzantine Amphoras of the Ninth through Thirteenth Centuries in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. A thesis. Tucson: University of Arizona, 1993. 299 p.
- Grace V.R. Standard pottery containers of the ancient Greek World // Hesperia. 1949. Vol. 8. P. 175-189.
- Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton: Princeton University Press, 1992. 455 p.
- Sagui I., Ricci M., Romei D. Nuovi dati ceramologici per la storia economica di Roma tra VIIe-VIII secolo //
  La ceramique medievale en Mediterranee. Aix-en-Provence, 1997. P. 35–48.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. Münch.: C.H. Beck'sche Verlagsburchhandlung, 1970. 292 s.
- Van Alfen P.G. The Restudy of the LR2 Amphoras from the Seventh-Century Yassıada Shipwreck: Preliminary Evidence for Standardization // Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey. College Station: Texas A&M University Press, 2015. P. 17–34.
- Van Doorninck F.H. The Metrology of the Piriform Amphoras from the Eleventh-Century Byzantine Ship at Serçe Liman: New Designs but an Old System // Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey. College Station: Texas A&M University Press, 2015. P. 35–54.
- Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Utrecht: Parnassus press, Bijleveld, 2005. 223 p.

REFERENCES

- Avgustinik A.I. *Keramika. Izd. 2-e, pererab. i dop.* Leningrad, Strojizdat (Leningradskor otdelenie) Publ., 1975, 592 p.
- Afanas'ev G.E., Zot'ko M.R., Korobov D.S. Pervye shagi «kosmicheskoj arheologii» v Rossii (k deshifrovke Majackogo selishha). *Rossijskaja arheologija*, 1999, № 2, pp. 106–123.
- Brashinskij I.B. *Metody issledovanija antichnoj torgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ja)*. Leningrad., Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1984, 248 p.
- Brashinskij I.B. Metodika izuchenija standartov drevnegrecheskoj keramicheskoj tary. *Sovetskaja arheologija*, 1976, № 3, pp. 87–102.
- Vejmarn E.V. O vinogradarstve i vinodelii v drevnem i srednevekovom Krymu. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii AN USSR*, 1960, Tom 10, pp. 109–117.
- Vnukov S.Ju. *Prichernomorskie amfory I v. do n.je. II v. n.je. (morfologija)*. Moscow, IA RAN Publ., 2003, 235 p.
- Danilenko V.N. Monastyrskoe hozjajstvo v Krymu. *Problemy istorii i arheologii Kryma*. Simferopol', Tavrija Publ., 1994, pp. 131–139.
- Zagvazdin E.P., Turova N.P. O vychislenii jomkostnyh harakteristik arheologicheskoj keramiki v trehmernom redaktore Autodesk 3DsMax. *IV Bashkirskaja arheologicheskaja konferencija studentov i molodyh uchenyh (IV BASK): Materialy konferentsii.* Sibaj, GUP RB «Sibajskaja gorodskaja tipografija» Publ., 2011, pp. 62–67.
- Monahov S.Ju. Eshhe raz o standartah emkosti amfor jellinisticheskogo Hersonesa. *Vestnik drevney istorii*, 1980, № 4, pp. 161–179.
- Monahov S.Ju. *Amfory Hersonesa Tavricheskogo IV II vv. do n. je. Opyt sistemnogo analiza.* Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 1989, 177 p.
- Monahov S.Ju. Dinamika form i standartov sinopskih amfor. Grecheskie amfory. Problemy razvitija remesla

- *i torgovli v antichnom mire. Tematicheskij nauchnyj sbornik.* Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 1992, pp. 163–204.
- Monahov S.Ju. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor vedushhih centrov-jeksporterov tovarov v keramicheskoj tare: Katalog-opredelitel'.* Moscow, Kimmerida Publ., 2003, 350 p.
- Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye centry Tavriki VIII–X vv. *Morskaja torgovlja v Severnom Prichernomor'e. Sbornik nauchnyh statej.* Kiev, Naukova dumka Publ., 2001, pp. 52–81.
- Pletneva S.A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-majackaja kul'tura. Moscow, Nauka Publ., 1967, 209 p.
- Sukhanov E.V. Ispol'zovanie trehmernogo modelirovanija pri izuchenii objemov srednevekovyh «prichernomorskih» amfor. *Arheologija i geoinformatika*, vyp. 8 [Jelektronnyj resurs], Moscow, IA RAN Publ., 2017, CD-ROM.
- Tsetlin Ju.B. O velichine sluchajnyh kolebanij nekotoryh parametrov form glinjanyh sosudov. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii*, 2016, № 245-II, pp. 265–274.
- Jakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poselenija Jugo-Zapadnoj Tavriki. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, 1970, № 168, pp. 64–114.
- Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy. Recherches sur la Céramique Byzantine. *BCH. Suppl.*, XVIII, Paris, 1989, pp. 79–93.
- Garver E. Byzantine Amphoras of the Ninth through Thirteenth Centuries in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. A thesis. Tucson, University of Arizona, 1993, 299 p.
- Grace V.R. Standard pottery containers of the ancient Greek World. Hesperia, 1949, Vol. 8, pp. 175-189.
- Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, Princeton University Press, 1992, 455 p.
- Sagui I., Ricci M., Romei D. Nuovi dati ceramologici per la storia economica di Roma tra VIIe-VIII secolo. *La ceramique medievale en Mediterranee*. Aix-en-Provence, 1997, pp. 35–48.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. Münch., C.H. Beck'sche Verlagsburchhandlung, 1970, 292 s.
- Van Alfen P.G. The Restudy of the LR2 Amphoras from the Seventh- Century Yassıada Shipwreck: Preliminary Evidence for Standardization. *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey.* College Station, Texas A&M University Press, 2015, pp. 17–34.
- Van Doorninck F.H. The Metrology of the Piriform Amphoras from the Eleventh-Century Byzantine Ship at Serçe Liman: New Designs but an Old System. *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey*. College Station, Texas A&M University Press, 2015, pp. 35–54.
- Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Utrecht, Parnassus press, Bijleveld, 2005, 223 p.

Резюме

Статья посвящена исследованию метрологии средневековых «причерноморских» амфор – керамической тары, распространенной, главным образом, на памятниках VIII–X вв. в Северном Причерноморье. На основании анализа археологических и экспериментальных данных выделены несколько стандартов объема емкости «причерноморских» амфор, соответствующих византийским мерам измерения объема вина. Разработана методика определения объема «причерноморских» амфор по их фрагментам, изложены некоторые результаты ее практического применения.

Ключевые слова: «причерноморские» амфоры, торговые контакты, стандарты объема средневековых амфор.

Summary

The article deals with research «pontic» amphorae metrology. These ceramic containers are spread mainly on the sites of VIII-X centuries in the North Pontic area. Based on the analysis of archaeological and experimental data several capacity standards were defined. They correspond to

the Byzantine volume units of wine. The technique of capacity determining from ceramic fragments was developed. Some results of its practical application are formulated also in this article.

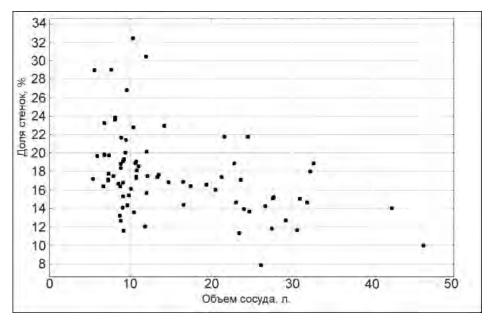
Key words: «pontic» amphorae, trade links, capacity standards of medieval amphorae.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Евгений Владимирович, стажер-исследователь отдела теории и методики Института археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, +7 952 421 62 18 Sukhanov_ev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukhanov Evgeniy Vladimirovich, Intern-researcher of theory and methodology Department in the Institute of Archaeology of RAS, 117036, Russian Federation, Moscow, ul. Dm. Ul'ianov, 19, +7 952 421 62 18 Sukhanov_ev@mail.ru

Рис. 1. Зависимость доли объема, занимаемого стенками амфор, от их «внешнего» объема.

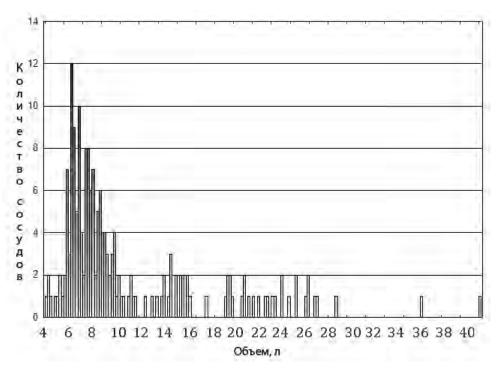
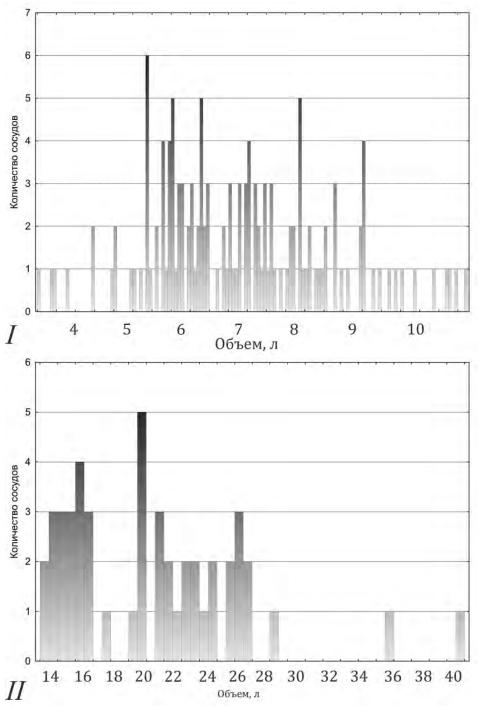

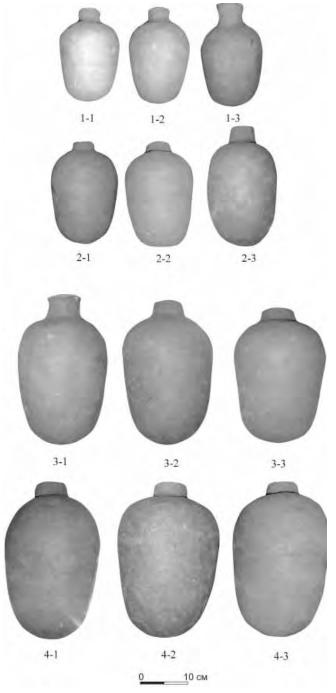
Рис. 2. Гистограмма объемов емкости всех «причерноморских» амфор.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 3. Гистограмма объемов емкости «причерноморских» амфор. І - до 10-11 л, ІІ - более 12 л.

Суханов Е.В. Стандарты объема средневековых... <u>ББББББББББ</u>

Рис. 4. Сосуды, изготовленные в рамках эксперимента 2017 года. Первая цифра — № стандарта, вторая цифра — № сосуда.

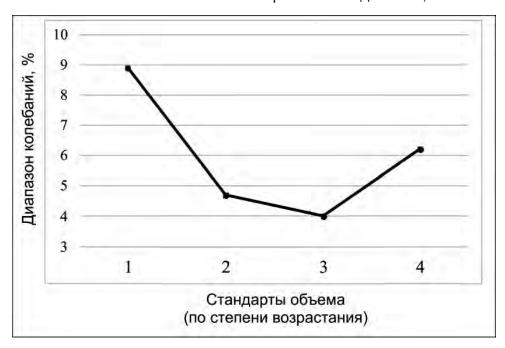

Рис. 5. Диапазоны случайных колебаний объемов емкости у сосудов разных стандартов.

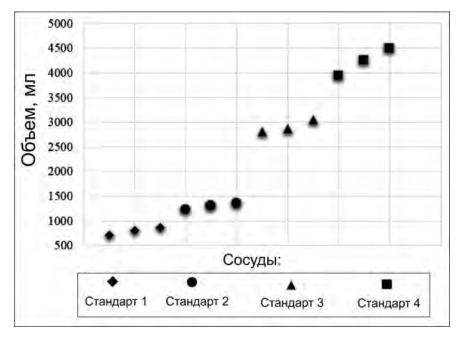
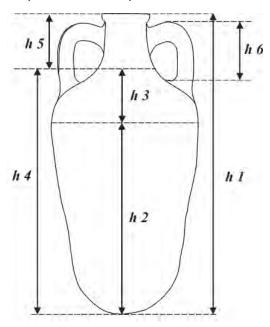

Рис. 6. Объемы емкости сосудов, изготовленных в рамках эксперимента 2017 года.

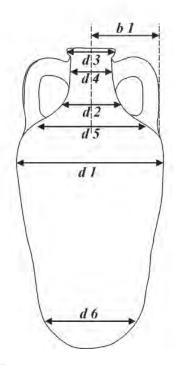
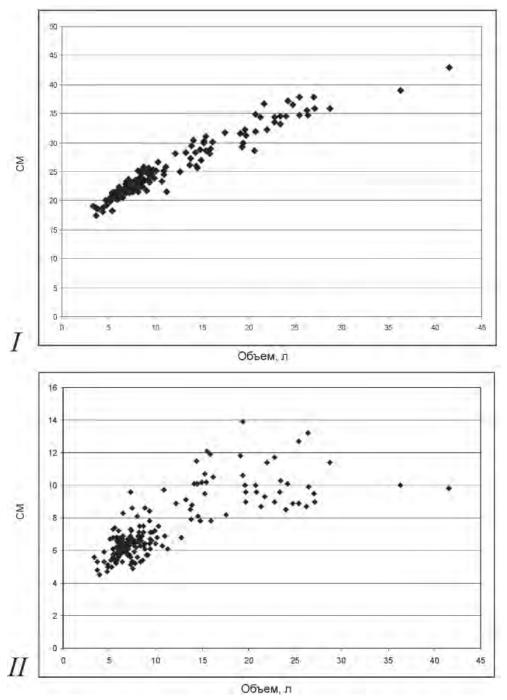

Рис. 7. Линейные параметры, подвергнутые изучению.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 8. Зависимость объема емкости амфор от разных линейных параметров. I – от максимального диаметра сосуда (d1), II – от диаметра основания горла амфор (d2).

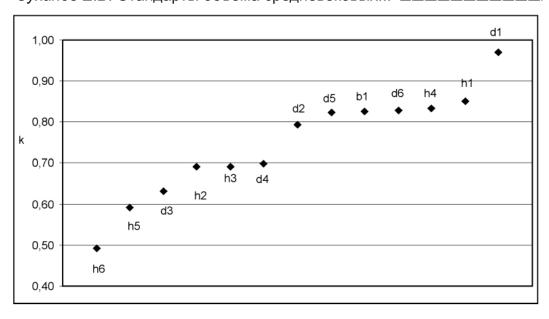

Рис. 9. Коэффициенты корреляции линейных размеров с объемами амфор.

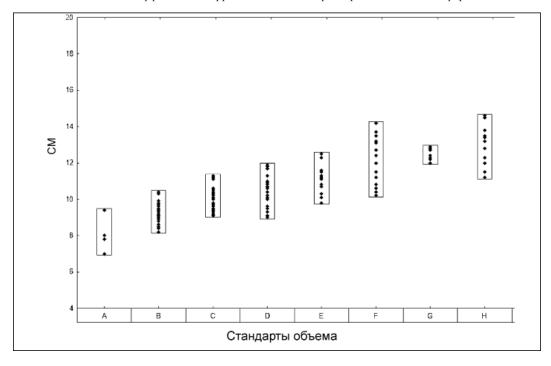
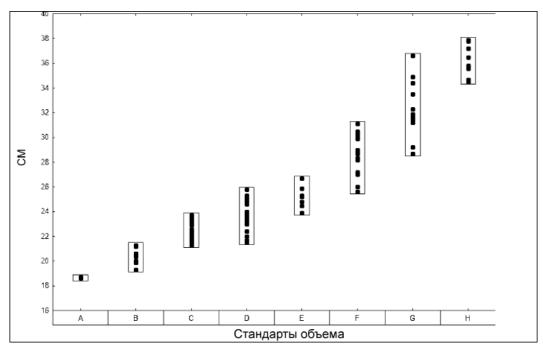

Рис. 10. Ширина ручек амфор (b1) у разных стандартов объема.

<u>ыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 11. Максимальный диаметр тулова амфор (d1) у разных стандартов объема.

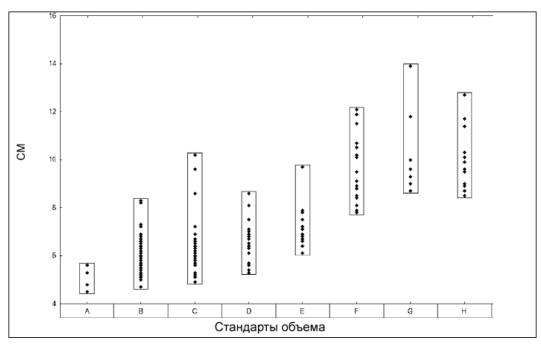
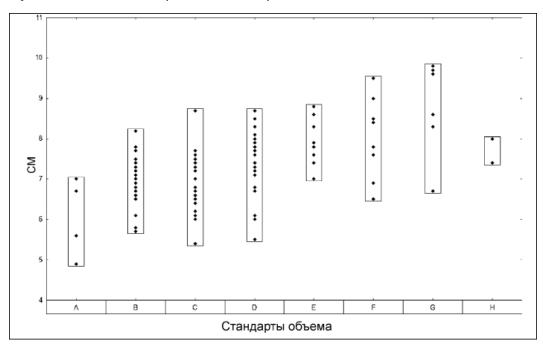
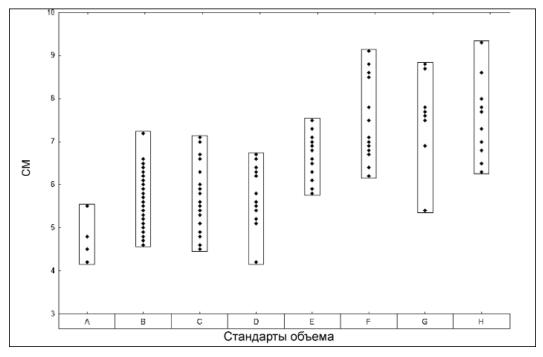

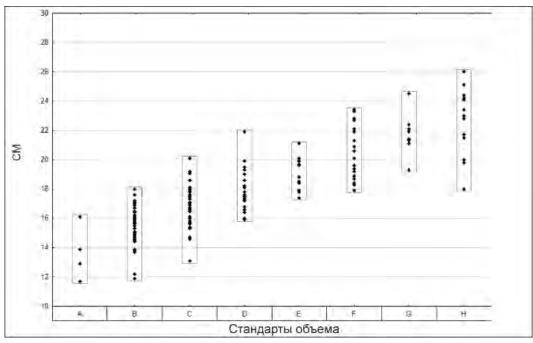
Рис. 12. Диаметр основания горла амфор (d2) у разных стандартов объема.

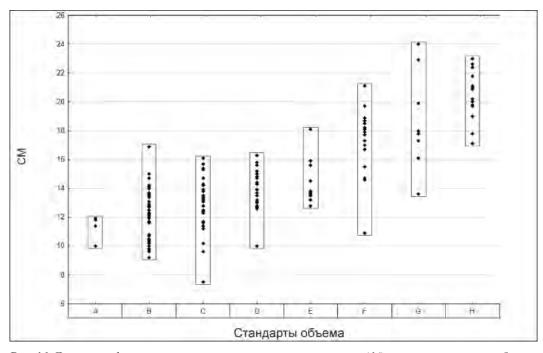
Рис. 13. Диаметр венчика амфор (d3) у разных стандартов объема.

Рис. 14. Диаметр горла амфор в месте крепления ручек (d4) у разных стандартов объема.

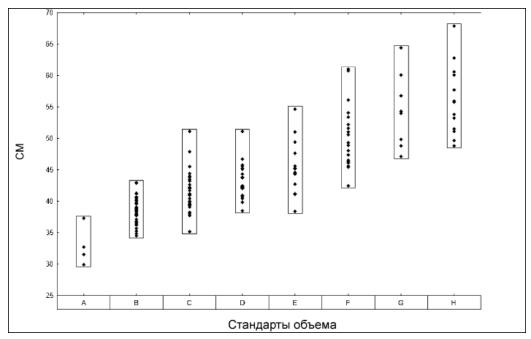

Рис. 15. Диаметр плеч амфор в месте крепления ручек (d5) у разных стандартов объема.

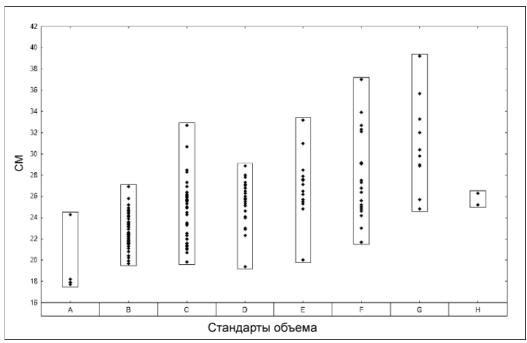

Рис. 16. Диаметр амфор в месте перехода основания тулова в тулово (d6) у разных стандартов объема.

11 би-ххххvіі 161

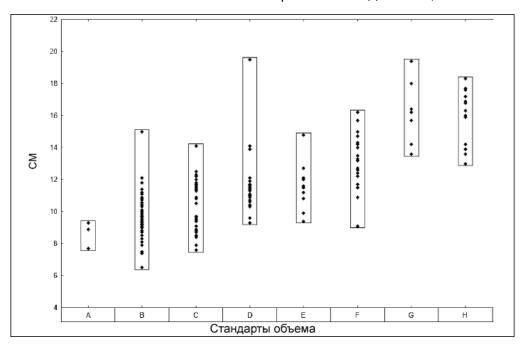

Рис. 17. Полная высота амфор (h1) у разных стандартов объема.

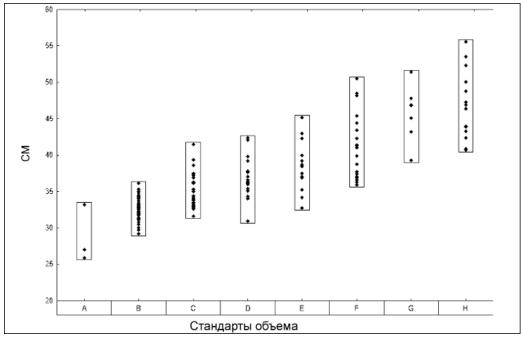

Рис. 18. Высота амфор от низа до места максимального расширения тулова (h2) у разных стандартов объема.

<u>ыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 19. Высота амфор от места максимального расширения тулова до основания горла (h3) у разных стандартов объема.

Рис. 20. Высота емкости амфор (от низа до основания горла) (h4) у разных стандартов объема.

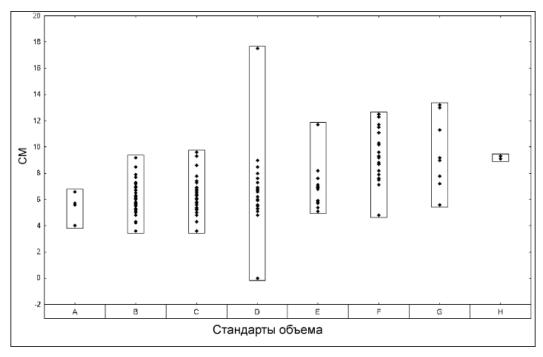
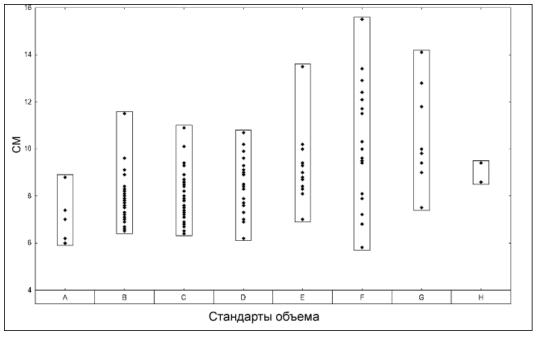

Рис. 21. Высота горла амфор (h5) у разных стандартов объема.

Рис. 22. Высота ручек амфор (h6) у разных стандартов объема.

Рис. 23. Точность определений стандартов объема «причерноморских» амфор по их фрагментам.

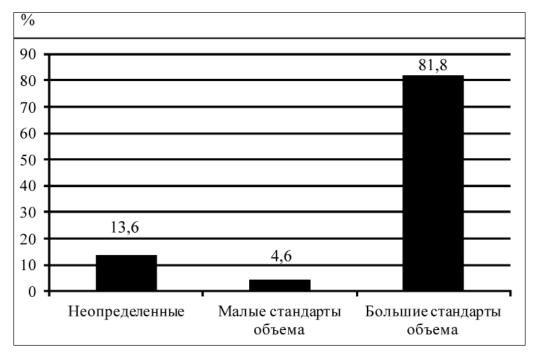

Рис. 24. Объемы емкости амфор Маяцкого археологического комплекса.

Д. В. КОНКИН D. V. KONKIN

«ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ»: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ТОРГОВАЯ ПРАКТИКА В КРЫМУ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹ "ECONOMICS AND LIFE": INDUSTRIAL AND TRADING PRACTICES IN THE CRIMEA DURING THE FIRST DECADES AFTER ITS REUNIFICATION WITH RUSSIA

К моменту присоединения Крыма к Российской империи экономика региона переживала сильнейший кризис. Массовый отток мусульманского населения в пределы Османской империи, переселение христиан в 1778 г. на Азовское побережье России, острая внутриполитическая борьба, эпидемии, слабая торговая конъюнктура отразились на его экономическом положении. В этих обстоятельствах перед новой администрацией стояла сложная задача в короткие сроки переломить негативную тенденцию и достичь благосостояния края и его жителей, тем самым в очередной раз продемонстрировав приверженность духу «просвещенного правления», декларируемому Екатериной II. Успех внутренней социальной, экономической политики в Крыму также имел важное значение для окончательной легитимизации присоединения полуострова, создания благоприятного внешнеполитического общественного мнения по данному вопросу.

Различные аспекты торговых отношений, экономической, демографической ситуации рассматривались ранее в работах А.А. Скальковского, Н.Б. Герсеванова, Г.П. Неболсина, В.Х. Кондараки, В.М. Кабузана, Е.И. Дружининой. Среди современных исследований нужно обратить внимание на работы В.Н. Тимченко, П.Н. Марциновского, Ю.А. Поспеловой, Д.А. Прохорова, А.С. Кравчука, А.А. Непомнящего, Е.А. Мальгина, Д.В. Конкина, Н.И. Храпунова [Конкин, Храпунов, 2017]. Оценки персонального вклада в экономические преобразования в Крыму можно найти в работах И. Мадариаги [с. 572–596], Н.Ю. Болотиной, О.И. Елисеевой, Д.В. Конкина [Конкин, 2017а]. Однако практическая ценность, результативность правительственных мероприятий по восстановлению и развитию экономики Крыма в первые десятилетия после присоединения к Российской империи не получили до сих пор надлежащего анализа и оценки. Между тем вопрос эффективности предпринятых имперской властью действий по экономической, юридической, интеллектуальной интеграции новообретенной территории остается во многом дискуссионным [Конкин, Храпунов, 2015, с. 420-422; Храпунов, Конкин, 2017; Конкин, Храпунов, 2017].

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5763. 2018/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

Восстановление экономики после 1783 г.

После 1783 г. для имперской власти было очевидно, что в новой реальности экономика Крыма не могла продолжать действовать согласно старым схемам. Но чтобы оценить возможности региона, определить, в каком направлении развивать хозяйственную жизнь края, российскому правительству необходимо было провести соответствующие изыскания, «анализ богатств» присоединенной территории. Представление об экономической жизни предыдущего периода было оперативно получено в результате инициированного Г. А. Потемкиным осенью 1783 г. специального исследования. Подготовленное уже к июню 1784 г. фактическим правителем Таврической области бароном И. А. Игельстромом т.н. «Камеральное описание Крыма» фиксировало среди прочего основные статьи доходов ханской казны и направления торговых связей [см.: «Камеральное описание...»]. Согласно данному реестру, бюджетоформирующими отраслями крымской экономики при Шагин-Гирее являлись соляной промысел, животноводство (в 1-ю очередь овцеводство) и в меньшей степени хлебопашество [см.: Марциновский, 2001; Марциновский, 2016; Марциновский, 2017; Мальгин, 2012; Прохоров, 2016, с. 74–75]. Значительные пополнения ханская казна получала от таможенных пошлин, хараджа с немусульманского населения (в особенности до вывода христиан), а также от десятины с любого урожая, выращенного мусульманами на ханских землях. Общий доход ханской казны в период правления Шагин-Гирея, по подсчетам бывших ханских чиновников, мог доходить до 345 612 руб. 50 коп. в год [«Камеральное описание...», ИТУАК № 2, с. 29–30].

П.Н. Марциновский в обстоятельной статье об экономике Крыма в конце XVIII в. указывает, что данная сумма являлась «слишком большим допущением, поскольку, видимо, в этой цифре суммированы все максимальные доходы, даже те, которые в иные годы не собирались» [Марциновский, 2016, с. 124]. Однако приведенные в «Камеральном описании...» подсчеты не являлись единственными, и представляемые на самый высокий уровень имперской власти цифры о доходах ханской казны при Шагин-Гирее порой значительно превышали указанные у Игельстрома. Например, среди записок и прошений князя П.А. Зубова, который с 1793 г. руководил Новороссийским краем, имеется ведомость, согласно которой доходы Крымского ханства «в бытность» Шагин-Гирея составляли 545 000 руб. (см. табл. 1). И это без учета «главного дохода» – десятины с урожая, собираемой с мусульманского населения, которую хан в свое время отменил из-за общего расстроенного состояния экономики края [РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 960, л. 149 об.].

Табл. 1. Доходы ханской казны при Шагин-Гирее (согласно ведомости, предоставленной П. А. Зубову [РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 960, л. 149–149 об.]):

№	Вид дохода	Сумма (руб.)	Примечания
1.	За откуп с Перекопских и Генического	85 000	Откупщики получали от
	соленых озер вместе с пошлинами у		120 000 руб. до 150 000 руб.,
	Перекопских ворот и на Перекопском		взимая за пароволовую по-
	рынке собираемые		возку соли по 5 руб.

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>ыыыыыыыы</u>

2.	За откуп Козловских (Евпаторийских) соленых озер, портовых и внутренних Козловских и Балаклавских пошлин	60 000	Откупщики получали до 100 000 руб.
3.	За откуп Керченских соляных озер, Кефинских портовых и внутренних пошлин с присоединением Арабатских ворот	60 000	Откупщики получали до 100 000 руб.
4.	За откуп питейной и табачной продажи	25 000	Откупщики получали до 80 000 руб.
5.	С монетного двора	60 000	
6.	Садовых пошлин с вина и винограда	15 000	
7.	С городов Бахчисарая, Карасубазара, Акмечети и Старого Крыма, внутренних пошлин под разными названиями	15 000	
8.	После вывода христиан в Россию собиралась хараджа, или подушные подати, с евреев и цыган	До 10 000	До того же хараджа собиралось до 60 000 руб.
9.	В Перекопской степи вместо десятины пошлина: с овцы по 3 коп., с крупного скота по 8 коп.	30 000	
10.	Под названием «почтовых денег» со всех татарских селений	40 000	
11.	Под названием «на содержание войск» также со всех татарских селений	80 000	
12.	С Таманского порта пошлинных сборов, с городов Тамана и Темрюка внутренних пошлин, питейных и прочих сборов и с Таманских соленых озер	10 000	
13.	С Алчевской рыбной ловли и городовых сборов, причисляя к тому соленое озеро между Ачуевым и устьем реки Аганлы	30 000	
14.	С Есенского соленого озера, что близ Ейского базара	25 000	
	итого	545 000	
		«Главный же его [Шагин-Гирея] доход должен был собираться с десятины, то есть: со всего в областях его родящегося хлеба с десятой доли, которую магометанин по закону обязан платить владетелю» [л. 149 об.].	

П. Н. Марциновский отмечает, что доходы Таврической области при новой власти быстро росли и уже в 1793 г. превзошли «даже чересчур смелых цифр барона И. А. Игельстрома» [Марциновский, 2016, с. 126]. В 1793 г. общая сумма доходов составила 371 853, 91 руб.², в 1794 г. – 614 664, 67 руб., в 1795 г. – 493 316,75 руб., в 1796 г. – 582 620 руб. [Марциновский, 2016, с. 123, табл. 1; Марциновский, 2017, с. 43]. Связано это было, прежде всего, с увеличением питейного откупа и некоторой оптимизацией соляного промысла [Марциновский, 2016, с. 125]³.

Заметим, однако, что вышеперечисленные максимальные доходы в целом соответствовали годовым показателям ханской казны, которые были предоставлены Зубову. А значит, о каком-либо значительном увеличении доходов при российском правлении в сравнении с периодом управления Крымом Шагин-Гирея речи не шло. Что, в общем-то, не удивительно, поскольку при восстановлении экономики Крыма новой власти опираться приходилось на старые ресурсы, объем которых не увеличивался. При дальнейшем использовании традиционных форм ведения хозяйства в Крыму или внедрении новых отраслей ключевую роль приобретало наличие рабочей силы. Но демографическая ситуация в Крыму была весьма сложной. Не хватало не просто квалифицированных работников, а населения в целом. Досконально знакомый с внутренней ситуацией на полуострове К. И. Габлиц именно в отсутствии рабочих рук видел одну из главных проблем экономики Крыма [Конкин, 2017г, с. 388; Конкин, 2016, с. 47].

Поэтому перспективы роста окладных доходов в Крыму выглядели весьма туманно. К тому же основная масса крымских жителей (крымскотатарские крестьяне, духовенство, беи и мурзы) в конце XVIII – начале XIX вв. оставалась вне унифицированного государственного налогообложения [см. Конкин, 2017б, с. 96–97], приток же нового податного населения в регион в этот период был минимальным. В своей работе П. Н. Марциновский также публикует подробную таблицу налогоплательщиков Таврической области за 1795 г., в которой сумма платежей составила 24 188 руб. 83 коп. при общем числе налогоплательщиков всего 8 174 чел. [Марциновский, 2016, с. 128–131, табл. 3], что, конечно, не создавало предпосылок к активному росту доходов. В 1801 г., при императоре Павле I, российская администрация единственный раз решилась собрать с мусульманских «татарпоселян» налог на общих основаниях, приравняв их в размере подати с военных поселенцев (сумма налога составила в среднем 2 руб. 33 коп.), и благодаря этой мере

² А. А. Скальковский называет более высокую сумму доходов Таврической области в 1793 году – 563 912 руб. [Скальковский, 1836, с. 221].

³ Серьезное увеличение «соляных доходов» в 90-е гг. XVIII в. стало результатом деятельности Таврического вице-губернатора К. И. Габлица, которому в 1794 г. был поручен «личный надзор над Таврическим соляным промыслом» [Габлиц, 1821, с. 155]. В то же время назначенный несколько позднее, в 1802 г., надзирателем Крымских соляных озер Д. Б. Мертваго отмечал в своих мемуарах недостаточную эффективность предшественника: «Габлиц, который был в Крыму вице-губернатором, правил сим делом и за то, что вместо 500 000 сделал 100 000 рублей дохода, награжден был» [Мертваго, 2006, с. 123].

казна сразу пополнилась на весьма внушительную сумму в 161 868 руб. 45 коп. [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 5, л. 3 об.—4]. Но после вмешательства новороссийского губернатора И.И. Михельсона этот эксперимент был быстро прекращен администрацией нового императора Александра I и в дальнейшем налогообложение основной массы крымских татар продолжало ограничиваться только местными сборами [Конкин, 20176, с. 97].

Проблему дефицита рабочих рук российское правительство, равно как и авторы различных экономических проектов, рассчитывало устранить с помощью внутренних переселенцев и иностранных колонистов. В Крым, Таврическую область предлагали отправлять помещичьих и государственных крестьян, отставных солдат, церковнослужителей и старообрядцев из российских губерний, анатолийских греков, православных жителей из Молдавии и Балкан, крестьян и евреев из Польши, колонистов из Италии, Швейцарии, Германии, роялистов из Франции. Обсуждались даже проекты по переселению на полуостров преступников-каторжан из Англии [Рябинин, 1879, с. 185]. Предполагалось, что и местные помещики, бесплатно получившие земли в Крыму, начнут заселять свои владения трудовыми мигрантами из России и Европы. Но не все переселенцы оказались «к лицу» «прекрасной Тавриде». Так, известный авантюрист, остроумный человек и отважный офицер принц Шарль-Жозеф де Линь, сопровождавший среди прочих иностранных аристократов императрицу Екатерину II в ее знаменитом путешествии 1787 г. по южным провинциям империи, еще до начала вояжа получил в подарок земельный надел на полуострове в районе Никиты и Партенита [Храпунов, 2014, с. 60]. Желая заселить его столь необходимыми работниками, австрийскоподданный бельгиец через знакомого ирландца стал подыскивать желающих переехать в российский Крым среди английских ссыльных каторжников и даже среди вывезенных из британских колоний негров («скитающихся по Лондону Арапов») [Воронцов, 1876, с. 406]. Об этом узнал российский посол в Англии С. Р. Воронцов и был возмущен «до глубины души», что «во всей Европе узнают, какими уродами селится Таврическое царство». Он написал возмущенное письмо А. А. Безбородко и вице-канцлеру И. А. Остерману, в результате которого замысел поселить в Крыму «сих извергов из Англии» был оставлен [Рябинин, 1879, с. 188–190; Воронцов, 1876, с. 406–407]. Несмотря на неудачный план по заселению своих крымских имений, принц де Линь не остался внакладе и через несколько лет продал полученное бесплатно землевладение за 15 000 руб. [РГАДА, ф. 1239, д. 56155, л. 48об.–49].

Следует констатировать, что практически все частные или правительственные миграционные проекты по состоянию на начало XIX в. оказались минимально выполненными или нереализованными. В рассматриваемый период продолжалась крымскотатарская эмиграция [см.: Жиромская, Араловец, Белов, 2017, с. 265–267]. Доля же иностранных переселенцев среди жителей Крыма оставалась едва заметной, не превышая 3% (немцы, болгары, греки, армяне) [см.: Водарский, Елисеева, Кабузан, 2003, с. 122]. После 1812 г. и вовсе фиксируется отрицательный прирост трудовых мигрантов, включая крестьян из внутренних губерний России [Кабузан, 170

1976, с. 211–212]. Горная часть Крыма, несмотря на растиражированную привлекательность, оставалась «почти пустынной» применительно к переселенцам вплоть до 1823 г., когда «богатые русские помещики стали покупать там землю под виноградники, строить дачи и переводить крестьян из России» [Герсеванов, 1849, с. 121].

Таким образом, достигнув к концу XVIII века уровня доходов Крымского ханства времен правления Шагин-Гирея, российская администрация, по-видимому, исчерпала возможности для извлечения дополнительных доходов при сохранении традиционных способов ведения хозяйства и отсутствии кардинального роста налогооблагаемого населения. Отказавшись в полной мере использовать местных жителей для увеличения налоговой базы края, имперские власти искали новые качественные способы для экономического развития, связанные, прежде всего, с природными и климатическими богатствами полуострова.

Эксперименты в развитии сельского хозяйства

Скрытый экономический потенциал региона могли раскрыть исследования, проведенные квалифицированными специалистами. В течение последнего двадцатилетия XVIII в. в Крыму побывало несколько известных ученых, сотрудничавших с Петербургской Академией наук. Прежде всего, следует назвать имена академиков В. Ф. Зуева, П.-С. Палласа, члена-корреспондента К. И. Габлица, геодезиста Ф. О. Черного, ботаника Ф. А. Маршала фон Биберштейна, профессора земледелия М. Е. Ливанова и др. В век Просвещения академические «физические» экспедиции, осуществлявшиеся по заказу российского правительства, вплотную были связаны со сферой «государственной экономии» [Ученая корреспонденция... 1937, с. 13-14, 29; Материалы для истории.., 1940, с. 9, 12-13; Бекасова, 2010, с. 17-20]. Помимо естественнонаучных, географических, топографических, историкоописательных функций, большое внимание уделялось оценке «полезности» обследуемого региона с точки зрения общего «анализа богатств» (концепт, введенный М. Фуко [см.: Фуко, 1994, с. 193–195]). Классик-систематик Карл Линней в своем «Наставлении путешествующему» указывал на важную прикладную экономическую, «домостройственную» функцию в процессе экспедиции [см. Бекасова, 2010, с. 17]. Исследователи внимательно отмечали плодородие земель, природные богатства, климатические, географические особенности окружающего мира, культурные традиции населения в разрезе их практической, хозяйственной пользы для государства, которое в соответствии с принципами камерализма считалось главным двигателем экономического развития и единственное было способно нести «общее благо» для жителей, его населявших.

Однако проведенные в Крыму передовые для своего времени исследования не отличались точностью и беспристрастностью авторов, в первую очередь из-за очевидного «дефекта описания», присутствовавшего в них. Яркие и увлекательные картины и богатая природа южной и горной части полуострова неизменно вносили эмоциональный подтекст в научные описания. Даже в объеме повествования рассказы

о сравнительно небольшом участке Южного берега занимали значительно больше места, нежели обозрение всей оставшейся территории. В результате лейтмотивом, например, известных описаний Зуева, Габлица, Палласа стали неоправданно оптимистические (как показала дальнейшая практика) оценки потенциала степной зоны Крыма для «хлебопашества» [Конкин, 2017в; Конкин, 2017г]. А Горный Крым и Южное его побережье неизменно иллюстрировались в качестве некоего «парадиза» [Зорин, 2004, с. 114–122; Храпунов, 2014, с. 61–62]. Причем не просто абстрактного «рая», вписанного в литературные и идеологические концепции [см. Проскурина, 2017, с. 170-173], а вполне прикладного средоточия природных богатств и экономических выгод, где, согласно оценкам авторитетных ученых-естествоиспытателей, с прибылью можно было выращивать гранаты, оливки, шелковицу, апельсины, лимоны, инжир и т.д. [Зуев, 1790; Габлиц, 1785; Паллас, 1795]. С учетом популярной в это время и распространенной в том числе и в России экономической доктрины физиократов, которая исключительно в земледелии видела неиссякаемый источник благ и прибавочного продукта [Блауг, 1994, с. 21–22; Фуко, 1994, 219–223], привлекательность «сказочно плодородного» Крыма должна была только расти. С практической точки зрения подобного рода информация не имела особого смысла, а лишь вводила в заблуждение относительно хозяйственных возможностей региона как царских чиновников, так и российских помещиков, многие из которых никогда не бывали в Крыму, но готовы были переселиться после такой рекламы. Поэтому не следует удивляться регулярным попыткам внедрения на полуострове малопригодных для региона сельскохозяйственных культур или убыточных производств.

Ярким примером таких действий могут служить государственные опыты по развитию шелководства в Крыму. Инициатива по культивированию шелковицы на полуострове принадлежала Потемкину (см. письмо Екатерины II князю от 13 октября 1786 г. [Екатерина II и Г. А. Потемкин, 1997, с. 210]). Паллас сообщает, что, «светлейший князь» в окрестностях Старого Крыма увидел много заброшенных шелковичных деревьев, и это наблюдение навело его на мысль «устроить здесь шелководство» [Паллас, 1999, с. 115]. Несомненно, уверенности в необходимости и успехе развития данной отрасли на полуострове добавило князю исследование Габлица, в котором ученый позитивно оценил перспективы разведения тутовых деревьев в Крыму, «а наиболее около Старого Крыма» [Габлиц, 1785, с. 71]. Для развития шелководства приглашен был из Милана граф Гастон Парма – личность примечательная и достаточно красноречиво характеризовавшая определенную неразборчивость Потемкина в подборе кадров при назначении на важные посты. Итальянский граф в апреле 1786 г. заключил контракт на службу в Крыму с годовой зарплатой 1200 руб. 4 [Киреенко, 1897, с. 30–32] и тогда же взаймы получил от

 $^{^4}$ Для сравнения, зарплата правителя Таврической области составляла 1800 руб., остальные чиновники в Крыму получали значительно меньше 1000 руб. [ПСЗРИ, т. 44, ч. 2, Книга штатов, отд. 4, прил. к № 15989 (24 апр. 1784 г.), с. 265–266], таврический муфтий получал 2000 руб. в год [ПСЗРИ, т. 22, № 15988 (24 апр. 1784 г.), с. 137–138].

государства еще 4000 руб., но уже через год остался без денег и был трижды (!) уличен в банальной бытовой краже. Сначала, проживая у почтмейстера Контениуса в Симферополе, он украл 15 червонцев из кошелька хозяина дома и 100-рублевую ассигнацию у другого жильца – капитана артиллерии графа Валентини⁵. Пострадавших уговорили не поднимать скандал, пообещав вернуть украденное. А затем, отправившись вскоре после этих неприятных событий по делам службы в Старый Крым, граф Парма обокрал на 500 рублей проживавшего там гусарского офицера Шица. Украденную сумму сумели вернуть только после того, как к графу прислали офицера с требованием добровольно отдать «взятые шуткою из сундука» деньги, в противном случае итальянцу грозил обыск [Каховский, 1877, с. 266]. Понятно, что с таким руководителем вряд ли могла успешно развиваться отрасль. Паллас указывал на «малоспособность» графа Пармы, вся заслуга которого заключалась «в насаждении питомника нескольких тысяч шелковичных деревьев», которые производили не более 6–10 фунтов шелка в год [Паллас, 1999, с. 115]. В результате по истечении 10 лет питомник вынуждены были закрыть («Шелковичный завод в Тавриде, не приносящий никакой прибыли, и коего содержание стоило казне до 2000 руб. в год, ныне уничтожен» [ПСЗРИ, т. 24, № 18240, с. 795]). Нужно заметить, что сомнительные личные качества и скромные результаты деятельности мало отразились на службе графа. Он продолжал курировать отрасль и после смерти Потемкина. В 1795 г. Зубов продлил ему контракт на работу в Таврической области [Кириенко, 1895б, с. 17-18]. При императоре Павле I Парма стал директором шелковичного Нововодолажского завода в Слободской Украине и одновременно, по рекомендации Габлица, снова был призван контролировать развитие шелководства в Крыму [ПСЗРИ, т. 24, № 18240, с. 797], где к 1802 г. в очередной раз привел отрасль в полный упадок [см.: ПСЗРИ, т. 27, № 20746, с. 580]. При Александре I после преобразования завода в Ново-Водолаге уже до самой смерти граф состоял инспектором этой мануфактуры, Крым уже не опекая [Львов, 1902, с. 315].

Первоначальные неудачи не остановили власти от новых попыток внедрять проблемную отрасль на полуострове. Законодательную поддержку шелководство «полуденного края России», включая Горный Крым, получило от Павла I [ПСЗРИ, т. 24, № 18240 (8 ноября 1797 г.), с. 793—798; т. 26, № 19290 (22 февраля 1800 г.), с. 45—50]. Хотя законодатель и отмечал, что устроенные ранее казенные заводы стоили короне «многотысячные суммы», но так и не принесли «доселе никакой выгоды» [ПСЗРИ, т. 26, № 19290 (22 февраля 1800 г.), с. 46], тем не менее правительство упорно продолжало бесплатно раздавать казенные земли всем желающим заниматься разведением тутовых деревьев, снабжать их саженцами, стимулировать денежными призами. Александр I подтвердил и расширил льготы, предоставленные ранее его отцом [ПСЗРИ, т. 27, № 20709 (14 апреля 1803 г.), с. 535—539; т. 27, № 20746

⁵ Небезлюбопытно, что артиллерийский офицер граф Валентини одновременно являлся владельцем борделя в Карасубазаре [Миранда, 2001, с. 71], остается лишь гадать о мотивах общения двух итальянцев.

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>БББББББББББ</u>Б

(5 мая 1803 г.), с. 576–584], и даже сделал занятие шелководством обязательным для колонистов [Варзар, 1903, с. 429]. На этот раз возрождать угасавшую отрасль было поручено пожилому Палласу, который в 1807 г. стал главным распорядителем казенного питомника тутовых деревьев в Старом Крыму [Кондараки, 1875, ч. 6, с. 82–83]. Но все эти новые поощрительные меры не привели к позитивному результату, и шелководство в Крыму так и не стало сколь-нибудь рентабельным производством. Местные жители упорно не желали заниматься разведением шелковичных червей. В 1809 г. на полуострове насчитывался только один частный заводчик, который изготавливал около 5 пудов шелка-сырца при стоимости 1 пуда – 275 руб. Да и то этот симферопольский помещик содержал свою тутовую плантацию за счет государственного пособия размером 5000 руб. [Скальковский, 1853, с. 158–159]. Составитель «Военно-статистического обозрения» Н. Б. Герсеванов констатировал, что к серелине XIX в. данная отрасль на территории полуострова практически угасла и никакие правительственные преференции не были способны ее поддержать. Причина - в отсутствии достаточного числа рабочих рук и наличие альтернативных сфер хозяйственной деятельности, которые приносили большую выгоду [Герсеванов, 1849, с. 165]. На эти обстоятельства обращали внимание еще таврические губернаторы Д. Б. Мертваго и А. М. Бороздин, руководившие регионом в первые десятилетия XIX в. [см.: Дружинина, 1970, с. 253]. Среди других общероссийских проблем называли также постоянные болезни шелковичного червя, неспособность местного производства конкурировать с традиционными центрами отрасли (Дальний Восток, Турция, Италия, Франция) [Паращук, 1903, с. 406; Варзар, 1903, с. 429], а также «широкую размашистую натуру русского народа», которому «не по плечу возиться с червями и тянуть такие тонкие канители» [Палимпсестов, 1868, с. 57].

Таким образом, огромные средства, долгие годы направляемые государством на развитие шелководческого хозяйства в Крыму, оказались потраченными впустую. Никаких ощутимых результатов в развитии этой отрасли получено не было. Шелководство стало одним из крупных провалов российской власти в хозяйственном планировании и преобразовании Крыма.

Наряду с шелководством, активную поддержку государства в начале XIX в. получила программа по выращиванию кунжута в Астраханской и Новороссийской губерниях. На перспективность возделывания этой культуры в Крыму указывал еще Паллас в «Кратком физическом и топографическом описании Таврической области» [Паллас, 1795, с. 57–58]; а затем Габлиц в своей аналитической записке, рассмотренной и одобренной в Сенате и ставшей причиной появления императорского указа от 7 марта 1801 г. «О разведении в полуденных России губерниях кунжутного семени для делания масла» [ПСЗРИ, т. 26, № 19771 (7 марта 1801 г.), с. 567–569]. Указ предусматривал для распространения культуры кунжута в регионе применить меры, аналогичные использованным ранее, для поощрения шелководства: бесплатные раздачи пустующих земель, обучение особенностям выращивания кунжута, государственное обеспечение семенным фондом для посадки, денежные выплаты успешным хозяе-

вам и т.п. Семена планировалось закупать в Персии и Средней Азии, первоначально потратив на это 1 500 руб. [Указ о разведении..., 1888, с. 129]. Но в Крыму, равно как и в Новороссии, данная инновация оказалась в прямом смысле бесплодной. В именном указе Александра I «О *успехах* (курсив мой. − К.Д.) в шелковичном производстве и в разведении кунжутного семени в прошедшем 1802 году» от 5 мая 1803 г. содержится следующая информация: «Успех в разведении кунжутного семени в прошедшем году не совсем был удачен...В губерниях Саратовской, Слободско-Украинской, Киевской, Подольской и даже в Крыму заведение сие не имело никакого успеха» [ПСЗРИ, т. 27, № 20746, с. 580]. Провал очередного хозяйственного эксперимента неудивителен, поскольку более поздние исследования показали полную непригодность среднеазиатских и закавказских сортов к северопричерноморским климатическим условиям [см.: Майданюк, 2016].

Экзотических идей, касавшихся самых разных отраслей хозяйства, возникало в Крыму в это время достаточно много. Например, французский предприниматель Сервиер настойчиво предлагал правителю Таврической области В. В. Каховскому устроить в Крыму фабрику по производству ликеров и «душистых вод», однако парфюмер так и не смог предоставить экономические расчеты своего проекта [Каховский, 1881, с. 388-389]. Другой иностранец - Антонио Д'Эстандс получил в 1784 г. от Потемкина ордер на землю в Крыму для строительства фарфорового завода [Потемкин, 1881, с. 313], но производство так и не началось. В 1786 г. по приглашению «князя Тавриды» появился в Крыму англичанин морской офицер Иоганн Гендерсон, с которым сразу же был подписан 3-летний контракт о разведении в Старом Крыму ботанического сада. Племянницы англичанина – Маргарита и Елизавета Кертланд должны были заняться производством сыра [Каховский, 1877, с. 251]. В том же году англичанин потребовал от местных властей построить ему капитальный дом по собственному чертежу в районе речки Бурульчи, чем Каховский и начал заниматься летом [Каховский, 1877, с. 254]. Однако даже через полтора года заезжие предприниматели и не думали приступать к выполнению условий контракта, хотя предусмотренное жалованье получали регулярно и в полном объеме. Таврический начальник с негодованием отмечал в письме к правителю княжеской канцелярии В. С. Попову, что «Гендерсон не посадил ни одной былинки, а мамзель не сделала ни одного сыра». Лишь младшая племянница занималась изготовлением какого-то количества сливочного масла [Каховский, 1877, с. 271]. По-видимому, поняв свою хозяйственную несостоятельность и окончательно испортив отношения с Каховским, который уже в открытую называл их «бесстыжими обманщиками», англичане покинули Крым и какое-то время пребывали в резиденции Потемкина в Елисаветграде [Киреенко, 1891, с. 58], откуда прислали таврическому правителю опись своей крымской мебели с требованием, чтобы она была оплачена за счет средств Потемкина. «Совесть у них хуже жидовской», – неполиткорректно комментировал данное требование Каховский [Каховский, 1877, с. 280, 281, 289].

В 1795 г. уже другой правитель Новороссии Зубов настоятельно рекомендовал

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>ББББББББББББ</u>

В. В. Каховскому «употребить старания» для выращивания в Крыму хлопка и даже прислал награду от Вольного экономического общества для «первого изобретателя» «разведения в том краю хлопчатой бумаги» [Киреенко, 1895а, с. 13–14]. Крымский краевед XIX века В. Х. Кондараки рассказывал, как его дед в 1797 г. пытался возделывать культуру хлопчатника и риса на Южном берегу Крыма. Опыт этот мог считаться удачным, если бы, по мнению энтузиаста-агронома, в данной местности имелось достаточное количество равнин, поливаемых проточной водой и покрытых глубокой и рыхлой почвой, а климат имел бы ровный и постоянный характер. Но поскольку «в южной части полуострова почва такого качества, что нелегко взрыть глубоко; а реки не всегда имеют достаточно воды после поливки фруктовых садов; что же касается климата, то он вообще отличается резким непостоянством…», то перспективы такого новаторства представлялись внуку-краеведу весьма сомнительными [Кондараки, 1875, ч. 5, с. 34–35]. Между тем, в начале XIX в. идея выращивания хлопка в России получила законодательную поддержку [ПСЗРИ, т. 27, № 20709 (14 апреля 1803 г.), с. 535–539], но Крым в число «пилотных» регионов не попал [там же, с. 536].

Известный государственный деятель и активный участник «Вольного экономического общества» адмирал Н. С. Мордвинов на Южном берегу Крыма в промышленных масштабах собирался выращивать лимоны, апельсины и оливки [Материалы по истории русского флота, 1895, с. 454; Лашков, 1896, с. 93; Киреенко, 1892, с. 118], был убежден, что рис можно успешно культивировать на неорошаемых полях, а среди крымских татар пытался проводить вакцинацию, следуя модному в то время среди дворян направлению [дю Шатне, 2003, с. 270].

Одним из зачинателей тонкорунного производства в Новороссии и в Крыму считается французский купец Вильгельм Рувье [Энциклопедический словарь, 1899, с. 208]. Но перед тем как заняться своим выгодным делом, деятельный француз пытался осуществить в Крыму несколько проектов, которые нельзя назвать успешными. Так, Рувье предлагал российским властям восстановить рыбную ловлю в Азовском море, которой раньше занимались венецианцы и генуэзцы, в особенности ловлю судака, который, по его мнению, «при искусном приготовлении мог заменить треску». А поскольку треску французы и англичане в большом количестве везли в Испанию и Италию, то Рувье всерьез рассматривал возможность заменить ее импорт в эти страны крымским судаком. Благо, что эта идея не нашла отклика у властей: Габлиц раскритиковал предложение, заметив, что хорошо бы (здесь чувствуется ирония) «убедить испанцев и итальянцев, что судак лучше трески» [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 19, л. 26 об.].

Потерпев неудачу с рыболовством, Рувье сумел убедить правительство в перспективе создания в Крыму частного винодельческого училища. В 1802 г. он предлагал при государственной поддержке разбить в своем крымском имении Текие обширный виноградник, где помимо виноградной лозы возделывать сахарный тростник и оливки [Кеппен, 1832, с. 87]. Для присмотра за капризными культурами обещал создать и обучить целую колонию виноградарей. Под этот проект Рувье

сумел получить от российской казны ссуду в размере 12 000 руб. на 12 лет, 12 дес. леса в Крыму «на постройку нужных зданий», также был снабжен необходимым количеством лоз для посадки. Правда, частное училище организовал только в 1805 году в другом своем имении в районе Ласпи и даже выписал двух виноградарей из Испании для обучения русских мальчиков. В 1809 г. новороссийский генералгубернатор герцог де Ришелье, описывая промежуточный итог данного начинания, отмечал, что хотя Рувье и рассчитывался с казной дисциплинированно, но испанские лозы росли на его участке очень неудачно, а сахарный тростник и вовсе вымерз даже в климатических условиях Южного берега Крыма, куда, как оказалось, также наведывались морозы [Скальковский, 1853, с. 124–125; Кеппен, 1832, с. 92–93].

Нужно заметить, такая перспективная отрасль, как виноделие, поначалу очень тяжело развивалась в Крыму. Даже хорошо финансируемые государственные заведения по обучению виноградарскому и винодельческому искусству не являлись успешными по состоянию на начало XIX века. В 1804 г. в соответствии с указом императора Александра I в Судаке было основано казенное виноградарское училище [ПСЗРИ, т. 28, № 21293, с. 317–319], к работе которого планировали привлечь иностранных специалистов. Но выписанные при содействии того же Рувье два опытных виноградаря и один купор из Франции, равно как и колония марсельцев, в Крым так и не прибыли [Скальковский, 1853, с. 125-126]. К помощи в устройстве училища и организации его практической деятельности по разведению ценных пород винограда по традиции был привлечен академик Паллас, который руководил учебным заведением несколько лет, начиная с 1805 года [Маркевич, 1912, с. 236]. Но и усилия опытного ученого-практика, равно как и многотысячные траты на хозяйственные постройки, училищные расходы, доставку виноградных лоз из-за рубежа, посадку и уход за ними [см.: Кеппен, 1832, с. 89-92] не принесли ожидаемого результата. В 1809 г. из всего собранного в училище винограда было изготовлено всего около 40 ведер вина разных сортов, хранить которое приходилось в погребе таврического предводителя дворянства Е. И. Нотары, так как своего винного подвала у казенного заведения так и не появилось [Скальковский, 1853, с. 127]. Таким образом, вплоть до назначения в 1823 г. правителем Новороссийского края М. С. Воронцова виноделие как отрасль находилось в Крыму в первобытном состоянии.

Проблемы внешней и внутренней торговли Крыма после 1783 года

В тех начинаниях, которые касались развития сельского хозяйства, Екатерина II и ее наследники были последовательными приверженцами физиократической доктрины. Перспективы выращивания в Крыму экзотических для России аграрных культур, о которых сообщали академики и ратовали местные начальники, вдохновляли российских императоров и, как мы видели выше, материализовывались в виде государственной поддержки исполнителей этих проектов.

Но в других экономических направлениях, например во внешней торговле, политика российских императоров не была столь либеральной [Витчевский,

12 би-хххvіі 177

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>БББББББББББ</u>Б

2017, с. 32–34]. Исследователи отмечали признаки «некоторого эклективизма» в экономических воззрениях Екатерины II, когда принципы свободной торговли совмещались с активным государственным вмешательством, свойственным идеям меркантилистов [Лодыженский, 2016, с. 106; см.: Фирсов, 1902, с. 29, 37; Плат, 2015, с. 10–13]. В полной мере проявилась эта амбивалентность и в Крыму, где российская администрация сразу после присоединения Крыма, рассчитывая воспользоваться стратегическим расположением полуострова, стала поощрять местную торговлю путем снятия пошлин, предоставления льгот торговым представителям, упрощения таможенных процедур и т.д., чему способствовал «физиократический» тариф, утвержденный в 1782 г. [Лодыженский, 2016, с. 132–133].

Но доставка в крымские порты востребованных за рубежом товаров из внутренних губерний России осложнялась отсутствием приемлемых дорог, в особенности в зимний период, и сложной логистикой [см. Паллас, 1999, с. 206]. Русским купцам значительно проще было доставить товары в Херсон и Таганрог, пользуясь речными артериями, чем осуществлять сложную сухопутную перевозку товара в Крым [см.: Зуев, 1783, с. 10–12; Дружинина, 1959, с. 143; Поспелова, 2011, с. 120]. Местного же товара, его ассортимента было явно недостаточно для постоянной загрузки крымских портов [Барабанов, 1993, с. 281]. Главным же препятствием глобального развития внешнеторговых связей не только Крыма, но и всего причерноморского региона являлись международные ограничения. После присоединения Крыма Екатерина II своим манифестом оповестила Европу, что теперь крымские порты открыты для всех дружественных стран. Изменившиеся внешнеполитические обстоятельства особенно заинтересовали французское правительство, которое планировало сосредоточить в своих руках черноморскую торговлю с Россией и составить конкуренцию англичанам, монополизировавшим торговлю в Белом и Балтийском морях. В это время появилось много проектов, авторами которых являлись французы, неизменно отмечавших необходимость сосредоточить усилия кабинета Людовика XVIII на данном направлении [см.: Черкасов, 2004, с. 267–282]. Подогревал ажиотаж от предполагаемых выгод перспективной торговли и российско-французский торговый договор, подписанный в 1787 году. Но все эти блестящие планы упирались в нежелание турецкой стороны пропускать иностранные суда через свои проливы. В результате, несмотря на все стремления французов, в Черном море по-прежнему имели право появляться суда только под двумя флагами – российским и турецким [Тимченко, 2016, с. 41]6. Потемкин, пытаясь исправить ситуацию, предоставлял право ходить под российским флагом всем купеческим судам, желающим торговать в Крыму. Но в большинстве своем иностранными купцами оказывались греки, которые, как правило, являлись турецкоподданными. И таким образом, данная мера никак не расширяла географию иностранного при-

 $^{^6}$ Получившая аналогичные права Австрия заметным агентом в черноморской торговле не стала [Неболсин, 18506, с. 39–40, Кулишер, 2016, с. 222].

сутствия в Крыму и минимально влияла на объем торговли. В 1793–1796 гг. общий оборот морской торговли России составлял 76,9 млн. руб., из которых на долю Азово-Черноморской приходилось всего 1,9 млн. руб. [Кулишер, 2016, с. 223; см. также: Поспелова, 2011, с. 120–122]. При этом участие крымских портов в товарообороте неизменно снижалось [Неболсин, 18506, с. 44–48; Неболсин, 1850а, ч. 1, с. 54; Поспелова, 2011, с. 119–120; Тимченко, 2016, с. 83–84]. Желая изменить ситуацию, уже с конца XVIII в. тарифная политика России в черноморской торговле стала приобретать «откровенно протекционистский характер» [Тимченко, 2016, с. 57–59]. Такая тенденция продолжилась и в следующем веке, когда ключевую роль в использовании запретительных и ограничительных инструментов не только в Крыму, но и во всей российской торговле стали играть внешнеполитические обстоятельства. Россия оказалась вовлечена в череду военных конфликтов, и была вынуждена менять таможенный тариф в соответствии с актуальными краткосрочными военно-политическими интересами [см.: Лодыженский, 2016, с. 141–178].

***

Таким образом, в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи новой администрации достаточно быстро удалось улучшить бюджетные показатели полуострова и достичь уровня доходов Крымского ханства периода правления последнего хана Шагин-Гирея. Но позитивные результаты были получены главным образом за счет оптимизации монополий: увеличения питейного откупа и наведения порядка в соледобыче. Дальнейшее качественное экономическое развитие полуострова могло быть связано только с привлечением сюда дополнительной рабочей силы и внедрением новых и модернизацией старых отраслей хозяйства. Но с достижением этих целей у имперской администрации возникли проблемы. Переселение в Крым новых жителей происходило очень медленно, и по состоянию на начало XIX в. доля иностранных колонистов и мигрантов из внутренних губерний России оставалась минимальной. Хозяйственная модернизация также оказалась проваленной не в последнюю очередь по причине ошибочного определения перспективных отраслей хозяйства, а также принятия противоречивых административных решений, небрежности управления на всех уровнях власти. Оказались несостоятельными и расчеты на стремительное развитие внешней и внутренней торговли в Крыму. Низкий внутренний спрос и предложение, сложная логистика, отсутствие качественных наземных путей сообщения, неблагоприятные внешнеполитические условия препятствовали активному торговому обмену через крымские порты. В итоге предпринятые российской властью значительные усилия по экономическому развитию Крымского полуострова не привели к искомому результату. И на полуострове в начале XIX в., по оценкам очевидцев, продолжали царить «опустошение и ужасные следы беспорядков» [Мертваго, 2006, с. 128].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- *Барабанов О. Н.* Товарооборот черноморской торговли в XVIII в. (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 279–284.
- *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 676 с.
- *Бекасова А. В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.
- Болотина Н. Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006. 512 с.
- *Болотина Н. Ю.* Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М.: Издательство РАГС, 2010. 140 с.
- Варзар В. Шелк (статист.) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 39: Чугуев Шен. СПб., 1903. С. 429–432.
- Витичевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до настоящего времени / пер. с нем. А. В. Брауде под ред. Ю. Д. Филипова. М.; Челябинск: Социум, 2017. 426 с.
- Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII в. конце XX в.: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 130 с.
- [Воронцов С. Р.]. Письма графа С. Р. Воронцова к вице-канцлеру графу Остерману. 11 (23) августа, 1786. О ссыльных // Архив князя Воронцова. Кн. ІХ. М.: Типография Я. К. Грачева, 1876. С. 406–408.
- Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. 200 с.
- Габлиц К. И. Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. С. 98–112, 145–164.
- *Герсеванов Н. Б.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Таврическая губерния / сост. Н. Б. Герсеванов. СПб.: Тип Департамента ген. штаба, 1849. 225+50 с.; прил.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 279 с.: ил.
- Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970. 384 с., ил.
- Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791 / сост. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 992 с. *Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: ИРИ РАН, 2000. 342 с.
- Жиромская Б. В., Араловец Н. А., Белов А. В. Население Крыма (численность, расселение, национальный, социальный, половозрастной состав) // История Крыма. В 2 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. С. 263–277.
- Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII первой трети XIX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.
- 3уев В. Ф. О российской торговле по Черному морю // Месяцеслов исторический и географический на 1784 год. СПб.: Императорская Академия наук, [1783]. С. 9–33.
- 3уев В. Ф. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 265−303.
- *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVII первой половине XIX веков. М.: Наука, 1976. 306 с.
- Камеральное описание Крыма, 1784 г. // ИТУАК. Второе издание. 1897. № 2. С. 22–30; ИТУАК. Второе издание. 1897. № 3. С. 36–64; ИТУАК. Второе издание. 1897. № 4. С. 32–45; ИТУАК. 1888. № 6. С. 36–63; ИТУАК. 1889. № 7. С. 25–45; ИТУАК. 1889. № 8. С. 12–40.
- [Каховский В. В.]. Письма правителя Таврической области В. В. Каховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е.С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 235–360.
- [Каховский В. В.] Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Каховского состоящему при делах Ея Величества Екатерины II тайному советнику В. С. Попову для доклада

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

- князю Платону Александровичу Зубову (с 20 января 1792 г. по 24 июня 1794 г.) // ЗООИД. № 12. 1881. С. 330–426.
- Кеппен П. И. О виноделии и винной торговле в России. СПб: Тип. Карла Крайя, 1832. 263+VIII с.; табл.
- [Киреенко Г. К.] Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТУАК. Второе издание. 1897. № 3. С. 1–35.
- [Киреенко Г. К.] Ордера князя Потемкина правителю Таврической области (продолжение) // ИТУАК. 1891. № 11. С. 57–75.
- [Киреенко Г. К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й г. (продолжение) // ИТУАК. 1892. № 17. С. 103–119.
- [Киреенко Г. К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й г. (продолжение) // ИТУАК. 1895а. № 22. С. 1–17.
- [Киреенко Г. К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й г. (продолжение) // ИТУАК. 1895б. № 23. С. 1–23.
- Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб.: Типография Г. Веллинга, 1875. Ч. 5. 58 с.; Ч. 6. 125 с.
- Конкин Д. В. Проблема землевладения крымских татар в проекте К. И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в новое время: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 43–54.
- Конкин Д. В. Екатерина II во главе Новороссии (1791–1793 гг.): особенности управления Таврической областью // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии. Сб. мат. науч. конф. Севастополь: «РИБЕСТ», 2017а. С. 25–34.
- Конкин Д. В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017б. № 9. Казань, 2017б. С. 94–102.
- *Конкин Д. В.* Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму: «дефект описания» // МАИЭТ. 2017в. Вып. 22. С. 448–456.
- Конкин Д. В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017 г. Т. 16. № 3. С. 378–399.
- Конкин Д., Храпунов Н. Рецензия на кн.: Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. 456 с. ISBN 978-966-02-7228-6; История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 464 с. ISBN 978-5-373-07131-4// Ab Іmperio. 2015. № 2. С. 413–425.
- Конкин Д. В., Храпунов Н. И. Интеграция Крыма в российское экономическое пространство в конце XVIII начале XIX вв.: проблемы и перспективы исследования // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: материалы всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 125–133.
- Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. М.; Челябинск: Социум, 2016. 488 с.
- Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения (продолжение) // ИТУАК, 1896. № 25. С. 89–158.
- Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. М.; Челябинск: Социум, 2016. 346 с.
- Львов Б. де Парма, граф Яков // Русский биографический словарь. Павел, преподобный Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 315.
- Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
- *Майданюк В.* Кунжут на юге Украины // Овощеводство. Украинский журнал для профессионалов. 2016. № 4. Режим доступа: http://www.ovoschevodstvo.com/journal/browse/201604/article/1413/
- Мальгин Е. А. Историко-географические особенности развития хозяйства Крыма на рубеже XVIII и XIX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «География». 2012. Т. 25(64). № 3. С. 78–87.

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>БББББББББББББ</u>Б

- Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. № 47. С. 167–242.
- Марциновский П. Н. Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777–1783 гг., по материалам «Камерального описания Крыма» // Культура народов Причерноморья. 2001. № 20. С. 100–104.
- Марциновский П. Н. Социально-экономическое развитие Крыма после присоединения к России (конец XVIII в.) // Крым: проблемы истории. Сборник статей / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Индрик, 2016. С. 119–141.
- Марциновский П. Н. Социально-экономическое развитие Крыма после присоединения к России (конец XVIII в.) // История Крыма. В 2 т., т. 2. М.: Кучково поле, 2017. С. 41–52.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / сост. В. Ф. Гнучева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. VIII+312 с.
- Материалы по истории русского флота. Ч. 15. СПб.: Тип. морского министерства, 1895. 596 с.
- *Мертваго Д. Б.* Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с.
- Миранда, Франсиско де. Путешествие по Российской империи / пер. М. С. Альперовича. М.: МАЙК «Наука/Интерпериодика», 2001. 380 с.
- *Неболсин Г. П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб.: Тип. Деп-та внешн. торговли, 1850a. Ч. 1. 409 с.; Ч. 2. 495 с.
- [Неболсин Γ . Π .]. Историческое обозрение азовской и черноморской торговли с восемнадцатого до девятнадцатого столетия // Библиотека для чтения. 1850б. Т. 101. Отд. 4. С. 29–48.
- *Непомнящий А. А., Кравчук А. С.* Крым в начале преобразований: на обочине Империи // Крым: проблемы истории. Сборник статей / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Индрик, 2016. С.142–155.
- Палимпсестов И. Взгляд на сельское хозяйство Юга России. Обозрение различных отраслей хозяйства // Сборник статей о сельском хозяйстве Юга России. Одесса: Тип. Я. Францова, 1868. С. 49–70.
- *Паллас П. С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / Пер. Ив. Рижского. СПб.: Императ. типография, 1795. 72 с.
- *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с., ил.
- Паращук С. Шелководство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 39: Чугуев Шен. СПб., 1903. С. 406–415.
- *Плат Т.* Внутренняя или внешняя колонизация? Цели и средства торговой политики России в XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 5–15.
- Поспелова Ю. А. Динамика и баланс внешней торговли России на азово-черноморском направлении в конце XVIII в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 2. С. 115–123.
- [Потемкин Г.А.]. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. № 12. С. 249–329.
- ПСЗРИ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830. Т. 22, 24, 26, 27, 28, 44
- *Проскурина В.* Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
- Прохоров Д. А. Караимы и развитие соледобычи на Крымском полуострове в конце XV–XIX вв. // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 71–86.
- РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 960; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 56155.
- РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 5, 19.
- *Рябинин Д. Д.* Биография графа С. Р. Воронцова. Глава II (1785–1796) // Русский архив. 1879. Т. 38. Ч. 2. С. 168–196.
- Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730—1823. Ч. 1. 1730—1796. Одесса: городская типография, 1836. 290 с.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. II. Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1853. 556 с.
- *Тимченко В. Н.* Южноукраинские земли в торговых связях Российской империи и Османского государства (1774–1853). Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. 272 с.
- Указ о разведении в Крыму кунжутного семени. (Сообщение И. С. Журьяри). ИТУАК. 1888. № 6. С. 126–131. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. 1766–1782 / сост. И. И. Любименко. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
- Фирсов Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории торговой политики. Казань: Типолитография Казанского университета, 1902. 378 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: Изд-во «A-cad», 1994. 407 с.
- *Храпунов Н. И.* Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII начала XIX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 58–68.
- *Храпунов Н. И., Конкин Д. В.* Незавершенная интеграция // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 405–418.
- *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774—1792 гг. М.: Наука, 2004. 528 с.
- *дю Шатне М.* Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М.: Наука, 2003. 412 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 27. Розавен-Репа. СПб., 1899. 480 с.

REFERENCES

- Cherkasov P. P. Ekaterina II i Liudovik XVI. Russko-frantsuzskie otnosheniia. 1774–1792. Moscow: Nauka, 2004, 528 p.
- Druzhinina E. I. Severnoe Prichernomor'e v 1775-1800 gg. Moscow: AN SSSR Publ., 1959, 279 p.
- Druzhinina E. I. Iuzhnaia Ukraina v 1800-1825 gg. Moscow: Nauka, 1970, 384 p.
- Ekaterina II i G. A. *Potemkin. Lichnaia perepiska 1769–1791*. Lopatin V. S. (Ed.). Moscow: Nauka, 1997, 992 p.
- Eliseeva O. I. Geopoliticheskie proekty G. A. Potemkina. Moscow: IRI RAN, 2000, 342 p.
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Vol. 27. Rozaven-Repa. St. Petersburg, 1899, 480 p.
- Firsov N. N. Pravitel'stvo i obshchestvo v ikh otnosheniiakh k vneshnei torgovle Rossii v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II. Ocherk iz istorii torgovoi politiki. Kazan': Tipolitografiia Kazanskogo universiteta, 1902, 378 p.
- Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk. St. Petersburg: «A-cad» Publ., 1994, 407 p.
- Gablitz K. I. Kratkoe opisanie zhizni i sluzhby tainogo sovetnika Karla Ivanovicha Gablitza. *Syn Otechestva*, 1821, vol. 73, pp. 98–112, 145–164.
- Gersevanov N. B. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii*. Vol. XI. Part 2. Tavricheskaia guberniia. St. Petersburg: Tip. Departamenta Gen. Shtaba, 1849, 225+50 p.
- Gnucheva V. F. (Ed.). *Materialy dlia istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh*. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1940, VIII+312 p.
- Kabuzan V. M. Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVII pervoi polovine XIX veka. Moscow: Nauka, 1976, 306 p.
- Kameral'noe opisanie Kryma, 1784 g. *ITUAK*. 2-nd ed., 1897, № 2, pp. 22–30; *ITUAK*. 2-nd ed., 1897, № 3, pp. 36–64; *ITUAK*. 2-nd ed., 1897, № 4, pp. 32–45; *ITUAK*, 1888, № 6, pp. 36–63; *ITUAK*, 1889, № 7, pp. 25–45; *ITUAK*, 1889, № 8, pp. 12–40.
- [Kakhovskii V. V.]. Pis'ma pravitelia Tavricheskoi oblasti V. V. Kokhovskogo praviteliu kantseliarii V. S. Popovu dlia doklada E.S. kniaziu G. A. Potemkinu-Tavricheskomu. ZOOID, 1877, vol. 10, pp. 235–360.
- [Kakhovskii V. V.] Pis'ma Ekaterinoslavskogo gubernatora Vasiliia Vasil'evicha Kokhovskogo sostoiashchemu

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>ББББББББББББ</u>

- pri delakh Eia Velichestva Ekateriny II, tainomu sovetniku V. S. Popovu, dlia doklada kniaziu Platonu Aleksandrovichu Zubovu (s 20 ianvaria 1792 po 24 iiunia 1794 goda). *ZOOID*, vol. 12, 1881, pp. 330–426.
- Keppen P. I. O vinodelii i vinnoi torgovle v Rossii. St. Petersburg: Tip. Karla Kraiia, 1832, 263+VIII p.
- Khrapunov N. I. Alushta kak «krymskii rai» v opisaniiakh inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII nachala XIX v. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2. Gumanitarnye nauki*, 2014, № 3(130), pp. 58–68.
- Khrapunov N. I., Konkin D. V. Nezavershennaia integratsiia. N. I. Khrapunov, D. V. Konkin (Ed.). Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825. Sevastopol': Al'batros Publ., 2017, pp. 405–418.
- [Kireenko G. K.] Ob orderakh kniazia Potemkina i grafa Zubova, khraniashchikhsia v arkhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniia (1784–1796). *ITUAK*. 2-nd ed., 1897, № 3, pp. 1–35.
- [Kireenko G. K.] Ordera kniazia Potemkina praviteliu Tavricheskoi oblasti (Prodolzhenie). *ITUAK*, 1891, № 11, pp. 57–75.
- [Kireenko G. K.] Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i g. (Prodolzhenie). *ITUAK*, 1892, № 17, pp. 103–119.
- [Kireenko G. K.] Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1795-i g. (Prodolzhenie). *ITUAK*, 1895a, № 22, pp.1–17.
- [Kireenko G. K.] Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1795-i g. (Prodolzhenie). *ITUAK*, 1895b, № 23, pp. 1–23.
- Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma*. St. Petersburg: Tipografiia G. Vellinga, 1875. Part 5, 58 p.; Part 6, 125 p.
- Konkin D. V. Problema zemlevladeniia krymskikh tatar v proekte K. I. Gablitsa «O razdele Novorossiiskoi gubernii i organizatsii upravleniia i khoziaistva v Krymu» (1802 g.). D. V. Konkin, N. I. Khrapunov (Ed.). Materialy k istorii Prichernomor'ia v Novoe vremia. Simferopol', 2016, pp. 43–54.
- Konkin D. V. Ekaterina II vo glave Novorossii (1791–1793 gg.): osobennosti upravleniia Tavricheskoi oblast'iu. *Romanovy i Krym. Nauchnye chteniia v Livadii*. Sevastopol': «RIBEST» Publ., 2017a, pp. 25–34.
- Konkin D. V. Osobennosti nalogooblozheniia krymskikh tatar v pervye desiatiletiia posle prisoedineniia Kryma k Rossiiskoi imperii. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017b, № 9, pp. 94–102.
- Konkin D. V. Ekonomicheskie «otkrytiia» akademika P. S. Pallasa v Krymu: «defekt opisaniia». MAIET, 2017v, vol. 22, pp. 448–456.
- Konkin D. V. Ekonomicheskie «otkrytiia» v Krymu v rabotakh V. F. Zueva i K. I. Gablitsa: «defekt opisaniia». *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii.* 2017g, vol. 16, № 3, pp. 378–399.
- Konkin D., Khrapunov N. Retsenziia na kn.: Krim: shliakh kriz' viki. Istoriia u zapitanniakh i vidpovidiakh / vidp. red. V. A. Smolii. Kiïv: Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni, 2014. 456 s. ISBN 978-966-02-7228-6; Istoriia Kryma. M.: OLMA Media Grupp, 2015. 464 s. ISBN 978-5-373-07131-4. *Ab Imperio*, 2015, № 2, pp. 413–425.
- Konkin D. V., Khrapunov N. I. Integratsiia Kryma v rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo v kontse XVIII nachale XIX v.: problemy i perspektivy issledovaniia. *Aktual'nye problemy mezhdistsiplinarnykh issledovanii v izuchenii istorii, kul'tury i ekonomiki Kryma: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Simferopol', 2017, pp. 125–133.
- Kulisher I. M. *Istoriia russkoi torgovli i promyshlennosti*. Moscow; Cheliabinsk: Sotsium Publ., 2016, 488 p. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladeniia. (Prodolzhenie). *ITUAK*, 1896, № 25, pp. 89–158.
- Liubimenko I. I. (Ed.). *Uchenaia korrespondentsiia Akademii nauk XVIII veka. Nauchnoe opisanie.* 1766–1782. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1937, 607 p.
- Lodyzhenskii K. N. Istoriia russkogo tamozhennogo tarifa. Moscow; Cheliabinsk: Sotsium, 2016, 346 p.
- L'vov B. de Parma, graf Iakov. *Russkii biograficheskii slovar'*. *Pavel, prepodobnyi Petr (Ileika)*. St. Petersburg, 1902, p. 315.
- Madariaga I. Rossiia v epokhu Ekateriny Velikoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 976 p.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- Maidaniuk V. Kunzhut na Iuge Ukrainy. *Ovoshchevodstvo. Ukrainskii zhurnal dlia professionalov.* 2016, № 4, http://www.ovoschevodstvo.com/journal/browse/201604/article/1413/
- Mal'gin E. A. Istoriko-geograficheskie osobennosti razvitiia khoziaistva Kryma na rubezhe XVIII i XIX vv. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia «Geografiia», 2012, vol. 25(64), № 3, pp. 78–87.
- Markevich A. I. Akademik P. S. Pallas. Ego zhizn', prebyvanie v Krymu i uchenye trudy (k stoletiiu so dnia ego smerti). *ITUAK*, 1912, № 47, pp. 167–242.
- Martsinovskii P. N. Dokhodnaia chast' biudzheta Krymskogo khanstva v 1777–1783 gg., po materialam «Kameral'nogo opisaniia Kryma». *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, № 20, pp. 100–104.
- Martsinovskii P. N. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kryma posle prisoedineniia k Rossii (konets XVIII v.).

  A. V. Iurasov (Ed.). Krym: problemy istorii. Sbornik statei. Moscow: Indrik, 2016, pp. 119–141.
- Martsinovskii P. N. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kryma posle prisoedineniia k Rossii (konets XVIII v.). *Istoriia Kryma*. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole, 2017, pp. 41–52.
- Materialy po istorii russkogo flota. Part 15. St. Petersburg: Tip. Morskogo ministerstva, 1895, 596 p.
- Mertvago D. B. Zapiski (1760–1824). St. Petersburg: Russkaia simfoniia, 2006, 368 p.
- Miranda, Fransisko de. *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii*. Moscow: MAIK «Nauka/Interperiodika», 2001, 380 p.
- Nebolsin G. P. *Statisticheskoe obozrenie vneshnei torgovli Rossii*. St. Petersburg: Tip. Dep-ta vneshn. torgovli, 1850a. Part 1, 409 s. Part 2, 495 p.
- [Nebolsin G. P.]. Istoricheskoe obozrenie azovskoi i chernomorskoi torgovli s osemnadtsatogo do deviatnadtsatogo stoletiia. *Biblioteka dlia chteniia*, 1850b, vol. 101, part 4, pp. 29–48.
- Nepomniashchii A. A., Kravchuk A. S. Krym v nachale preobrazovanii: na obochine Imperii. A. V. Iurasov (Ed.) Krym: problemy istorii. Sbornik statei. Moscow: Indrik, 2016, pp.142–155.
- Palimpsestov I. Vzgliad na sel'skoe khoziaistvo Iuga Rossii. Obozrenie razlichnykh otraslei khoziaistva. Sbornik statei o sel'skom khoziaistve Iuga Rossii. Odessa: Tip. Ia. Frantsova, 1868, pp. 49–70.
- Pallas P. S. Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti. St. Petersburg: Imperat. Tipografiia, 1795, 72 p.
- Pallas P. S. Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh. Moscow: Nauka, 1999, 246 p.
- Parashchuk S. Shelkovodstvo. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. 39*: Chuguev Shen. St. Petersburg, 1903, pp. 406–415.
- Plat T. Vnutrenniaia ili vneshniaia kolonizatsiia? Tseli i sredstva torgovoi politiki Rossii v XVIII v. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2015, № 1, pp. 5–15.
- Pospelova Iu. A. Dinamika i balans vneshnei torgovli Rossii na azovo-chernomorskom napravlenii v kontse XVIII v. *Vestnik MGOU. Seriia «Istoriia i politicheskie nauki»*, 2011, № 2, pp. 115–123.
- [Potemkin G. A.]. Rasporiazheniia svetleishego kniazia Grigoriia Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo kasatel'no ustroeniia Tavricheskoi oblasti s 1781 po 1786 god. *ZOOID*, 1881, vol. 12, pp. 249–329.
- PSZRI Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. St. Petersburg: Tip. SEIV Kantseliarii, 1830, vol. 22, 24, 26, 27, 28, 44.
- Proskurina V. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 256 s.
- Prokhorov D. A. Karaimy i razvitie soledobychi na Krymskom poluostrove v kontse XV–XIX vv. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2016, № 2, pp. 71–86.
- RGADA. F. 11. Op. 1. D. 960; F. 1239. Op. 3. P. 111. D. 56155.
- RGIA. F. 1307. Op. 1. D. 5, 19.
- Riabinin D. D. Biografia grafa S. R. Vorontsova. Glava II (1785–1796). *Russkii arkhiv*, 1879, vol. 38, part 2, pp. 168–196.
- du Shatne M. Zhan Batist de Traverse, ministr flota Rossiiskogo. Moscow: Nauka, 2003, 412 p.
- Skal'kovskii A. A. Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823. Part 1. 1730–1796. Odessa: Gorodskaia tipografiia, 1836, 290 p.

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная... <u>ББББББББББББ</u>

- Skal'kovskii A. A. *Opyt statisticheskogo opisaniia Novorossiiskogo kraia. Part II.* Odessa: Tip. Frantsova i Nitche, 1853, 556 p.
- Timchenko V. N. *Iuzhnoukrainskie zemli v torgovykh sviaziakh Rossiiskoi imperii i Osmanskogo gosudarstva* (1774–1853). Kiev: Vidavets' Oleg Filiuk, 2016, 272 p.
- Ukaz o razvedenii v Krymu kunzhutnogo semeni. (Soobshchenie I. S. Zhur'iari). *ITUAK*. 1888, № 6, pp. 126–131. Zhiromskaia B. V., Aralovets N. A., Belov A. V. Naselenie Kryma (chislennost', rasselenie, natsional'nyi, sotsial'nyi, polovozrastnoi sostav). *Istoriia Kryma. Vol. 2*. Moscow: Kuchkovo pole, 2017, pp. 263–277.
- Zorin A. «Kormia dvuglavogo orla...». Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII pervoi treti XIX veka. Moscow, 2004, 416 p.
- Zuev V. F. O rossiiskoi torgovle po Chernomu moriu. *Mesiatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1784 god.* St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, [1783], pp. 9–33.
- Zuev V. F. Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ia Zueva, kasaiushchikhsia do poluostrova Kryma, 1782 goda. Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesiatseslovov na raznye gody. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1790, part 5, pp. 265–303.

Резюме

В статье рассмотрены отдельные аспекты экономической политики Российской империи в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. Проанализированы действия власти по восстановлению экономики полуострова. Дана оценка эффективности прикладным проектам российской администрации в хозяйственной сфере. В частности, в таких отраслях, как шелководство и виноделие. Исследован характер и перспективы внешних и внутренних торговых связей Крыма. Сделаны выводы о том, что предпринятые российской властью значительные усилия по экономическому развитию Крымского полуострова не достигли первоначальных замыслов.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, экономика, шелководство, виноделие, торговля.

Summary

This paper discusses several aspects of the Russian Empire's economic policy towards the Crimea in the late eighteenth and early nineteenth centuries. It has analysed the governmental activities for economic restoration of this peninsula, and has evaluated the effectiveness of the Russian administration's practical projects realised in the sphere of economy, particularly in sericulture and wine-making. The nature and perspectives of foreign and home trade connections of the Crimea have been investigated. The conclusions made uncover that the Russian authorities' great efforts aimed at economic development of the Crimean Peninsula did not brought their supposed results.

Keywords: Russian Empire, Crimea, economics, sericulture, wine-making, trade.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ Конкин Денис Валериевич, кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, denis_konkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Denis V. Konkin,
Candidate of sciences in history,
Crimean History and Archaeology Research Centre
at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Head of the Crimean Modern History Department,
denis_konkin@mail.ru

ПУБЛИКАЦИИ

M. Ю. BAXTИНА¹ M. IU. VAKHTINA

СКЛЕП № 3 ГРУНТОВОГО НЕКРОПОЛЯ ПОРФМИЯ² CRYPT № 3 OF PORTHMION UNDERGROUND NECROPOLIS

Первые археологические раскопки античного города Порфмий, расположенного в древности на восточной оконечности Керченского полуострова, недалеко от самой узкой части Керченского пролива, были проведены в 1953 г., однако некрополь этого памятника начал исследоваться сравнительно недавно. В 2003 году к западу от скального плато, на котором расположено городище, был выявлен участок, на котором совершались захоронения эллинистического времени, а с 2004 г. начались его регулярные исследования [Вахтина, Стоянов, 2006; Вахтина, 2009, с. 104–105; Вахтина, Столяренко, 2013; 2014; Vakhtina, Stolyarenko, 2017]. Как показали раскопки, открытые захоронения совершались в период, соответствующий финальному периоду существования укрепленного поселения.

В начале нашего столетия погребения на этом участке некрополя подвергались интенсивным разграблениям, поэтому в 2007 г. здесь были сосредоточены основные работы Порфмийского отряда Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН/ИА НАН Украины. Обследование территории могильника перед началом работ выявило 24 значительные грабительские ямы, расположенные в основном по периметру карьера, из которого в 50-х гг. прошлого века брали грунт для строительства Порта Крым, а также вдоль сельской дороги, соединяющей пос. Жуковка и Опасное. Обследование территории некрополя показало, что его западная граница простирается дальше в сторону пос. Опасное. Раскопки 2007 г. позволили обследовать захоронения разных типов, из которых наиболее интересным был склеп, сложенный из крупных плит местного известняка, в значительной степени пострадавший от современной распашки и деятельности грабителей.

К востоку от карьера, чуть севернее небольшого участка, заросшего высоким древесным кустарником (рис. 1), была обнаружена подквадратная грабительская яма размерами 1,4 х 1 м, в северном и восточном бортах которой были видны подтесанные плиты известняка. Яма располагалась в 7, 5 м к западу от склепа № 1, исследо-

¹ Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Вахтина М.Ю. Склеп № 3 грунтового некрополя... 与与与与与与与与与

ванного в 2004 г. [Вахтина, Стоянов, 2006, с. 185–191, рис. 3; Vakhtina, Stolyarenko, 2017, р. 63–64, fig. 8]. Раскопки позволили выявить склеп № 3, ориентированный, как и все другие склепы, обнаруженные на некрополе, по линии восток—запад. Верхние границы камней погребальной камеры были выявлены на гл. 0,68-0,71 м от современной дневной поверхности. При снятии дернового слоя по всей площади раскопа в общей сложности было найдено 89 фрагментов керамики. В хронологическом плане материал не был однородным. Среди найденных обломков – фрагмент ножки чернолаковой чаши, относящийся к концу V – первой половине IV вв. до н.э., фрагменты венчиков гераклейских амфор начала III в. до н.э., фрагмент двуствольной ручки косской амфоры II в. до н.э., фрагмент дна сероглиняного рыбного блюда с черным лощением, фрагмент края миниатюрной тарелочки с бурым покрытием, фрагмент края кастрюли, фрагмент поделки (крышка?), изготовленной из ручки или стенки амфоры. При разборке слоя желтого суглинка, подстилающего дерновый слой, было обнаружено лишь незначительное количество фрагментов стенок амфор, столовой красноглиняной и кухонной керамики.

Склеп № 3, дромос. В слое желтого суглинка в западной части раскопа были зафиксированы мелкие и крупные камни, лежащие хаотически. С этой стороны располагался дромос, имевший земляной пол. При расчистке слоя на гл. 0,40 м от современной дневной поверхности на западной плите погребальной камеры (рис. 2, 1) был выявлен развал камней, занимавший площадь 1,70 х 1,30 м. Максимальный размер самого крупного из камней, лежащего к северо-западу от западной плиты камеры, достигал 0,49 м. Вероятно, камни в древности принадлежали конструкции дромоса, ведущего в камеру с запада и имевшего земляной пол, уровень которого находился выше уровня камеры на 0.30 - 0.35 м. При разборке развала камней был обнаружен череп, лежащий челюстью вверх, а на расстоянии 0,59 м к югу от него были найдены два фрагмента перемещенных трубчатых костей; при разборке завала камней были также обнаружены фрагменты мелких костей человека и нижняя челюсть с зубами, принадлежавшие женщине 35-50 лет. Встречались и находки керамики: обломки амфорной тары, среди которых был найден фрагмент ручки хиосской амфоры IV в. до н.э. Здесь же была найдена пантикапейская бронзовая монета, на оборотной стороне которой сохранилось изображение горита влево, носящая следы надчеканки (рис. 3, 1). На лицевой стороне монет этого типа помещалась голова Аполлона в венке вправо⁴. А.Н. Зограф датировал их 200-110 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, таб. ХЦІІ,9], Д. Б. Шелов относил к первой половине и середине ІІІ в. до н.э. [1956, с. 219, № 95], а В.А. Анохин сначала относил этот тип к 150–140 гг. [Анохин, 1986, с. 143, № 169], а позже ко времени ок. 215–205 гг. до н.э. [Анохин, 2011, c. 154, № 1059].

 $^{^3}$ Антропологические определения проведены научным сотрудником Института антропологии и этнографии РАН С.В. Святко.

⁴ Выражаю благодарность зав. отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея к.и.н. А.Е. Терещенко за помощь в определении монетных находок из склепа № 3.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Склеп № 3, погребальная камера. Погребальная камера (рис. 2, 2, 7, 8) была ориентирована по оси восток—запад. От нее сохранился лишь один, нижний ряд кладки. Высота его достигала приблизительно 0,5 м. Внутренние размеры камеры — 2 х 1 м. Она была сложена из крупных, грубо обтесанных плит известняка, более тщательно обработанных изнутри. Снаружи по периметру были зафиксированы мелкие камни и слой каменной крошки, возможно, они были помещены сюда в древности для предохранения камеры от разрушения. Западная и восточная (короткие) стены склепа были сложены каждая из одной плиты, а северная и южная (длинные) — каждая из двух плит известняка⁵.

Пол камеры был образован тремя плитами; самая большая находилась в восточной ее части, самая маленькая — в западной. Размеры плит пола: восточная — $1,05 \times 0,62$; средняя — $0,96 \times 0,86$; западная — $0,98 \times 0,42$.

Раскопки склепа № 3 позволили выявить некоторые несложные технические приемы, которые применялись древними строителями для крепления кладок. На восточной плите пола камеры на расстоянии 0,34 м от восточной стены и 0,52 м от юго-восточной находилось искусственное углубление (вырубка) овальной формы $0,14 \times 0,08$ м (рис. 2, 8). Вырубки гл. 0, 01-0,02 м также были зафиксированы на верхних гранях плит, образующих стены камеры. В западной части верхней поверхности северо-восточной плиты была зафиксирована вырубка 0,09 х 0,04 м, в средней части северо-западной плиты – 0,11 х 0,045 м, в южной части западной плиты -0.1-0.06 м (рис. 2, 3, 4, 6). Более интересными деталями являются два «замка» на верхней грани западной плиты. Они представляли собой небольшие каменные выступы, высеченные при изготовлении плиты, каждый из них имел форму в виде двух пересекающихся под прямым углом рельефных линий. Они располагались у северной и южной оконечностей камня (рис. 2, 3, 5, 6). Размеры граней северного «замка» составляли $0.12 - 0.14 \times 0.09 - 0.04 \text{ м}$; южного $-0.09 - 0.07 \times 0.04 \text{ м}$. Вероятно, «замки» служили для установки и крепления плиты, некогда закрывавшей вход из дромоса на уровне второго ряда кладки. Эта плита должна была надежно закрывать вход в камеру, однако предполагалось, что ее можно было бы достаточно легко отодвигать при совершении последующих захоронений. Нижние грани закладной плиты, вероятно, входили в «замки»; «вырубка», зафиксированная между «замками», возможно, предназначалась для крепления плит.

Грунт, заполнявший погребальную камеру, содержал фрагменты костей человека и обломки керамики, лежавшие беспорядочно. Это свидетельствовало о том, что они

⁵ Размеры плит следующие:

восточная плита (длина, ширина и высота) $-1,04 \times 0,30$ -0,32 х 0,49 м;

западная плита $-1,08 \times 0,35 \times 0,37 \text{ м};$

северо-восточная плита -0.97×0.30 -0.37 $\times 0.48$ -0.49 м; северо-западная плита -0.90×0.30 -0.40 $\times 0.46$ -0.47 м; юго-восточная плита -0.70×0.24 -0.34 $\times 0.45$ м;

юго-западная плита — 1,19 x 0,37 x 0,27 x 0,45-0,46 м.

были перемещены еще в древности, вероятно, грабителями. На полу, в западной части камеры, были зачищены кости нижних конечностей (рис. 2, 2, 3). Это позволило предположить, что погребенные лежали в вытянутом положении головой на восток. У юго-западного камня южной стены камеры на расстоянии 0,26 м от его восточного края была найдена верхняя челюсть человека с зубами, у северо-западного угла камеры — обломки ребер. Всего при разборке заполнения погребальной камеры была найдена 581 кость человека и множество мелких обломков.

В нижней части грунта заполнения камеры были найдены обломки стенок амфор Гераклеи и Синопы. Это единственный случай находок фрагментов тарных амфор в погребальной камере, зафиксированный на некрополе Порфмия. Правда, нельзя исключить и случайного попадания этих обломков в заполнение камеры, целостность которой, по-видимому, неоднократно нарушалась как в древности, так и в наше время. В нижней части заполнения были также найдены фрагменты сосуда с туловом округлой формы (арибал?), фрагмент дна сероглиняной миски с лощением, фрагменты стенок кастрюль со следами копоти и 59 фрагментов венчика, стенок, ручек и дна красноглиняной пелики, позволившие реконструировать форму сосуда (рис. 3, 5, 6). У северной стены камеры было найдено фрагментированное бронзовое зеркало в виде плоского диска (рис. 3, 4).

При расчистке дна камеры в ее центральной части были найдены две пантикапейские бронзовые монеты. На реверсе одной из них (рис. 3, 2) изображен треножник (надчеканка «треножник»), ниже, вероятно, находилась надпись ПАN; на аверсе – голова безбородого сатира в венке влево (?). А.Н. Зограф датировал этот тип серединой III в. до н.э., а Д.Б. Шелов и В.А. Анохин помещали в интервале 245—230 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 17; Анохин, 1986, с. 141, № 139; 2011, с. 152, № 1051]. На аверсе другой монеты была изображена голова безбородого сатира в венке влево, а на реверсе – лук со стрелой под ним вправо и надпись ПАN (рис. 3, 3). Монета представляет собой т.н. «деградированный тип». А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов датировали такие монеты в пределах первой половины III в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, таб. XLI,5; Шелов, 1956, с. 217, № 66], К.В. Голенко относил к третьей четверти столетия [Голенко, 1970, с. 23, прил. 6], а А.Е. Терещенко определяет его бытование в рамках 284/3 гг. – середины второй четверти III в. до н.э. [Терещенко, 2013, с. 339].

Заполнение погребальной камеры склепа № 3 содержало костные остатки как минимум пяти взрослых человек и одного ребенка; пол погребенных определить было сложно, однако удалось установить, что один из них был мужчиной высокого роста. Один из взрослых погребенных был в возрасте 18-30 лет, двое — 30-50 лет, и один — 50-60 лет. Кроме этого, было установлено, что останки, расчищенные на полу склепа, принадлежали костякам как минимум двух взрослых мужчин в возрасте 20-30 лет и одному ребенку. Фрагменты черепа и костей, найденных в дромосе, принадлежали женщине 45-50 лет. Таким образом, можно заключить, что в склепе № 3 были погребены по меньшей мере 9 человек. Судя по многочисленным мелким обломкам

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

человеческих костей, не поддающихся определению, из заполнения погребальной камеры количество захороненных в склепе, скорее всего, было большим.

При раскопках склепа были также обнаружены кости животных⁶. В заполнении камеры были найдены фрагмент нижней челюсти хищного млекопитающего (вероятно, собаки), фрагмент ребра коровы и трубчатые кости конечностей грызунов (последние, скорее всего, оказались здесь в силу естественных причин). Кроме того, в дерновом слое был найден зуб коровы.

Найденные в склепе № 3 материалы позволяют прийти к заключению о том, что он использовался многократно и в течение достаточно долгого периода времени. Вероятно, склеп был сооружен еще в конце IV в. до н.э. и функционировал на протяжении всего III, а возможно, и в начале II в. до н.э. В пользу этого предположения свидетельствуют находки человеческих останков в камере и костные материалы, обнаруженные в дромосе. Последние, очевидно, были удалены из камеры для того, чтобы освободить место последующим захоронениям. «Разброс» датировок монет, обнаруженных при расчистке склепа, также свидетельствует о его достаточно длительном использовании. Склеп № 3, по-видимому, принадлежал к группе ранних погребальных сооружений на исследуемом участке эллинистического некрополя. Самым ранним, очевидно, пока остается склеп № 5, возведенный во второй половине IV в. до н.э.; к числу датирующих его материалов принадлежит и бронзовая пантикапейская монета 330-315 гг. до н.э., обнаруженная в нижней части заполнения камеры [Вахтина, 2013, с. 76-77, рис. 2; Vakhtina, Stolyarenko, 2017, р. 66]. Комплекс склепа № 3, найденные в нем вещи, безусловно, дополняют и расширяют наши знания о погребальной обрядности древних порфмийцев. Особый интерес представляют находки боспорских монет, обнаруженные в дромосе и камере. Учитывая то обстоятельство, что все комплексы грабились и значительная часть монет, несомненно, становилась добычей грабителей, количество подобных находок представляется значительным. Таким образом, результаты раскопок однозначно свидетельствуют о том, что монеты характерны для захоронений порфмийского некрополя и их присутствие в погребальных комплексах является достаточно устойчивой чертой. Если следовать традиционной точке зрения, эти монеты можно трактовать как «оболы Харона» [Сударев, Болдырев, 2009]. Можно также рассматривать монетные находки, их значение и роль в погребальной обрядности древних греков в системе более сложных семантических связей [Терещенко, 2018].

Порфмийский склеп № 3, давший скромные, однако достаточно разнообразные находки, как и другие склепы, открытые на некрополе этого «малого» боспорского города, очевидно, служил семейной усыпальницей состоятельных и уважаемых горожан, проживавших в Порфмии в эллинистическое время. Его комплекс важен для понимания погребально-поминальной обрядности жителей города на протяжении последнего периода его существования.

⁶ Определение проведено научным сотрудником Института зоологии РАН Е.А. Голынским.

Вахтина М.Ю. Склеп № 3 грунтового некрополя... 555555555

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев. 2011.
- *Вахтина М.Ю.* Порфмий греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Т. 22. С. 91–126.
- Вахтина М.Ю. Порфмий в IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений. Керчь. 2013. С. 73–80.
- Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004—2012 гг.) // Культурный слой. Нижний Новгород. 2013. Вып. 2. С. 129—135.
- Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Грунтовой некрополь Порфмия. Особенности погребального обряда «малого» боспорского города // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «Круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова. СПб. 2014. С. 129–135.
- Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Склеп № 4 эллинистического некрополя Порфмия // Археологія и давняя історія України, Київ, 2015. Вип. 1 (14). С. 298–307.
- Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В. Новые данные о некрополе Порфмия // АВ. 2013. Вып. 13. С. 182-194.
- *Голенко К.В.* К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // НЭ. 1970. Вып. VIII. С. 17–23. *Зограф А.Н.* Античные монеты. МИА. 1951. №16.
- Сударев Н.И., Болдырев С.И. «Обол Харона» как археологический термин // Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы X Боспорских чтений. Керчь. 2009. С. 435–440.
- Терещенко А.Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV конца III вв. до н. э. // ДБ. 2013. №17. С. 325–344.
- *Терещенко А.Е.* Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы) // ПИФК. 2018. № 3. Москва, Магнитогорск (в печати).
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М. 1956.
- Vakhtina M.Ju, Stolyarenko P.G. The Necropolis of Porthmion: the Results of Recent Excavations // Proceedings of the International Conference "Ancient Greek Necropoleis along the Black Sea Coast", Nessebar, October 4-7, 2012. (Nessebar, Vol. 4) Veliko Tarnovo. P. 61–85.

REFERENCES

- Anokhin V.A. Monetnoe delo Bospora. Kiev. 1986.
- Anokhin V.A. Antichnye monety Severnogo Prichernomorya. Kiev. 2011.
- *Golenko K.V.* K khronologii nekotorykh mednykh monet Bospora III v. do n.e.// NE. 1970. Vyp. 8. S. 17–23. *Shelov D.B.* Monetnoe delo Bospora. Moscow. 1956.
- Sudarev N.I., Boldyrev S.I. Obol Kharona kak arkheologicheskij termin // Bospor Kimmerijskij I Pont v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy. Materialy X Bosporskikh chtenij. Kerch. 2009. S. 435–440.
- *Tereschenko A.E.* Klassifikatsiya i periodizatsiya kladov bosporskoi medi posledney treti IV kontsa III vv. do n.e. // DB. 2013. No. 17. S. 325–344.
- Tereschenko A.E. Monetnye kompleksy v antichnykh pogrebeniyakh (k postanovke problemy)// PIFK. No. 3. 2018. Moskva, Magnitogorsk (in print).
- Vakhtina M.Yu. Porfmij grecheskiy gorod u perepravy cherez Kimmeriyskij Bospor // BI. 2009. T. 22.
  S. 91–126.
- Vakhtina M.Yu. Porfmij v IV v.do n.e. // Bospor Kimmerijskij i Pont v period antichnosti i srednevekovya.
  Arkheologicheskij object v kontekste istorii. Materialy XIV Bosporskikh chtenij. Kerch. 2013. S.
- Vakhtina M. Yu. Ju., Stolyarenko, P.G. Nekropol' Porfmiya (po materialam raskopok 2004–2012 gg. // Kul'turnyi sloi. Nizhniy Novgorod. 2013. Vyp. 2. S.

- Vakhtina M. Yu., Stolyarenko, P.G.: Gruntovoi nekropol' Porfmiya. Osobennosti pogrebal'nogo obryada "malogo" osporskogo goroda'// Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Saint-Petersburg. 2014. S. 129–135.
- Vakhtina M. Yu., Stolyarenko, P.G. Sklep no. 4 ellinisticheskogo nekropolya Porfmiya'. Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy. Kiev. 2015. Vyp. 1 (14). 298–307.
- Vakhtina M. Ju., Stolyarenko P.G. The Necropolis of Porthmion: the Results of Recent Excavations // Proceedings of the International Conference "Ancient Greek Necropoleis along the Black Sea Coast", Nessebar, October 4-7, 2012. (Nessebar 4), Veliko Tarnovo. 2017. S. 61–85.

Vakhtina M.Yu., Stoyanov, R.V. // Novye dannye o nekropole Porfmiya// AV 2006. Vol. 13. S. 182–194. *Zograf A.N.* Antichnye monety // MIA. 1956. No. 1.

Резюме

Статья посвящена публикации склепа № 3, открытого на некрополе Порфмия, одного из «малых» городов Европейского Боспора. Участок эллинистического некрополя этого древнего города начал исследоваться в 2003 г. Раскопки выявили здесь несколько типов погребальных сооружений, среди которых наиболее сложными и интересными являются склепы, сложенные из крупных плит местного известняка и содержавшие захоронения наиболее состоятельных горожан. Склеп № 3, вероятно, был возведен в конце IV в. и функционировал на протяжении III в. – начала II в. до н.э.

Ключевые слова: Порфмий, некрополь, склеп, камера, погребальный инвентарь.

Summary

The article deals with the crypt no. 3, unearthed at the necropolis of Porthmion, on of the "smaller towns" of the European Bosporos. Exploration of Hellenistic necropolis of the ancient site began in 2003. The excavations revealed there several types of burial constructions; among them the most complicated and interesting are the crypts, built of large slabs of local lime-stone, which contained the remains of the most prosperous citizens. Crypt no. 3 was probably constructed in the late 4th century BC and functioned during the 3rd – early 2nd centuries BC.

Key Words: Porthmion, necropolis, crypt, chamber, burial equipment.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтина Марина Юрьевна, к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН, старший научный сотрудник. vakhtina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vakhtina Marina Yurievna, Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Senior scientific researcher. vakhtina@rambler.ru

13 би-хххvіі 193

Рис. 1. Участок некрополя к востоку и юго-востоку от карьера, исследовавшийся в 2007 г.

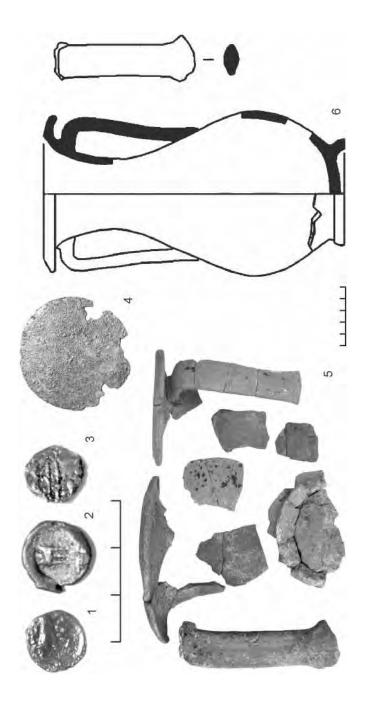
<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 2. Склеп № 3.

1 – в процессе расчистки; 2 – после расчистки костных остатков на полу камеры; 3- 6 – детали конструкции камеры; 7-8 – вид по завершении работ.

Вахтина М.Ю. Склеп № 3 грунтового некрополя... 与与与与与与与与与

1-3-6ронзовые боспорские монеты; 4-6ронзовое зеркало; 4,5-красноглиняная пелика (фрагменты и графическая реконструкция). 1-из дромоса; 2-5-из камеры склепа. Рис. 3. Склеп № 3, погребальный инвентарь.

Н.И. СУДАРЕВ, С.В. КАШАЕВ N.I. SUDAREV, S.V. KASHAEV

ИМПОРТНЫЕ МЕГАРСКИЕ ЧАШИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ У ПОСЕЛЕНИЯ ВИНОГРАДНЫЙ 7 IMPORTED MEGARION CUPS FROM THE NECROPOLIS NEAR THE SETTLEMENT VINOGRADNYJ 7

В 2015–2016 гг. сотрудниками Восточнобоспорской АЭ проводились археологические раскопки поселения Виноградный 7 (Темрюкский район Краснодарского края).

Поселение Виноградный 7 расположено в 3,5 км к северо-востоку от поселка Виноградный и 4,8 км к северо-западу станицы Вышестеблиевская. Памятник охраняется государством согласно распоряжению комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 18 декабря 2002 г. № 3-р.

Впервые поселение Виноградный 7 было предположительно отмечено как «следы античной культуры» на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместил его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–31 гг.

В 1980–2000 гг. разными исследователями на памятнике проводились разведки и раскопки. Все археологические работы 2001–2006 гг., которые формально связывались с поселением Виноградный 7, фактически затрагивали лишь расположенные вблизи поселения курганный и грунтовые некрополи и площадь средневекового селища Гора Чиркова 1 [Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–479].

В 2011 г. для составления учётной карты археологического памятника «Поселение Виноградный 7» он был обследован отрядом под руководством сотрудника Восточнобоспорской экспедиции С.А. Буравлёва. С целью уточнения границ поселения, мощности культурного слоя и датировок на территории распространения подъёмного материала с южной стороны железной дороги было заложено 6 шурфов. Объект культурного наследия был вытянут по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток. При этом его западная оконечность уходила на 200 м к северу от железнодорожного полотна, а восточная примерно на 150 м сдвигалась к югу от него. Северная граница памятника, судя по его топоплану, помещённому в учётной карте, пересекала линию железной дороги в районе 100-го железнодорожного пикета. Датировался памятник VI—I вв. до н.э. Кроме того, западную часть памятника

исследователь на основе распространения средневекового подъёмного материала, а также учитывая результаты раскопок 2001–2006 гг., выделяет в отдельное поселение: Гора Чиркова 1. Его площадь частично перекрывает западный край поселения Виноградный 7, бытовавшего на этом месте в IV–III вв. до н.э. Размеры поселения Гора Чиркова 1 составляют 600×380 м, что предполагает площадь около 17,72 га. Датируется памятник VIII–X вв. Площадь же собственно поселения Виноградный 7 была определена в 38 га.

В ходе раскопок в 2015–2016 гг. памятник исследован на площади более 100 тыс. кв. м. Помимо поселенческих комплексов и объектов, в зону раскопок попала обширная территория некрополя, расположенного в северной и восточной части памятника [Сударев, 2016, с. 333–340].

За два сезона работ обнаружено около 400 погребений разного времени, от эпохи бронзы до средневековья. Основная часть захоронений датируется античным периодом V в. до н.э. – II в. н.э.

Большой интерес вызывают обнаруженные в погребениях предметы импортного происхождения. Из всей массы находок особо выделяются мегарские чаши. Они обнаружены в трех погребениях: № 25 (2015), 29/30 (2015) и 24 (2016).

Рассмотрим эти погребения, обнаруженный в них инвентарь и более подробно мегарские чаши.

Погребение 25 (2015) (рис.1–4)

Обнаружено в кв. Е-73. Было выявлено на уровне зачистки пятого штыка на глубине 1,0 м от уровня современной поверхности. Могильное пятно в момент обнаружения прослеживалось по темному заполнению и наличию заклада из сырцовых кирпичей.

Конструктивно погребение представляет собой подбойную могилу, состоящую из впускной ямы и ямы подбоя (рис. 1). Подбой был закрыт закладом из вертикально поставленных сырцовых кирпичей толщиной до 0,10 м. Общий размер могильной конструкции – около 1,5 х 2,1 м, заполнение – тёмно-серый суглинок.

Скелет лежал по линии запад–восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на восток. Костяк средней сохранности, принадлежал женщине 25—30 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, ключицы, фрагменты костей таза, ребер, череп.

Из индивидуальных находок в погребении можно отметить: мегарскую чашу, лагинос красноглиняный, унгвентарий, бронзовое зеркало, нитку бус.

Инвентарь:

1. Мегарская чаша (рис. 3.4; 4.1)

Сосуд с прямым, слегка скошенным внутрь венчиком и полусферическим туловом на прогнутом к центру дне. В верхней части тулова расположены два врезных параллельных узких полукруглых в разрезе горизонтальных желобка; между желобками — орнаментальный ряд из крупных «ов». Между ними — вертикальные неширокие бордюры, каждый из которых разделен на четыре части 198

косоидущими слева направо желобками. Ниже вся поверхность тулова сплошь покрыта асимметричными ромбами с укороченной верхней частью – нижние стороны выше расположенных ромбов частично образуют верхние стороны последующих; в каждый из ромбов вписаны направленные вверх стебли с отходящими от них в обе стороны отростками. На дне сделана надпись – рельефное выступающее имя $\Phi I \Lambda \omega N$.

Высота сосуда – 7,5 см; диаметр венчика – 13,0 см; диаметр дна – 4,8 см.

Чаша целая, стояла в изголовье погребенного вертикально венчиком вверх с небольшим наклоном к востоку-северо-востоку в юго-восточной части могилы.

2. Лагинос красноглиняный (рис. 2.3)

Сосуд с витой ручкой, округлым венчиком и усеченно-коническим, сужающимся кверху горлом и широким туловом с длинными округлыми плечиками на низком кольцевом поддоне; нижняя часть усеченно-конической формы, от плечиков отделена четко выделенным ребром. Поддон и ребро расписаны широкими горизонтальными полосами, выше ребра по нижней части плечиков идут еще три узкие полосы; все полосы нанесены красной краской.

Высота сосуда -17.4 см; диаметр венчика -3.4 см; диаметр тулова -22.0 см; диаметр поддона -15.4 см.

Сосуд целый, стоял в изголовье в восточном углу могильной ямы вертикально венчиком вверх с небольшим наклоном к юго-западу на расстоянии 3,5 см от северовосточной стенки и 4,3 см от юго-восточной.

3. Кувшин красноглиняный (рис. 2.1)

Одноручный сосуд с горизонтально отогнутым венчиком, высоким цилиндрическим горлом и уплощенно-шаровидным туловом на низком кольцевом поддоне.

Высота сосуда -17.0 см; диаметр венчика -8.6 см; диаметр тулова -14.4 см; диаметр поддона -7.0 см.

Сосуд частично фрагментирован, склеен из множества фрагментов, стоял вертикально венчиком вверх в юго-восточной части могильной ямы вплотную к северовосточной стенке в 22,1 см от юго-восточной и в 1,2 см к северо-востоку от сосуда 2.

4. Унгвентарий красноглиняный (рис. 2.2)

Сосуд с горизонтально отогнутым венчиком, усеченно-коническим, расширяющимся кверху высоким горлом, яйцевидным туловом и короткой цилиндрической ножкой на низком усеченно-коническом дне.

Высота сосуда -16,0 см; диаметр венчика -3,0 см; диаметр тулова -4,4 см; диаметр дна -2,5 см.

Сосуд целый, лежал на боку венчиком на юго-восток в восточной части могильной ямы параллельно ее северо-восточной стенке в 2,0 см от нее и на таком же расстоянии к северо-западу от сосуда 3.

5. Зеркало бронзовое (рис. 3.3)

Округлой формы с гладкой поверхностью.

Диаметр -7.2 см, толщина -0.2 см.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... 5555555555

Целое, сохранность металла хорошая, стояло вертикально с небольшим наклоном к северо-западу в ногах погребенного в северо-западной части могилы в 7,3 см от северо-западной стенки и 5,5 см от северо-восточной.

6. Низка бус (рис. 3.1; 3.2)

Состав 9 шт.:

- бусина уплощенно-бочковидная черного цвета с белой широкой поперечной полосой посередине 1 шт., диаметр 0,9 см, высота 0,6 см;
  - бусины сердоликовые бочковидные 8 шт., диаметр 0,5 см, высота 0,7 см;

Все бусины целые, находились в 2,0 см к северо-западу от нижней челюсти погребенного.

Погребение 29/30 (рис. 5–9)

Обнаружены в кв. Ж-73. Были выявлены на уровне зачистки четвертого штыка на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. Могильные пятна в момент обнаружения прослеживались по темному заполнению и наличию закладов из сырцовых кирпичей.

Захоронение представляет собой комплекс из двух погребений, расположенных вплотную друг к другу, связанных планиграфически и хронологически и образующих по сути единый комплекс (рис. 5).

Конструктивно оба погребения представляют собой подбойные могилы, состоящие из впускной ямы и ямы-подбоя. Подбой был закрыт закладом из вертикально поставленных сырцовых кирпичей толщиной до $0.10\,\mathrm{M}$.

Погребение 29 принадлежит ребенку (предположительно мальчику). Погребение 30 — взрослой женщине, скорее всего его матери. Предположительно сначала был захоронен ребенок, затем его мать.

Погребение 29

Общий размер могильной ямы около $1,4 \times 0,9$ м, заполнение: тёмно-серый суглинок. Костяк ребенка лежал по линии юго-запад — северо-восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на северо-восток (рис. 5). Костяк плохой сохранности, принадлежал ребенку 5-6 лет, мальчику (?). Сохранились фрагменты костей рук, ног и черепа.

Из индивидуальных находок в погребении можно отметить: розовоглиняный лагинос, мегарскую чашу, чашу фиалу, пряжку из желтого металла.

Погребение 30

Общий размер могильной ямы около 1,8 х 0,65 м, заполнение: тёмно-серый суглинок. Скелет лежал по линии северо-запад – юго-восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на юго-восток (рис. 5). Костяк средней сохранности, принадлежал женщине 25–30 лет. Сохранились фрагменты костей рук, ног и черепа.

Из индивидуальных находок в погребении можно отметить: кувшин коричневоглиняный, бронзовый браслет, набор бусин.

Инвентарь погребения № 29:

8. Мегарская чаша (рис. 6.1; 9)

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Сосуд с рельефным орнаментом, прямым чуть скошенным внутрь венчиком, усеченно-коническим туловом и вогнутым внутрь дном. Венчик от тулова отделен поперечным валиком. Ниже между двумя горизонтальными валиками идет ряд «ов», разделенных вертикальными рубчатыми валиками. Остальная часть тулова украшена изображениями листьев с полукруглым краем, направленных вверх, идущих от дна к верхнему фризу и разделенных рядами вертикальных выпуклых точек (их в каждом ряду от 10 до 13). На дне надпись: имя Φ I Λ ω NO.

Высота -5.4 см; диаметр венчика -8.6 см; диаметр тулова -9.3 см; диаметр дна -3.6 см.

Сосуд совершенно целый, лежал на боку венчиком на северо-восток в северо-восточной части могильной ямы в изголовье погребенного.

4. Фрагмент черепицы

Фрагмент плоской черепицы с бортиком трапециевидной формы.

Размеры фрагмента: 61,5-53,0 x 64,0 x 10,0 см; высота бортика -3,0 см; толщина бортика -8,0 см.

Сохранился оригинальный угол, находился в юго-западной части могильной ямы посередине нее в ногах погребенного в 31 см от юго-восточной стенки и в 40,0-49,0 см от северо-восточной, длинной осью развернут практически вдоль длинной оси ямы.

6, 16. Фрагменты миски красноглиняной (рис. 7.2)

Сосуд со слегка отогнутым венчиком.

Диаметр венчика – 20,0 см, высота сохранившаяся – 22,0 см.

В многочисленных фрагментах, частично склеена, находилась в северо-западной части могильной ямы в 15,0 см к юго-востоку от северо-западной стенки, к юго-востоку от сосуда 11, а также в северо-восточной части ямы к юго-западу от черепа погребенного.

7. Лагинос розовоглиняный родосский (рис. 6.3)

Одноручный сосуд с валикообразным венчиком, высоким узким усеченно-коническим горлом и высоким биконическим туловом на низком кольцевом поддоне. Ручка с резким перегибом под тупым углом.

Высота -24.5 см; диаметр венчика -4.0 см; диаметр тулова -18.5 см; диаметр поддона -4.0 см.

Сосуд совершенно целый, лежал на боку венчиком на северо-запад в изголовье погребенного в северо-восточной части могильной ямы вплотную к северо-восточной стенке и в 15,0 см от юго-восточной.

9. Кувшинчик красноглиняный (рис. 7.3)

Одноручный сосуд с горизонтально отогнутым венчиком, высоким цилиндрическим горлом, шаровидным приплюснутым туловом и низким плоским дном.

Высота -7.5 см; диаметр венчика -5.0 см; диаметр тулова -6.2 см; диаметр дна -4.0 см.

Сосуд почти целый, отсутствует часть венчика, лежал на боку венчиком на севе-

ро-восток в северо-восточной части могильной ямы в изголовье погребенного вплотную к сосуду 7 к юго-западу от него и в 30,0 см от юго-восточной стенки.

10. Унгвентарий красноглиняный (рис. 7.5)

Веретенообразный сосуд с высоким усеченно-коническим горлом, яйцевидным туловом, цилиндрической ножкой и усеченно-коническим плоским дном.

Высота -16,0 см; диаметр тулова -6,0 см; диаметр дна -2,2 см.

Частично фрагментирован, отсутствует часть тулова и венчик, лежал на боку венчиком на юго-запад в северо-восточной части могильной ямы в изголовье погребенного вплотную к сосуду 7 к юго-западу от него и в 35,0 см от северо-западной стенки.

11. Миска красноглиняная (рис. 7.4)

Сосуд со слегка отогнутым вниз венчиком и усеченно-коническим туловом на низком кольцевом поддоне.

Высота -5,6 см; диаметр венчика -21,0 см; диаметр дна -6,0 см.

Сосуд целый, склеен, лежал на боку венчиком к юго-востоку в северо-западной части могильной ямы в 3,0 см от северо-западной стенки.

12. Нашивка из желтого металла (золота?) (рис. 8.1)

Овальная пластинка, в середине вдавленное углубление, повторяющее ее форму и украшенное растительным орнаментом, сделанным из напаянной проволоки. Край углубления внутри оформлен сплошным рубчатым пояском. В центре сделана рубчатая окружность. Вокруг нее — четыре листика: сверху и снизу каплевидные, широкая часть окаймлена дуговидной полоской, оба края которой загнуты в петли, направленные к центру; по бокам — в виде сердечка с рубчатым черешком, верхние края по бокам окаймлены небольшими окружностями. На внутренней стороне напаяно крепление, сделанное из длинной, свернутой в трубочку пластины.

Размеры нашивки 2.2×1.5 см; размеры углубления $2.05 \times 1.32 \times 0.03$ см; размеры крепления $1.3 \times 0.3 \times 0.2$ см.

Целая, сохранность металла хорошая, находилась в юго-восточной части могильной ямы слева от костяка в 5,0 см к юго-востоку от него и в 7,0 см от юго-восточной стенки.

13. Фрагмент железного предмета (рис. 8.2)

Неопределенной формы.

Размер $2.54 \times 2.0 - 0.64 \text{ см}$.

Сохранность металла плохая, находился в юго-восточной части могильной ямы слева от костяка в 3,0 см к юго-востоку от него и в 15,0 см от юго-восточной стенки.

14. Фрагмент гвоздя железного (рис. 8.4)

С округлой цилиндрической шляпкой, острие овальное в сечении.

Длина фрагмента 2,16 см; размеры шляпки 1,45 х 1,3 х 1,0 см; размер сечения 0.75×0.7 см.

Сохранность металла плохая, лежал острием на северо-запад в юго-восточной части могильной ямы в районе левой стороны грудной клетки в 21,0 см от юго-восточной стенки.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

15. Фрагмент предмета железного (рис. 8.3)

Неопределенной формы.

Размеры 2,8 х 2,4 х 0,7 см.

Сохранность металла плохая

17. Унгвентарий сероглиняный (рис. 7.1)

Веретенообразный сосуд с отогнутым наружу венчиком, высоким цилиндрическим горлом, яйцевидным туловом и короткой цилиндрической ножкой на низком усеченно-коническом плоском дне.

Высота – 12,4 см; диаметр венчика – 2,4 см; диаметр тулова – 3,8 см; диаметр дна – 2,2 см.

Сосуд совершенно целый, лежал на боку венчиком на север в ногах погребенного в западной части могильной ямы вплотную к сосуду 18 к юго-западу от него и в 16,0 см от северо-западной стенки.

18. Фиала красноглиняная (рис. 6.2)

Сосуд с отогнутым наружу венчиком, короткой вогнутой шейкой, полусферическим туловом и низким плоским дном. В верхней части тулова от места перехода в шейку прочерчены четыре параллельные горизонтальные концентрические бороздки. Внутри сосуда была обнаружена камка.

Высота -6.0 см; диаметр венчика -11.6 см; диаметр тулова -11.6 см; диаметр дна -2.6 см.

Сосуд совершенно целый, стоял вертикально в ногах погребенного в западной части могильной ямы вплотную к сосуду 17 к северо-востоку от него в 13,0 см от северо-западной стенки.

19,21. Фрагменты железного кинжала (рис. 8.5)

С треугольным клиновидным в сечении лезвием и прямоугольным черешком. На черешке сохранились частично деревянная рукоять и две бронзовые округлые заклепки, расположенные вдоль длинной оси рукояти по ее середине.

Длина общая -20,72 см; ширина лезвия -2,71 см; толщина обуха -0,51 см; размеры черешка -5,6 х 2,3 х 0,5 см; длина заклепок -0,7-0,9 см; диаметр -0,5 см.

Фрагментирован, сохранность металла хорошая, находился слева от погребенного в районе его левой руки и левой половины таза в центральной части могильной ямы в 35,0-43,0 см от северо-западной стенки; длинная ось изделия отклоняется к западу (конец, ближайший к черепу) от длинной оси могильной ямы.

20. Колечко бронзовое (рис. 8.6)

Округлое с несомкнутыми концами из округлой в сечении проволоки.

Диаметр кольца -1.4 см; диаметр проволоки -0.4 см.

Целое, сохранность металла плохая, находилось к востоку от изделия 19 вплотную к нему на месте левого крыла предполагаемого таза погребенного.

22. Перстень бронзовый со вставкой из пасты

Литой, дужка округлая, в сечении овальная, щиток высокий округлой формы, вставка округлая, полусферическая, темно-синего цвета.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... 5555555555

Диаметр дужки -1,65 см; размеры сечения -0,3 х 0,2 см; размеры щитка -0,8 см; высота щитка -0,25 см; диаметр вставки -0,5 см; высота вставки -0,2 см.

Состоит из трех фрагментов, сохранность металла плохая, находился в юго-западной части могильной ямы между фалангами пальцев левой руки и верхней частью левой бедренной кости погребенного.

23. Бусины пастовые

Состав 9 шт.:

- бусина бочковидная белого цвета, 1 шт., диаметр -0.75 см, высота -0.7 см;
- бусины бочковидные глазчатые красного и синего цветов -2 шт., крупные глазки соответственно синего и красного цвета в широкой желтой окантовке, диаметр -1,2 см, высота -1,0 см;
- бусины уплощенно-бочковидные глазчатые фиолетового и красного цветов, диаметр -1,0 см, высота -0,65 см;
- бисер цилиндрический зеленого цвета, 4 шт., диаметр -0.3 см, высота -0.3 см. Бусины все, кроме одной, целые, белая бочковидая фрагментирована, находились возле затылочной части черепа погребенного к западу от нее.

Погребение 24 (2106) (рис. 10–13)

Погребение обнаружено в южной части кв. Е-23. Конструктивно — это простое грунтовое погребение. Было выявлено на уровне зачистки четвертого штыка от уровня современной поверхности, на отметках от +105 до +135 от уровня условного нуля. Могильное пятно в момент обнаружения не прослеживалось, обнаружено по наличию костей и керамики в слое. Размеры могильной ямы около 2,05 х 0,6 м, заполнение: тёмно-серый суглинок. Скелет лежал по линии запад—восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на восток с отклонением к югу (рис.10). Костяк очень плохой сохранности. Сохранились длинные кости рук и ног, фрагменты костей таза, ребер, череп.

Инвентарь:

4. Мегарская чаша (рис. 12; 13)

Высота -7.3 см; диаметр венчика -12.5 см; диаметр дна -2.5 см.

Склеена из фрагментов, часть стенок утрачена.

Мегарская чаша с прямым вертикальным венчиком и полусферическим туловом на округлом дне. В верхней части тулова расположены два параллельных узких, полукруглых в разрезе валика, ниже пояс орнамента в виде бегущей волны, далее пояс стилизованного меандра. Пересечение линий меандра образует подобие цепочки свастик. Ниже расположен ряд вертикальных рубчатых валиков, далее к центру вся поверхность тулова сплошь покрыта растительным орнаментом в виде стилизованных листочков с рельефными прожилками. В центре расположена розетка.

1. Унгвентарий красноглиняный (рис. 11.1)

Высота -8,6 см; диаметр венчика -2,3 см; диаметр дна -2,0 см. Сосуд целый.

2. Перстень бронзовый (рис. 11.2)

Сильно коррозирован. Сохранность металла плохая.

3. Солонка красноглиняная (рис. 11.3)

Высота -2.5 см; диаметр венчика -6.5 см; диаметр дна -3.5 см.

Сосуд целый.

5. Фрагмент плоской черепицы с бортиком

Представленные находки мегарских чаш из некрополя у поселения Виноградный 7 можно дополнить еще одной находкой — мегарской чашей из погребения 40 на Юго-восточном некрополе Фанагории, раскопки которого проводились Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2012 г. ^{1}

Погребение 40 (2012) (рис. 14–16)

Погребение было обнаружено в юго-западном углу раскопа, по пятну серо-коричневого цвета на уровне материка.

Могильная яма трапециевидной формы расширяется к западу, длинной осью ориентирована по линии 3—В с отклонением к северу, прослежена в придонной части. Дно ямы ровное. Размеры ямы: длина – 0.83 м, ширина – 0.55 м, глубина от прослеженного края – 0.07 м.

На дне могилы расчищено погребение ребенка (рис. 14). Кости скелета сильно истлели, удалось зафиксировать тлен от костей черепа и пальцев левой руки. Судя по остаткам костного тлена, погребенный лежал головой на восток.

Инвентарь:

3. Мегарская чаша (рис. 15.5; 16)

Высота -5.8 см; диаметр венчика -9.8 см; диаметр тулова -10.4 см; диаметр дна -4.0 см.

Сосуд с рельефным орнаментом, прямым чуть скошенным внутрь венчиком, усеченно-коническим туловом и вогнутым внутрь дном. Венчик от тулова отделен поперечным валиком. Ниже между двумя горизонтальными валиками идет ряд «ов», разделенных вертикальными рубчатыми валиками. Остальная часть тулова украшена изображениями листьев с полукруглым краем, направленных вверх, идущих от дна к верхнему фризу и разделенных рядами вертикальных выпуклых точек.

1. Красноглиняный кувшин (рис. 15.8)

Стоял в южном углу могильной ямы.

2. Придонная часть красноглиняного лагиноса (рис. 15.7)

Находилась в западном углу могилы.

4. Серебряный перстень (рис. 15.1)

Перстень был надет на фалангу пальца левой руки.

5. Бронзовый браслет (рис. 15.3)

Располагался на месте предплечья левой руки.

6. Красноглиняный унгвентарий № 6 (рис. 15.6)

Находился в восточном углу могилы.

¹ Выражаем признательность В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать этот материал.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... 55555555555

- 7. Бронзовой серьги фрагменты
- 8. Бронзовая серьга (рис. 15.2)

Серьги найдены к северу от черепа.

9. Ожерелье из бус

Располагалось в районе шеи погребенной.

10. Коричневоглиняная кружка (рис. 15.4)

Находилась в заполнении ямы.

Примечательно, что на чашах № 1 и 2 написано одно имя — ФІЛюNO. На фрагменте чаши, найденном в Пантикапее, имеется такая же надпись. Происходит она, по мнению авторов, из мастерской Мнесимаха [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 354, табл. CLXIII.17в].

Подобные чаши довольно регулярно встречаются на территории Боспора и относятся к т.н., «делосской» группе мегарских чаш [Courby, 1922, ch. XIX-XXI]. Однако эта группа очень разнится как по качеству, цвету лака, так и по составу глины [Лимберис, Марченко, 2000, с. 8-9]. В настоящее время считается, что эти чаши производились в различных городах Ионии, имевших торговые отношения с Боспором [Лимберис, Марченко, 2000, с. 9].

Вероятно, и на Боспоре существовало собственное производство этих сосудов [Лосева, 1962, с. 204–205]. Так, по мнению Н.М. Лосевой, к боспорским мастерам относится Деметрий [Лосева Н.М., 1962, с. 204–205].

Сосудов работы мастера Филона довольно много найдено на Боспоре. Они известны в Пантикапее [Лосева, 1962, с. 197; Гжегжулка, 2010, с. 28, 38–39], в Кепах [Усачева, 1978, с. 100–107], известны они и в меотских памятниках Кубани [Лимберис, Марченко, 2000, с. 4–18], где они были предметом роскоши, поступившим через посредство торговли с Боспором.

Скорее всего, партия керамики из этой мастерской была привезена купцами на рынок Пантикапея, где впоследствии они были раскуплены жителями обоих берегов Боспора, и в том числе древними обитателями Виноградного 7.

Рельеф, аналогичный изображенному на нашей чаше №1, можно найти в материалах Афинской агоры. Наиболее близок он афинским находкам № 336 и 398, датированным второй половиной II в. до н.э. [Rotrof, 1982, №336, 398].

Фрагменты очень похожей чаши хранятся в Ялтинском историко-литературном музее [Турова, Коваленко, 2005, с. 343 №13347; рис 4.4].

Расположение некрополя у древнего пути, ведущего от Фанагории к Кизилташскому лиману, а также анализ погребального обряда, погребальных сооружений и инвентаря говорят о связи населения, его оставившего, с хорой Фанагории. С другой стороны, этот пункт расположен на перекрестке с более древней и явно более значимой дорогой, ведущей через Таманский полуостров с запада на восток и являвшейся, видимо, основной трассой, связывающей варварские территории с Боспором. Таким образом, слова Страбона «торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется,

Фанагории, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей» иллюстрируются на примере небольшой группы материала и наполняются конкретным содержанием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гжегжулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т.1. Варшава. 2010.
- *Кастанаян Е.Г, Арсеньева Т.М.* Керамика // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. с. 229–231.
- *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья //Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар. 2000.
- Лосева Н.М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре //МИА № 103. М. 1962. Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградый 7 и работы на памятнике в 2015 г. //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья.
- XVII Боспорские чтения. Керчь. 2016. с. 471–479. Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный 7 (раскопки 2105–2016 гг.) //Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного «Круглого стола». СПб. 2016. с. 333–340
- *Турова Н.П., Коваленко С.А.* Мегарские чаши из коллекции Ялтинского историко-литературного музея // Боспорские исследования. Вып. VIII. Симферополь-Керчь. 2005. с. 339–349.
- Усачева О.Н. Рельефная керамика из Кеп //КСИА № 156. М. 1978.
- Courby F. Les Vases Greks a reliefs. Paris. 1922.
- Rotrof S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls //The Athenian Agora. Princeton. NJ. 1982. Vol. XXII.

REFERENCES

- Gzhegzhulka S., «Megarskie» chashi iz sobranija Kerchenskogo Istoriko-Kul'turnogo Zapovednika. T.1. Varshava. 2010.
- Kastanajan E.G, Arsen'eva T.M. Keramika // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ja. M. 1984. S. 229–231.
- Limberis N.Ju., Marchenko I.I. «Megarskie» chashi iz meotskih pogrebenij Prikuban'ja //Staryj Svet: Arheologija, istorija, jetnografija. Krasnodar. 2000.
- Loseva N.M. Ob importe i mestnom proizvodstve «megarskih» chash na Bospore //MIA № 103. M. 1962.
- Sudarev N.I., Kashaev S.V. Istorija issledovanija poselenija Vinogradyj 7 i raboty na pamjatnike v 2015 g. //
  Bospor Kimmerijskij i varvarski mir v period antichnosti i srednevekov'ja. XVII Bosporskie Chtenija. Kerch'. 2016. S. 471–479.
- Sudarev N.I. Pogrebenija nekropolja Vinogradnyj-7 (raskopki 2105–2016 gg.) //Jelita Bospora i bosporskaja jelitarnaja kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. SPb. 2016. S. 333–340.
- Turova N.P., Kovalenko S.A. Megarskie chashi iz kollekcii Jaltinskogo istoriko-literaturnom muzeja // Bosporskie issledovanija Vyp. VIII. Simferopol'-Kerch'. 2005. S. 339–349.
- Usacheva O.N. Rel'efnaja keramika iz Kep //KSIA № 156. M. 1978.
- Courby F. Les Vases Greks a reliefs. Paris. 1922.
- Rotrof S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls //The Athenian Agora. Princeton. NJ. 1982. Vol. XXII.

Резюме

В ходе раскопок 2015—2016 гг. на поселении Виноградный 7 исследовано около 400 погребений разного времени, от эпохи бронзы до средневековья. Основная часть захоронений датируется античным периодом V в. до н.э. — II в. н.э.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... 55555555555

Большой интерес вызывают обнаруженные в погребениях предметы импортного происхождения. Из всей массы находок особо выделяются мегарские чаши. Они обнаружены в трех погребениях № 25 (2015), 29/30 (2015) и 24 (2016). Считается, что эти чаши производились в различных городах Ионии, имевших торговые отношения с Боспором.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, некрополь, мегарские чаши.

Summary

During the excavations 2015-2016 at the settlement Vinogradnyj-7 about 400 burials belonged to different periods from the epoch of Bronze to Middle Ages have been discovered. The main part of the graves dates to the Classical period – to the 5th century $BC - 2^{nd}$ century AD.

Imported objects found in the burials are the items of great interest. "Megarion" cups stay out among the rest part of finds. They were discovered in three graves: nos. 25 (2015), 29/30 (2015) and 24 (2016). It is considered that the cups produced in different Ionian centers, involved in trade connections with the Bosporan kingdom.

Keywords: Asian Bosporus, necropolis, "megarion" cups.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сударев Николай Игоревич, научный сотрудник, отдел классической археологии, к.и.н. Институт археологии РАН, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 8-(499)-126-47-98. sudarev@list.ru

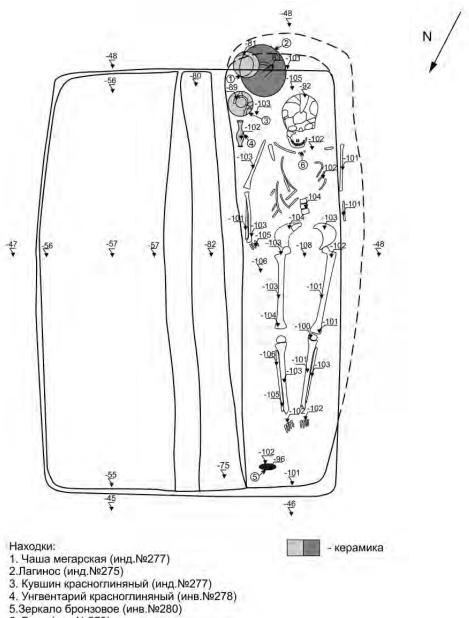
Кашаев Сергей Владимирович, младший научный сотрудник, отдел истории античной культуры, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, 8-(812)-764-85-71. kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sudarev Nikolay, Institute of Archaeology of RAS 117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19, 8-(499)-126-47-98. sudarev@list.ru

Kashaev Sergey, Institute of History of Material Culture RAS Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab., 18, 8-(812)-764-85-71. kashaevs@mail.ru

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

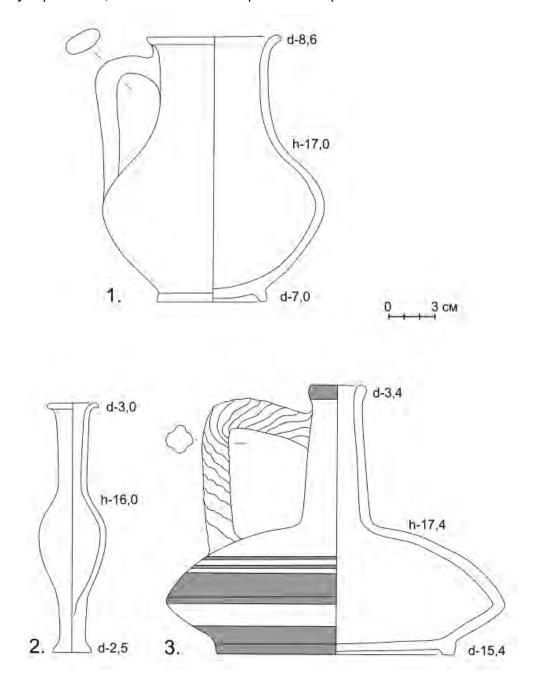
6. Бусы (инв.№279)

Рис. 1. Поселение Виноградный 7. Погребение 25 (2015). План 3-й уровень (расчищенное погребение без сырцовых конструкций).

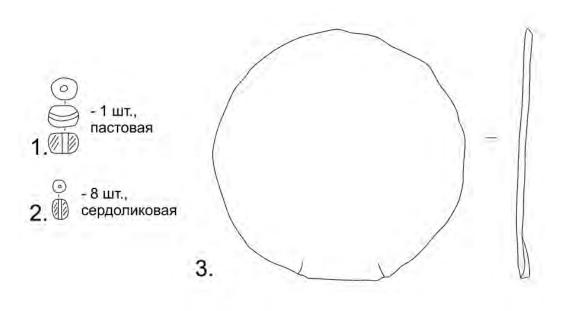
14 би-хххvіі 209

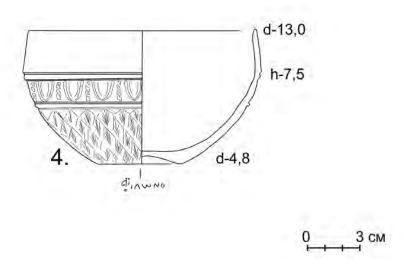
Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... <u>ББББББББББББ</u>

Рис. 2. Поселение Виноградный 7. 1-3 – находки из погребения 25 (2015).

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

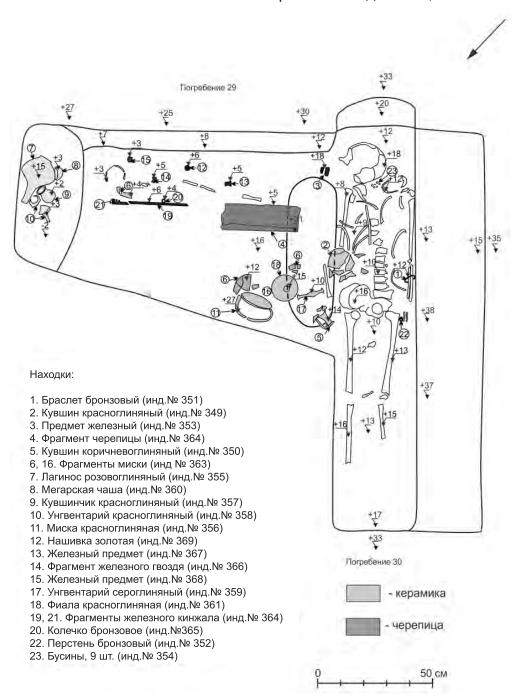

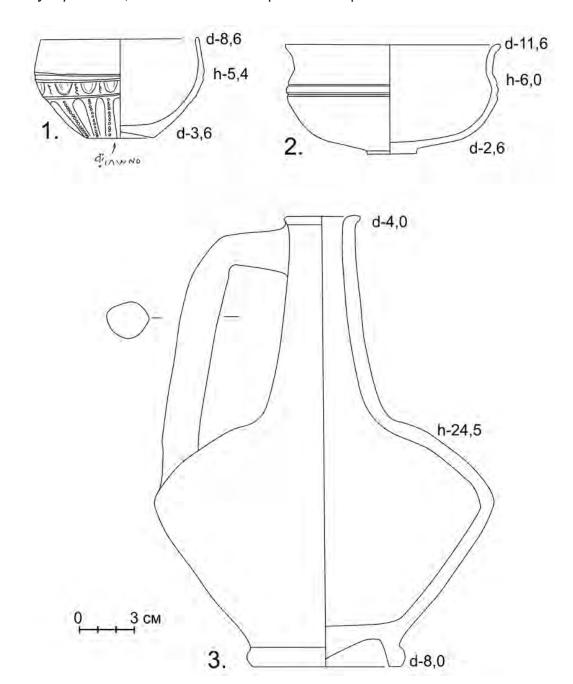
Рис. 3. Поселение Виноградный 7. 1-4 – находки из погребения 25 (2015).

Рис. 4. Поселение Виноградный 7. 1 – мегарская чаша из погребения 25 (2015).

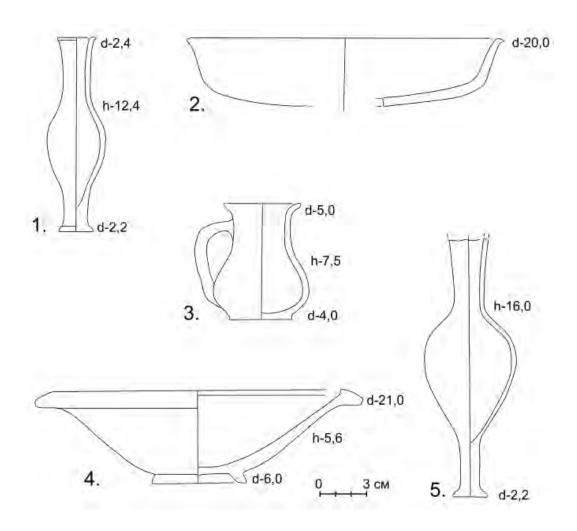

Рис. 5. Поселение Виноградный 7. Погребение 29/30 (2015). План 3-й уровень (расчищенное погребение без сырцовых конструкций).

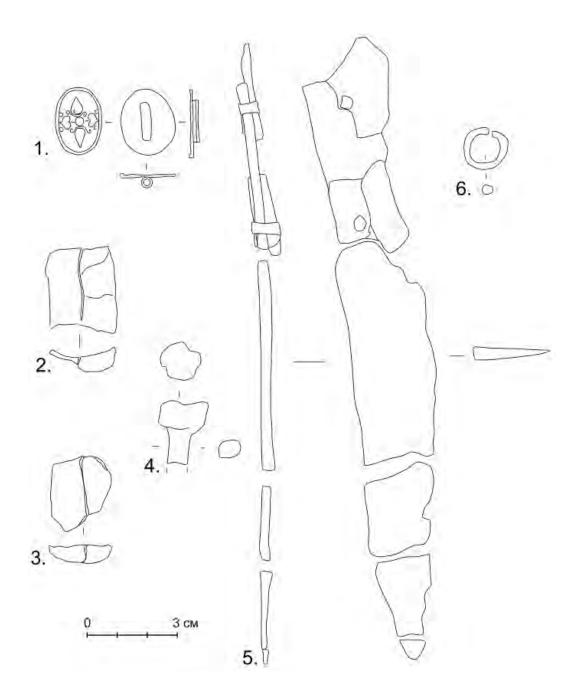
Рис. 6. Поселение Виноградный 7. 1-3 – находки из погребения 29/30 (2015).

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 7. Поселение Виноградный 7. 1-5 – находки из погребения 29/30 (2015).

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... <u>ББББББББББББ</u>

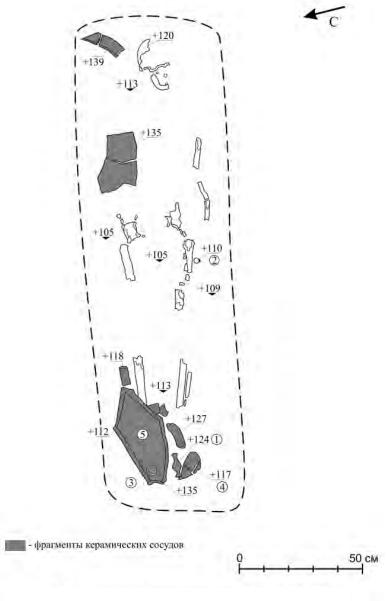
Рис. 8. Поселение Виноградный 7. 1-6 – находки из погребения 29/30 (2015).

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 9. Поселение Виноградный 7. 1 – мегарская чаша из погребения 29/30 (2015).

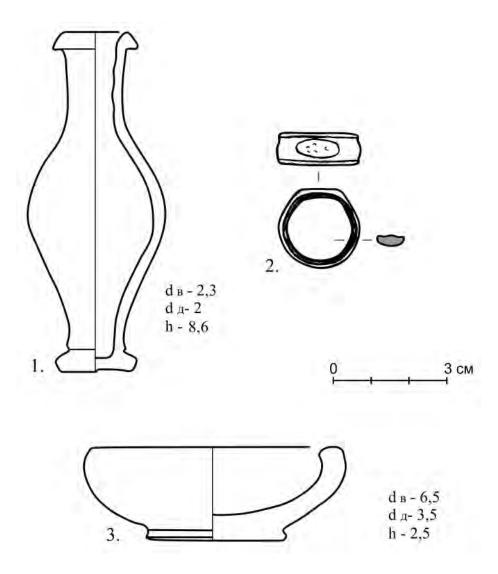
Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... <u>БББББББББББ</u>Б

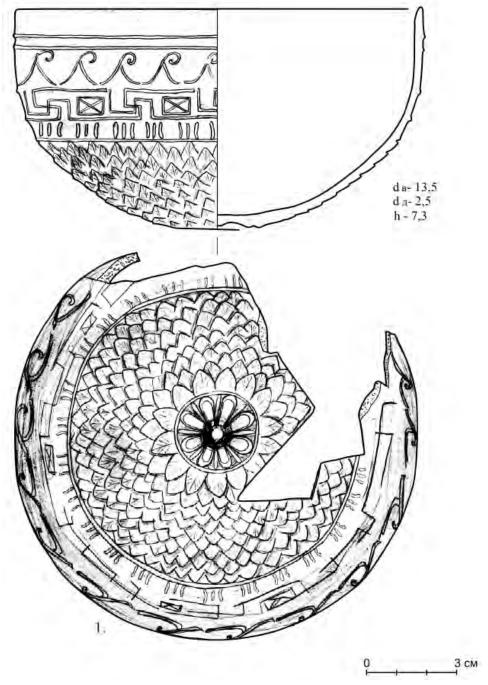
- 1. Унгвентарий красноглиняный (инд. № 191).
- Перстень бронзовый (инд. № 192).
   Солонка красноглиняная (инд. № 204).
- 4. Мегарская красноглиняная чаша (инд. № 205).
- Черепицы фрагмент (on. 23/5)

Рис. 10. Поселение Виноградный 7. Погребение 24 (2016). План.

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

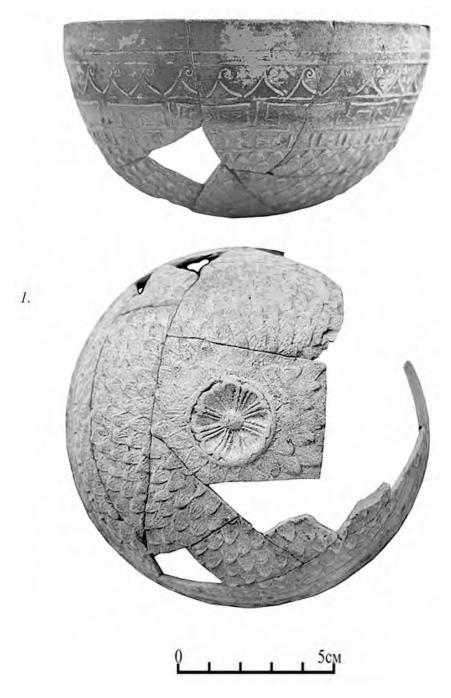

Рис. 11. Поселение Виноградный 7. 1-3 – находки из погребения 24 (2016).

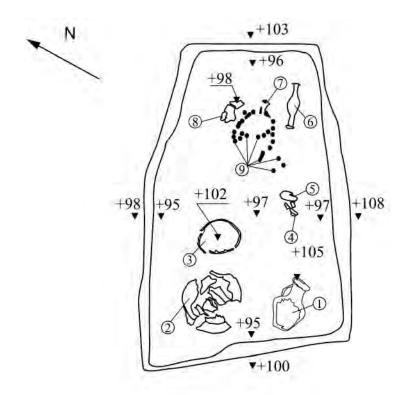
Рис. 12. Поселение Виноградный 7. 1 – мегарская чаша из погребения 24 (2016).

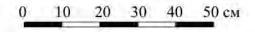
<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 13. Поселение Виноградный 7. 1 – мегарская чаша из погребения 24 (2016).

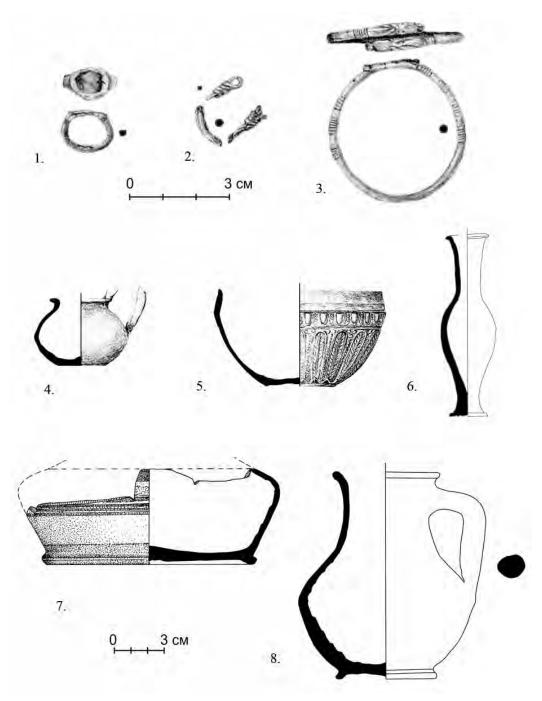

- 1 кувшин красноглиняный
- 2 лагинос красноглиняный
- 3 мегарская чаша
- 4 перстень серебряный
- 5 браслет бронзовый
- 6 унгвентарий красноглиняный
- 7 серьга бронзовая
- 8 серьга бронзовая
- 9 ожерелье из бус

Рис. 14. Юго-восточный некрополь Фанагории. Погребение 40 (2012). План.

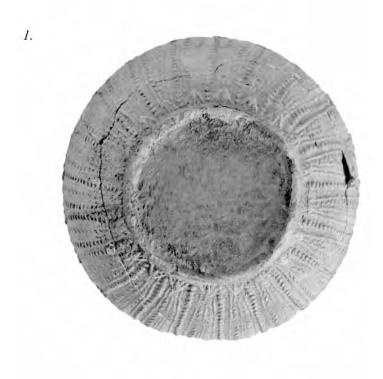
<u>ыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 15. Юго-восточный некрополь Фанагории. 1-7 – находки из погребения 40 (2012).

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские... <u>ББББББББББББ</u>

Рис. 16. Юго-восточный некрополь Фанагории. 1 – мегарская чаша из погребения 40 (2012).

B.A. ЗАХАРОВ, В.И. ЛОБАНОВ, О.В. ШАРОВ V.A. ZAKHAROV, V.I. LOBANOV, O.V. SHAROV

ГЕРМАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ. РЕСТАВРАЦИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ НАХОДОК GERMAN BURIAL IN THE EASTERN CRIMEA. RESTORATION AND PRELIMINARY ATTRIBUTION OF FINDINGS

История открытия. В 2009 году от местных жителей поступила информация, что в районе поселка Некрасово (крым. тат. — Мелек) Белогорского района АР Крым (рис. 1) неизвестные лица по ночам возле леса раскапывают какието могилы. В.А. Захаров, в то время внештатный инспектор по охране культурного наследия АРК по Белогорскому району, прибыл с активистами на место и обнаружил свежий грабительский раскоп. В отвале свежего раскопа В.А. Захаровым были подняты коричневоглиняная лощеная лепная чаша со свежим сколом по краю и собраны фрагменты металлического изделия, конусная часть которого напоминала умбон щита. При осмотре территории были обнаружены старые и свежие рекультивированные ямы захоронений, следы лагеря с кострищем и в спешке оставленный самодельный щуп. Судя по находкам, грабительским раскопкам подвергался позднеантичный могильник III — IV вв. н.э.

Об этом сразу же было сообщено в КФ ИА НАНУ, а находки были привезены В.А. Захаровым по месту его работы, в Судакскую крепость. Предметы в 2009 году не были приняты на хранение в фонды Судакского музея в надежде передать находки исследователям Белогорского района, которые стали бы заниматься изучением данного некрополя.

В 2016 г. В.А. Захаровым, уже в статусе старшего научного сотрудника ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость», данные предметы были взяты на музейный учет и затем переданы художнику-реставратору В.И. Лобанову, которым для подтверждения квалификации была произведена реставрация данного умбона и ручки к нему. Перед вами результаты реставрации и первичной атрибуции находок.

Реставрация находок. Предмет из железа с 14 бронзовыми гвоздями поступил в реставрацию в количестве 24 фрагментов (рис. 2). Самый крупный фрагмент имел размеры 25,5 х 8,7 см (рис. 3, 5), самый мелкий - 2,1 х 1,2 см. Металл железного предмета был сильно коррозирован. Поверхность покрыта твердыми наростами, рыхлыми продуктами коррозии и почвенными наслоениями. На бронзовых гвоздях также были прослежены следы активной коррозии. На одном гвозде сохранился фрагмент ременной петли.

На внутренней стороне умбона в двух местах сохранились остатки древесины щита, пропитанные продуктами коррозии металла (рис. 4).

15 би-хххvіі 225

Перед началом работ художник-реставратор В.И. Лобанов проконсультировался с художником-реставратором высшей категории, заместителем заведующей лабораторией научной реставрации произведений искусства Государственного Эрмитажа Ольгой Юрьевной Сенаторовой. В ходе консультации было принято решение произвести следующие операции:

- 1. Расчистка поверхности фрагментов с сохранением остатков [фрагментов] древесины.
- 2. Поэтапная пропитка фрагментов в растворе Pollaroid B-72 ацетон-ксилолом 1:1, 5-7-10%.
- 3. Склейка фрагментов.
- 4. Мастиковка швов склейки.
- 5. Заполнение утрат.

Ход работ по реставрации умбона¹. Перед расчисткой фрагменты древесины поэтапно пропитывались раствором Pollaroid B-72 в ацетон-ксилоле 1:1, 5-7-10% с промежуточной просушкой. Рыхлые продукты коррозии и почвенные наслоения удалялись скальпелем и ULTRASONIC SCALER. Твердые наросты были частично удалены при помощи бормашины PROXXON алмазными борами (рис. 6).

Бронзовые гвозди расчищались при помощи скальпеля и бормашины с насадкой, металлической щеткой (рис. 7). При расчистке гвоздей было выявлено, что гвозди литые, шляпка гвоздя — пустотелая полусфера, покрытая снаружи тонкой бронзовой пластиной, края которой подвернуты внутрь шляпки гвоздя. По загибу гвоздя можно определить толщину основы деревянного щита в 13-14 мм.

Расчищенные фрагменты просушивались в сушильном шкафу при температуре 45° по Цельсию в течение 4 часов. После просушки фрагменты поэтапно пропитывались в растворе Pollaroid B-72 в ацетон-ксилоле 1:1, 5-7-10% методом погружения в раствор на 2-3 часа с промежуточной просушкой в вытяжном шкафу. При расчистке рукояти щита выявилось по 2 поперечные полосы по краям рукояти шириной 1,5-2 мм и глубиной 0,5 мм.

Перед началом работы по склейке предмета В.И. Лобанов произвел пробные склейки из подъемного материала средневековых железных гвоздей с территории крепости.

Лучший результат показал двухкомпонентный клей POXIPOL. Для наполнителя использовались продукты коррозии, удаленные с предмета при расчистке, перетертые в фарфоровой ступке. Клеящий состав получился прочный с хорошей клеящей способностью (агдезией), слегка эластичный, по цвету приближенный к оригиналу.

Через 4 дня после склейки фрагменты гвоздей были погружены на 15 минут в ацетон, клей стал эластичный и легко отошел от предмета. Это дает возможность в будущем в случае необходимости разобрать предмет на фрагменты.

Фрагменты умбона подбирались по местам излома и склеивались (рис. 8). К местам

¹ Реставрация рукояти щита производилась аналогичным способом.

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

утрат подводилась форма-шаблон из пластилина, присыпанная тальком. Места утрат и мастиковка швов заполнялись тем же клеящим составом. После окончательного отвердения состава излишки удалялись при помощи бормашины PROXXON с насадкой фрезы.

После проведенных работ вся поверхность предмета и заполнения пропитывались раствором таннина в спирте, который наносился мягкой кистью (рис. 9).

В итоге реставрационных работ предмет был подготовлен к дальнейшему изучению, экспонированию и хранению в музейных фондах (рис. 10).

Описание умбона. Умбон железный, шлемовидный, с широким рантом, диаметром 26,35 см и высотой 9 см (рис. 9,10,15). В трех местах на поле ранта сделаны отверстия для бронзовых гвоздей для крепления умбона на деревянную основу щита толщиной 1,5 см. Рант умбона очень широкий и сильно деформирован. Сохранились все 9 бронзовых гвоздей с диаметром шляпки 2,14-2,17 см. Гвозди литые, шляпки пустотелые и покрыты снаружи тонкой бронзовой пластиной, вероятно, ранее позолоченной, края которой загнуты внутрь шляпки. Длина вертикальной части заклепки 1,45-1,52 см, общая длина 2,8-3,0 см. Купол умбона конический, высокий. Калотта цилиндрическая, с одной стороны слегка расширяется от купола к ранту, с другой – слегка сужается. Диаметр купола 12,38 см.

Атрибуция находок. Первая обобщающая монография по германскому вооружению была опубликована в 1916 г. Мартином Яном [Jahn, 1916]. Типологическая схема развития форм умбонов и рукоятей римского времени до сих пор остается актуальной и продолжает иногда использоваться исследователями наряду с более современными разработками [Радюш, Скворцов, 2008, с. 123-124]. В 1989 г. немецким исследователем Норбертом Цилингом была опубликована первая фундаментальная работа, посвященная щитам европейского Барбарикума в римское время [Zieling, 1989]. Она представляет собой наиболее полную сводку деталей щитов, охватывающую территорию от Северного до Черного моря. В каталог вошли почти 2500 находок. Работа Н. Цилинга, несмотря на некоторую спорность в ряде хронологических оценок и точности типологических конструкций, обусловленных огромным объемом материала, остается одной из базовых при изучении оборонительного вооружения римского периода. Фундаментальное исследование щитов в балтийском регионе было проведено датским археологом Йоргеном Илькером в рамках проекта по исследованию находок с жертвенного места [«Moorfunde»] позднеримского времени в Иллерупе [Illkær, 1990, 2001]. На основании богатой выборки инвентаря из жертвенников и находок из погребений в Скандинавии и западной Балтике была разработана подробная типологическая и хронологическая схема развития умбонов, рукоятей и оковок в Северной Европе [Радюш, Скворцов, 2008, с. 123-124]. Схожую работу, но в более узких региональных рамках, проделали Я. Бёмман и Г. Хане для воинских погребений позднеримской эпохи в Норвегии [Bemmann, Hahne, 1995]. Очень важными для нашего исследования являются также исследования М.М. Казанского, посвященные находкам умбонов в

Причерноморье – в Крыму и в Абхазии [Kazanski, 1991; Kazanski, 1994; Казанский, 2006; Казанский, 2015].

В данной работе для унификации использовалась типология Н. Цилинга [Zieling, 1989], датировки были скорректированы с уточнениями, сделанными для Балтийского региона Й. Илькером [Illkær, 2001], Я. Беманном и Г. Хане [Bemann, Hahne, 1995] [рис. 12] и для региона Северного Причерноморья М.М. Казанским [Kazanski, 1991; Kazanski, 1994; Казанский, 2006: 28–30; Казанский, 2015].

Умбон. Если следовать классификации М. Яна, то подобный умбон относится к типу 3в, а заклепки с широкой сферической шляпкой – к типу 10. К сожалению, Мартин Ян датировал такие умбоны широко всем римским временем, а прототипы видел в умбонах эпохи латена [Jahn, 1916, с. 174-186. Taf.111]. Более точные данные нам дает работа Норберта Цилинга, согласно которой данный умбон относится к типу К1 (рис. 11), который датируется автором периодом С2/С3 [260–375 гг.], не исключая их бытования в период D [Zieling, 1989. S. 123-124]. Некрасовский умбон из всех европейских параллелей, известных нам по работам К. Годловского и Н. Цилинга, ближе всего умбону типа К1 из погребения № 2А могильника Жабинец [Zieling, 1989, Таf. 14-2]. Он вместе с типом Кожень относится к одному из основных типов умбонов «горизонта 3 погребений с оружием» пшеворской культуры по К. Годловскому [Godlowski, 1970, Pl. III-2; Godlowski, 1994, Abb. 20-3]. Дата таких умбонов С2/ С3 позднеримского времени, т.е. вторая половина III - первая половина IV вв. по Норберту Цилингу, этот тип может датироваться и более поздним временем - только фазами C3 и D, т.е. всем IV веком, с пиком около середины столетия [Zieling, 1989: 121-122, Taf. 14-2]. У умбонов типа К1 по Н. Цилингу - калотта расширяется и купол хотя и низкий, но конический, без сфероидности, а у умбона из погребения № 25 могильника Кожень – калотта сужается, и он уже имеет высокий конический купол (рис.12).

Таким образом, по моему мнению, ближе всего по своей морфологии к рассматриваемому экземпляру умбоны типа К1 по Н. Цилингу. Это подтверждают и материалы Абхазии, где представлены комплексы с подобными умбонами. Близкие по морфологии умбоны типа К1 [Казанский, 2015, рис.1.18], с широкими полями и сфероконической калоттой, представлены в Абхазии [Шапка-Абгыдзраху, погребение 54]. Также умбоны типа Кожень [Korzen]-Zieling К1 [Казанский, 2015, рис. 3.10,25], с полусферической, слегка заостренной калоттой и горизонтальной каннелюрой у её основания, датированные в Барбарикуме периодами С1b—С3, т.е. 220/230—360/370 гг., встречены в могильнике Цибилиум-1, в погребении № 177, стадии II [320/330—400/410 гг.]. Самое важное отличие от всех типов, представленных в работах Н. Цилинга, Й. Илькера, Я. Беманна - Г. Хане и М.М. Казанского, являются бронзовые заклепки с высокой сфероидной накладкой на шляпку, возможно, ранее позолоченную. Такие высокие шляпки на заклепках появляются лишь у умбонов типа Керчь-Госпитальная последней четверти IV в. н.э. В частности, такой умбон представлен в Абхазии на стадии III/5-8 [380/400—440/450 гг. н.э.] [Шапка-Абгыдзраху,

погребение № 12] [Казанский, 2015, с. 42, рис. 5,12]. Таким образом, по нашему мнению, следует датировать некрасовский умбон более поздним временем – фазой C3/D1 [350/360–400/410 гг.].

Ручка от щита из этого же комплекса представляет собой железную пластину длиной 17,78 см с расширяющимися якоревидными окончаниями шириной 8,91 см (рис. 10,14-1). Манипула крепилась к щиту при помощи 4 заклепок того же типа, как и на щите с сферическими высокими головками диаметром 2,15 см и высотой 0,88 см. Заклепка загнута посередине перпендикулярно, ее длина составляет 3,0-3,1 см. Такие рукояти щитов редко встречены в воинских погребениях с данным типом умбонов, и их можно отнести к типу Zieling S2. Такая манипула встречена в могильнике Цибилиум-1, в погребении 177, которое относится к стадии ІІ цебельдинской культуры (320/330–400/410 гг.) [Казанский, 2015, рис. 3.24]. Также она имеет ближайшие параллели в материалах черняховской культуры [могильник Курники], а также в единичных комплексах центральноевропейского Барбарикума и в Скандинавии позднеримского времени. Германское происхождение этого типа манипул представляется наиболее аргументированным. Вероятно, и данную находку, ввиду наличия на ней подобных заклепок с широкими сферическими шляпками, следует датировать так же, как и умбон, началом эпохи переселения народов.

Миска. В комплексе находок также была представлена коричневоглиняная лепная мисочка, склеенная в ходе реставрации из двух больших фрагментов (рис. 13,14-2). Тесто рыхлое, с примесью песка и дресвы. У лепного сосуда стенки толщиной до 0,54 см и плоское широкое дно диаметром 6,14 см и толщиной 1,2 см, поверхность залощена. Высота сосуда 5,5-5,8 см, диаметр по венчику 13,35 см.

Сосуд имеет округлобокое тулово и резко отогнутый наружу венчик шириной 2,1 см. Такие миски О.В. Шаров отнес к 1 типу лепных мисок могильника Чатыр-Даг [Мыц и др., 2006, рис. 5, 1-3]. Они представлены в могилах № 43 [Мыц и др., 2006. Таб. 41-6], № 44 [Мыц и др., 2006. Таб. 42-5], № 46 [Мыц и др., 2006. Таб. 44-5] и № 28 [Мыц и др., 2006. Таб. 61-4]. Эта форма не характерна для керамики позднесарматских и позднескифских памятников Крыма и Северного Причерноморья. Близкие аналогии слабопрофилированным мискам этого типа можно увидеть среди материалов могильника Брест-Тришин вельбаркской культуры [Кухаренко, 1980. Таб. XIII-336; XIV-35г; XV-41г; XVI-45б;]. Рышард Волангевич отнес миски такой формы к типу 10а. А свой — к классификации керамики вельбаркской культуры [Wołagiewicz, 1993. Таb. 27, 2, 4]. Такая керамика могла быть специально сделана для совершения погребения или проведения ритуально-поминальных действий. Миски данного типа были характерны для комплексов вельбаркской культуры вплоть до конца IV в. н.э.

Предварительные итоги. Можно подвести некоторые предварительные итоги. С очень большой долей вероятности можно предполагать, что все три предмета относятся к одному погребальному комплексу и, судя по всему, принадлежали представителю одного из германских племен, переселившихся в Крым в III—IV вв. н.э.

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ББББББББББББББ</u>

К сожалению, не ясен обряд погребения: было ли это погребение сожжением или ингумацией? В любом случае это одно из наиболее поздних воинских погребений в Крыму, которое можно связать с германцами. Данный комплекс можно синхронизировать с поздними германскими комплексами в каменных ящиках могильника Чатыр-Даг.

В 2010 году одним из авторов статьи был передатирован ряд воинских погребений могильника Чатыр-Даг [Шаров, 2010, с. 118–126]. Погребение № 2 на основании новых, более точных аналогий стало датироваться фазой С3/D1, погребение № 3 — фазой С3, погребение № 12 — фазой D1/D2, погребение № 55, скорее всего, — ранней фазой С3. Таким образом, получилась несколько иная ситуация: пик функционирования могильника сдвинулся с эпохи тетрархов, как было отмечено в монографии 2006 года [Мыц и др, 2006, с. 190–194], на эпоху Констанция II валента (ок. 350–380 гг. н. э.). Все эти комплексы имеют в своем обряде и инвентаре отчетливые германские и скандинавско - прибалтийские связи.

Таким образом, предварительно можно отнести данный комплекс к горизонту воинских погребений второй половины – конца IV в. н.э., которые можно связать с германцами. Был ли этот воин далеким потомком первых германцев, обосновавшихся в Крыму в III в. н.э., или одним из воинов, которые прибыли во второй половине IV века из Germania Libera, чтобы влиться в ряды армии варваров, появившихся у границ Боспора в 375 году, пока остается неясным. Миграции германцев в Северное Причерноморье не были одноактным процессом, начиная с начала III века н.э. и заканчивая эпохой Великого переселения народов. Смешение различных традиций было обусловлено движением германских дружин из регионов Нижней Вислы и Скандинавии через территории современной Польши и Прибалтики, поэтому в погребальных комплексах Крыма, которые можно отнести к германским, можно увидеть сочетание вельбаркских (готы), скандинавских (ульмеруги, варины, евдосы) и центральноевропейских—пшеворско—любошицких (вандалы, бургунды) элементов погребального инвентаря фаз В2/С1-С3\D1 (150/160—400/410 гг.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время // Готы и Рим. – Киев: Стилос, 2006. – С. 26–41.

Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. // *Scripta Antiqua* 4, 2015, 33–60.

Кухаренко Ю. Н. Могильник Брест-Тришин. – М.: Наука, 1980. 128 с.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб: Нестор-История, 2006 - 208 с.

Радюш О., Скворцов К. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры. // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008, с. 122–157.

Шаров О.В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Interambomaria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 2010. С. 118–128.

Bemann J. Hahne G., Waffenfuhrend Grabinventare der jungeren romischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit 230

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

- in Skandinavien. StudienzurOrdnunganhand der norvegischenFunde// Bericht der RGK, Bd. 75, 1999. S. 285–640.
- Ilkjaer J. Illerup Ådal1: Die Lanzen und Speere, Textband, Jutland archaeological societt publications 25/1.1990.
- Ilkjaer 2001: J. Ilkaer, Illerup Adal, Band 9. Die Schilde, Textband. JyskArkæologiskSelskabsSkrifter, 25, 9.
  Aarhus 2001.
- Jahn, M. Die Bewaffnung der Germanen, Würzburg. 1916.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe, Krakow. 1970.
- Godlowski K. Die Chronologie der Germanischen Waffengräber in der Jüngeren und späten Kaiserzeit.

  // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlischen Jahrhunderten. Marburg. 1994.
- *Kazanski M.* Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire// College de France. Centre de recherché d'histoire et civilization de Byzance. Travaux et memoires, Vol. 11, 1991.
- Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la régionpontique: origine et diffusion. In : von Carnap-Bornheim C. [Hrsg.].//Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillipps-Universität Marburg, 1994, 429–485.
- Wolagiewicz R. Ceramica kultury wielbarskiej miedzy Baltykiem a morzem czarnym. Szczecin, 1993.
- Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien [BAR International Series 505]. Oxford: B.A.R., 1989.

REFERENCES

- Kazanskiy M.M. Germantsy v Yugo-Zapadnom Krymu v pozdnerimskoye vremya // Goty i Rim. Kiyev: Stilos. 2006. S. 26–41.
- *Kazanskiy M.M.* Germanskiye elementy v materialnoy kulture Abkhazii v pozdnerimskoye vremya i v epokhu pereseleniya narodov. // Scripta Antiqua 4. 2015. 33–60.
- Kukharenko Yu.N. Mogilnik Brest-Trishin. M.: Nauka. 1980. 128 s.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V. Chatyr-Dag nekropol rimskoy epokhi v Krymu. SPb: Nestor-Istoriya. 2006 208 s.
- Radyush O.A., Skvortsov K. Nakhodki detaley shchitov v areale sambiysko-natangiyskoy kulturyyu // Germania-Sarmatia. Drevnosti Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov. Kaliningrad. 2008. S. 122–157.
- Sharov O. V. Voinskiye pogrebeniya mogilnika Chatyr-Dag // Inter ambo maria. Kontakty mezhdu Skandinaviyey i Krymom v rimskoye vremya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Simferopol. 2010. S. 118–128.
- Bemann J. Hahne G. Waffenfuhrende Grabinventare der jungeren romischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit in Skandinavien. Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde// Bericht der RGK. Bd. 75. 1999. S. 285–640.
- Ilkjær J. Illerup Ådal 1: Die Lanzen und Speere. Textband. Jutland archaeological societt publications 25/1. 1990.
- *Ilkær J.* Illerup Adal. Band 9. Die Schilde. Textband. Jysk Arkeologisk Selskabs Skrifter. 25. 9. Aarhus 2001. *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen. Würzburg. 1916.
- Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow. 1970.
- Godlowski K. Die Chronologie der Germanischen Waffengräber in der Jüngeren und späten Kaiserzeit.

  // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlischen Jahrhunderten. Marburg. 1994.
- *Kazanski M.* Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire// College de France. Centre de recherch? d'histoire et civilization de Byzance. Travaux et memoires. Vol. 11. 1991.
- Kazanski M. Les eperons. les umbo. les manipules de boucliers et les haches de l'epoque romaine tardive dans

la region pontique: origine et diffusion. von Carnap-Bornheim C. [Hrsg.// Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillipps-Universität Marburg. 1994. S. 429–485.

Wolagiewicz R. Ceramica kultury wielbarskiej miedzy Baltykiem a morzem czarnym. Szczecin. 1993. Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatene- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien [BAR International Series 505]. Oxford: B.A.R. 1989.

Резюме

В ходе инспекции по охране культурного наследия по Белогорскому району в 2009 году В.А. Захаровым был обнаружен разграбленный могильник, рядом с разрушенными могилами лежали фрагменты железного умбона, рукояти щита и лепной миски. В 2016 году В.И. Лобановым была проведена реставрация всех трех предметов и О.В. Шаровым дана первичная атрибуция найденных предметов. Анализ типов погребального инвентаря показал, что комплекс находок, найденных у поселка Некрасово, можно датировать фазой C3/D1 [350/360 – 400/410 гг.] центральноевропейской хронологической шкалы.

Ключевые слова: умбон, манипула, Восточный Крым, эпоха переселения народов, германцы, погребение, лепная миска.

Summary

In the course of the inspection of the protection of cultural heritage in the Belogorsky district in 2009 V.A. Zakharov was found looted burial ground, next to the ruined graves were fragments of iron umbon, hilt shield and stucco bowl. In 2016, V.I. Lobanov all three items were restored and O.V. Sharov the primary attribution of the found objects is given. Analysis of the types of funeral implements showed that the complex of finds found in the village of Nekrasovo can be dated by the C3/D1 [350/360-400/410] phase of the Central European chronological scale.

Key words: umbon, manipula, Eastern Crimea, the era of the migration of peoples, Germans, burial, molded bowl.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Захаров В.А., старший научный сотрудник, ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость», vitalyzacharov@gmail.com +7978-78-94-527.

Лобанов В.И., художник-реставратор, ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость», sudak.fortress@yandex.ru +7978-81-60-844.

Шаров О.В., д.и.н., в.н.с. ИИМК РАН, отдел истории античной культуры, olegsharov@mail.ru + 7911-28-75-601.

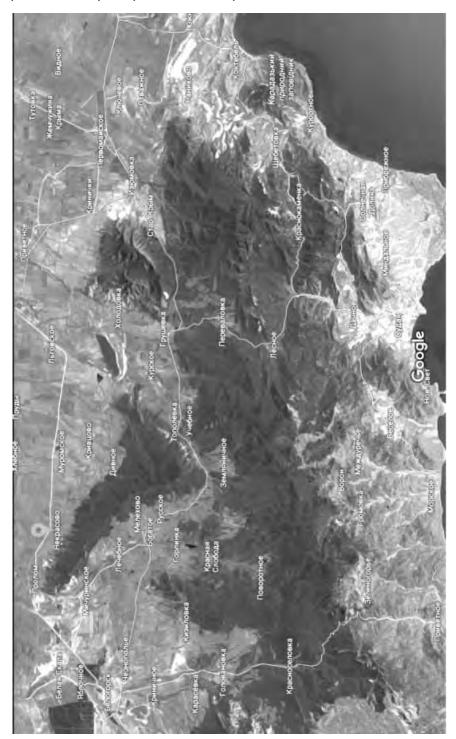
<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS Zakharov V. A., Senior researcher of the FBI RC «Museum-preserve «Sudak fortress» vitalyzacharov@gmail.com +7978-78-94-527.

Lobanov V. I., of the FBI RC «Museum-preserve «Sudak fortress», sudak.fortress@yandex.ru, +7978-81-60-844.

Sharov O. V., doctor of historical sciences, leading research scientist of the Institute of the Russian Academy of Sciences, Department of history of ancient culture, olegsharov@mail.ru + 7911-28-75-601.

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ыыыыыыыыы</u>

Рис. 1. Местонахождение разрушенного грабителями могильника у пос. Некрасово, Белогорский район, Республика Крым, Российская Федерация.

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

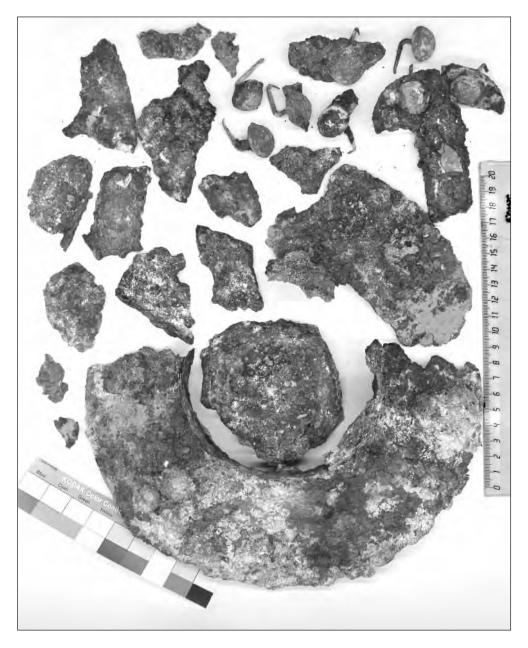

Рис. 2. Фрагменты умбона из грабительских раскопок до реставрации. Фото В.И. Лобанова.

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ыыыыыыыыы</u>

Рис. 3. Фрагменты деталей деревянного щита до реставрации. Фото В.И. Лобанова.

Рис. 4. Фрагмент сильно корродированного железного умбона до реставрации. Фото В.И. Лобанова. 236

<u>ыныныныныныныны</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

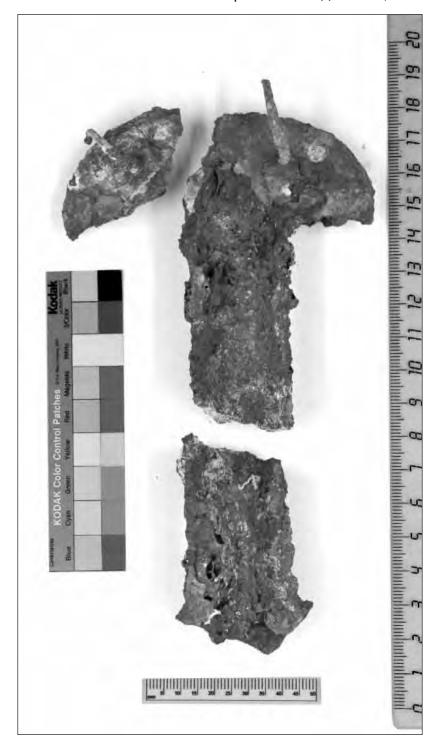

Рис. 5. Детали рукояти щита до реставрации. Фото В.И. Лобанова.

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ББББББББББББББ</u>Б

Рис. 6. Рукоять щита в процессе реставрации. Фото В.И. Лобанова.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 7. Рант железного умбона с бронзовыми гвоздями в процессе реставрации. Фото В.И. Лобанова.

Рис. 8. Железный умбон с бронзовыми гвоздями в процессе реставрации. Фото В.И. Лобанова.

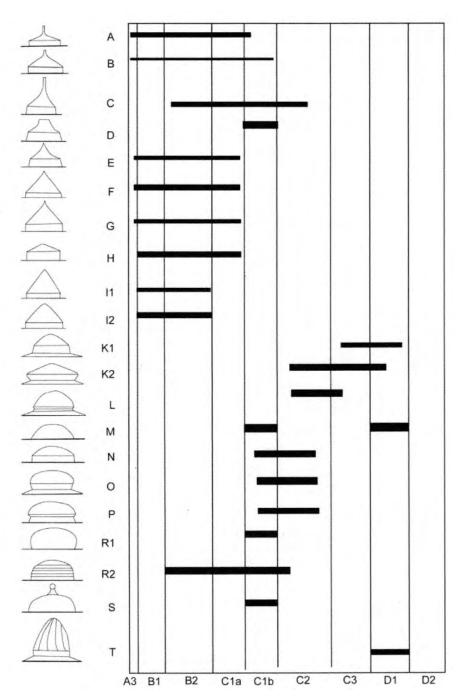
Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ыыыыыыыыы</u>

Рис. 9. Железный умбон и рукоять щита с бронзовыми гвоздями после реставрации. Фото В.И. Лобанова.

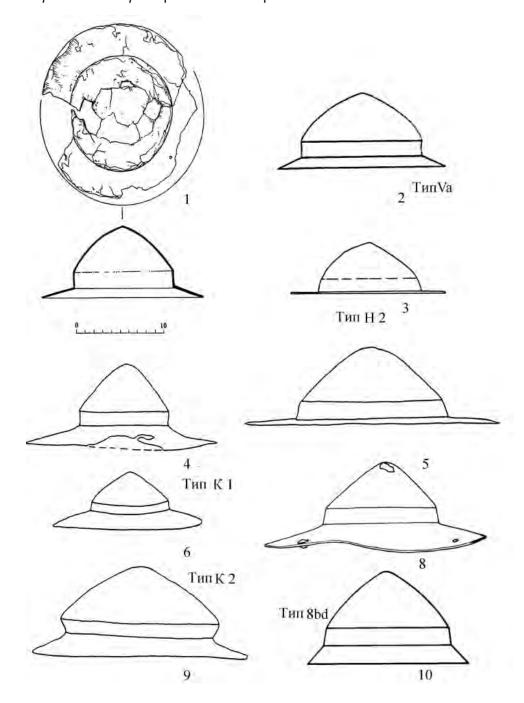
Рис. 10. Железный умбон после реставрации в профиль. Фото В.И. Лобанова.

Рис. 11. Типология умбонов по Н. Цилингу и Й. Илькеру по О.А. Радюшу-К.С. Скворцову [Радюш-Скворцов. 2008, рис. 2].

16 би-хххvіі 241

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ыыыыыыыыыы</u>

Рис. 12. Сравнительные аналогии к умбону из грабительских раскопок у поселка Некрасово [Шаров. 2007, рис.15].

<u>ыныныныныныныны</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 13. Лепная коричневоглиняная мисочка. Фото В.И. Лобанова.

Захаров В.А. и др. Германское погребение ... <u>ыныныныны</u>

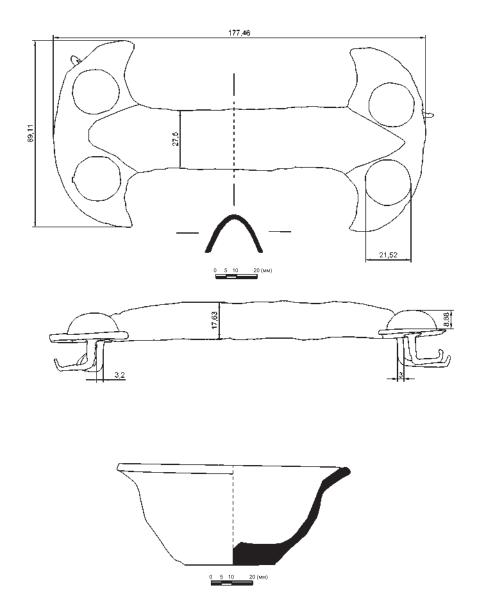
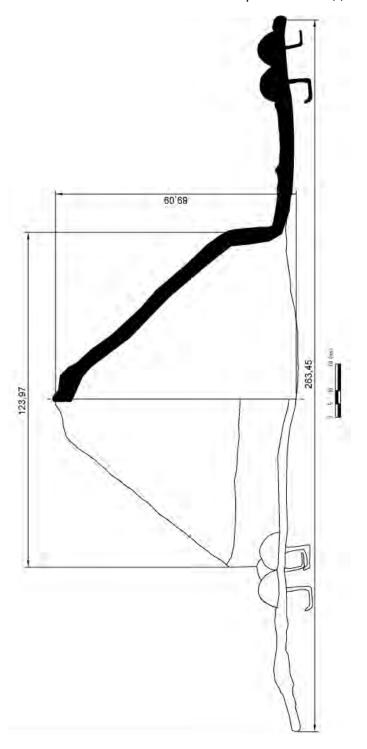

Рис. 14. Умбон щита из грабительских раскопок у поселка Некрасово. Рисунок А.С. Гарипова.

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 15. Рукоять щита и лепная миска из грабительских раскопок у поселка Некрасово. Рисунок А.С. Гарипова.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА E.A. KHAIREDINOVA

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЗОЛОТЫЕ КРЕСТЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КЕРЧИ¹ BYZANTINE GOLDEN CROSSES OF EARLY MEDIEVAL TIME FROM KERCH

Среди немногочисленных керченских находок индивидуальных предметов христианского культа раннесредневекового времени особого внимания заслуживают два золотых наперстных креста, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа и Британского музея (рис. 1, 1; 2, 1).

Один из крестов (рис. 1, 1) найден в Керчи в конце XIX в. Точное место его находки неизвестно. В Государственный Эрмитаж крест поступил в 1920-е гг. из ГАИМК [Залесская, 2006, с. 102-103, кат. № 143]. Крест сделан со слабо расширяющимися концами в виде полой коробочки, спаянной из пластин, и украшен выпуклыми гранатами, вставленными в круглое и каплевидные гнезда, напаянные на лицевой стороне. Гнезда с гранатовыми вставками образуют крестовидную фигуру. В ее центре помещено круглое гнездо, украшенное напаянной у основания сканной проволочкой. Четыре каплевидных гнезда, расположенных заостренной частью к центру, формируют ветви крестовидной фигуры. Обратная сторона креста покрыта гравировкой из расходящихся косых линий, имитирующих растительный орнамент (рис. 1, 1). Петелька для подвешивания скручена из узкой рифленой пластинки. Размеры креста: 3,8 х 1,9 см. В.Н. Залесская, причислив крест к византийской продукции, не исключила возможности его местного изготовления по привозным из метрополии образцам [Залесская, 2006, с. 102–103, кат. № 143]. Крест, возможно, переделывался или ремонтировался. Скорее всего, каплевидные гнезда были напаяны позже - под ними уничтожена косая штриховка, которая, судя по не тронутому переделкой пространству на нижней ветви, покрывала всю лицевую пластину. Небольшие круглые отверстия по углам нижней и боковых ветвей креста также относятся ко времени ремонта или переделки креста. Они остались от небольших гвоздиков-заклепок, при помощи которых лицевая пластина с напаянными гнездами соединялась с остальной частью креста.

Описанный крест относится к группе золотых византийских изделий VI – первой половины VII вв., широко распространенных как на территории самой империи, так и

¹ Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «*Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья*» (№ госрегистрации AAAA-A18-118013000106-7), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

в областях, имевших политические и экономические связи с ней (рис. 3, 1–11) [Spier, 2012, р. 93-94]. Они найдены в Константинополе [Ross, 1965, р. 22, 179, РІ. ХХІІІ, 16; XCVII, H; Ćurčić, Clair, 1986, p. 91, Nr. 87], в Сиро-Палестинском регионе [Frova, 1965, p. 236–237, fig. 293; Israeli, Mevorah, 2000, p. 141; Fansa, Bollmann, 2008, S. 182– 183, Kat. Nr. 145, 146], на территориях Балканских провинций Византии [Nicolescu, 1971, fig. 23–25; Овчаров, Ваклинова, 1978, с. 51, Abb. 120, 122; Uense, 1992, S. 171– 172, 523, Taf. 8, 9; 126, 2; Pillinger, 1992, Abb. 19-21] и на севере Италии [Riemer, 2000, S. 83, Таб. 92,2]. Подобные кресты известны в Северной Италии и в Хорватии среди остготских древностей конца V – первой половины VI вв. [Vinski, 1968. Tabl. I, 6; Bierbrauer, 1975, S. 198-204, Taf. 8, 4; 33, 9; Bierbrauer, 1994, p. 204-208, Kat. Nr. III28t, 29i] и в Абхазии, в погребении второй половины VI – первой половины VII вв. из могильника апсилов, у церкви Шапкы [Воронов, 1975, с. 127, рис. 46, 4; Воронов, 1998, с. 302]. Кресты этого типа сделаны одинаково, в форме коробочки, полой или заполненной белой пастой, но различаются размерами и декором. Встречаются как миниатюрные экземпляры, высота которых не превышает 1,8 см, так и крупные изделия высотой 7,0 см. Некоторые кресты изготовлены с гладкой лицевой стороной, украшенной только красным камнем или стеклянной вставкой в круглом гнезде, напаянном в перекрестии, другие - покрыты узором из зерни и скани, реже – эмалью [Brown, 1984, р. 9, fig. 8]. Известны кресты, к ветвям которых подвешены жемчужины (рис. 3, 9).

Кресты, украшенные подобно экземпляру из Керчи, гравировкой из косых линий, обнаружены в Румынии, в Истрии – в составе клада VI в. (рис. 3, 5,6) [Nicolescu, 1971, fig. 23-25; Theodorescu, 1976, p. 17, 27, fig. 17], в Болгарии, Сирии и Турции (рис. 3, 2,3) [Овчаров, Ваклинова, 1978, с. 51, Abb. 122; Wamser, 2004, S. 310–311, Kat.Nr. 526, 532; Fansa, Bollmann, 2008, S. 182–183, Kat. Nr. 145, 146], а также в Юго-Западном Крыму, на плато Мангуп, в составе Тешкли-бурунского клада второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 3, 11) [Хайрединова, 2017, с. 62–63, рис. 1, 3). Идентичный крест, место находки которого не известно, хранится в Музее Бенаки в Афинах (рис. 3, 1) [Papanikola-Bakirtzi, 2002, р. 498, Kat. Nr. 678]. В Венгрии, в аварском могильнике Балатонфюзфё-Самаши, в одной из могил конца VI – первой половины VII вв. найден крест, подобный по форме и декору, но выполненный из серебра (рис. 3, 4) [Garam, 2001, Taf. 38, 1]. К этому ряду аналогий следует добавить три золотых креста, служивших деталями составных подвесок к серьге VI в., хранящейся ныне в Художественном музее Уолтерса (рис. 3, 10) [Yeroulanou, 1999, р. 213, Kat. Nr. 53]. Декор из косых гравированных линий размещали не только на лицевой стороне крестов, но и на их обороте. Именно так украшены небольшие золотые кресты из коллекций Дамбартон Оукс (рис. 3, 7) [Spier 1987, p. 14, fig. 12] и Сирии (рис. 3, 8) [Fansa, Bollmann, S. 182-183, Kat.Nr. 146], а также большой пекторальный крест из художественной галереи Les Enluminures (рис. 3, 9) [Spier, 2012, р. 91-92, Kat. N14a].

Гравировка из косых насечек на крестах имитирует листья аканта, стилизованное изображение которых было популярным декоративным мотивом на византийских

изделиях раннесредневекового времени. Изображения крестов с расширяющимися ветвями, покрытыми листьями аканта, присутствуют в архитектурном убранстве – на коптской стеле (рис. 3, 14) [Heurgon, 1958, pl. 37, 2] и на алтарной преграде конца VI – первой половины VII вв., найденной на Кипре (рис. 3, 15,16) [Doria, 2013, р. 166-167, fig. 7]. На византийских коробочках-реликвариях и медальонах VI–VII вв. стилизованное изображение листьев аканта, переданное косой гравировкой, образует фон, на котором размещен крест (рис. 3, 12,13) [Spier, 1987, р. 5-14]. По мнению Дж. Спайера, эти предметы, происходящие из разных регионов империи, выполнены в едином «византийском» стиле, возникшем в самом начале VI в. в Константинополе и существовавшем вплоть до конца VII в. Широкое распространение изделий этого стиля свидетельствует о том, что по всей империи ювелиры следовали за установленной столицей модой [Spier, 1987, р. 13–14].

Золотые византийские кресты, бесспорно, были ювелирными изделиями. Многие из них богато декорированы сканью, зернью и драгоценными камнями, вставленными в гнезда, некоторые покрыты гравировкой. Отдельные экземпляры, судя по их уникальности, делались на заказ. Одновременно бытовали и более дешевые варианты крестов, сделанных в форме коробочки с расширяющимися концами. Так, например, в Юго-Западном Крыму во второй половине VI в. были распространены аналогичные по форме кресты, но выполненные из бронзы и украшенные стеклянными вставками (рис. 1, 3,4) [Хайрединова, 2017, рис. 2, 6,8–11,13; Chajredinova, 2017, S. 64–66; Abb. 1, Typ 3-1b; 2].

Описанные византийские кресты с расширяющимися концами носили женщины. На территории Восточноримской империи они найдены в кладах вместе с женскими украшениями. В Венгрии и Юго-Западном Крыму кресты выявлены в женских погребениях. Кресты носили на золотых цепочках, в ожерельях с драгоценными или полудрагоценными камнями, либо в низках из стеклянных и янтарных бусин (рис. 1, 3,4) [Хайрединова, 2017, рис. 9]. Учитывая сказанное, можно предположить, что и золотой крест, найденный в Керчи, принадлежал богатой боспорянке, которая носила его в наборе с золотыми украшениями.

Второй золотой крест, происходящий из Керчи, хранится ныне в Британском музее, в составе коллекции А.Л. Бертье-Делагарда (рис. 2, 1) [Andrási, Aibabin, 2008, Cat. N86]. Известно, что А.Л. Бертье-Делагард приобрел его у керченского торговца древностями Тульмени [Кулаковский, 1908, с. 538]. Размеры креста 4,6 х 6,7 см; вес – 25,46 г. Он сделан из золота 890° пробы в виде полой коробочки, спаянной из двух частей – плоской нижней и рельефной верхней. Внутри креста сохранились остатки «песчанистого грунта». На лицевой стороне крест декорирован выгравированным изображением пальметт и плоской гранатовой вставкой, укрепленной на воске в центральном крестовидном углублении. На обратной стороне выгравированы стилизованный растительный декор и перекрещивающиеся слова $\Theta\Omega\Sigma$ $Z\Omega$ H («свет – жизнь») с омегой в центре. Эта формула восходит к Евангелию от Иоанна: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» [Ин. 8:12]² и, по свидетельству богослова II в. Иринея Лионского, служила символическим обозначением Христа [Новооткрытое произведение, 1907, I, 9,3; Perdrizet, 1911, p. 235]. В раннесредневековое время крестовидно написанную формулу размещали на пряжках, в медальонах на тканях и, особенно часто, на крестах [Хайрединова, 2007, с. 159].

Крест из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда следует отнести к группе византийских крестов VII в., пользовавшихся особой популярностью в Восточном Средиземноморье, о чем свидетельствуют многочисленные находки из Египта, Сирии, Западной Турции (Константинополь, Мерсин), Греции, Кипра и Крита (рис. 2, 2; 4, 5–8,10,11,13; 5, 2) [Ross, 1965, P. 7, 10, 23–24, Cat. Nr. 4B, 6B-D, 19, Pl. X; XII; XIV,19; Искусство Византии, 1977, с. 117–118, кат. №1616; Weitzmann, 1979, P. 298–299, Fig. 36; Baldini-Lippolis, 1999. P. 147, Cat. Nr. 2.III.10a; Yeroulanou, 1999, P. 37, 133, 206, 210, Fig. 44,236, Cat. No. 23; 39; Wamser, 2004, S. 308–310, Kat. Nr. 508, 512, 513; Залесская, 2006, с. 99–100, кат. № 137].

Для датировки названных изделий показательны их находки в кладах из Ламбузы («Второй кипрский клад») вместе с серебряными блюдами с клеймами 613–629/630 гг. [Мапіère-Lévêque, 1997, Р. 91–93, рl. 5, G,H], из Сирии («Сирийский клад А») – вместе с солидами Ираклия, выпущенными в Константинополе между 613–630 гг. [Ross, 1965, Р. 10-12, Cat.Nr.6, Pl. XII–XIV; Manière-Lévêque, 1997, Р. 91, 96, Pl. 5,I], из Мерсина – вместе с золотой лировидной пряжкой второй половины VII в. [Werner, 1955, S. 37; Айбабин, Хайрединова, 2005, с. 291, рис. 4,2; Залесская, 2006, с. 115, кат. № 191] и в могиле VII в. из Микен [Schulze, 1984, Abb. 4]. В Художественном музее Уолтерса хранится происходящее из Египта фрагментированное ожерелье, составленное из чередующихся лазуритовых бусин и золотой пронизи, двух оправленных сканью солидов Маврикия (582–602 гг.) и креста с петелькой для подвешивания (рис. 4, 13) [Weitzmann, 1979, Р. 298–299, Fig. 36]. Перечисленные находки позволяют говорить о бытовании византийских крестов описанного типа на протяжении всего VII в.

Во второй половине VII в. однотипные кресты распространились и за пределами империи, у варварской аристократии, о чем свидетельствуют находки в аварских могильниках Озора – Тотипушта, Тап-Борбапушта и Кёлькед (рис. 4, 12) [Garam, 2001, S. 62-63, Таf. 39], в погребении последней четверти VII в. военного вождя из Келегей, относящемся к группе памятников перещепинской культуры (рис. 4, 5) [Айбабин, 1991, с. 31, рис. 3,12] и в погребении у с. Ново-Михайловского [Залесская, 2006, с. 103, Кат. № 144]. В Озора-Тотипушта вместе с крестом найдена монета Константина IV Паганата (668–685 гг.) [Garam, 2001, S. 58–59], а в Келегеях – шесть солидов с пробитыми отверстиями для подвешивания Тиберия Константина (578–582 гг.), Ираклия (610–641 гг.) и Константа II (641–668 гг.), а также два целых солида Юстиниана I (526–565 гг.) и Ираклия (610–641 гг.) [Айбабин, 1991, с. 33].

² Цитата дана в русском синодальном переводе.

Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>ББББББББББББ</u>

На некрополе Эски-Кермен, в склепе 183/1978 г. с инвентарем VII–IX вв., найден фрагмент верхней рельефной части креста из пластины низкопробного серебра с вытисненным декором в виде круга с точкой в центре. На представленной нами иллюстрации (рис. 4, 3) форма креста реконструирована.

Византийские кресты описанного типа различаются способом изготовления. Ювелирные, «аристократические» изделия, к которым относится и керченский крест, отлиты из золота и декорированы ажурной резьбой или гравировкой (рис. 2, 2; 4, 10; 5, 2). Такие кресты не многочисленны, уникальны по декору и сделаны, скорее всего, на заказ. Элементы растительного орнамента, присутствующие на керченском кресте, — пальметты, врезные точки и запятые, вытянутые треугольники, которыми заполнены листья (рис. 5, 1), встречаются и на других византийских изделиях VII в. — на листовидных подвесках (рис. 5, 6) и пластинчатых накладках на меч (рис. 5, 3-5), в декоре щитков цельнолитых и шарнирных пряжек, принадлежавших знати [Айбабин, Хайрединова, 2005, рис. 1; 3, 1,2; Paroli, Ricci, 2007, Tav. 3; 4; 228; 229]. Листовидные фигуры на обороте креста, заполненные дуговидными врезными линиями (рис. 5, 1), присутствуют и в элементах растительного декора на шелковых тканях VII в. из Ахмима (Египет) (рис. 5, 7) [Peirce, Tyler, 1934, Taf. 189, а].

Более широкое распространение имели кресты, выполненные из тонкой золотой или серебряной пластины в виде полой коробочки, спаянной из двух частей – плоской нижней и рельефной верхней, оттиснутой на матрице (рис. 4, 8). Находки бронзовых матриц для изготовления подобных предметов известны в Карфагене (рис. 4, 15) [Eger, 2010, P. 138, pl. 12] и Восточном Средиземноморье (рис. 4, 14) [Wamser, 2004, S. 308–310, Kat. Nr. 507]. Судя по происходящим из Юго-Западного Крыма экземплярам, во второй половине VII в. существовали и самые дешевые варианты крестов названного типа. Они целиком отливались из бронзы, при этом сложный растительный орнамент в медальонах заменялся врезными геометрическими фигурами, а вставки имитировались углублениями или врезным декором (рис. 4, 1,2,4) [Хайрединова, 2016, с. 283].

У всех названных изделий перекрестие сделано в виде крестовидной фигуры, из которой «прорастают» ветви креста с медальоном на завершении, имитирующим цветок или бутон (рис. 4). В медальонах помещали портреты святых, кресты, пальметты, стилизованный растительный орнамент или круглые гнезда со стеклянными вставками.

В центре крестов этого типа сделано крестовидное углубление. По мнению Н.П. Кондакова, углубление на кресте из Мерсины (рис. 4, 10) служило для вложения частицы Животворящего дерева [Кондаков, 1896, с. 191]. А. Грабар также считал крест из Мерсинского клада своего рода реликварием [Grabar, 1951, р. 27]. У большинства крестов центральные вставки утрачены. Углубление в перекрестии некоторых крестов было заполнено вставкой из рубина (рис. 4, 7) или стекла (рис. 4, 6,13). На экземпляре из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда центральное крестовидное углубление полностью закрыто укрепленными на воске четырьмя прямоугольны-

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

ми гранатовыми пластинами толщиной около 2 мм (рис. 2, 1). Края граната обломаны, что, по мнению Ю. Андраши, свидетельствует об их вторичном использовании [Andrási, Aibabin, 2008, р. 62, Cat. N86]. Заполнение креста полностью не сохранилось, поэтому невозможно определить, служил ли он реликварием. «Песчанистый грунт», остатки которого зафиксированы внутри, мог быть использован в качестве наполнителя полого изделия для придания большей прочности.

О.М. Далтон, опубликовавший крест в 1924 г., интерпретировал его как пекторальный и епископский [Dalton, 1924, р. 389]. Безусловно, определить назначение креста, не имеющего археологического контекста, довольно трудно. На раннесредневековых мозаиках и фресках священнослужители изображались без пекторальных крестов. Вместе с тем, известно несколько одновременных изображений крестов в женском одеянии. В Музее Метрополитен хранится происходящая из Египта терракотовая статуэтка девушки V в. с большим пластинчатым наперстным крестом, укрепленным у горловины туники (рис. 6, 2). На одной из коптских туник VI в. из коллекции Бруклинского музея выткано изображение ожерелья, состоящего из круглых разноцветных бусин и подвешенного в центре большого креста с петелькой (рис. 6, 1) [Pagan and Christian, 1941, p. 81, Cat.Nr. 255]. Наверняка изображение на ткани имитировало подлинное ожерелье с крестом. В качестве примера использования креста в составе женского нагрудного украшения можно привести и тунику Батильды, супруги франкского короля Хлодвига II, умершей в 680 г. в основанном ею аббатстве Шелль. На передней стороне туники цветной шелковой нитью вышита имитация носившихся королевой в светской жизни богатых украшений, состоящих из нескольких колье, к которым подвешены медальоны и большой крест с инкрустацией [Vallet, 1997, р. 100-101].

Изобразительные данные подтверждаются археологическим материалом. Ожерелья из стеклянных бусин, включавшие подвесные кресты, известны по находкам VI–VII вв. из византийской крепости Виминациум [Ivanišević и др., 2006, р. 182–183, Рl. 22, 134], из Сирии [Fansa, Bollmann, 2008, S. 145, Kat.Nr. 10], из погребений гепидов [Csallàny, 1961, S. 190, Taf. 124, 10-14] и франков [Brown, 1984, р. 12–13, Fig. II]. Судя по находкам из кладов, византийские «аристократки» носили богато украшенные золотые кресты на цепях вместе с различными подвесками и медальонами (рис. 2, 2; 5, 2) [Manière-Lévêque, 1997, р. 91, Pl. 5, H-G]. Археологическими данными зафиксировано не только ношение креста в ожерелье, но и использование его в качестве подвесок к женским украшениям – брошам или серьгам (рис. 3, 10) [Chajredinova, 2017, S. 90, Abb. 14, 3-6]. В Юго-Западном Крыму кресты раннесредневекового времени найдены только в погребениях женщин и девочек, в мужских захоронениях они отсутствовали. Кресты носились на шее, но не на отдельном шнурке, а в традиционных ожерельях вместе с бусами и различными подвесками и амулетами (рис. 2, 3) [Хайрединова, 2017а, с. 93–94, рис. 2; 3; 4].

Учитывая тот факт, что однотипные керченскому кресты, найденные in situ, выявлены либо в женских погребениях, либо в кладах, в наборах женских украшений,

Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>БББББББББББББ</u>

можно предположить, что и публикуемый крест принадлежал женщине — богатой боспорянке, носившей его на шее в ожерелье вместе с бусами и другими украшениями. В качестве примеров подобных ожерелий можно назвать украшения из Второго кипрского клада первой четверти VII в. (рис. 5, 2) и из гото-аланского женского погребения второй половины VII в., выявленного в склепе 257 на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен (рис. 2, 3,4).

Публикуемые золотые кресты относятся к византийской ювелирной продукции. Один из них, сделанный в виде коробочки с прямыми расширяющимися концами (рис. 1, 1), принадлежит группе массовых изделий, которыми Византия снабжала свою ойкумену в VI – первой половине VII вв. Второй крест, с фигурными концами с врезным растительным орнаментом (рис. 2, 1), скорее всего, был сделан на заказ константинопольским ювелиром в VII в. Оба креста принадлежали знатным боспорянкам. Находки подобного рода говорят о единстве культуры в христианском мире и являются ярким свидетельством тесных экономических и культурных связей региона с Византийской империей в эпоху раннего средневековья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура / под ред. Р. Рашев. София, 1991. Вып. 2. С. 28–35.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 289–313.

Византия сквозь века: каталог выставки / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2017. 428 с.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М.; Наука, 1975. 160 с.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Сухум: Издательство «Алашара», 1998. 337 с.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Издательство ГЭ, 2006. 271 с.

Искусство Византии в собраниях СССР, в 3-х томах: каталог выставки / под ред. А.В. Банк, О.С. Попова. М.: Советский художник, 1977. Т. 1. 192 с.

Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб., 1896. 2.14 с.

Кулаковский Ю.А. Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1908. Т. IX. С. 535–544.

Новооткрытое произведение Св. Иринея Лионского «Доказательство апостольской проповеди» / Перевод Н. Сагарды. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907.

Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII вв. София 1978. 74 с.

Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 151–182.

Хайрединова Э.А. Ожерелья с крестами последней четверти VI–VII вв. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник. Материалы международных конференций «І и ІІ Свято-Владимирские чтения". Калининград: издательский дом Рос-Доафк, 2016. С. 280–299.

Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешклибурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–88.

Хайрединова Э.А. Византийские кресты с инкрустацией из Юго-Западного Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017а. Т. 22, № 5. С. 86–99.

Andrási J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008. 169 p.

Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999. 283 p.

Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.

Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // I Goti. Milano, 1994. P. 170–213.

Brown K. The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984. 30 p.

Csallàny D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.). Budapest, 1961.

Chajredinova E.A. Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. Wien, 2017. Bd. 23. S. 63–91.

Ćurčić S., Clair A.St. (Eds.). Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University. Princeton, 1986. 150 p.

Dalton O.M. A gold pectoral cross and an amuletic bracelet of the sixth century // Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger. Paris, 1924. P. 386–390.

Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (IV–VII Century) // Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes. Vol. 43. 2013. P. 155–174.

Eger Ch. Byzantine Dress Accessories in North Africa: Koiné and Regionality // Ch. Entwistle, N. Adams (Eds.) «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication 178. London, 2010. P. 133–140.

Fansa M., Bollmann B. (Hrgs.), Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert. Mainz am Rhein: Verlag Philipp Zabern, 2008. 220 S.

Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario // Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965. P. 235-246.

Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. N5. 432 S.

Grabar A. Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 6. 1951.
P. 27–49.

Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958. 75 p.

Israeli Y., Mevorach D. (Eds.). Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum, 2000. 232 p.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris 2006. 351 p.

Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux «aristocratiques» féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. N1. P. 79–106.

Nicolescu C. Moștenirea artei Bizantine în România, București, 1971.

Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the first to the tenth century A.D. Brooklyn Museum, 1941. 86 p. *Papanikola-Bakirtzi D.* (Ed.) Everyday Life in Byzantium. Athens, 2002. 600 p.

Paroli L., Ricci M. La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Firenze, 2007. 136 p.

Peirce H., Tyler R. L'Art Byzantin. T. II. Paris: Librairie de France, 1934. 151 p.

Perdrizet P. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Egypte par G. Lefebvre, 1907. In: Revue des Études Anciennes. 1911. T. 13. N°2. P. 233–236.

Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia / Kallatis (Rumänien). In: R. Pillinger
 A. Pülz – H. Vetters (Hg.), Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter.
 Wien 1992. S. 97–102.

Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. 57. Rahden, 2000. 485 p.

Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington: Harvard University, 1965. Vol. II. 144 p.

Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum // The J. Paul Getty Museum Journal. Vol. 15. 1987. P. 5–14.

Spier J. Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium. London, Paris, Chicago, New York: Paul Holberton Publishing, 2012. 208 p.

Xайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>БББББББББББ</u>Б

- Schulze M. Frühmittelalterliche Kettenohrringe // Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr.14. Mainz, 1984. S. 325–335.
- Theodorescu R. Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400–1400). București, 1976.
- Thomas T.K. (Ed.) Designing Identity: The Power of Textiles in Late Antiquity. New York, 2016. Nr.1. 160 p.
- Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43. 600 S.
- Vallet F. De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens // Découvertes Gallimard, n°268. Paris, 1997. 176 p.
- Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1968. Vol. III. P. 103–166.
- Weitzmann K. (Ed.) Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. New-York, 1979. 736 p.
- Wamser L. (Hrg.) Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe. Munchen, 2004. 475 S.
- Werner J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1955. Bd. 1. S. 36–43.
- *Yeroulanou A.* Diatria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens: Benaki Museum, 1999. 320 p.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Kelegeiskoe pogrebenie voennogo vozhdia. *R.Rashev (Ed.) Problemi na prab»lgarskata istoriia i kultura.* Sofiia, 1991, Vol. 2, pp. 28–35.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Novye vizantiiskie priazhki iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2005, vol. XI, pp. 289–313.
- Piotrovskii M.B. (Ed.) *Vizantiia skvoz' veka: katalog vystavki*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 2017, 428 p.
- Voronov Iu.N. Taina Tsebel'dinskoi doliny. M.; Nauka, 1975. 160 s.
- Voronov Iu.N. Drevniaia Apsiliia. Sukhum: Izdatel'stvo «Alashara», 1998, 337 p.
- Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 2006, 271 p.
- Iskusstvo Vizantii v sobraniiakh SSSR, v 3-kh tomakh: katalog vystavki; A.V. Bank, O.S. Popova (Ed.). Moskva: Sovetskii khudozhnik, 1977, vol. 1, 192 p.
- Kondakov N.P. Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda. Vol. 1, Sankt-Peterburg, 1896, 214 p.
- Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *Pravoslavnaia bogoslovskaia entsiklopediia*. Sankt-Peterburg, 1908, vol. IX, pp. 535–544.
- Novootkrytoe proizvedenie Sv. Irineia Lionskogo «Dokazatel'stvo apostol'skoi propovedi»; perevod N. Sagardy. Sankt-Peterburg: Tipografiia M. Merkusheva, 1907.
- Ovcharov D., Vaklinova M. Rannovizantiiski pametnitsi ot B"lgariia IV-VII vek. Sofiia, 1978, 74 p.
- Khairedinova E.A. Rannesrednevekovye kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol', 2007, vol. XIII, pp. 151–182.
- Khairedinova E.A. Ozherel'ia s krestami poslednei chetverti VI-VII vv. iz nekropolia Eski-Kermena. Vladimirskii sbornik. Materialy mezhdunarodnykh konferentsii «I i II Sviato-Vladimirskie chteniia". Kaliningrad: izdatel'skii dom Ros-Doafk, 2016, pp. 280–299.
- Khairedinova E.A. Paradnyi ubor zhitel'nitsy rannesrednevekovogo Dorosa (po nakhodkam iz Teshkliburunskogo klada Mangupskogo gorodishcha). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* 2017, vol. XXII, pp. 62–88.
- Khairedinova E.A. Vizantiiskie kresty s inkrustatsiei iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia.* 2017a, vol. 22, № 5, pp. 86–99.
- Andrási J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008, 169 p.

Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell'Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999, 283 p.

Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975, 378 S.

Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia. I Goti. Milano, 1994, pp. 170–213.

Brown K. The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984, 30 p.

Csallàny D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.). Budapest, 1961.

Chajredinova E.A. Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim. Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. Wien, 2017, Bd. 23, S. 63–91.

Ćurčić S., Clair A.St. (Eds.). Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University. Princeton, 1986, 150 p.

Dalton O.M. A gold pectoral cross and an amuletic bracelet of the sixth century. *Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger*. Paris, 1924, pp. 386–390.

Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (IV–VII Century). *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*. 2013, vol. 43, pp. 155–174.

Eger Ch. Byzantine Dress Accessories in North Africa: Koiné and Regionality. *Ch. Entwistle, N. Adams* (Eds.) «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication 178. London, 2010, pp. 133–140.

Fansa M., Bollmann B. (Hrgs.) Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert. Mainz am Rhein: Verlag Philipp Zabern, 2008, 220 S.

Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario. Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965, pp. 235-246.

Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001, N5, 432 S.

Grabar A. Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie. *Dumbarton Oaks Papers*. 1951, vol. 6, pp. 27–49. Heurgon J. *Le trésor de Ténès*. Paris, 1958, 75 p.

Israeli Y., Mevorach D. (Eds.). Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum, 2000, 232 p.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006, 351 p.

Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux «aristocratiques» féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie. *Revue Archéologique*. 1997, N1, pp. 79–106.

Nicolescu C. Moștenirea artei Bizantine în România. București, 1971.

Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the first to the tenth century A.D. Brooklyn Museum, 1941, 86 p. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.) Everyday Life in Byzantium. Athens, 2002, 600 p.

Paroli L., Ricci M. La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Firenze, 2007, 136 p.

Peirce H., Tyler R. L'Art Byzantin. Vol. II, Paris: Librairie de France, 1934, 151 p.

Perdrizet P. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Egypte par G. Lefebvre, 1907. *Revue des Études Anciennes*. 1911, T. 13, N°2, pp. 233–236.

Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia / Kallatis (Rumänien). R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetters (Hrgs.) *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter.* Wien, 1992, S. 97–102.

Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien. *Internationale Archäologie*. 57. Rahden, 2000, 485 p.

Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington: Harvard University, 1965, Vol. II, 144 p.

Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum. *The J. Paul Getty Museum Journal.* 1987, Vol. 15, pp. 5–14. Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium.* London, Paris, Chicago, New York: Paul Holberton Publishing, 2012, 208 p.

Schulze M. Frühmittelalterliche Kettenohrringe. *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz, 1984. Nr.14, S. 325–335.

Theodorescu R. Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400). București, 1976.

Thomas T.K. (Ed.) Designing Identity: The Power of Textiles in Late Antiquity. New York, 2016, no. 1, 160 p.

- Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992, Bd. 43, 600 S.
- Vallet F. De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens. Découvertes Gallimard, n°268. Paris, 1997, 176 p.
- Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. 1968, Vol. III, pp. 103–166.
- Weitzmann K. (Ed.) Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. New-York, 1979, 736 p.
- Wamser L. (Hrg.) Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe. Munchen, 2004, 475 S.
- Werner J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1955, Bd. 1, S. 36–43.
- Yeroulanou A. *Diatria. Gold pierced-work jewellery from the III to the VII century.* Athens: Benaki Museum, 1999, 320 p.

Резюме

Среди немногочисленных керченских находок индивидуальных предметов христианского культа раннесредневекового времени особого внимания заслуживают золотые наперстные кресты (рис. 1, 1; 2, 1), относящиеся к предметам византийского ювелирного искусства. Один из них, сделанный в виде коробочки с прямыми расширяющимися концами (рис. 1, 1), принадлежит группе массовых изделий, которыми Византия снабжала свою ойкумену в VI — первой половине VII вв. Второй крест, с фигурными концами с врезным растительным орнаментом (рис. 2, 1), скорее всего, был сделан на заказ константинопольским ювелиром в VII в. Оба креста принадлежали знатным боспорянкам, носившим их на шее в ожерелье вместе с бусами и другими украшениями. Находки подобного рода говорят о единстве культуры в христианском мире и являются ярким свидетельством тесных экономических и культурных связей региона с Византийской империей в эпоху раннего средневековья.

Ключевые слова: Византия, Боспор, христианство, ювелирное искусство, украшения, крест.

Summary

Among the few Kerch finds of individual items of the Christian cult of the early medieval time, gold pate-sized crosses (Figures 1, 1, 2, 1), which relate to the objects of Byzantine jewelry art, deserve special attention. One of them, made in the form of a box with straight expanding ends (Figures 1, 1) belongs to a group of mass products by which Byzantium supplied its oecumene in the 6th - first half of the 7th centuries. The second cross, with its figured ends with an incised vegetative ornament (Figures 2, 1), was most likely made to order by the Constantinople jeweler in the 7th century. Both crosses belonged to noble Bosporan women, who wore them on their necks in necklaces, along with beads and other ornaments. Findings of this kind testify to the unity of culture in the Christian world and are clear evidence of the close economic and cultural ties of the region with the Byzantine Empire in the era of the early Middle Ages.

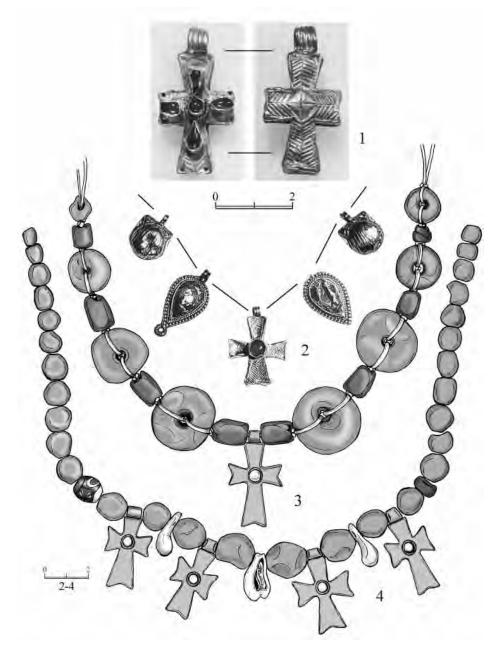
Key words: Byzantium, Bosporus, Christianity, jewelry art, jewelry, cross.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хайрединова Эльзара Айдеровна, к.и.н. (CSc), заведующая отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь, проспект Вернадского, 2, Республика Крым, Российская Федерация, 295007. khairedinovaz@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khairedinova El'zara Aiderovna, Candidate of Historical Sciences (CSc) Head of the Department of Medieval Archeology of the Institute of Archeology of the Crimea, RAS, Prospect Vernadskogo, 2, Simferopol', the Crimea, Russian Federation, 295007. khairedinovaz@rambler.ru

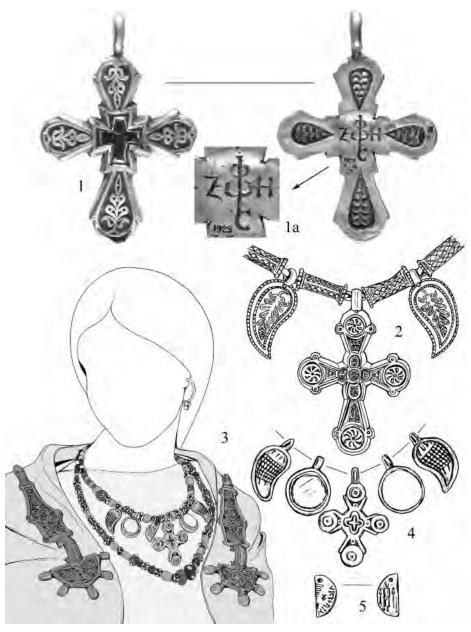

Рис. 1. Золотой крест, найденный в Керчи (I), и ожерелья с аналогичными крестами второй половины VI — начала VII вв. из Юго-Западного Крыма (2-4).

I — Керчь, коллекция Государственного Эрмитажа [по Залесская, 2006, с. 102-103, кат. № 143]; 2 — Мангуп, Тешклибурунский клад [по Хайрединова, 2017, рис.]; 3,4 — Лучистое (3 — склеп 207, погребение 5; 4 — склеп 268, погребение 8) [Реконструкция и рисунок Э.А. Хайрединовой].

17 би-хххvіі 257

Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>БББББББББББ</u>Б

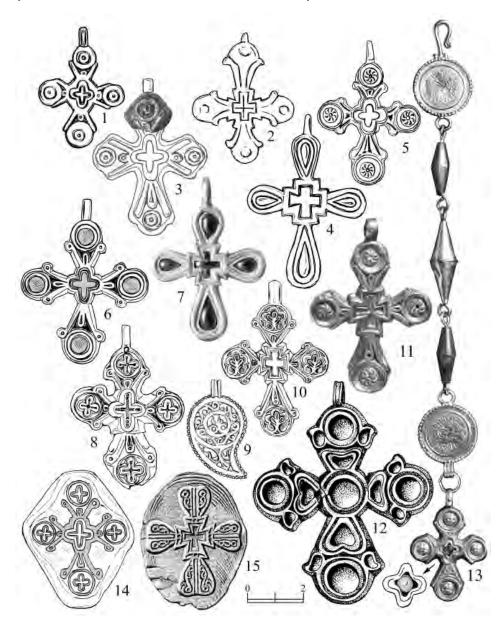
Рис. 2. Золотой крест, найденный в Керчи (1), и ожерелья с однотипными крестами первой трети VII в. с Кипра (2) и второй половины VII в. из Юго-Западного Крыма (3-5).

I – золотой крест (коллекция А.Л. Бертье-Делагарда, Британский Музей) [по Andrási, Aibabin, 2008, Cat. N86]; 2 – деталь золотого ожерелья с крестом из второго кипрского клада [по Manière-Lévêque, 1997, pl. 5, G,H]; 3-5 – некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, склеп 257, погребение 6 (3 – реконструкция костюма погребенной с ожерельем; 4 – металлические подвески и крест из ожерелья; половинка солида Ираклия) [по Хайрединова, 2016, рис. 3; 4].

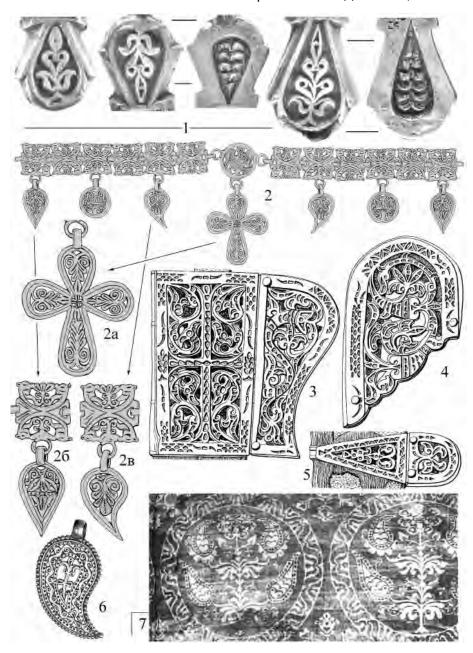
Рис. 3. Византийские кресты VI–VII вв. с расширяющимися концами (*1-11*) и изображения крестов с растительным орнаментом на медальонах и архитектурных деталях раннесредневекового времени (*14-16*). *I* — Афины [по Papanikola-Bakirtzi, 2002, Kat. Nr. 678]; *2,3* — Болгария [по Wamser, 2004, Kat. Nr. 526; Овчаров, Ваклинова, 1978, Abb. 122]; *4* — Венгрия, аварский могильник Балатонфюзфё-Самаши [по Garam, 2001, Таf. 38, 1]; *5,6* — Истрия [по Nicolescu, 1971, fig. 23-25]; *7* — Константинополь [по Spier, 1987, fig. 12]; *8* — Сирия [по Fansa, Bollmann, 2008, Kat. Nr. 146]; *9* — художественная галерея Les Enluminures [по Spier, 2012, Kat. N14a]; *10* — Византия [по Yeroulanou, 1999, Kat. Nr. 53]; *11* — Мангуп, Тешклибурунский клад; *12* — Метилена, Лесбос; *13* — Византия [12,13 — по Spier, 1987, fig. 2; 7]; *14* — Египет [по Heurgon, 1958, pl. 37, 2]; *15,16* — Кипр [по Doria, 2013, fig. 7].

Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>ББББББББББББ</u>

Рис. 4. Византийские кресты (1-8,10-13), листовидная подвеска (9) и матрицы для изготовления крестов (14,15) VII в.

I,3 — Эски-Кермен (1 — склеп 257/1980 г.; 3 — склеп 183/1978 г.); 2 — Кореиз; 4 — Сахарная Головка, склеп 44, костяк 7; 5 — Келегеи [по Айбабин, 1991, рис. 3, 12]; 6 — Египет [по Wamser, 2004, Kat. Nr. 513]; 7 — Афины, национальный археологический музей [по Византия сквозь века, 2017, с. 149, кат. № 39]; 8,14 — Восточное Средиземноморье [по Wamser, 2004, Kat. Nr. 507, 508]; 9,10 — Мерсин [по Залесская, 2006, кат. № 137]; II — Византия, коллекция Музея Метрополитен; I2 — Озора-Тотипушта [по Garam, 2001, Таf. 39, 2]; I3 — Египет [по Weitzmann, 1979, fig. 36]; I5 — Карфаген [по Eger, 2010, р. 138, pl. 12].

Рис. 5. Декоративные мотивы на кресте из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда (1) и их аналогии VII в. на византийских изделиях (2-6) и на коптской ткани (7).

I – золотой крест (коллекция А.Л. Бертье-Делагарда, Британский Музей) [по Andrási, Aibabin, 2008, Cat. N86]; 2 – центральная часть золотого ожерелья с крестом из второго кипрского клада [по Manière-Lévêque, 1997, pl. 5, G,H]; 3-5 – золотые накладки на меч, КастельТрозино [по Paroli, Ricci, 2007, Tav. 3; 4]; 6 – листовидная подвеска, Египет; 7 – шелковая ткань из Ахмима (Египет) [6,7 – по Peirce, Tyler, 1934, Taf. 189].

Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты ... <u>БББББББББББББ</u>

Рис. 6. Фрагмент коптской туники VI в. с изображением ожерелья с крестом (I) и терракотовая статуэтка V в. девушки с наперстным крестом (2).

I — Египет, коллекция Бруклинского музея [по Paganand Christian, 1941, p. 81, Cat. Nr. 255]; 2 — Египет, коллекция Музея Метрополитен [по Thomas, 2016, p. 3, 144].

A.A. СУПРЕНКОВ, В.Е. НАУМЕНКО, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ A.A. SUPRENKOV, V.E. NAUMENKO, L.IU. PONOMAREV

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ УЧАСТОК ПОСЕЛЕНИЯ VIII–X ВВ. ГОРА ЧИРКОВА 1: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГРУППЫ 3 (по итогам раскопок 2015 г.)

NORTH-EASTERN PLOT OF THE VIII–X CENTURIES OF CHIRKOV MOUNTAINS 1: ECONOMIC COMPLEXES OF GROUP 3 (on the result of exploration 2015)

В 1981–1985 гг. в процессе археологических разведок, проведенных Я.М. Паромовым, на территории Таманского полуострова было обнаружено 64 поселения VIII–X вв. [Паромов, 1992, с. 140–145]. К сожалению, в отличие от таких крупных региональных центров этого периода, как Таматарха и Фанагория, сельские памятники не привлекли внимание исследователей и лишь немногие из них были раскопаны широкими площадями. В последние годы к их числу стало возможным отнести поселение Гора Чиркова 1, расположенное в юго-западной части Таманского полуострова в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный (северный берег Цокурского лимана) и 3,2 км к югу от п. Приморский (южный берег Таманского залива).

До недавнего времени занимаемая им территория рассматривалась как составная часть другого, более крупного поселения — Виноградный 7, нанесенного на археологическую карту в 1984 г. Я.М. Паромовым¹. На основании данных аэрофотосъёмки и границ распространения подъёмного материала он установил его площадь в пределах 31 га (1,1×0,4 км), предварительно датировав VI–I вв. до н.э. и X–XIII вв. н.э. [Паромов, 1989, с. 77, пункт 59; Паромов, 1992, с. 144, № 166]. Вновь поселение обратило на себя внимание исследователей только в начале нынешнего века, и в процессе дальнейшего изучения оно было разделено на два самостоятельных памятника.

В 2001 г. на его северо-западной окраине в пределах участка площадью 256 кв. м, исследованного Н. Ю. Лимберис, были выделены два слоя. Нижний слой мощностью 0,2–0,5 м, на основании немногочисленных находок керамики VI–III вв. до н.э., был отнесен к античному времени. В верхнем, более мощном слое, датированном VIII–IX вв., преобладали причерноморские бороздчатые амфоры и салтово-маяцкая посуда. С этим же стратиграфическим горизонтом были связаны четыре хозяйственные ямы.

В 2002 г. работы на поселении, но уже под руководством В. В. Бочкового, продолжились к югу и востоку от раскопов, исследовавшихся в 2001 г. На площади 624 кв. м им был открыт еще один участок поселения VIII–IX вв., в пределах

¹ Впервые поселение было помещено на карту древностей Таманского полуострова С. Ф. Войцеховского (1925–1926 гг.). В 1930–1931 гг. его на своей карте отметил А. А. Миллер [Абрамзон, Сударев, 2017, 372].

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

которого оказались остатки каменных фундаментов трёх построек, семь хозяйственных ям и часть ровика, который, по мнению исследователя, мог окружать его жилую часть. Этим же временем датировалась и большая часть обнаруженной керамики, включая три целые причерноморские амфоры.

В 2004 г. на участке площадью 580 кв. м И. И. Марченко были выявлены каменные фундаменты еще трех построек и три хозяйственных ямы. В 2005 г. на участке площадью 580 кв. м В. Ю. Кононов раскопал четыре хозяйственных ямы и расчистил новый участок ровика, окружавшего поселение. Одновременно к северо-западу от поселения им исследовались шесть естественных возвышений, где было обнаружено 89 погребений и 25 других объектов, большая часть которых относилась ко времени функционирования раннесредневекового поселения.

В 2006 г. раскопки грунтового могильника продолжил В. В. Бочковой, исследовавший еще пять всхолмлений, в которых были открыты 14 погребений и пять других объектов. Более половины из них датировались VIII—X вв. [Марченко, Бочковой, Кононов, 2007, с. 151–271; Абрамова, 2015, с. 81–88]. В отчете о проведенных работах автор впервые маркировал южную границу «средневекового поселения», в пределы которого включил участки, на которых в 2001–2005 гг. проводились охранные раскопки. Таким образом, оно стало рассматриваться как отдельный памятник, хотя его границы и границы поселения Виноградное 7 пролегали практически вплотную друг к другу.

В 2011 г. по результатам разведок С.А. Буравлёва они были окончательно разделены на два памятника. Соответственно, восточной части поселения Виноградный 7 площадью 38 га было оставлено прежнее наименование, а его северо-западную часть площадью 17,72 га $(0.60\times0.38~\text{км})$, в пределах которой в 2001-2005~гг. были исследованы жилые и хозяйственные комплексы VIII—X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова 1 [Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–473; Супренков, 2016, с. 481–484].

Как показали дальнейшие исследования, разделение памятника оказалось вполне обоснованным. В 2015 г. в северо-восточной части поселения Виноградный 7 на площади 50 000 кв. м Н. И. Сударев исследовал несколько десятков погребений и других объектов IV–I вв. до н. э., в то время как раннесредневековый материал был представлен лишь немногочисленными фрагментами керамики [Сударев, Кашаев, 2016, с. 474–480]. Что же касается поселения VIII–X вв. Гора Чиркова 1, в этом же году в северной его части А. А. Супренковым был исследован участок с хозяйственными комплексами, площадь которого составила 24 600 кв. м (320×65 м) [Супренков, 2016, с. 484–485; Супренков, Науменко, Пономарев, 2017, с. 22–28].

В 2016 г. на участке площадью 20 175 кв. м., исследованном А. Н. Свиридовым, были открыты две усадьбы с остатками каменных фундаментов домов и другими связанными с ними сооружениями – котлованами полуземлянок и хозяйственными ямами. Между усадьбами был раскопан производственный комплекс, куда входили двухъярусный гончарный горн и несколько котлованов полуземлянок. Керамический 264

комплекс представлен находками причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, лощеной салтовской посудой и салтово-маяцкими горшками. Здесь же были обнаружены грунтовые погребения этого времени. В одной из могил найден золотой солид императора Ираклия (610–641 гг.), использовавшийся в качестве украшения [Свиридов, Язикова, Топоривская, 2017, с. 175–177, рис. 7–11; Суханов, Свиридов, 2017, с. 314–325].

К востоку от поселения Гора Чиркова 1 в 2016 г. Н. И. Сударевым исследовался участок некрополя (90 погребений) «тмутараканского» периода. Погребения были совершены в обычных грунтовых ямах, ямах с заплечиками и деревянными перекрытиями и в каменных ящиках. Погребальный инвентарь представлен украшениями и предметами быта (ножами, кресалами). В некоторых из могил были найдены монеты конца X – XI вв., в том числе «варварские» подражания милиарисию Василия II и Константина VIII, позолоченное подражание солиду Иоанна Цимисхия и скифатная электровая монета – номисма Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) и его соправителей (Евдокия, Михаила VII, Андроника и Константина) [Абрамзон, Сударев, 2017, с. 373, 381–382, рис. 4; Сударев, 2017, с. 184, рис. 11; 12].

В основу данной публикации были положены результаты работ А. А. Супренкова в $2015\ \Gamma$.

В пределах раскопа, заложенного к северу от пересекающей поселение железной дороги, были вскрыты культурные напластования, мощность которых варьировалась в пределах 1–2 м (рис. 1). Сверху по всей площади залегал распаханный гумусированный суглинок тёмно-серого оттенка. Его толщина в северной и центральной части раскопа составляла 0,3–0,5 м, а в южной части, где он был перемешан с техногенным слоем железнодорожной насыпи, достигала 0,8 м. Ниже, на желто-коричневом материковом суглинке, отложился плотный суглинок серо-коричневого оттенка, мощность которого в северной части раскопа варьировалась в пределах 0,5–0,6 м, а в южной части – в пределах 0,3–0,5 м.

В процессе раскопок из обоих слоев был извлечен совершенно идентичный археологический материал, среди которого большую часть составляли причерноморские амфоры и салтово-маяцкая столовая и кухонная посуда, датирующиеся VIII–X вв. Остальная керамика была представлена немногочисленными фрагментами керамики IV–I вв. до н. э.

К VIII–X вв. относилось и большинство других находок – аксессуары одежды, украшения, предметы быта и орудия труда, изготовленные из железа, медных сплавов, стекла, камня и кости.

Это обстоятельство позволило объединить выделенные на исследованном участке поселения слои в один стратиграфический горизонт. Соответственно, сформировавшийся в результате многолетней распашки верхний слой гумусированного суглинка стал рассматриваться как переотложенный и перемешанный с дерном антропогенный пласт нижележащего плотного суглинка серо-коричневого оттенка.

В ходе археологических работ в западной и центральной части раскопа были

исследованы 97 различных по форме и размеру ям и котлованов, большая часть которых представляла собой остатки хозяйственных комплексов поселения VIII—X вв. В восточной его части на площади более 877 кв. м никаких археологических объектов выявлено не было, поэтому можно допустить, что примерно где-то здесь и пролегала восточная граница поселения.

Что же касается ям и котлованов, в их размещении не прослеживалось чёткой и организованной структуры, однако, случайно или нет, они сформировали четыре вытянутые в направлении север—юг и ЮЗ—СВ компактные группы, располагавшиеся на расстоянии от 23 до 50 м друг от друга.

Группа 1 (западная), состоящая из 11 ям (№ 33, 34, 35, 36, 37, 38, 87, 88, 89, 90, 91), выявлена в северо-западном углу раскопа и занимала площадь размером 35×35 м. В 27 м к востоку от нее располагалась наиболее многочисленная группа 2, в которую была включена 41 яма (№№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 85, 86), охватывавшая площадь размером 40×35 м. В 23 м к востоку от нее выделена группа 3, состоящая из 13 ям (№ 1, 2, 3, 32, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 93, 94, 95), которые были вытянуты в направлении ЮЗ–СВ. Занимаемая ими площадь составляет 78×13 м. И, наконец, группа 4 (восточная), состоявшая из 32 ям (№ 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 96, 97, 98), занимала площадь размером 60×70 м и находилась в 50 м к востоку от группы 3.

В данной публикации нами будут рассмотрены объекты, включенные в группу 3. **Яма № 1** (рис. 2,5) обнаружена в кв. 1, 5, 6, 12. Пятно ее заполнения зафиксировано на глубине 0,8 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане яма имеет форму, приближенную к овалу, в разрезе, за счет сужающихся книзу бортов, трапециевидную форму. Сохранилась она на глубину 0,3 м. На верхнем прослеженном уровне ее размер составляет 1,8×2,0 м, а на уровне дна – 1,5×1,4 м. Яма заполнена однородным серо-коричневым суглинком, в котором были найдены 13 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 5 стенок салтово-маяцких горшков и два бесформенных куска печины.

После того как яма была уже частично засыпана, в ней совершили ритуальное жертвоприношение, расчищенное в северо-восточной ее части, в виде компактного скопления отдельных костей и челюсти лошади.

Яма № 2 (рис. 2,4,6) обнаружена в северо-западной части кв. 5 в 2,8 м к юго-западу от ямы № 1. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,7 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане яма имеет округлую форму, в разрезе — трапециевидную. Соответственно, на верхнем зафиксированном уровне ее диаметр составляет 1,8 м, а на уровне дна — 1,0 м. Сохранилась она на глубину 0,46 м и заполнена темным серо-коричневым суглинком и небольшими известняковыми камнями, размеры которых не превышали $0,10\times0,06\times0,02$ м. В заполнении найдены фрагменты ручки причерноморской амфоры (рис. 2,3), днища ойнохои скалистинского типа (рис. 2,2) и верхней части салтово-маяцкого горшка, венчик которого деформирован 266

в виде скрученного жгута, а верхняя часть тулова покрыта сплошным горизонтальным рифлением (рис. 2,1). Помимо них, обнаружены стенка столового красноглиняного сосуда и 5 стенок салтово-маяцких горшков, три из них орнаментированы горизонтальным рифлением.

Яма № 3 (рис. 3,12,13) обнаружена в юго-восточной части кв. 5 в 0,8 м к юго-востоку от ямы № 2. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,7 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане яма имеет округлую форму, в разрезе — прямоугольную. На верхнем прослеженном уровне ее диаметр составляет 1,9 м, на уровне дна — 1,7 м. Сохранилась она на глубину 0,94 м. В верхней части яма была заполнена темным серо-коричневым суглинком с примесью золы и печины. Нижний горизонт заполнения сформирован золистым слоем с примесью древесного угля и печины мощностью 0,2—0,4 м. От верхнего слоя, толщина которого варьировалась в пределах 0,6—0,8 м, он был отделен линзой золы с частицами древесного угля и печиной мощностью 0,08 м, зафиксированной на глубине 0,8 м от края ямы.

В заполнении обнаружены ручки причерноморских амфор (рис. 3,10,11), профильные фрагменты и часть стенки ойнохои скалистинского типа, тулово которой украшено горизонтальными полосками, нанесенными белым ангобом (рис. 3,7), венчик красноглиняного кувшина, днище сероглиняного сосуда, а также венчики и днища салтово-маяцких горшков, часть которых украшена по тулову сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 3,1-6,8-9). Помимо профильных фрагментов, в яме были найдены 38 стенок причерноморских амфор и красноглиняных столовых сосудов, 49 стенок салтово-маяцких горшков (из них 28 стенок орнаментированы горизонтальным и волнообразным рифлением), 43 куска печины, 11 костей животных, одна створка раковины устрицы, два обломка известняковых камней со следами обработки и три обломка известняковых ротационных жерновов.

Яма № 79 обнаружена в северной части кв. 681 в 5 м к востоку от ямы № 83. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 1,3 м на уровне материкового плотного желто-коричневого суглинка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — линзовидную. Диаметр ямы — 1,3 м. Сохранилась она на глубину 0,1 м и заполнена однородным темно-серым суглинком. Археологического материала в яме обнаружено не было.

Яма № 80 обнаружена в юго-западном углу кв. 711 в 5,5 м к северо-востоку от ямы № 81. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 1,3 м на уровне материкового плотного желто-коричневого суглинка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — линзовидную. Диаметр ямы — 1,5 м, глубина достигает 0,1 м. Заполнена она темно-серым однородным суглинком, в котором были найдены 4 стенки салтовомаяцких горшков. Скорее всего, яма представляет собой естественное углубление в материковом грунте.

Яма № 81 (рис. 4,3,4) обнаружена в южной части кв. 714 в 1,2 м к западу от ямы № 81. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,7 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе —

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... 55555555555

трапециевидную. Диаметр ямы – 0,9 м. Сохранилась она на глубину 0,4 м и заполнена темно-серым суглинком с примесью суглинка желто-оливкового оттенка, частиц древесного угля и кусков печины. В западной ее части на всю глубину прослежен затечный слой однородного суглинка темно-серого оттенка. В заполнении ямы найдены стенка красноглиняного столового сосуда и стенка салтово-маяцкого горшка, орнаментированная горизонтальным рифлением.

Яма № 82 (рис. 4,5,6) обнаружена в юго-западном углу кв. 713 в 14 м к северо-востоку от ямы № 1. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,8 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — трапециевидную. На верхнем прослеженном уровне ее диаметр составляет 0,80 м, а на уровне дна — 0,66 м. Сохранилась она на глубину 0,2 м и заполнена темно-серым суглинком с включением частиц древесного угля и печины. Других находок в яме обнаружено не было.

Яма-котлован № 83 обнаружена в северной части кв. 725, 726 в 13,5 м к северо-востоку от ямы № 80. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,4 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет форму вытянутого овала, в разрезе — трапециевидную. Размеры ямы — 4,3×3,5 м. Сохранилась она на глубину 0,3 м и заполнена темно-серым суглинком с примесью большого количества золы. В юго-западном ее углу расчищена еще одна яма, диаметром 1,8 м и глубиной 0,5 м. В плане она имела округлую форму, в разрезе — трапециевидную. Заполнена яма коричневым суглинком с примесью золы. В заполнении найдены ручка причерноморской амфоры (рис. 4,1), ручка красноглиняного кувшина (рис. 4,2), 10 стенок причерноморских бороздчатых амфор и красноглиняных столовых сосудов, а также 3 кости животных и 2 куска печины.

Яма № 84 (рис. 5,4,5) обнаружена в северной части кв. 725, 710 в 2,5 м к западу от ямы № 80. Пятно ее заполнения зафиксировано на глубине 0,9 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе – прямоугольную. Диаметр ямы – 1,4 м. Сохранилась она на глубину 0,5 м и заполнена однородным коричневым суглинком. Вдоль северного борта на всю глубину ямы прослежена сужающаяся книзу прослойка светло-коричневого суглинка, толщина которой достигала 0,20 м. На дне по центру ямы расчищено пятно древесного угля. На этом же уровне в северо-восточной и юго-западной частях зафиксированы компактные развалы трех причерноморских бороздчатых амфор (рис. 5,2,3). Помимо них, были найдены фрагмент ручки еще одной причерноморской бороздчатой амфоры (рис. 5,1), 39 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, а также 4 стенки салтово-маяцких горшков, три из которых орнаментированы горизонтальным рифлением, и бусина из паствого стекла оранжевого цвета (рис. 5,6).

Яма № 93 (рис. 6,3,4) обнаружена в кв. 874, 876 в 7 м к северо-западу от ямы № 79. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,5 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — прямо-угольную. Диаметр ямы на верхнем прослеженном уровне — 1,5 м, на уровне дна 268

— 1,6 м. Сохранилась она на глубину 0,3 м и заполнена однородным темно-коричневым суглинком. Большая часть обнаруженных в ней находок пришлась на придонную часть ямы, где зафиксирован компактный развал обломков керамики, мощность которого достигала 0,2 м.

В заполнении ямы были найдены две реконструированные причерноморские бороздчатые амфоры (рис. 6,1,2), профильные фрагменты причерноморских амфор (рис. 7,1-11), салтово-маяцкая лощеная двуручная корчага, украшенная в верхней части корпуса горизонтальными бороздками и волнообразными врезными линиями (рис. 8,4), обломок стенки с нижним прилепом ручки салтово-маяцкого сероглиняного кувшина, украшенного вертикальными полосами лощения (рис. 8,7), профильные фрагменты салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 1-3,5,8-10) и обломок сероглиняной крышки диаметром 28 см, изготовленной из такой же формовочной массы, что и салтово-маяцкие горшки (рис. 8,6). Помимо профильных фрагментов, в яме были найдены 567 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 19 стенок салтово-маяцких сероглиняных лощеных сосудов, 56 стенок салтово-маяцких горшков (из них 21 стенка орнаментирована горизонтальным рифлением), обломок железного гвоздя, наконечник черешковой железной стрелы (рис. 8,13), обломок неопределенного железного изделия, фрагменты железных ножен(?) (рис. 8,11), медная прямоугольная пластина с четырьмя отверстиями для крепления (рис. 8,12), 5 фрагментов сильно коррозированных неопределенных изделий из железа и 7 костей животных.

Яма № 94 (рис. 9,8,9) обнаружена в кв. 873–876 в 0,3 м к западу от ямы № 93. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,5 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — прямоугольную. Диаметр ямы — 1,5 м. Сохранилась она на глубину 0,2–0,3 м и заполнена однородным темно-коричневым суглинком. В заполнении найдены нижняя часть корпуса причерноморской бороздчатой амфоры (рис. 10, 9), профильные фрагменты причерноморских амфор (рис. 10,4–8,10–12,14,16–22), фрагмент ножки неопределенной амфоры IV в. до н. э., профильные фрагменты ойнохои скалистинского типа и салтово-маяцких горшков (рис. 9,1–3,5,6;10,1–3,13,15), ручка салтово-маяцкой сероглиняной лощеной корчаги (рис. 9,4), фрагмент ручки сероглиняного горшка (рис. 9,7), а также 185 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 12 стенок салтово-маяцких сероглиняных лощеных сосудов и одна стенка салтово-маяцкого горшка, орнаментированная горизонтальным рифлением.

Яма-котлован № 95 (рис. 11,18,19) обнаружена в северной части кв. 902 в 27 м к северо-востоку от ямы № 79. Пятно ее заполнения прослежено на глубине 0,7 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет овальную форму, в разрезе – трапециевидную. Размеры ямы на верхнем прослеженном уровне 2,9×2,8 м, на уровне дна – 2,4×2,5 м. Сохранилась она на глубину 0,3 м и заполнена темно-серым суглинком, перемешанным с плотным суглинком серо-коричневого оттенка. На глубине 0,22–0,28 м отложилась прослойка темно-серого суглинка с вклю-

чением мелких древесных углей и печины протяженностью 1,3 м и мощностью около 0,2 м. В заполнении найдены профильные фрагменты причерноморских амфор (рис. 11,7,9,12,17), ручка оранжевоглиняной импортной амфоры VIII—X вв., ручка неопределенной красноглиняной амфоры или кувшина, фрагмент ручки античного столового красноглиняного сосуда, фрагмент стенки салтово-маяцкого сероглиняного лощеного сосуда (рис. 11,5), профильные фрагменты салтово-маяцких горшков (рис. 11,1—4,6,8,11,14,15), фрагмент днища салтово-маяцкого горшка с рельефным клеймом в виде креста в круге (рис. 11,16), а также 72 стенки причерноморских амфор и столовой красноглиняной посуды, 119 стенок салтово-маяцких горшков (61 стенка орнаментирована горизонтальным рифлением и одна стенка — врезной волнообразной линией), фрагмент неопределенного железного предмета, 52 куска печины и 53 кости животных.

Яма № 32 включена в состав группы 3 условно, поскольку расположена примерно на одинаковом расстоянии от ям групп 3 и 4 в 40 м к юго-востоку от ямы № 3 (группа 3) и 42,5 м к 3Ю3 от ямы № 50 (группа 4). Обнаружена она в кв. 187 в 4 м от южного борта раскопа. К северо-востоку, северо-западу и ВСВ от нее на расстоянии от 1,5 м до 11 м выявлены три грунтовых могилы эпохи бронзы, погребенные в которых были уложены в скорченном положении на левом или правом боку головой на восток. Пятно заполнения ямы прослежено на глубине 0,75 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет овальную форму, в разрезе – трапециевидную. Размеры ямы — 1,0×1,2 м. Сохранилась она на глубину 0,4 м и заполнена серо-коричневым суглинком с примесью светло-коричневого материкового суглинка. В заполнении обнаружены профильные фрагменты салтово-маяцких горшков (рис. 11,10,13), фрагмент днища столового красноглиняного сосуда, 5 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, одна стенка салтово-маяцкого горшка и кость животного.

В целом, что касается функционального назначения ям, большая часть из них, скорее всего, использовалась для хранения урожая зерновых культур.

В зависимости от формы придонной части их можно разделить на три типа.

- Тип 1. Округлые и овальные в плане ямы с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками.
- Тип 2. Округлые и овальные в плане ямы с расширяющимися ко дну стенками, за счет чего в разрезе они имеют трапециевидную или колоколовидную форму.
- Тип 3. Округлые в плане ямы с вертикальными стенками в верхней части и «подбоями» в придонной части, придающими им на этом уровне трапециевидную или колоколовидную форму.

Такие же по форме ямы преобладают на многих салтово-маяцких поселениях Подонья, Подонцовья и Керченского полуострова [Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 15, рис. 5–10; Стадник, Стадник, 2009, рис. 3; Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 100–104, рис. 1–4; Зинько, Пономарев, 2009, рис. 48; 63; 68; 75; 77; 78].

На последнем этапе функционирования хозяйственных ям, судя по характеру за-

полнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, многие из них были превращены в обычные свалки бытового мусора и золы. В заполнении таких ям найдены многочисленные фрагменты керамики (причерноморских амфор, ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцкой лощеной и нелощеной посуды), а также хозяйственно-бытовые изделия, орудия труда, кости животных, бесформенные куски печины и частицы древесного угля.

В отличие от большинства ям-зернохранилищ, которые на последнем этапе функционирования использовались для сброса бытового мусора и золы, в некоторых из них были совершены ритуальные захоронения людей и животных [Супренков, Науменко, Пономарев, 2017, с. 26]. К их числу относится и хозяйственная яма 1, в которой, после того как ее перестали использовать по своему прямому назначению и частично засыпали, совершили жертвоприношение части туши лошади.

Подобного рода ритуальные комплексы зафиксированы на многих салтово-маяцких поселениях и городищах, причем не только в заброшенных хозяйственных ямах, обнаруженных рядом с постройками, но и в специально выкопанных для этих целей ямах внутри жилищ.

Несколько из них найдены на Саркельском городище. К примеру, в яме, вырытой у входа в одно из помещений «караван-сарая», были зачищены остатки расчлененной туши коня (череп и кости ног) с бронзовым боталом [Плетнева, 1996, с. 38, рис. 14, б]. В заполнении трех металлургических горнов найдены нижняя челюсть коня, кости ног и череп [Плетнева, 1996, с. 75], а в заполнении еще одного ритуального комплекса — котлована № 13, помимо костей коров и собаки, оказалась кость ноги лошади [Плетнева, 1996, с. 78, рис. 30а].

На Дмитриевском поселении, поблизости от одной из построек на вершине Мироновской горы, были открыты два конских захоронения, совершенных в прямо-угольных ямах [Плетнева 1989, с. 53, рис. 23, 3, 4]. Две хозяйственные ямы с ритуальным захоронением лошадей раскопаны на поселении Пятницкое I [Квитковский, 2011, с. 15]. На Маяцком поселении в котловане постройки 9 были найдены череп лошади и кость ноги, а в 3 м от нее в яме был зачищен практически целый скелет лошади (без копыт и пястных костей задних ног) [Винников, Афанасьев, 1991, с. 104; Винников, Плетнева, 1998, с. 112–114, рис. 42, Д, Г]. На этом же поселении, рядом со святилищами (постройками 21 и 45), обнаружены небольшие ямы-жертвенники, в которых оказались кости лошадей и коз [Винников, Афанасьев, 1991, с. 122–123, 129–130; Винников, Плетнева, 1998, с. 88–89, 94]. Такие же комплексы найдены в ямах, раскопанных на Крымском городище и поселении Золотые Горки. Соответственно, в первой из них были найдены череп и лопатка лошади, во второй – кости быка, лошади и овцы, в третьей – разрозненные кости лошади [Иванов, 2015, с. 366; Ключников, 2009, с. 244–246, рис. 4, 1, 2; 5, 2].

Ритуальные захоронения коней VIII–X вв. раскопаны и на Керченском полуострове, географически очень близком рассматриваемому нами региону. Пять из них открыты на городище Мирмекий [Бутягин, 2003, с. 64; Бутягин, Чистов, 2004,

с. 77; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 47]. Еще два конских захоронения найдены на поселении Эльтиген-Западное [Грач, 1999, с. 38, 40, табл. 12]. Последнее раскопано в заполнении одного из помещений заброшенной античной усадьбы на Южно-Чурубашском поселении [Пономарев, 2009, с. 512].

К сожалению, сакральная нагрузка ритуальных захоронений коней навсегда останется предметом дискуссии. К тому же, учитывая их разнообразие (место совершения жертвоприношения, форма ямы, состояние скелета, сопутствующий инвентарь и т.п.), можно с уверенностью утверждать, что посредством жертвы коня или части его туши (иногда в сопровождении другого животного или животных – коров, овец, коз и собак) преследовались различные цели. Часть из них, вслед за С. А. Плетневой, вполне логично рассматривать как «закладные» («строительные») жертвы или «обереги» [Плетнева, 2000, с. 94-95; Плетнева, 1996, с. 38; Плетнева, 1989, с. 53; Плетнева, 2004, с. 67]. В остальных же случаях, для чего предназначалась такая жертва, можно только гадать, тем более в древности, конь едва ли повсеместно связывался с культом Неба, а также солярным и хтоническим культами, которые допускали широкий спектр их сакрального использования [Рашев, 2008, с. 305; Беленицкий, 1978, с. 32–33; Ковалевская, 1978, с. 119; Нестеров, 1990, с. 88-89]. При этом конь являлся лишь связующим звеном между человеком и божеством, своего рода компенсацией за предоставленные или ожидаемые блага. Совершенно иной сакральный смысл закладывался в захоронения коней, совершенных в погребальных комплексах или в индивидуальных ямах на территории могильников. Одновременно, как и другие животные, они могли предназначаться для поминальной трапезы или сопровождать погребенного человека в качестве жертвенной пищи, но в этом случае их туша расчленялась [Аксенов, 1995, с. 10-12; Аксенов, 1998, с. 4-9; Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 123-127; Баранов, 1989, с. 73; Пономарев, 2011, с. 291; Гадло, 2004, с. 107].

Помимо обычных ям-зернохранилищ, в рассматриваемой нами группе хозяйственных комплексов оказались две ямы – № 83 и № 95, которые благодаря своим размерам – 4,3×3,5 м и 2,9×2,8 м (на уровне дна – 2,4×2,5 м) напоминают, скорее, оплывшие котлованы полуземлянок.

Однако в качестве жилых построек рассматривать их нет никаких оснований, поскольку ни в одной из них не были обнаружены остатки хозяйственно-бытовых устройств (отопительных сооружений, лежанок, ниш), а на полу не был прослежен «жилой» горизонт [ср.: Виноградов, 2002, с. 74; Красильникова, 2001, с. 325]. Не были зафиксированы в них и ямки для столбов, а также фрагменты турлучной обмазки деревянных каркасов стен, находки которых известны на некоторых поселениях «хазарского» времени Правобережной Кубани и степного Предкавказья [Доценко, 2009, с. 109–110; Иванов, Нарожный, Соловьев, 2015, с. 179; Биджиев, 1989, с. 26–38]. Иными словами, если это и были полуземлянки, то их перекрытия опирались не на каркасно-столбовую (опорно-столбовую) или каркасно-жердевую (каркасно-плетневую) конструкцию [Квитковский, 2012, с. 156–159; Квитковский, 2014, с. 449–457; Квитковский, 2017, с. 122; Савицкий, 2011, с. 167–168], и использовались они исклю-

чительно в хозяйственных целях, к примеру, в качестве погребов или каких-то других подсобных хозяйственно-бытовых помещений [ср.: Красильников, Красильникова, 2010, с. 162–163; Колода, Горбаненко, 2010, с. 72, рис. 38; Горбаненко, Колода, 2011, рис. 5, 1; Колода, 2016, с. 135–161; Ларенок, Цыбрий, Цыбрий, 2011, с. 150–163]. При этом вряд ли их можно атрибутировать как помещения, служившие для длительного хранения урожая, поскольку в котлованах таких заглубленных амбаров-зернохранилищ обычно обустраивали дополнительные ямы, куда и ссыпалось зерно [Колода, Горбаненко, 2010, с. 89, рис. 49, 2; Колода, 2016, с. 145–147, рис. 7; Красильников, Красильникова, 2016, с. 28–29].

Что же касается хронологических рамок рассматриваемых нами хозяйственных комплексов, поскольку ни в одной из ям группы 3 не были обнаружены фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, все они могут быть датированы в пределах второй половины VIII – первой половины X вв.

Среди находок из заполнения ям преобладали причерноморские амфоры крымского производства. За редким исключением все они относятся к желобчатым (бороздчатым) амфорам с невысоким горлом (высотой 6-7 см) и округлым венчиком, датирующимся второй половиной VIII – X вв. [Науменко, 2009а, с. 43–47, тип II]. Помимо Крыма, в большом количестве они найдены на салтово-маяцких памятниках степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 129, рис. 34]. Одну из наиболее многочисленных категорий находок они составляют и на памятниках VIII-X вв. Таманского полуострова [Плетнева, 1963, рис. 28; Кобылин, 1978, с. 32–34, рис. 2, 2, 3; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403–404, рис. 1, 1, 2; Чхаидзе, 2005, с. 446–450, рис. 4–8; Чхаидзе, 2006, рис. 10, 1; Чхаидзе, 2008, с. 144-153; Чхаидзе, 2012, с. 147-156; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 28–33; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 65–73, рис. 5; 7; Стручалина, 1972, с. 54; Безуглов, 2016, с. 9, рис. 2, 2, 3; Шишлов, 2007, с. 16–17, рис. 4; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016, с. 131, рис. 1, 3]. Что же касается прилегающих к нему регионов, ареал их распространения охватывает также степное Предкавказье и Северо-Западный Кавказ, включая Карачаево-Черкесию и Абхазию [Биджиев, 1989, с. 40; Биджиев, 1979, с. 160; Биджиев, 1983, с. 41; Биджиев, Соволайнен, 1982, с. 120-122; Бгажба, 1977, с. 14, табл. VII, 23; Амичба, 2002, с. 89-90; Успенский, 2015, с. 95, рис. 23, 4; Нечипорук, 2015, с. 189, рис. 7; Тарабанов, 1981, с. 119; Тарабанов, 1997, рис. 4; Тарабанов, 1993, с. 120, рис. 9,6; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2015, с. 302, рис. 1, 3].

Столовая посуда, произведенная в гончарных центрах Крыма, представлена кувшинами (ойнохоями) скалистинского типа, которые в VIII–X вв. получили широкое распространение в Крыму и за его пределами, в том числе и на Таманском полуострове [Науменко, 20096, с. 60–63; Сорокина, 1969, рис. 1, 7; Долгоруков, 1975, с. 57, рис. 1, 2; Кобылина, 1978, с. 32, рис. 2, 1; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416, 418, рис. 33, 1, 2; Чхаидзе, 2011, с. 124–125, рис. 10, 1; Чхаидзе, 2012, с. 173–174; Безуглов, 2016, с. 9; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016, рис. 1, 7]. На кавказском

18 би-хххvіі 273

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББ</u>

побережье Черного моря находка ойнохои скалистинского типа зафиксирована на территории крепости в устье р. Годлик в районе Большого Сочи [Овчинникова, 2011, с. 125, табл. 1, 4].

Вторую по численности после амфор группу керамических находок составляет салтово-маяцкая керамика, среди которой преобладали кухонные горшки. Все они изготовлены на ручном гончарном круге, но на различных этапах развития его функций. Среди характерных для них технологических приемов следует отметить разнообразие отощителей, использованных при замесе формовочной массы. В качестве непластичных добавок, призванных уменьшить чувствительность глины к сушке и обжигу, использованы дробленые раковины морских моллюсков, мелкий и крупный кварцевый песок, известняк и другие карбонатные породы, железистые минералы и шамот. Большинство горшков обожжено в окислительновосстановительной среде, в результате чего их поверхность приобрела темнокрасный (бордовый), серый и темно-коричневый оттенки. Гораздо реже встречаются сосуды, обожженные в окислительной среде, благодаря которой их поверхность приобрела кирпично-красный или светло-коричневый оттенки. К сожалению, классифицировать горшки по всей совокупности морфологических признаков, включая соотношение высот и диаметров, не представляется возможным, поскольку, за редким исключением, все они найдены в виде небольших обломков. Тем не менее, есть все основания утверждать, что среди них преобладали шаровидные горшки и невысокие горшки яйцевидной формы. Большинство из них имели низкое раструбовидное горло. У некоторых горшков плечики сразу же переходят в венчик. И те и другие демонстрируют большое разнообразие форм венчика – от массивных, сильно загнутых или оттянутых наружу (по горизонтальной плоскости или книзу), округлых или подтреугольных в сечении до плоскосрезанных, заостренных и «клювовидных». Тулово некоторых из них украшено сплошным или зональным горизонтальным, волнистым или горизонтально-волнистым рифлением.

Таким образом, по основным морфологическим показателям, включая большое разнообразие форм венчиков, горшки с поселения Гора Чиркова 1 практически ничем не отличаются от горшков, обнаруженных на салтово-маяцких поселениях и городищах Юго-Восточного Крыма, Керченского и Таманского полуострова, Приазовья, Нижнего и Среднего Подонья и Правобережья Кубани [Майко, 2000, рис. 8–10; Майко, 2012, с. 79–93; Плетнева, 1963, с. 20–22, рис. 11; 12; Безуглов, 2016, с. 9, рис. 2, 5, 6; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016, с. 131, рис. 1, 11–15; Плетнева, 1967, с. 106–108; Пономарев, 2014а, с. 239–276; Тарабанов, 1993, рис. 2].

Некоторые из горшков с внутренней стороны имели небольшую полочку для установки конических крышек с выступом-ручкой. К сожалению, как и на других салтово-маяцких памятниках [Винников, Плетнева, 1998, с. 155; Колода, 2001, с. 225, рис. 6, 9; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 243, рис. 19, 3, 4; Кравченко, 2004, с. 266, рис. 13, 3, 4; Кияшко, 2016, с. 69, рис. 5, 3, 4; Майко, 2000, с. 109; Майко, 2004, с. 198; Пономарев, Пономарева, 2010, с. 461–462, рис. 3, 7, 8; Пономарев, 2014а, рис. 10, 5–8],

на поселении Гора Чиркова 1 крышки (как для кухонных горшков, так и лощеной столовой посуды) представлены единичными фрагментами, включая обломок сероглиняной крышки из ямы № 93 (рис. 8,6).

Помимо обычных кухонных горшков, в небольшом количестве были найдены толстостенные пифосообразные горшки с массивным отогнутым наружу округлым венчиком, украшенным пальцевыми защипами или деформированным в виде «перевитого жгута» (рис. 2,1). Использовались они для приготовления пищи и хранения жидких и сыпучих продуктов. Как и кухонные горшки, они встречаются в пределах всего ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе на городищах, поселениях и в гончарно-ремесленных центрах бассейна Северского Донца и Дона, Северного Приазовья и Крыма [см. лит.: Зинько, Пономарев, 2009, с. 67; Пономарев, 2014а, рис. 1, 1, 2]. Обнаружены они и на поселениях VIII-X вв. Таманского полуострова, Правобережной Кубани, степного Предкавказья и Северного Кавказа, причем И. И. Ляпушкин выделил их в один из основных типов керамики, характерных для «хазарского» периода Таманского городища [Ляпушкин, 1941, с. 207-208, табл. III, 1; Плетнева, 1963, с. 59, рис. 36, 1–5; Сударев, Майко, 2015, с. 366, рис. 4, 6; Кузнецов, Голофаст, 2010, рис. 33, 4; Тарабанов, 1993, с. 121, рис. 6, а-г; Тарабанов, 1997, рис. 2, 5, 8, 11; Гадло, 1975, с. 65; Биджиев, 1979, с. 45, рис. 10; Биджиев, Гадло, 1979, рис. 13, 3; Биджиев, Соволайнен, 1982, с. 114, рис. 1; Биджиев, 1989, с. 40, рис. 33].

Среди редких находок отметим также фрагмент днища салтово-маяцкого горшка с рельефным клеймом в виде креста в круге (рис. 11,16). Круг аналогий этому одному из самых распространенных солярных символов хронологически и географически очень широк [Тухтина, 1960, с. 149; Даркевич, 1960, с. 60, рис. 1; Комша, 1961, с. 457; Плетнева, 1967, рис. 32; Федоров, 1984, с. 60]. Что же касается салтово-маяцкой культуры, он охватывает все регионы ее распространения, и наносились такие клейма как на лощеные сосуды, так и на кухонные горшки [Плетнева, 1959, рис. 44, 21; Флеров, 1979, с. 94–95, группа ІБ2; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, рис. 20, 4; 24, 8; Красильников, 1976, рис. 5, 6; Красильников, 1979, рис. 5; Красильников, 2009, с. 123, рис. 6, 2; 21, 8; Тарабанов, 1993, рис. 3; Макаревич, 1957, табл. І, ІІ; Аксенов, 2005, рис. 1, 2; Афанасьев, 2013, рис. 7, 1; Сарапулкин, 2016, рис. 2, 5; Флеров, 2017, рис. 6, 6; Зинько, Пономарев, 2009, с. 70, рис. 47, 3; Пономарев, 2014а, рис. 12, 1; Баранов, 1990, рис. 36; Майко, 2000, рис. 10, 3–7; Майко, 2004, с. 199, рис. 116].

Остальные гораздо менее многочисленные находки салтово-маяцкой керамики VIII–X вв. представлены фрагментами сероглиняных корчаг, кувшинов и кубышек с лощеной поверхностью. Кроме того, в яме № 93 была найдена полностью реконструированная лощеная двуручная корчага, украшенная в верхней части корпуса горизонтальными бороздками и волнообразными врезными линиями (рис. 8,4). Подобные сосуды (в том числе и без лощения) обнаружены на поселениях и городищах Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма, но чаще всего их находки фиксируются на салтово-маяцких памятниках Подонья и особенно бассейна

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

Северского Донца [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 453, рис. 1, 1–3; Пономарев, 2014б, рис. 9, 1; Баранов, 1990, с. 101, рис. 35, 6, 9; Баранов, Майко, 2000, с. 87, рис. 7, 22; Майко, 2004, с. 194–195, рис. 107, 11; Плетнева, 1959, с. 214, рис. 5; Плетнева, 1967, с. 118, рис. 30, 5; Плетнева, Николаенко, 1976, с. 287–288, рис. 7, 12; Плетнева, 1989, с. 137–138, рис. 77–79; Михеев, 1985, рис. 15, 16, 17; Кучугура, 1998, рис. 5; Аксенов, 2003, с. 100; Аксенов, 2004, с. 205, рис. 1, 13; Аксенов, 2005, с. 183–185, рис. 1, 2, 4; 4, 3; Аксенов, 2009, рис. 7, 3; Аксенов, Михеев, 2009, с. 387–389, рис. 1, 3; Колода, 2015, 98, рис. 1, 1]. Встречаются они и на Таманском полуострове. Две фрагментированные корчаги из раскопок Таматархи опубликованы С.А. Плетневой [Плетнева, 1963, с. 40, рис. 25, 4, 5]. На поселении Артющенко I найдена оранжевоглиняная корчага, украшенная вертикальными полосами лощения, горизонтальными бороздками и многорядной врезной волной [Виноградов, 2002, с. 80, рис. 5], а на городище Кепы – сероглиняная корчага, украшенная горизонтальными бороздками и сетчатым врезным орнаментом [Сокольский, 1963, с. 110–111, рис. 7, 4; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10, 8].

По материалам раскопок Дмитриевского могильника С. А. Плетнева разделила эти сосуды на три типа, в основу которых были положены их размеры и морфологические признаки. При этом корчаги с поселения Гора Чиркова 1 (по крайней мере, их реконструированные экземпляры) наиболее близки к типу 1 — корчагам с крутыми плечиками и пропорциями тулова 1:1 или 0,9:1. Такое соотношение придает им некоторую шаровидность, благодаря чему они напоминают обычные горшки [Плетнева, 1989, с. 137, рис. 77, кат. 15; 78, кат. 34; Сарапулкин, 2003, рис. 35, 1–10]. К сожалению, как и все остальные формы салтовской лощеной керамики, корчаги имеют широкие рамки бытования.

Таким образом, узких дат ни для одной из хозяйственных ям и полуземлянок группы 3 получить не удалось. Обломки высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, датирующихся не ранее второй половины IX в., были найдены лишь в нескольких ямах, выделенных в группы 2 и 4. К тому же, как уже упоминалось выше, в отличие от участков, исследованных в 2002, 2004 и 2016 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов нескольких наземных построек, в этой части поселения не было обнаружено ни одного жилого комплекса. В связи с этим установить, как долго (последовательно или одновременно) функционировали раскопанные в 2015 г. хозяйственные комплексы и насколько соответствует действительности их условное разделение на четыре группы, пока не представляется возможным. Ответы на эти вопросы могут быть получены только в процессе дальнейших раскопок и публикации материалов, исследованных ранее участков поселения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.) // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2017. № 3 (57). С. 371–391.

Абрамова А.Н. Палеодемографическая характеристика могильника Виноградный 7 // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2015. Вып. 3. С. 81–88.

- Аксенов В.С. Захоронения с конем у населения северо-западной Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногоровского могильников) // Культуры степей Евразии второй половины І тыс. н.э. Тезисы докладов Международной научной археологической конференции 14–17 ноября 1995 г. Самара, 1995. С. 10–12.
- Аксенов В.С. Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры. Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 1998. Вип. 3. С. 4–9.
- Аксенов В.С. К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2004. Т. 3. С. 204–212.
- Аксенов В.С. Салтовские кремационные комплексы с конскими начельниками из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4. С. 182–198.
- Аксенов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 231–258.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / под ред. И. Эрдели. Киев: Наукова думка, 1996. С. 116–129.
- Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 387–406.
- Аксьонов В.С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2 (14). С. 95–102.
- Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум: ООО Алашарбага, 2002. 236 с.
- *Афанасьев* Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры этномаркирующий признак? // РА. 2013. № 3. С. 13–25.
- Баранов И.А. Грунтовые могильники второй половины VII—X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и култура: Втора международна среща по прабългарска археология, Шумен, 1986. София: Българска академия на науките, 1989. Т. 1. С. 159–176.
- *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- *Баранов И.А., Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 83–99.
- Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977. 80 с.
- Безуглов С.И. Поселение Волна 1: позднеримское время и эпоха средневековья // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 7–15.
- *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 31–39.
- Биджиев X.X. Средневековая керамика Хумаринского городища (По материалам раскопок 1977 г.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / отв. ред. В.И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979. С. 154–169.
- *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1983. 228 с.
- Биджиев X.X. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985—1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1989. С. 6—47.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББББ</u>

- *Биджиев Х.Х., Гадло А.В.* Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии / отв. ред. Я.А. Федоров. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979. С. 27–51.
- Биджиев Х.Х., Соволайнен Н.П. Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 113–133.
- *Бутягин А.М.* Работы Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. / за ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: ІА НАН України; Шлях, 2003. Вип. 5. С. 61–65.
- *Бутягин А.М., Чистов Д.Е.* Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. / за ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; ІА НАН України; Шлях, 2004. Вип. 6. С. 77–78.
- *Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований / авт. кат. А.М. Бутягин, пер. на англ. Ю.Р. Редькиной. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. С. 4–51.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. 194 с.
- Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. 216 с.
- Виноградов Ю.А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. СПб., 2002. Новая серия. Т. I (XXVI). С. 73–81.
- *Гадло А.В.* Городище Казар-кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // Краткие сообщения института археологии. 1975. Вып. 144. С. 60–66.
- Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 364 с.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2013. № 2(40). С. 55–78.
- Горбаненко С.А., Колода В.В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры // Матеріали і дослідження по археології Східної України. Луганськ, 2011. Вип. 11. С. 228–239.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4. С. 56–67.
- Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 54–59.
- Доценко И.В. Строительные остатки из культурного слоя раннесредневекового поселения Ханьков 1 // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 109–111.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том І. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. 328 с. (Боспорские исследования Supplementum 5).
- Иванов А.А. Исследования на Крымском городище в 2010–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2015. С. 265–266.
- Иванов А.А., Нарожный Е.И., Соловьев С.Л. Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук: (охранная археология). СПб., 2015. № 5. С. 163–192.
- Квитковский В.И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині / упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О., 2011. С. 14–20.

- *Квитковский В.И.* К вопросу о реконструкции внешнего вида жилых построек лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж, 2012. Вып. 3. С. 154–162.
- Квитковский В.И. К вопросу о конструкциях стен в жилищах салтово-маяцкой культуры лесостепного Подонцовья // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014. Вып. 6. С. 449–457.
- Квитковский В.И. Проблемы реконструкции раннесредневековых жилищ (на примере построек лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры) // Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 26 годовщине Комратского государственного университета, 10 февраля 2017 г. Сборник тезисов. Комрат, 2017. Т. II. С. 122–123.
- Кияшко Я.А. Керамический материал гончарно-ремесленного центра салтово-маяцкой культуры у станицы Суворовской // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 67–75.
- Ключников В.В. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции / под ред. В.В. Ключникова, А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 241–255.
- Кобылина М.М. Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 30–35.
- Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 111–120.
- *Колода В.В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 219–232.
- Колода В.В. Новий могильник салтівської культури на Харківщині // Старожитності Лівобережного Подніпров'я 2015. Київ, 2015. С. 97–110.
- Колода В.В. Хозяйственные комплексы салтовского времени на селище Мохнач 2 // Хазарский альманах. М., 2016. Т. 14. С. 135–163.
- Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. 216 с.
- Комша М.М. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. Bucureşti, 1961. Vol. V. C. 449–461.
- *Кравченко* Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2004. Т. 3. С. 242–276.
- *Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 233–302.
- Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. Хазарское время. С. 261–356.
- Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267–278.
- *Красильников К.И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. 1979. Вып. 160. С. 60–69.
- Красильников К.И., Красильникова Т.И. Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история / ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва: Мосты культуры Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 153–188.
- Красильников К.И., Красильникова Т.И. О зернопроизводстве праболгар салтово-маяцкой культуры в степном Подонцовье // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф. Ш. Хузина / отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 28–31.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

- Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII нач. Х вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 323–332.
- *Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. № 1. С. 393–429.
- Кучугура Л.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П. М. Пиневича и Н. Э. Макаренко) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1998. Вып. 8. С. 44–52
- Ларенок П.А., Цыбрий С.В., Цыбрий А.В. Раннесредневековый комплекс поселения Терновое III (по материалам раскопок 2004 г.) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7. С. 145–169.
- *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6: Этногенез восточных славян. Т. I. С. 191–246.
- Майко В.В. Керамический комплекс VIII—X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 101–123.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академпериодика, 2004. 316 с.
- Майко В.В. Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Харків-Софія, 2012. Т. V. С. 79–93.
- Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени Белинское // Таврические студии. Симферополь, 2016. № 10. С. 98–104.
- *Макаревич М.Л.* Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці // Археологія. 1957. Т. Х. С. 146–149.
- *Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю.* Раскопки могильника Виноградный 7 на Тамани в 2005—2006 гг. // МИАК. Краснодар, 2007. Вып. 7. С. 151–271.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том І. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Украина, 2009а. С. 35–50 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том І. Археологические комплексы VIII—X вв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Украина, 2009б. С. 60–64 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- *Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. 143 с.
- $\it Heчипорук A.A.$ Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25 // «V Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар, 2015. С. 187–202.
- Нидзельницкая Л.Ю., Кулаков А.А. Раннесредневековое поселение Мартыново 1 на Нижнем Дону // Хазарские древности / под ред. В.В. Ключникова, А.А. Кулакова. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 7–49.
- *Овчинникова Б.Б.* Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7. С. 127–138.
- *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72–78.
- Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1992. Вып. 1. С. 109–146.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела Белой Вежи // МИА. 1959. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 24–76.

- *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1963. С. 5–72.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. 1967. № 142. 198 с.
- *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнева С.А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 168 с.
- *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва: Мосты культуры-Иерусалим: Гешарим, 2000. 240 с.
- *Плетнева С.А.* Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., 2004. № 9 (1069). С. 64–68.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298. Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2009. Вып. XXI. С. 490–520.
- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовой могильник поселения Героевка 2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур: материалы научной международной конференции. Керчь, 2011. С. 287–295
- *Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014а. Т. 12. Хазарское время. С. 239–276.
- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка 3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014б. Вып. І. С. 376–399.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вып. IV. С. 453—464.
- Рашев Р. Българската езическа култура VII-IX век. София: Классика и Стил ООД, 2008. 599 с.
- Савицкий В.Н. Домостроительные традиции населения лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 166–169.
- *Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003. 203 с.
- Сарапулкин В.А. Постройки из раскопа 20 Маяцкого селища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 269–280.
- Свиридов А.Н., Язиков С.А., Топоривская М.А. Поселение Гора Чиркова 1 (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2017. Т. 19. С. 174–177.
- Сокольский Н.И. Кепы // Античный город / под ред. А.И. Болтуновой. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 97–114.
- Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. / под ред. В.П. Левашовой. М., 1969. С. 124–128.
- Стадник О.В., Стадник А.И. Батыр памятник раннего средневековья в Степном Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Донецьк, 2009. № 10. С. 78–99.
- *Стручалина Р.А.* Некоторые итоги раскопок городища Патрэй (по материалам археологических исследований 1968–1969 гг.) // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 45–55.
- Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный 7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. М.: Институт археологии РАН, 2017. Т. 19. С. 182–189.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББ</u>Б

- Сударев Н.И., Майко В.В. Археологические исследования Таматархи-Тмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 364–396.
- Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградный 7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: материалы международной научной конференции. Керчь, 2016. С. 471–480.
- Супренков А.А. Поселение Гора Чиркова 1 история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: материалы международной научной конференции. Керчь, 2016. С. 481–485.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Комплекс хозяйственных сооружений на северо-восточной окраине поселения Гора Чиркова 1 (по материалам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.) // Laurea II. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы. Харьков, 2017. С. 22–28.
- Суханов Е.В., Свиридов А.Н. Комплексы раннесредневековых амфор с поселения Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 314—325.
- *Тарабанов В.А.* Исследование средневекового селища у хутора им. Ленина // Археологические открытия 1980 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 119.
- *Тарабанов В.А.* Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocaucasica, I / отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 115–122, 206–213.
- *Тарабанов В.А.* Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ станицы Васюринской // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1997. Вып. 3. С. 74–79.
- *Таскаев В.Н., Чхаидзе В.Н.* Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. М., 2007. Т. 11. С. 403–411.
- *Тухтина Н.В.* Средневековые славянские гончарные клейма // Труды Государственного Исторического музея. М., 1960. Вып. 37. С. 148–155.
- Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. М., 2015. 332 с.
- Федоров Г.С. Хозяйственные занятия обитателей Терско-Сулакской низменности в раннем средневековье // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа / отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т им. Л. Н. Толстого, 1984. С. 59–62.
- Флеров В.С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чечено-Ингушский гос. унтим. Л. Н. Толстого, 1979. С. 94–102.
- Флеров В.С. Местная керамика Семикаракорской крепости // Археология евразийских степей. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. № 1. С. 336–355.
- *Чхаидзе В.Н.* Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. М., 2005. Т. 8. С. 443–464.
- *Чхаидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. М., 2006. Т. 10. С. 487–517.
- *Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
- *Чхаидзе В.Н.* Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Армавир, 2011. Вып. 12. С. 115–140.
- Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI-X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
- *Шишлов А.В.* Поселение у балки Лисовицкого // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007. С. 16–17.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Средневековое поселение Глебовское по результатам раскопок 1997–2000 гг. // «V Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Куль-

- турные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар, 2015. С. 301–307.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 131–139.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Sudarev N.I. Monety iz raskopok poseleniia Vinogradnyi 7 (2016 g.). *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2017, № 3 (57), pp. 371–391.
- Abramova A.N. Paleodemograficheskaia kharakteristika mogil'nika Vinogradnyi 7. *Arkheologiia i etnografiia pontiisko-kavkazskogo regiona*. Krasnodar, 2015, vol. 3, pp. 81–88.
- Aksenov V.S. Zakhoroneniia s konem u naseleniia severo-zapadnoi Khazarii (po materialam Netailovskogo i Krasnogorovskogo mogil'nikov). *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tys. n. e. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi arkheologicheskoi konferentsii 14–17 noiabria 1995 g.* Samara, 1995, pp. 10–12.
- Aksenov V.S. Zakhoroneniia konei v pogrebal'nykh obychaiakh naseleniia saltovskoi kul'tury. *Aktual'ni problemi vitchiznianoï ta vsesvitn'oï istoriï*. Kharkiv, 1998, vol. 3, pp. 4–9.
- Aksenov V.S. K voprosu o semantike nekotorykh zhenskikh naborov ukrashenii saltovskogo vremeni iz basseina Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2004, vol. 3, pp. 204–212.
- Aksenov V.S. Saltovskie krematsionnye kompleksy s konskimi nachel'nikami iz basseina Severskogo Dontsa. Khazarskii al'manakh. Kiev-Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 182–198.
- Aksenov V.S. Issledovaniia rannesrednevekovykh zakhoronenii bliz sela Metallovka v 2006 godu (Netailovskii gruntovyi mogil'nik). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009, vol. 7, pp. 231–258.
- Aksenov V.S., Kryganov A.V., Mikheev V.K. Obriad pogrebeniia s konem u naseleniia saltovskoi kul'tury (po materialam Krasnogorskogo mogil'nika). *Erdeli I. (Ed.) Materialy I tys. n. e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1996, pp. 116–129.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K. Pogrebeniia so slozhnosostavnymi lukami biritual'nogo mogil'nika Krasnaia Gorka saltovskoi kul'tury. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009, vol. 7, pp. 387–406.
- Aks'onov V.S. Sidiache pokhovannia z alans'kogo katakombnogo mogil'nika bilia s. Verkhnii Saltiv. *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoï Ukraïni*. Poltava, 2003, № 2 (14), pp. 95–102.
- Amichba G.A. Abkhaziia v epokhu rannego srednevekov'ia (Ocherki po istorii narodnogo khoziaistva i sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v VI–X vv.). Sukhum: OOO Alasharbaga Publ., 2002, 236 p.
- Afanas'ev G.E. Kukhonnaia posuda saltovo-maiatskoi kul'tury etnomarkiruiushchii priznak?. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, № 3, pp. 13–25.
- Baranov I.A. Gruntovye mogil'niki vtoroi poloviny VII–X vv. v Krymu. *Problemi na prab"lgarskata istoriia i kultura: Vtora mezhdunarodna sreshcha po prab"lgarska arkheologiia, Shumen, 1986.* Sofiia: B"lgarska akademiia na naukite, 1989, vol. 1, pp. 159–176.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
- Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodishcha serediny VIII pervoi poloviny X vv. *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniia i materiali.* Veliko Tyrnovo, 2000, vol. VII, pp. 83–99.
- Bgazhba O.Kh. Ocherki po remeslu srednevekovoi Abkhazii (VIII–XIV vv.). Sukhumi: Alashara Publ., 1977, 80 p.
- Bezuglov S.I. Poselenie Volna 1: pozdnerimskoe vremia i epokha srednevekov'ia. Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

- nefteproduktov: materialy arkheologicheskoi nauchnoi konferentsii konferentsii (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion, pos. Volna, aprel' 2016 g.). Krasnodar, 2016, pp. 7–15.
- Belenitskii A.M. Kon' v kul'takh i ideologicheskikh predstavleniiakh narodov Srednei Azii i Evraziiskikh stepei v drevnosti i rannem srednevekov'e. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii.* 1978, vol. 154, pp. 31–39.
- Bidzhiev Kh.Kh. Srednevekovaia keramika Khumarinskogo gorodishcha (Po materialam raskopok 1977 g.). *Markovin V.I. (Ed.) Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkesii.* Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979, pp. 154–169.
- Bidzhiev Kh.Kh. *Khumarinskoe gorodishche*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1983, 228 p.
- Bidzhiev Kh.Kh. Issledovanie srednevekovykh poselenii Karachaevo-Cherkesii i stepnogo Predkavkaz'ia v 1985–1986 gg. Alekseeva E.P. (Ed.) *Voprosy arkheologii i srednevekovoi istorii Karachaevo-Cherkesii.* Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Publ., 1989, pp. 6–47.
- Bidzhiev Kh.Kh., Gadlo A.V. Raskopki Khumarinskogo gorodishcha v 1974 godu. Fedorov Ia.A. (Ed.) Arkheologiia i etnografiia Karachaevo-Cherkesii. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979, pp. 27–51.
- Bidzhiev Kh.Kh., Sovolainen N.P. Keramika Khumarinskogo gorodishcha VIII–X vv. n. e. *Alekseeva E.P. (Ed.) Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkesii (Material'naia i dukhovnaia kul'tura).*Cherkesski: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Press, 1982, pp. 113–133.
- Butiagin A.M. Raboty Mirmekiiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha *Gavriliuk N.O.* (*Ed.*) *Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2001–2002 rr*. Kiïv: IA NAN Ukraïni Press; Shliakh Publ., 2003, vol. 5, pp. 61–65.
- Butiagin A.M., Chistov D.E. Raboty Mirmekiiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2003 g. *Gavriliuk N.O. (Ed.) Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2002–2003 rr.* Kiïv; IA NAN Ukraïni Press; Shliakh, 2004. vol. 6, pp. 77–78.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A. Istoriia i arkheologiia drevnego Mirmekiia. *Mirmekii v svete novykh arkheologicheskikh issledovanii /* avt. kat. A.M. Butiagin, per. na angl. Iu.R. Red'kinoi. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, pp. 4–51.
- Vinnikov A.Z., Afanas'ev G.E. Kul'tovye kompleksy Maiatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii). Voronezh: Voronezhskii gos. un-t Press, 1991, 194 p.
- Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie.* Voronezh: Voronezhskii gos. un-t Press, 1998, 216 p.
- Vinogradov Iu.A. Saltovo-maiatskie kompleksy poseleniia Artiushchenko I na Tamanskom poluostrove. Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. Sankt-Peterburg, 2002, Novaia seriia, vol. I (XXVI), pp. 73–81.
- Gadlo A.V. Gorodishche Kazar-kala (k voprosu o khazarskoi kul'ture v Severnom Dagestane). *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, 1975, vol. 144, pp. 60–66.
- Gadlo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. Sankt-Peterburg: SPbGU Publ., 2004, 364 p.
- Golofast L.A., Ol'khovskii S.V. Amfornaia tara iz podvodnykh raskopok v akvatorii Fanagoriiskoi gavani. Problemy istorii, filologii, kul'tury. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2013, № 2(40), pp. 55–78.
- Gorbanenko S.A., Koloda V.V. Obobshchaiushchii analiz sel'skogo khoziaistva nositelei saltovskoi kul'tury. *Materiali i doslidzhennia po arkheologii Skhidnoï Ukraïni*. Lugans'k, 2011, vol. 11, pp. 228–239.
- Grach N.L. Nekropol' Nimfeia. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1999, 328 p.
- Darkevich V.P. Simvoly nebesnykh svetil v ornamente Drevnei Rusi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1960, № 4, pp. 56–67.
- Dolgorukov V.S. Issledovaniia beregovoi chasti Fanagorii v 1971–1972 gg. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, 1975, vol. 143, pp. 54–59.
- Dotsenko I.V. Stroitel'nye ostatki iz kul'turnogo sloia rannesrednevekovogo poseleniia «Khan'kov-1». Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia: Materialy konferentsii. Krasnodar, 2009, pp. 109–111.

- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina Publ., 2009, 328 p. (Bosporskie issledovaniia Supplementum 5).
- Ivanov A.A. Issledovaniia na Krymskom gorodishche v 2010–2013 gg. *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg.* Moskva: IA RAN Press, 2015, pp. 265–266.
- Ivanov A.A., Narozhnyi E.I., Solov'ev S.L. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia v Novokubanskom i Uspenskom raionakh Krasnodarskogo kraia v 2014 g. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk: (okhrannaia arkheologiia)*. Sankt-Peterburg, 2015, № 5, pp. 163–192.
- Kvitkovskii V.I. Selishche saltovo-maiatskoi kul'tury Piatnitskoe-I (osnovnye etapy issledovaniia) // Svistun G.E. (Ed.) Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini. Kharkiv: Vidavets' Savchuk O.O. Publ., 2011, pp. 14–20.
- Kvitkovskii V.I. K voprosu o rekonstruktsii vneshnego vida zhilykh postroek lesostepnoi zony saltovomaiatskoi kul'tury. Divnogorskii sbornik: Trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e». Voronezh, 2012, vol. 3, pp. 154–162.
- Kvitkovskii V.I. K voprosu o konstruktsiiakh sten v zhilishchakh saltovo-maiatskoi kul'tury lesostepnogo Podontsov'ia. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*. Lipetsk, 2014, vol. 6, pp. 449–457.
- Kvitkovskii V.I. Problemy rekonstruktsii rannesrednevekovykh zhilishch (na primere postroek lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury). Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia «Nauka, obrazovanie, kul'tura», posviashchennaia 26-oi godovshchine Komratskogo gosudarstvennogo universiteta, 10 fevralia 2017 g. Sbornik tezisov. Komrat, 2017, vol. II, pp. 122–123.
- Kiiashko Ia.A. Keramicheskii material goncharno-remeslennogo tsentra saltovo-maiatskoi kul'tury u stanitsy Suvorovskoi. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia: Istoriia, Politologiia, Sotsiologiia, 2016, № 2, pp. 67–75.
- Kliuchnikov V.V. Osobennosti stroitel'no-khoziaistvennykh kompleksov gorodishcha Zolotye Gorki na Nizhnem Donu. Kovalenko A.N. (Ed.) Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia. Sbornik statei po materialam XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu: Media-Polis Publ., 2009, pp. 241–255.
- Kobylina M.M. Razrusheniia gunnov v Fanagorii. Kozenkova V.I., Krasnov Iu.A., Rozenfel'dt I.G. (Eds.) Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy. Moskva: Nauka Publ., 1978, pp. 30–35.
- Kovalevskaia V.B. Izobrazhenie konia i vsadnika na srednevekovykh amuletakh Severnogo Kavkaza. Kozenkova V.I., Krasnov Iu.A., Rozenfel'dt I.G. (Eds.) Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy. Moskva: Nauka Publ., 1978, pp. 111–120.
- Koloda V.V. Saltovskoe goncharnoe proizvodstvo (po materialam remeslennogo tsentra v urochishche Roganina). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Donetsk, 2001, vol. 2. Khazarskoe vremia, pp. 219–232.
- Koloda V.V. Novii mogil'nik saltivs'koï kul'turi na Kharkivshchini. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprov'ia* 2015. Kiïv, 2015, pp. 97–110.
- Koloda V.V. Khoziaistvennye kompleksy saltovskogo vremeni na selishche Mokhnach-P. Khazarskii al'manakh. Moskva, 2016, vol. 14, pp. 135–163.
- Koloda V.V., Gorbanenko S.A. *Sel'skoe khoziaistvo nositelei saltovo-maiatskoi kul'tury v lesostepnoi zone.* Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy, 2010, 216 p.
- Komsha M.M. O znachenii goncharnykh kleim rannefeodal'noi epokhi. *Dacia*, Bucureşti, 1961, vol. V, pp. 449–461.
- Kravchenko E.E. Gorodishcha srednego techeniia Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2004, vol. 3, pp. 242–276.
- Kravchenko E.E., Davydenko V.V. Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2. Khazarskoe vremia, pp. 233–302.
- Kravchenko E.E., Miroshnichenko V.V., Petrenko A.N., Davydenko V.V. Issledovaniia arkheologicheskogo kompleksa u s. Sidorovo (materialy ekspeditsii 2001–2003 gg.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББ</u>

- Donetsk, 2005, vol. 4. Khazarskoe vremia, pp. 261–356. Krasil'nikov K.I. Goncharnaia masterskaia saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, № 3, pp. 267–278.
- Krasil'nikov K.I. Novye dannye o goncharnom proizvodstve v saltovskoe vremia na Severskom Dontse. Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii, 1979, vol. 160, pp. 60–69.
- Krasil'nikov K.I., Krasil'nikova T.I. Identifitsiruiushchie priznaki naseleniia stepnogo Podontsov'ia v strukture Khazarskogo kaganata. *Nosenko-Shtein E.E., Petrukhin V.Ia. (Eds.) Khazary: mif i istoriia.* Moskva: Mosty kul'tury-Ierusalim: Gesharim Publ., 2010, pp. 153–188.
- Krasil'nikov K.I., Krasil'nikova T.I. O zernoproizvodstve prabolgar saltovo-maiatskoi kul'tury v stepnom Podontsov'e. Sitdikov A.G. (Ed.) *Srednevekovaia arkheologiia Volgo-Ural'ia: sbornik nauchnykh trudov k 65-letnemu iubileiu d.i.n., prof., chlen-korr. AN RT F. Sh. Khuzina.* Kazan': Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova AN RT Press, 2016, pp. 28–31.
- Krasil'nikova L.I. Konstruktivnye priznaki zhilykh postroek i ikh tipologiia na poseleniiakh Stepnogo Srednedonech'ia VIII nach. X vv. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2, Khazarskoe vremia, pp. 323–332.
- Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2010, № 1, pp. 393–429.
- Kuchugura L.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v ust'e r. Kal'mius (po materialam P. M. Pinevicha i N. E. Makarenko). *Donetskii arkheologicheskii sbornik*. Donetsk, 1998, vol. 8, pp. 44–52.
- Larenok P.A., Tsybrii S.V., Tsybrii A.V. Rannesrednevekovyi kompleks poseleniia Ternovoe III (po materialam raskopok 2004 g.). *Arkheologicheskie zapiski*. Rostov-na-Donu, 2011, vol. 7, pp. 145–169.
- Liapushkin I.I. Slaviano-russkie poseleniia IX–XII st. na Donu i Tamani po arkheologicheskim pamiatnikam. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, № 6: Etnogenez vostochnykh slavian, vol. I, pp. 191–246.
- Maiko V.V. Keramicheskii kompleks VIII–X vv. prabolgarskogo gorodishcha Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu (predvaritel'naia tipologiia). *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniia i materiali.* Veliko. T"rnovo, 2000. vol. VII, pp. 101–123.
- Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev: Akademperiodika Publ., 2004, 316 p.
- Maiko V.V. Prabolgarskie pamiatniki iugo-vostochnogo Kryma. Evoliutsiia keramicheskogo kompleksa. *Drinovs'kii zbirnik*. Kharkiv-Sofiia, 2012, vol. V, pp. 79–93.
- Maiko V.V., Zubarev V.G., Iartsev S.V. Khoziaistvennye iamy srednevekovogo poseleniia v vostochnoi chasti gorodishcha antichnogo vremeni «Belinskoe». *Tavricheskie studii*. Simferopol', 2016, № 10, pp. 98–104.
- Makarevich M.L. Pokhovannia sarmats'kogo ta saltivs'kogo tipiv na Sivers'komu Dintsi. *Arkheologiia*, 1957, vol. X, pp. 146–149.
- Marchenko I.I., Bochkovoi V.V., Kononov V.Iu. Raskopki mogil'nika Vinogradnyi 7 na Tamani v 2005–2006 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*. Krasnodar, 2007, vol. 7, pp. 151–271.
- Mikheev V.K. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata. Khar'kov: Vishcha shkola Publ., 1985, 148 p.
- Naumenko V.E. Amfory *In: Zin'ko V. N., Ponomarev L. Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina Publ., 2009a, pp. 35–50 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Stolovaia posuda *In: Zin'ko V. N., Ponomarev L. Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina Publ., 20096, pp. 60–64 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Nesterov S.P. Kon' v kul'takh tiurkoiazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e Publ., 1990, 143 p.
- Nechiporuk A.A. Materialy khazarskogo vremeni kurgana 5 kurgannoi gruppy Kholmskii 25. V «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviia narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii (g. Krasnodar, 26–28 maia 2015 g.). Krasnodar, 2015, pp. 187–202.

- Nidzel'nitskaia L.Iu., Kulakov A.A. Rannesrednevekovoe poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu. *Kliuchnikov V.V., Kulakov A.A. (Eds.) Khazarskie drevnosti.* Aksai: Aksaiskii voenno-istoricheskii muzei Press, 2013, pp. 7–49.
- Ovchinnikova B.B. Sokrovishcha drevnego goroda Sochi (sluchainye nakhodki i postupleniia). *Arkheologicheskie zapiski*. Rostov-na-Donu, 2011, vol. 7, pp. 127–138.
- Paromov Ia.M. Obsledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Tamanskogo poluostrova v 1984–1985 gg. Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii, 1989, vol. 196, pp. 72–78.
- Paromov Ia.M. Ocherk istorii arkheologo-topograficheskogo issledovaniia Tamanskogo poluostrova. *Bosporskii sbornik*. Moskva, 1992, vol. 1, pp. 109–146.
- Pletneva S.A. Keramika Sarkela Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. 1959, № 75: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. II, pp. 24–76.
- Pletneva S.A. Srednevekovaia keramika Tamanskogo gorodishcha. Rybakov B.A. (Ed.) *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*. Moskva: Nauka Publ., 1963, pp. 5–72.
- Pletneva S.A. Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1967, № 142, 198 p.
- Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks*. Moskva: Nauka Publ., 1989, 288 p.
- Pletneva S.A. Sarkel i «shelkovyi» put'. Voronezh: Voronezhskii gos. un-t Press, 1996, 168 p.
- Pletneva S.A. Ocherki khazarskoi arkheologii. Moskva: Mosty kul'tury-Ierusalim: Gesharim Publ., 2000, 240 p.
- Pletneva S.A. Ekologichnye privychki zhitelei Khazarskogo kaganata. *Priroda*. Moskva, 2004, № 9 (1069), pp. 64–68.
- Pletneva S.A., Nikolaenko A.G. Volokonovskii drevnebolgarskii mogil'nik. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, № 3, pp. 279–298.
- Ponomarev L.Iu. K arkheologicheskoi karte srednevekovykh pamiatnikov vostochnoi okonechnosti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'-Kerch', 2009, vol. XXI, pp. 490–520.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskii plitovo-gruntovyi mogil'nik poseleniia Geroevka 2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviia kul'tur i religii na okrainakh vizantiiskogo mira). XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur: materialy nauchnoi mezhdunarodnoi konferentsii. Kerch', 2011, pp. 287–295.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie gorshki iz poselenii Kerchenskogo poluostrova. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2014a, vol. 12. Khazarskoe vremia, pp. 239–276.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie Geroevka 3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gadlo v 1963 g.). *Istoriia i arkheologiia Kryma*. Simferopol', 2014b, vol. I, pp. 376–399.
- Ponomarev L.Iu., Ponomareva I.A. Redkie formy saltovo-maiatskoi neloshchenoi keramiki iz rannesrednevekovykh poselenii Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naia informatsiia). Sugdeiskii sbornik. Kiev-Sudak, 2010, vol. IV, pp. 453–464.
- Rashev R. B"lgarskata ezicheska kultura VII-IX vek. Sofiia: Klassika i Stil OOD Publ., 2008, 599 p.
- Savitskii V.N. Domostroitel'nye traditsii naseleniia lesostepnogo i stepnogo variantov saltovo-maiatskoi kul'tury. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia, 2011, № 2, pp. 166–169.
- Sarapulkin V.A. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury:
  Dis. ... kand. ist. nauk. Lipetsk, 2003, 203 p.
- Sarapulkin V.A. Postroiki iz raskopa 20 Maiatskogo selishcha. *Divnogorskii sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e»*. Voronezh, 2016, vol. 6, pp. 269–280.
- Sviridov A.N., Iazikov S.A., Toporivskaia M.A. Poselenie Gora Chirkova 1 (Krasnodarskii krai, Tamanskii poluostrov). *Engovatova A.V. (Ed.) Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* Moskva: Institut arkheologii RAN Press, 2017, vol. 19, pp. 174–177.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

- Sokol'skii N.I. Kepy. *Boltunova A.I. (Ed.) Antichnyi gorod*. Moskva: Akademia nauk SSSR Publ., 1963, pp. 97–114.
- Sorokina N.P. Srednevekovye pogrebeniia iz nekropolia goroda Kepy na Tamanskom poluostrove. *Levashova V.P. (Ed.) Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Doklady na sessii uchenogo soveta GIM 5–7 fevralia 1969 g.* Moskva, 1969, pp. 124–128.
- Stadnik O.V., Stadnik A.I. Batyr pamiatnik rannego srednevekov'ia v Stepnom Podontsov'e. *Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoï Ukraïni*. Donets'k, 2009, № 10, pp. 78–99.
- Struchalina R.A. Nekotorye itogi raskopok gorodishcha Patrei (Po materialam arkheologicheskikh issledovanii 1968–1969 gg.). *Antichnyi mir i arkheologiia*. Saratov, 1972, vol. 1, pp. 45–55.
- Sudarev N.I. Pogrebeniia nekropolia Vinogradnyi 7 (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion). Engovatova A.V. (Ed.) Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii. Moskva: Institut arkheologii RAN Press, 2017, vol. 19, pp. 182–189.
- Sudarev N.I., Maiko V.V. Arkheologicheskie issledovaniia Tamatarkhi-Tmutarakani 2012 g. Stratigrafiia i khronologiia kompleksov. *Istoriia i arkheologiia Kryma*. Simferopol', 2015, vol. II, pp. 364–396.
- Sudarev N.I., Kashaev S.V. Istoriia issledovaniia poseleniia Vinogradnyi-7 i raboty na pamiatnike v 2015 g. XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kerch', 2016, pp. 471–480.
- Suprenkov A.A. Poselenie Gora Chirkova 1 istoriia issledovanii i noveishie raskopki. XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kerch', 2016, pp. 481–485.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Kompleks khoziaistvennykh sooruzhenii na severovostochnoi okraine poseleniia Gora Chirkova-1 (po materialam raskopok Kerchensko-Tamanskoi ekspeditsii v 2015 g.). Laurea II. Antichnyi mir i Srednie veka: Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva, k 90-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy. Khar'kov, 2017, pp. 22–28.
- Sukhanov E.V., Sviridov A.N. Kompleksy rannesrednevekovykh amfor s poseleniia Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*. 2017, vol. 247, pp. 314–325.
- Tarabanov V.A. Issledovanie srednevekovogo selishcha u khutora im. Lenina. *Rybakov B.A. (Ed.) Arkheologicheskie otkrytiia 1980 goda.* Moskva: Nauka Publ., 1981, pp. 119.
- Tarabanov V.A. Poseleniia bolgar na pravoberezh'e Kubani. *Raev B.A. (Ed.) Drevnosti Kubani i Chernomor'ia. Studia Pontocaucasica, I.* Krasnodar: Skifskaia galereia Publ., 1993, pp. 115–122, 206–213.
- Tarabanov V.A. Poselenie saltovo-maiatskoi kul'tury na pravoberezh'e Kubani bliz stanitsy Vasiurinskoi. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*. Armavir-Moskva, 1997, vol. 3, pp. 74–79.
- Taskaev V.N., Chkhaidze V.N. Podvodnyi kompleks rannesrednevekovykh amfor iz Kep. *Drevnosti Bospora*. Moskva, 2007, vol. 11, pp. 403–411.
- Tukhtina N.V. Srednevekovye slavianskie goncharnye kleima. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia*. Moskva, 1960, vol. 37, pp. 148–155.
- Uspenskii P.S. Krematsionnye pogrebeniia Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak istoricheskii istochnik: Dis. . . . kand. ist. nauk. Moskva, 2015, 332 p.
- Fedorov G.S. Khoziaistvennye zaniatiia obitatelei Tersko-Sulakskoi nizmennosti v rannem srednevekov'e. *Vinogradov V.B. (Ed.) Arkheologiia i voprosy sotsial'noi istorii Severnogo Kavkaza.* Groznyi: Checheno-Ingushskii gos. un-t im. L. N. Tolstogo Press, 1984, pp. 59–62.
- Flerov V.S. O kleimakh saltovo-maiatskoi loshchenoi keramiki. *Vinogradov V.B. (Ed.) Arkheologiia i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza*. Groznyi: Checheno-Ingushskii gos. un-t im. L. N. Tolstogo Press, 1979, pp. 94–102.
- Flerov V.S. Mestnaia keramika Semikarakorskoi kreposti. *Arkheologiia evraziiskikh stepei*. Kazan'. 2017, № 1, pp. 336–355.
- Chkhaidze V.N. Rannesrednevekovye amfory iz Fanagorii (po materialam raskopok 1939–1980 gg.). *Drevnosti Bospora*. Moskva, 2005, vol. 8, pp. 443–464.

- Chkhaidze V.N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy. *Drevnosti Bospora*. Moskva, 2006, vol. 10, pp. 487–517.
- Chkhaidze V.N. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moskva: TAUS Publ., 2008, 328 p.
- Chkhaidze V.N. Rannesrednevekovye kochevnicheskie pogrebeniia iz Vostochnogo Priazov'ia. *Materialy po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2011, vol. 12, pp. 115–140.
- Chkhaidze V.N. Fanagoriia v VI-X vekakh. Moskva: Triumf print Publ., 2012, 590 p.
- Shishlov A.V. Poselenie u balki Lisovitskogo. *Arkheologicheskie otkrytiia na Kubani v 2005–2006 gg.* Krasnodar, 2007, pp. 16–17.
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Srednevekovoe poselenie Glebovskoe po rezul'tatam raskopok 1997–2000 gg. «V Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviia narodov zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii (g. Krasnodar, 26–28 maia 2015 g.). Krasnodar, 2015, pp. 301–307.
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Issledovaniia poseleniia u balki Lisovitskogo v Temriukskom raione Krasnodarskogo kraia. Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov: materialy arkheologicheskoi nauchnoi konferentsii (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion, pos. Volna, aprel' 2016 g.). Krasnodar, 2016, pp. 131–139.

Резюме

В статье рассмотрена группа хозяйственных комплексов «хазарского» времени, открытых в 2015 г. на поселении Гора Чиркова 1, расположенном в юго-западной части Таманского полуострова. Часть из них представлена хозяйственными ямами, предназначавшимися для хранения зерна. В одной из них было совершено ритуальное захоронение части лошади. Помимо хозяйственных ям, были обнаружены остатки двух хозяйственных полуземлянок. В заполнении исследованных комплексов обнаружена многочисленная керамика второй половины VIII — первой половины X вв., среди которой преобладали причерноморские амфоры и салтово-маяцкие горшки. Поскольку жилых построек в исследованной части поселения обнаружено не было, можно утверждать, что использовалась она исключительно в хозяйственных целях.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Гора Чиркова 1, хозяйственные ямы, полуземлянки, причерноморские амфоры, салтово-маяцкие горшки, ритуальные захоронения.

Summary

In the article the group of economic complexes of «khazar» time, opened in 2015 on the settlement of Chirkova Mountain 1, located in the southwestern part of the Taman Peninsula, is considered. Some of them are represented by household pits, intended for grain storage. In one of them, a part of the horse was ritually buried. In addition to household pits were discovered the remains of two economic semi-earths. In filling the investigated complexes, numerous ceramics of the second half of the VIII – first half of the Xth centuries were found, among which the Black Sea amphoras and Saltovo-Mayak pots predominated. Since no residential buildings were found in the investigated part of the settlement, it can be asserted that it was used exclusively for economic purposes.

Key words: Taman peninsula, settlement of Chirkova Mountain 1, economic pits, semi-dugouts, Black Sea amphoras, Saltovo-Mayak pots, ritual burials.

19 би-хххуп 289

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>5555555555555</u>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Супренков Александр Анатольевич, Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация, младший научный сотрудник, отдел сохранения археологического наследия, шифр специальности 07.00.06. suprenkov@mair.ru.

Науменко Валерий Евгеньевич, к. и. н.,

Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков, шифр специальности 07.00.06. byzance@rambler.ru.

Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»,

г. Керчь, Республика Крым, Российская Федерация,

научный сотрудник,

шифр специальности 07.00.06.

Пономарев Леонид Юрьевич,

l_ponomarev@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Suprenkov Alexander Anatolyevich,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
Junior Researcher,
Department of Archaeological Heritage Preservation,
suprenkov@mair.ru

Naumenko Valery Evgenievich, CSc, Tavricheskaya Akademiya, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, Ass. Professor, Department of the History of the Ancient World and Middle Ages byzance@rambler.ru.

Ponomarev Leonid Yurievich, Archaeological Center of the Demetra Charitable Foundation, Kerch, Russian Federation Research Associate, l_ponomarev@mail.ru.

<u> БББББББББББББББ</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

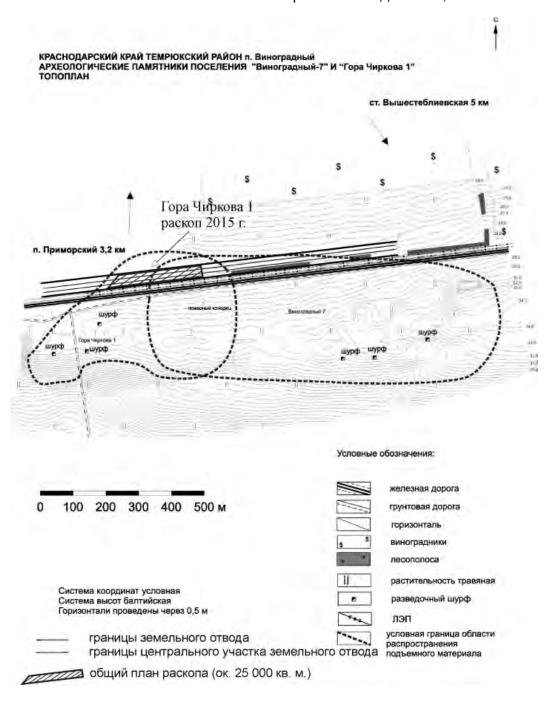
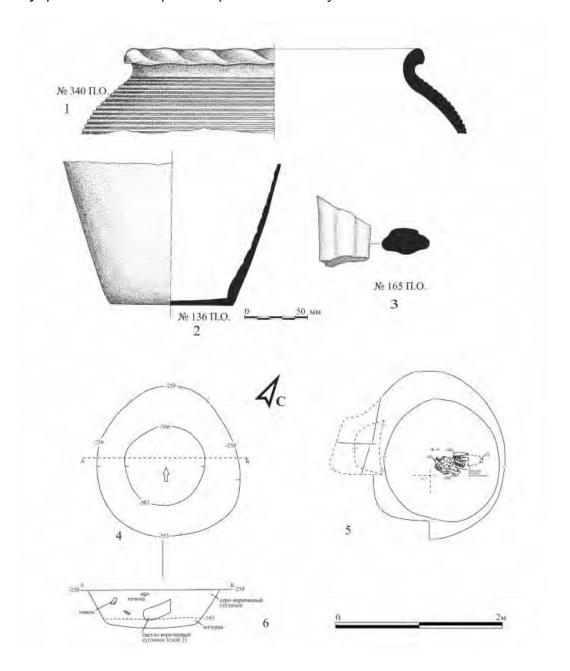
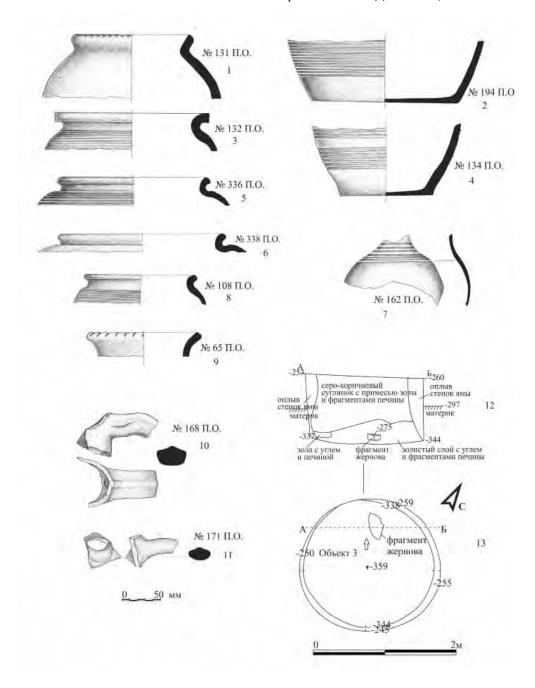

Рис. 1. Топографический план поселения Гора Чиркова 1 с раскопом 2015 г.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ыыыыыыыы</u>

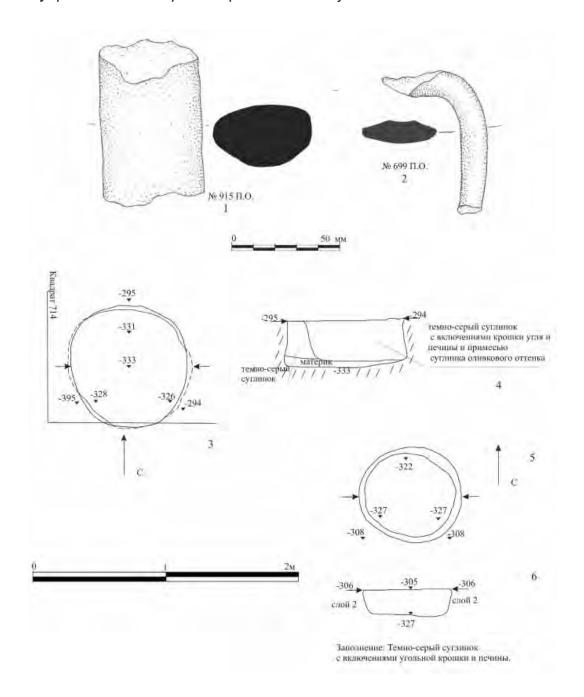

Рис. 2. 1-3 – керамика из ямы № 2; 4, 6 – план и разрез ямы № 2; 5 – план ямы № 1.

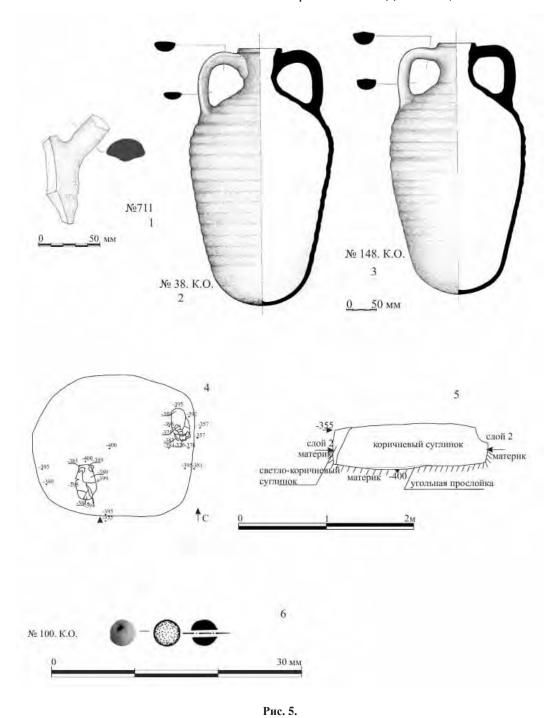
Рис. 3. 1-11 – керамика из ямы № 3; 12-13 – план и разрез ямы № 3.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББ</u>Б

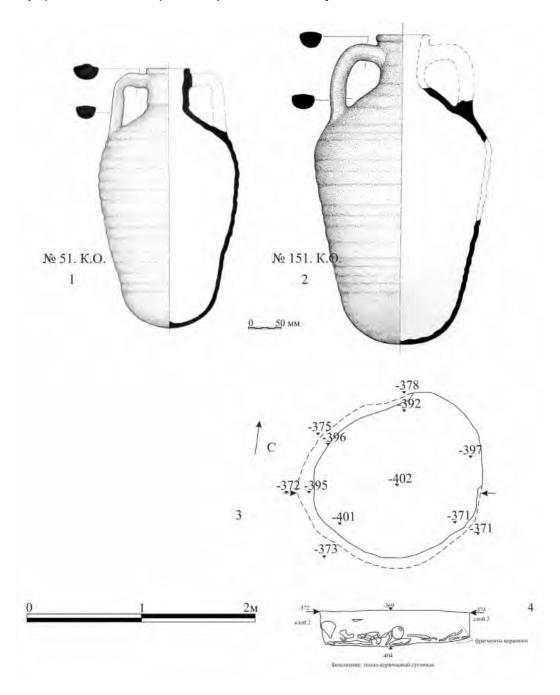

Рис. 4. 1-2 – керамика из ямы № 83; 3-4 – план и разрез ямы № 81; 5-6 – план и разрез ямы № 82.

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

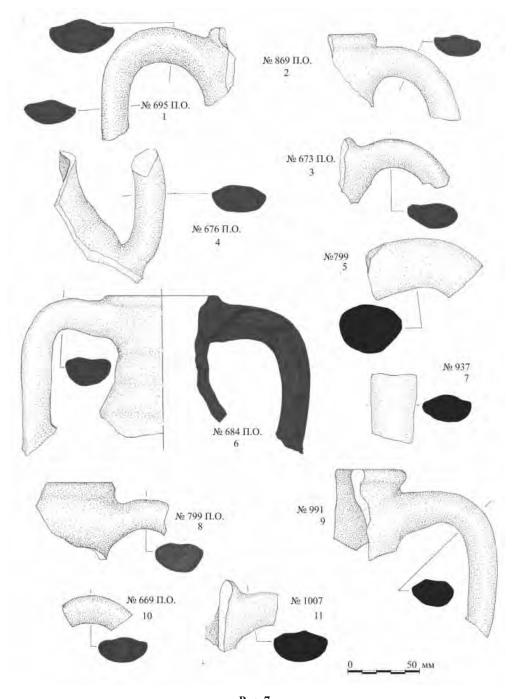

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>БББББББББББ</u>Б

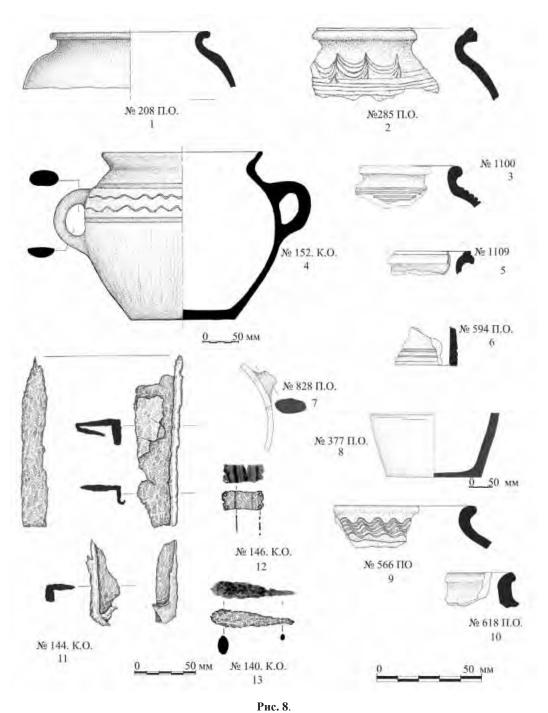
Рис. 6. 1-2 – амфоры из ямы № 93; 3-4 – план и разрез ямы № 93.

<u>ыныныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

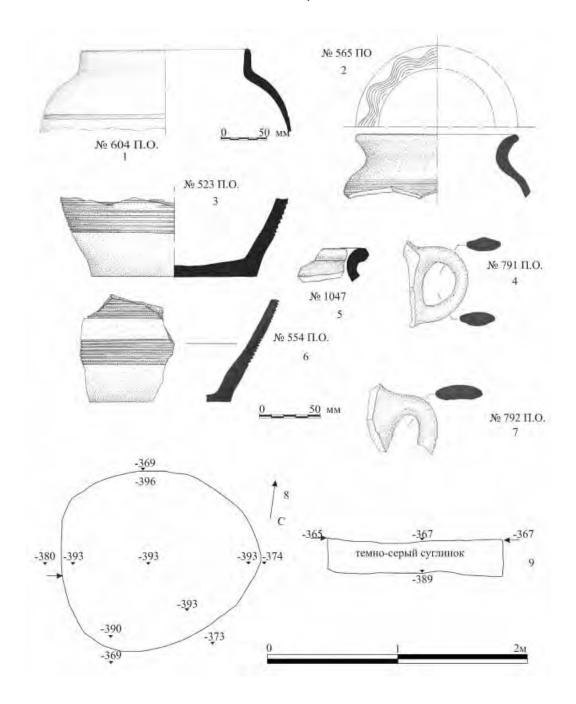

Рис. 7. 1-11 – керамика из ямы № 93.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББББ</u>

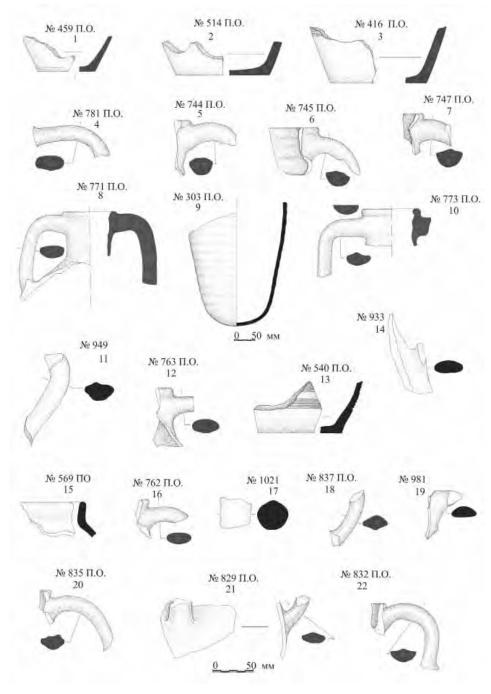

гис. о. 1-13 – находки из ямы № 93.

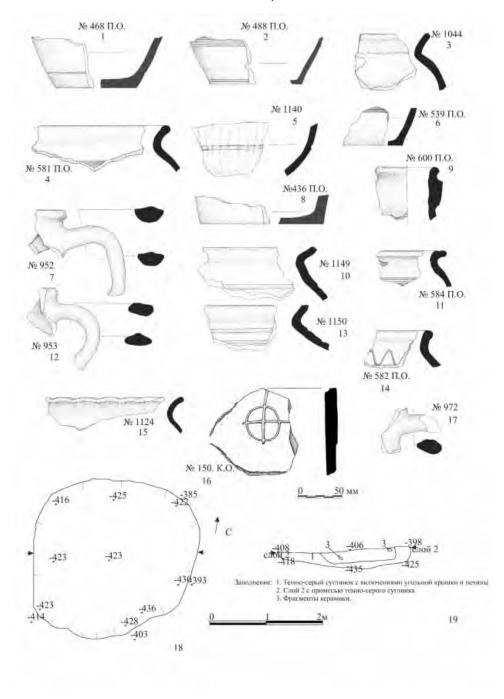

Рис. 9. 1-7 – керамика из ямы № 94; 8-9 – план и разрез ямы № 94.

Супренков А.А. и др. Северо-восточный участок... <u>ББББББББББББББ</u>

Рис. 10. 1-22 – керамика из ямы № 94.

Рис. 11. 1-17 – керамика из ям № 95 и № 32; 18-19 – план и разрез ямы № 95.

ИСТОРИЯ НАУКИ

В.Н. ЗИНЬКО, А.В. ЗИНЬКО V.N. ZIN'KO, A.V. ZIN'KO

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ТИРИТАКИ: PACKOПКИ Д.C. КИРИЛИНА В 1974 г.¹ FROM THE HISTORY OF STUDYING TYRITAKE: D.S. KIRILIN'S EXCAVATIONS IN 1974

Из всей истории исследований боспорского городища Тиритака наименее известный эпизод связан с охранно-спасательными раскопками 1974 года, которые проводил сотрудник Керченского историко-археологического музея Д. С. Кирилин. Раскопки велись в северо-западной части городища (раскопы XXII и XXIII), где руководство Керченского железорудного комбината запланировало строительство рабочей столовой и кафе «Тиритака». К сожалению, отчет не был сдан в архив² и об этих достаточно масштабных работах на новом участке сохранилась только краткая информация [Кирилин и др., 1975] и какая-то часть находок, сданная в фонды музея.

Вот как описывает состав экспедиции и проводимые работы, длившиеся три месяца, Н.В. Молева: «Наша маленькая экспедиция, возглавляемая Д.С. Кирилиным, состояла из трех сотрудников музея (Молев Е.А., зам.начальника; Гладкова Т.А. и Молева Н.В. – научные сотрудники). Иногда привлекались для расчисток и свободные экскурсоводы музея. Кроме того, рабочие ЖРК с экскаваторами и бульдозерами, стесавшие немало красивых рустов на внешней стороне северной оборонительной стены. В результате было вскрыто 8300 кв. м площади города» [Молева, 2016, с. 295]. Еще более внушительную цифру – 8500 кв. м приводит в публикации Д.С. Кирилин, причем указывая, что это все площадь одного раскопа ХХІІ [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Однако затем следует разъяснение, что «в юго-западной и юго-восточной частях участка работ культурный слой уничтожен в результате строительных работ XIX – начала XX вв. Таким образом, объектом исследования стала северная часть участка, примыкающая к северо-западной оборонительной башне. На участке площадью 1000 кв. м (квадраты 3-42) толщина культурного слоя составляла от 1,5-2 до 5-5,5 м» [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Несколько иную информацию о территории, где развернулось строительство, приводит Н.В. Молева: «само здание, увы, было выстроено на мало исследованной территории городища» [Молева, 2016, с. 295]. Это как раз и есть тот участок площадью более 6000 кв. м, расположенный к югу от раскопа XXII, на котором предполагалось заложить раскоп XXIII и где охранно-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/ БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

 $^{^2}$ Отчет после рецензирования в Институте археологии АН СССР был возвращен Д.С. Кирилину на доработку и остался у него.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

спасательные раскопки так и не были проведены. Разрушенный строительством столовой-кафе участок проходил по западной крепостной стене Тиритаки и примыкал южным краем к раскопу XIV В.Ф. Гайдукевича, причем северная часть этого старого раскопа также оказалась в зоне земляных работ.

Несколько лет назад научной библиотеке Фонда «Деметра» был подарен объемный самодельный альбом формата А4, на картонной обложке которого была приклеена небольшая прямоугольная этикетка «Отчет Тиритакской экспедиции 1974 г.». Альбом состоит из 90 листов плотного ватмана. Первая страница чистая, а на второй каллиграфическим почерком тушью в несколько строк сделана надпись: «Альбом иллюстраций к отчету о раскопках Тиритаки 1974 г. Участок XXII. Тиритакская археологическая экспедиция Керченского историко-археологического музея. Руководитель Кирилин Д.С.». Далее на 74 листах наклеены фотографии, в конце альбома на 14 листах были приклеены «синьки» чертежей. Всего в альбоме 134 фотографии (рис. 1–134, альбом Кирилина), которые были снабжены краткими рукописными подписями. Фотографии довольно низкого качества, на большинстве отсутствует масштабная рейка и на всех нет стрелки «С-Ю». На части фотографий (рис. 87–118) сняты отдельные находки, к которым приведены номера полевой описи.

Все вклеенные в конец альбома чертежи (рис. 135–154, альбом Кирилина) имеют линейный масштаб, но высотные отметки отсутствуют, за исключением общего плана городища Тиритака после раскопок (рис. 136, альбом Кирилина). Он был выполнен геодезистами Керченского железорудного комбината В. Шубиным, В. Дяченко, Г. Вовк в масштабе 1:1000 (рис. 1). В северной части общего плана нанесен новый участок XXII, а южнее, на месте котлована под столовую-кафе (планируемый раскоп XXIII), сделаны две лаконичные надписи: «Изрыто».

Большое значение для определения объема выполненных работ экспедицией Д.С. Кирилина имеет чертеж № 2 «общий план (после раскопа)» (рис. 137, альбом Кирилина). На нем нанесена сетка из 68 квадратов размерами 5 х 5 м (рис. 2), а в нижнем правом углу сделано два примечания: «1. Общая площадь разбивки квадратов для раскопов — 1820 кв.м. 2. Раскопки производились на площади 1695 кв.м». Основываясь на этом чертеже, можно утверждать, что площадь охранно-спасательных раскопок в северо-западной части городища Тиритака составляла не 8500 кв.м, а значительно меньше — всего 1695 кв.м.

В результате работ Д.С. Кирилина были выявлены большие участки оборонительной северной и западной стен, являющихся продолжением участков, открытых В.Ф. Гайдукевичем в 1949–1952 гг. [Гайдукевич, 1958],— примыкающие к ним жилые и хозяйственные постройки. Общие виды открытых строительных комплексов (рис. 3–7) представлены на нескольких фотографиях в начале альбома (рис. 1–6, альбом Кирилина). Они дают общее представление об открытых постройках, а на некоторых видны и участники раскопок.

Согласно публикации Д.С. Кирилина, длина сохранившейся северной стены с рустованным панцирем – 15,2 м, а с башней – 17,4 м. «Далее, в восточном направ-

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... 555555555

лении она полностью выбрана еще в античное время, вероятно, на рубеже последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры» [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Однако с этим предположением Д.С. Кирилина трудно согласиться. Как можно судить по фото и чертежам из его альбома, северная крепостная стена не разобрана у восточного борта раскопа, здесь, вероятно, располагались северные ворота или боевая калитка. Далее к востоку от них крепостная стена была разобрана при строительстве в конце XIX в. здания господской усадьбы имения Олив (рис. 133, альбом Кирилина).

Длина западной оборонительной стены (без рустованного панциря, разрушенного в древности) – около 20 м. Затем она полностью исчезает (в южном направлении) [Кирилин и др., 1975, с. 286]. К сожалению, в альбоме нет ни одной фотографии, показывающей западную крепостную стену во всю длину после расчистки. Есть лишь четыре изображения небольших частей внутреннего фаса (рис. 8–11) и одно (малоразборчивого) – внешнего фаса в процессе работ (рис. 12, альбом Кирилина). Как продолжалась эта западная стена в южном направлении, точно установить на основании имеющихся материалов невозможно. На чертеже № 2 (рис. 2) показано, что она частично (?) разобрана и от нее сохранились лишь отдельные камни внутреннего фаса в кв. № 42. Далее трасса стены уходит за западный борт раскопа XXII.

В краткой информации Д.С. Кирилина о раскопках говорится только об «остатках культурно-бытовых и промыслово-хозяйственных комплексов первых веков н.э. (винодельни, рыбные цистерны, помещения)» [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Они примыкали к стене III, идущей параллельно стене, длина которой достигает 28,3 м. Действительно, на чертеже № 2 (рис. 2) представлена в кв. № 22 и 26 винодельня 1 с тремя давильными площадками и двумя цистернами, перекрытыми позднее стеной № 4 (рис. 12-13). К востоку от винодельни 1 в кв. № 34-35 и № 39-40 находится винодельня 2 с большой давильной площадкой и 2-мя цистернами (рис. 14-16). Судя по тому, что стена № 4, разделяющая две винодельни, перекрывает цистерны винодельни 1, они функционировали не одновременно.

К западу от винодельни 1 в кв. № 20-21 находился жилой дом, небольшой мощеный дворик (вымостка № 3), который примыкал непосредственно к западной крепостной стене. Детальных фотографий этой постройки в альбоме нет. Он представлен лишь на общем виде раскопа с запада (рис. 7) и фотографией (посредственного качества) вымостки № 3 двора (рис. 17). С юга непосредственно к этим комплексам примыкали остатки большой вымостки (вымостка № 1) площадью 95 кв. м. Д.С. Кирилин датировал ее IV в. н.э. и видел в ней некую городскую площадь [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Эта площадь представлена на общем виде раскопа с юга (рис. 6) и фрагментами вымостки с «зерновой» ямой в квадрате 29 (рис. 18).

В 21 м к югу от вымостки 1 на границе квадратов 64 и 65 расположен район разрушенных рыбозасолочных ванн (рис. 2), которые упоминает в своей публикации Д.С. Кирилин [Кирилин и др., 1975, с. 286]. В альбоме удалось выявить лишь одну фотографию, связанную с этим комплексом, да и то внимание исследователя было 304

сконцентрировано на горле позднебоспорской амфоры (рис. 19). Нет этого комплекса и на чертежах, как впрочем, отсутствуют детальные планы и разрезы и других строительных комплексов.

Судя по публикациям Д.С. Кирилина и Н.В. Молевой, в верхних слоях на раскопе XXII были выявлены памятники салтово-маяцкой культуры. Это «остатки жилищ с очагами, жерновами и складами амфор VIII–IX вв. (квадраты 24, 27, 30, 37)» [Кирилин и др., 1975, с. 286]. К сожалению, планов этих построек в альбоме нет, но если сравнивать общий план (рис. 2) и аннотации к фотографиям альбома (рис. 76, 77, 78,79, 80, 84, 85, 129, 130, 134), то можно заключить, что в юго-западном углу раскопа находилась раннесредневековая постройка с несколькими помещениями (рис. 20–24). Также в альбоме есть фотография основания салтово-маяцкой юрты (?) в квадрате 24, но упоминаемые склады амфор VIII–IX вв. отсутствуют, как и нет фотографий и чертежей самих амфор.

Находки из раскопок представлены в небольшом количестве и без рисунков. Есть 7 фотографий фрагментов ножек античных амфор (рис. 87–93, альбом Кирилина), несколько фотографий фрагментов горл амфор и кувшинов (рис. 94–100), причем некоторые фрагменты амфор с клеймами (рис. 25–26). Правда, керамических клейм было найдено значительно больше: 53 амфорных и 7 черепичных. Отсутствуют фотографии упоминаемых Д.С. Кирилиным 20 монет, а из 7 терракот – только одна (рис. 27). В альбоме представлено несколько керамических светильников и лепных сосудов. Также следует отметить фотографию боспорского надгробия с остатками рельефного изображения и надписью (рис. 28).

Сохранившийся альбом иллюстраций к отчету о раскопках Тиритаки в 1974 г. Д.С. Кирилиным дает значительную информацию о проделанных работах, однако многие важные положения и детали этих исследований без самого текста отчета остаются terra incognito.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. //МИА. - № 85. — М., 1958. Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А. Раскопки Тиритаки //АО 1974 года. — М., 1975. — С. 286. Молева Н.В. Несостоявшийся музей (исследования Тиритаки в середине 70-х гг. XX века) //Материалы XVI Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования». — Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. — С. 294—299.

REFERENCES

Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiiav 1946–1952 //MIA. - № 85. – M.,1958.

Kirilin D.S., Molev E.A., Gladkova T.A. Raskopki Tiritaki//AO 1974 goda. – M., 1975. 286 p.

Moleva N.V. Nesostoiavshiisia muzei (issledovaniia Tiritaki v seredine 70-kh gg. XX veka) //Materialy XVI

Bosporskikh chtenii "Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia.

Issledovateli i issledovaniia". Ed. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Kerch', 2016. pp. 294–299.

20 би-хххvп

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... 与与与与与与与与与与

Резюме

Из всей истории исследований боспорского городища Тиритака наименее известный эпизод связан с охранно-спасательными раскопками 1974 года, которые проводил сотрудник Керченского историко-археологического музея Д.С. Кирилин. Раскопки велись в северо-западной части городища (раскопы XXII и XXIII), где руководство Керченского железорудного комбината запланировало строительство рабочей столовой и кафе «Тиритака». К сожалению, отчет не был сдан в архив и об этих достаточно масштабных работах на новом участке сохранилась только краткая информация и какая-то часть находок, сданная в фонды музея. Благодаря найденному альбому иллюстраций к отчету Тиритакской экспедиции 1974 г. авторам удалось представить основные моменты раскопок Д.С. Кирилина. Однако многие важные положения и детали этих исследований без самого текста отчета остаются terra incognito.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, археологические раскопки, история исследований.

Summary

From the whole history of the research of the Tyritake the least known episode is connected with the security and rescue excavations of 1974, which were conducted by the employee of the Kerch Historical and Archaeological Museum D.S. Kirilin. Excavations were conducted in the northwestern part of the site (excavations XXII and XXIII), where the leadership of the Kerch Iron Ore Plant planned the construction of a working canteen and a cafe «Tiritaka». Unfortunately, the report was not handed over to the archive, and only a brief information and some of the finds, handed over to the museum funds, were preserved on these rather large-scale works on the new site. Thanks to the album of illustrations found to the report of the Tyritake expedition of 1974, the authors managed to present the main points of the excavation of D.S. Kirilin. However, many important parts and details of these studies remain terra incognito without the text of the report.

Key Words: Cimmerian Bosporus, Tyritake, archaeological excavations, history research.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,

Крымский федеральный университет, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, ведущий научный сотрудник.

zinko@bfdemetra.org

Зинько Алексей Викторович, к.и.н.,

Крымский федеральный университет, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, старший научный сотрудник.

a.zinko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor N. Zin'ko, DSc,

Crimean Federal University, Research center of History and Archaeology of the Crimea,

Leading Researcher.

zinko@bfdemetra.org

Alexej V. Zin'ko, Csc,

Crimean Federal University, Research center of History and Archaeology of the Crimea,

Senior Researcher.

a.zinko@mail.ru

306

Рис. 1. Общий план городища Тиритака (рис. 136, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

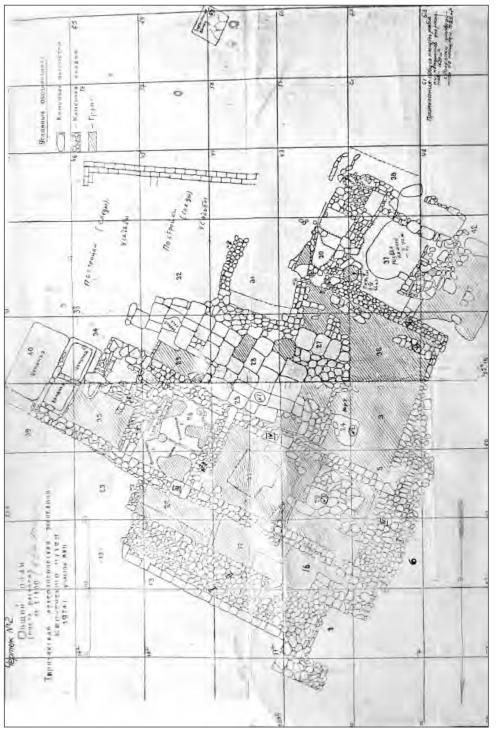
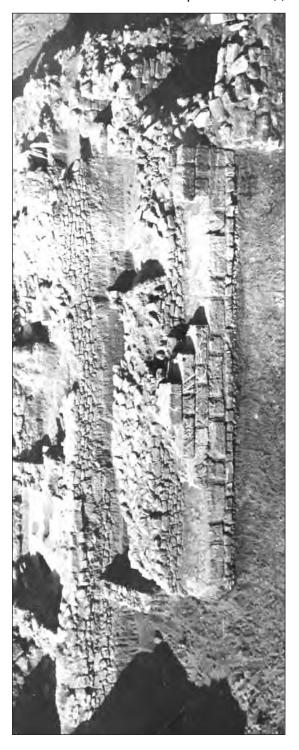

Рис. 2. Общий план (после раскопа) (рис. 137, альбом Кирилина).

Рис. 3. Общий вид раскопа XXII с крепостной стеной на первом плане. Вид с CB (рис. 1, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

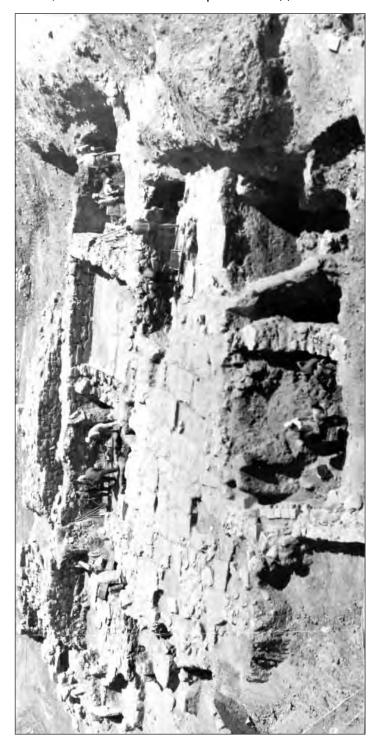

Рис. 4. Общий вид раскопа XXII в процессе работы. Вид с востока (рис. 2, альбом Кирилина).

Рис. 5. Общий вид раскопа XXII в процессе работы. Вид с востока (рис. 3, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

Рис. 6. Общий вид раскопа XXII в процессе работы. Вид с юга (рис. 5, альбом Кирилина).

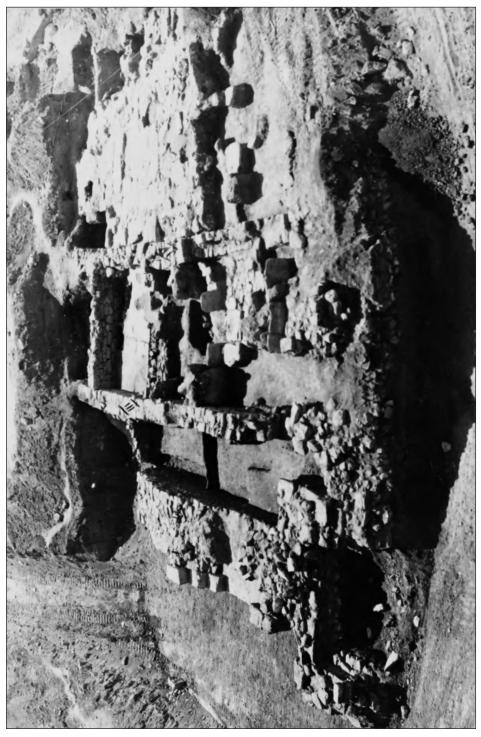
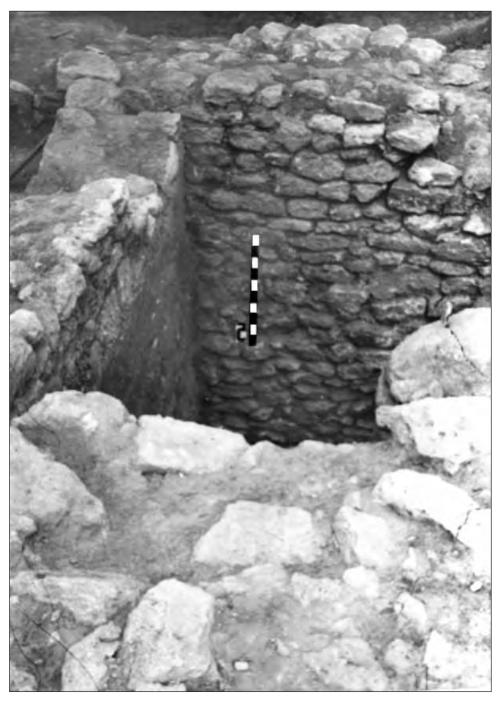

Рис. 7. Общий вид раскопа ХХІІ в процессе работы. Вид с запада (рис. 6, альбом Кирилина).

Рис. 8. Фрагмент западной оборонительной стены II. Кв. № 3. Вид с востока (рис. 10, альбом Кирилина).

Рис. 9. Фрагмент западной оборонительной стены II. Кв. № 5. Вид с востока (рис. 10а, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

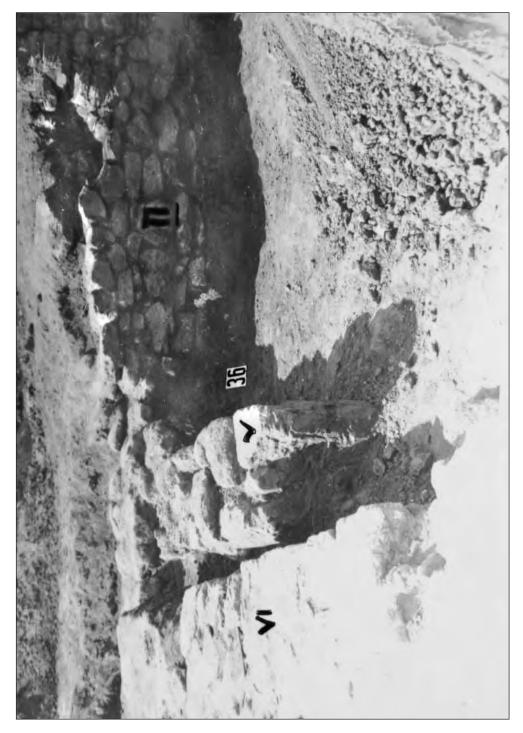

Рис. 10. Фрагмент западной оборонительной стены П. Кв. № 42 и 36. Вид с востока (рис. 86.1, альбом Кирилина).

Рис. 11. Фрагмент западной оборонительной стены П. Кв. № 42 и 36. Вид с востока (рис. 86.2, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

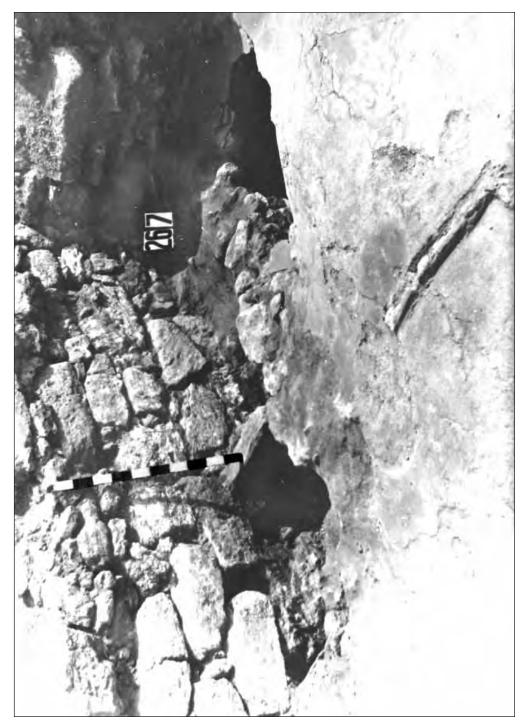

Рис. 12. Винодельня 1, вид с СЗ на цистерны и давильные площадки (рис. 41, альбом Кирилина).

Рис. 13. Винодельня 1, вид с СЗ на цистерны и давильные площадки (рис. 42, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

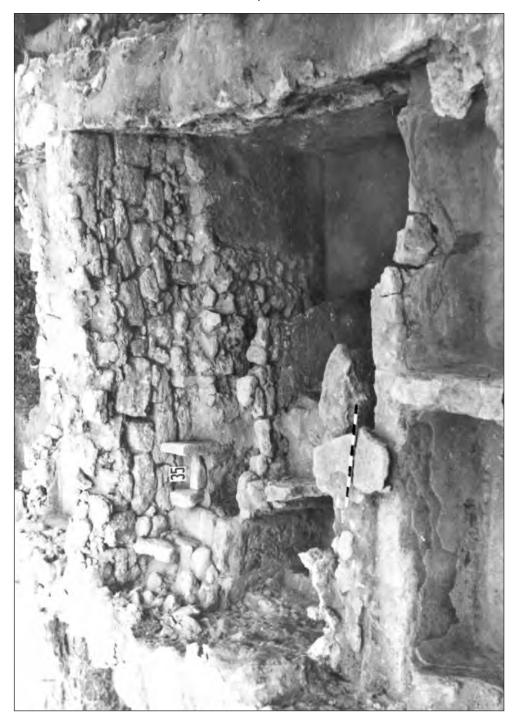

Рис. 14. Винодельня 2, вид с востока на цистерны (рис. 74, альбом Кирилина).

Рис. 15. Винодельня 2, вид с востока на давильную площадку и цистерны (рис. 83, альбом Кирилина).

21 би-xxxvii 321

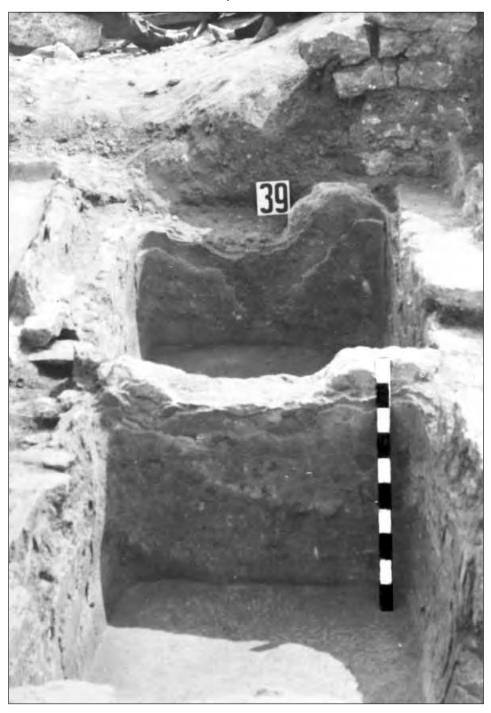

Рис. 16. Винодельня 2, вид с юга на цистерны (рис. 81, альбом Кирилина).

Рис. 17. Вымостка № 2, кв. 20, шт. 5 после расчистки (рис. 18, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

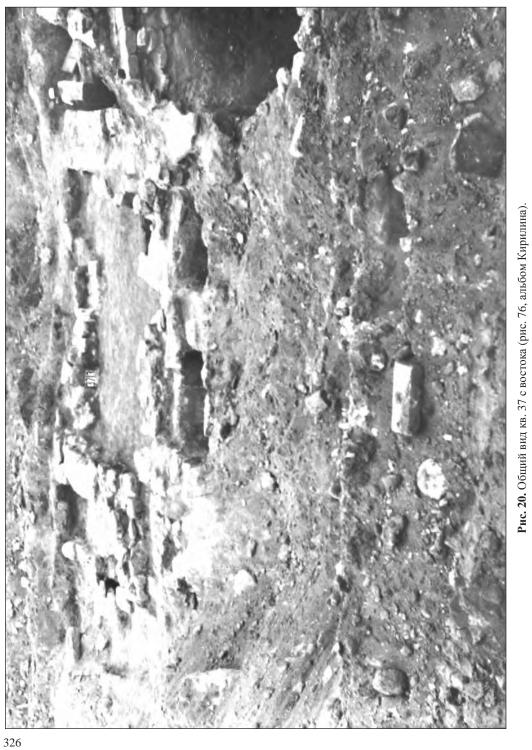
Рис. 18. Вид с юга на «зерновую» яму на вымостке 1 (рис. 49, альбом Кирилина).

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

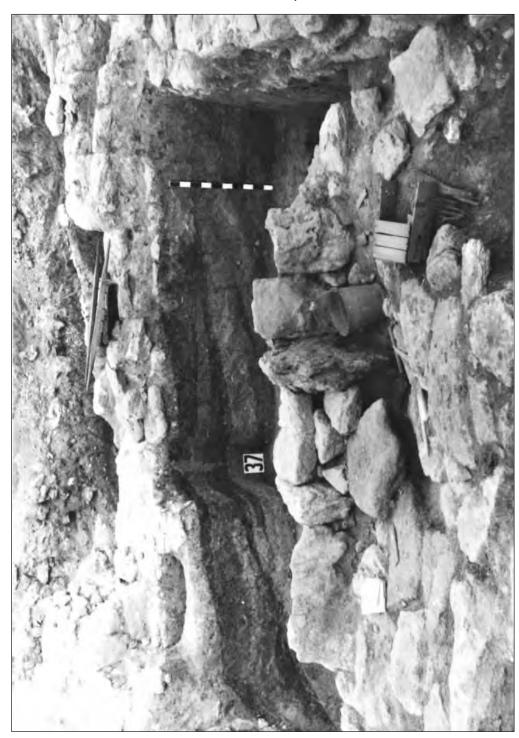

Рис. 19. Район разрушенных рыбозасолочных ванн. Горло позднебоспорской амфоры (рис. 131, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББББ</u>

<u>ыыыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 21. Кв. 37. Очаг и часть вымостки пола жилища VIII–IX вв. (рис. 78, альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББ</u>

Рис. 22. Кв. 42, часть вымостки (рис. 84, альбом Кирилина).

<u>ыыыыыыыыыыыы</u>. Боспорские исследования, вып. XXXVII

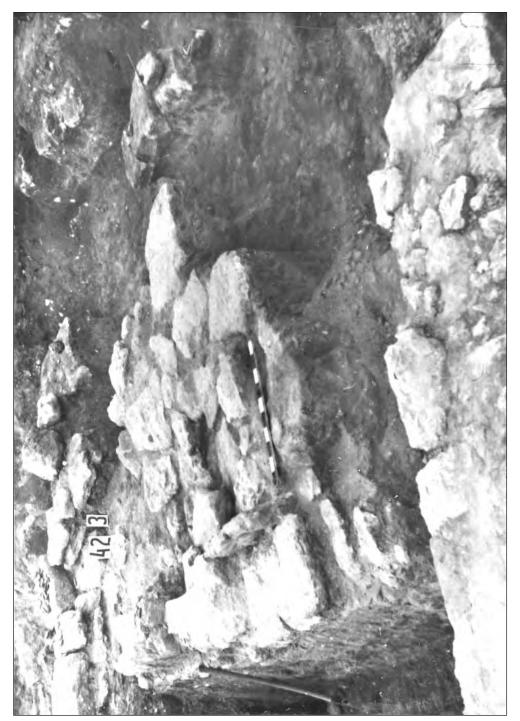

Рис. 23. Кв. 42, остатки жилища VIII-IX вв. с каменной вымосткой и очагом. Вид с ЮВ (рис. 129, Альбом Кирилина).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований... <u>БББББББББ</u>

Рис. 24. Основание салтово-маяцкой юрты в кв. 24 (рис. 130, альбом Кирилина).

<u>ыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XXXVII

Рис. 25. Горло гераклейской амфоры с клеймом (рис. 98, альбом Кирилина).

Рис. 26. Горло фасосской амфоры с клеймами на ручках (рис. 99, альбом Кирилина).

Рис. 27. Терракотовая мужская голова, кв.17 (рис. 117, альбом Кирилина).

Рис. 28. Надгробная стела (рис. 118, альбом Кирилина).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.

АГСП, 1984 – Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко,

И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков / Серия «Археология СССР с древней-

ших времен до средневековья» в 20 томах. М., 1984. 391 с.

БИ – Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.

БЧ – Боспорские чтения. Керчь. ВДИ – Вестник древней истории. ВЯ – Вопросы языкознания.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

ДБ – Древности Боспора. М.

3ООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

3ВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества.

Санкт-Петербург.

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

КБН – Корпус боспорских надписей.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

МИА
 Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.
 МИАК
 Миатериалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
 МИАСК
 Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Армавир.

МИС – Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балкан-

ского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.

НО – Надписи Ольвии. Л., 1968.НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

НЭПХ – Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РА – Российская археология. Москва.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. РГИА — Российский государственный исторический архив.

СА – Советская археология. Москва.

IOSPE I² – Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

332

<u>БЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫБЫ</u> СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Владимира Андреевича Хршановского	3
СТАТЬИ	
E.A. Молев Археанактиды – тираны, олигархи или древние правители?	17
В.Г. Лазаренко Феномен Ахиллова Дрома	28
- Н.В. Молева - Водная стихия и мореплавание в культе Афродиты в - Древней Греции и на Боспоре	56
М.В. Скржинская Боспоряне и другие иностранцы в Херсонесе (IV – I вв. до н. э.)	72
- Э.А. Терехин, Т.Н. Смекалова - Изучение античной системы размежевания земель Херсонеса - Таврического с применением данных дистанционного зондирования	87
Ю.А. Виноградов Илурат священный	103
А.М. Корженков, А.С. Ларьков, А.Н. Овсюченко, О.Ю. Соколова Следы сильных землетрясений в руинах боспорского города Нимфея	
E.B. Суханов Стандарты объема средневековых «причерноморских» амфор и возможности их изучения по фрагментированному материалу	139
Д.В. Конкин «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи	166
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>М.Ю. Вахтина</i> Склеп № 3 грунтового некрополя Порфмия	187
Н.И. Сударев, С.В. Кашаев Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный 7	197
В.А. Захаров, В.И. Лобанов, О.В. Шаров Германское погребение в Восточном Крыму. Реставрация и предварительная атрибуция находок	225
Э.А. Хайрединова Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи	246
А.А. Супренков, В.Е. Науменко, Л.Ю. Пономарев Северо-восточный участок поселения VII-X вв. Гора Чиркова 1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.)	263
ИСТОРИЯ НАУКИ	
В.Н. Зинько, А.В. Зинько Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974 г	302
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	332

CONTENTS

To the 70-th anniversary of Vladimir Andreevich Kchrshanovsky	3
ARTICLES	
Molev E.A. Archeanaktides – tyrants, oligarchy or ancient rulers?	17
Lazarenko V.G. The phenomenon of Achilles' drome	28
Moleva N.V. Water element end navigation in the cult of Aphrodite in ancient Greece and the Bosporus	56
Skrzhinskaia M.V. Bosporus citizens and other forigners in Chersonesus (IV – I cc. BC)	72
Terekhin E.A., Smekalova T.N. Taurian Chersonesos study of ancient Land boundaries using remote sensing data	87
Vinogradov Iu.A. Sacral Iluraton	103
Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Ovsyuchenko A.N., Sokolova O.Yu. Traces of strong earthquakes in ruins of the Bosporus city of Nymphaeum	111
Sukhanov E.V. Capacity standards of medieval "Pontic" Amphorae. The possibilities of capacity standards study through ceramic fragments	139
Konkin D.V. "Economics and Life": Industrial and Trading Practices in the Crimea during the First Decades after Its Reunification with Russia	166
PUBLICATION	
Vakhtina M.Iu. Crypt № 3 of Porthmion underground necropolis	187
Sudarev N.I., Kashaev S.V. Imported megarion cups from the necropolis near the settlement Vinogradnyj 7	197
Zakharov V. A. Lobanov V. I. Sharov O. V. German burial in the Eastern Crimea. Restoration and preliminary attribution of findings	225
Khairedinova E.A. Byzantine golden crosses of early medieval time from Kerch	
Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. North-eastern plot of the VIII–X centuries of Chirkov Mountains 1: economic complexes of Group 3 (on the result of exploration 2015)	263
HYSTORY	
Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. From the history of studying Tyritake: D.S. Kirilin's excavations in 1974	302
LIST OF ABBREVIATIONS	332
334	

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXVII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина* Корректор *Г.Н. Хлебникова* Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 26.10.2018 г. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 27,3. Тираж 300 экз. Заказ 1343. Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография» 298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография» 298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.